

Влад Савин

КРАСНЫЙ ТАЙФУН

Красный тайфун

Алеет восток

Война или мир

Военная фантастика
коллекция

Владислав Олегович Савин
Красный тайфун :
Красный тайфун. Алеет
восток. Война или мир
Серия «Коллекция. Военная
фантастика (АСТ)»
Серия «Морской волк
(сборники)», книга 5

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51659467

*Красный тайфун : Красный тайфун. Алеет восток. Война или мир :
сборник / Влад Савин: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-121066-3*

Аннотация

«У России часто получалось выигрывать войны, но гораздо реже удавалось выиграть мир». После Победы, случившейся в этом мире в 1944 году, прошло шесть лет. В этом мире не было Корейской войны, так как есть только одна Корея – КНДР. Но в 1950 году еще продолжается война в Китае – причем и Мао, и Чан Кай Ши, и, конечно, США, точат зубы

на Советскую Маньчжурию. Здесь не успели вырасти атомные грибы над Хиросимой и Нагасаки – и первые атомные бомбы будут сброшены на Китай. Вот только у СССР есть чем достойно ответить!

Содержание

Красный тайфун	5
Конец ознакомительного фрагмента.	461

Влад Савин

Красный тайфун:

Красный тайфун. Алеет восток. Война или мир

Красный тайфун

Благодарю за помощь:

Толстого Владислава Игоревича, Сухорукова Андрея, Шопина Василия. А также читателей форума Самиздат под никами Old_Kaa, otikron, HeleneS, Библиотекарь и других – без советов которых, очень может быть, не было бы книги. И конечно же, Бориса Александровича Царегородцева, задавшего основную идею сюжета и героев романа.

Отдельная благодарность глубоко уважаемому Н. Ш.

Также благодарю и посвящаю эту книгу своей жене Татьяне и дочери Наталье, которые не только терпимо относятся к моему занятию, но и помогают, чем могут.

Лазарев Михаил Петрович.

Из ненаписанных мемуаров

Политика – это продолжение войны иными средствами?

Или война – это продолжение политики, как там классик сказал?

И мы, русские, Советский Союз, только что победили в самой страшной войне, какую вообще когда-либо знало человечество – во Второй мировой. Исход которой, при всем уважении к союзникам, решался вовсе не в песках Эль-Аламейна, не на пляжах Нормандии и не в джунглях Гуадаканала.

Пройдет пятьдесят, шестьдесят, семьдесят лет – и нас будут называть рабами сталинского режима. И требовать покаяться перед человечеством неведомо в каких грехах. Так будут говорить те, кто сами не жили в то время, но считали правдой собственные страшилки про «заваливание трупами», про «геройские штрафбаты», про заградотряды, стреляющие по своим, при пятьсот миллионов изнасилованных немцев. Нет, сталинский СССР не был раем на земле – он был всего лишь страной, вынесшей самую страшную войну, победив и не сломавшись.

И когда мы, в 2012 году, выйдя в поход в Баренцевом море, пока неведомым науке способом провалились в 1942 год, у нас не было сомнений, чью сторону принять.

Теперь нам предстоит выиграть мир – здесь, в 1945-м. Прошло уже три года, как мы сюда попали – экипаж атомной подводной лодки К-119 «Воронеж» и приданная ей на тот поход группа подводного спецназа СФ. И мы, привыкнув, уже не стремимся домой. Поскольку есть шанс, что здесь у

СССР выйдет то, что не удалось там.

Выиграв войну – выиграть и последующий мир. У нас ведь, сырых и убогих, принято, что война – это как Отечественная: мобилизация, страна как единый лагерь, и всё для фронта, всё для победы! В то время как цивилизованный Запад считает, что война обязана быть гуманной, быстрой и легкой, без моря крови и грязных окопов – в идеале, чтобы свое население про нее и не слышало, это дело профессионалов! Сражения слишком дорого обходятся – Бушу-старшему победа «Бури в пустыне» после стоила президентства, избиратели не простили ему снижения социальных программ из-за военных расходов. А потому по-новому война должна начинаться еще до собственно войны, разложением противника изнутри, всеми мерами – экономическими, пропагандистскими, психологическими. Ослаблять его системные целостности «государство», «общество», «нация», вызывать распад на отдельные, несвязанные и даже враждующие друг с другом элементы – посредством сепаратизма, национальной и религиозной вражды, недоверия к власти, поощрения собственнических шкурных интересов. После чего – ввод миротворческого контингента, обеспечивающего порядок; причем это развитие событий (наведение хоть какого-то порядка) приветствуется значительной частью населения побежденной страны (Югославия). Или же – «блицкриг» против заведомо ослабленного и дезорганизованного противника, при минимальных своих потерях (Ирак).

Это даже больше характерно для конкуренции, чем для военного искусства. Разорение корпорации, как правило, не означает физического уничтожения ни имущества, ни людей; мишенью является системная целостность, которая разрушается самыми разными способами, включая и прямые гангстерские, но не замыкаясь исключительно на них. А методы разрушения противника изнутри – это та же технология рекламы в военных целях. И совершенно справедливо утверждение Лиддел Гарта о современном нашествии в армию и штабы «штатских генералов», при погонах сохраняющих мышление и психологию гражданских политиков. Что лишний раз подтверждает тезис Маркса о том, что война несет на себе неприменный отпечаток господствующей в обществе политической культуры.

Вот только эта стратегия вовсе не «новая». Попался мне уже в этом времени номер «Военного вестника». Где была весьма интересная статья про малоизвестную у нас войну в Марокко в начале двадцатых. Которая тогда для Франции и Испании сыграла ту же роль, что для нас – Афган. Ну до чего все узнаваемо – половина армии сидит по «блокпостам», боясь высунуть нос за ограду, вторая половина героически проталкивает ей конвои со снабжением, а партизаны полностью владеют «зеленкой». Чем больше контролируемая территория, тем больше нужно блокпостов, тем труднее их снабжать – замкнутый круг. Бесполезные попытки воевать с партизанами по фронтовой привычке, используя танки и тяже-

люю артиллерию, приводят лишь к трате боеприпасов. Единственный выход – создание небольших маневренных групп, но хорошо обученных и обеспеченных связью (аналог позднейшего спецназа!).

Написана хорошим языком, вполне даже для начала двадцать первого века. Вот только автор – М. В. Фрунзе, 1925 год! Кстати, любопытно, откуда были известны многие мелкие подробности – имена, детали боестолкновений? Не иначе были среди повстанцев «товарищи ли си цыны» из Коминтерна? Но там после еще общие выводы есть – на тему, как англо-французские колонизаторы за сравнительно короткое время в конце XIX – начале XX века покорили огромные территории, при вполне приемлемых затратах – не было ни надрыва экономики, ни потока гробов?

Сначала шли миссионеры. Возможно даже, искренне считающие себя друзьями местного населения – как сегодня улыбчивые американцы, везущие гуманитарную помощь в бедную голодающую Албанию, или Эфиопию, или даже Россию. Но их личное отношение ничего не решало. Задачей этого предпервого эшелона вторжения, говоря по-военному, разведгрупп, кроме сбора информации, был первый, культурный удар. Сказать дикарям, что они дикари – а где-то за морем есть цивилизованные страны, где бусы и зеркальца задешево продаются на каждом углу, а пустые консервные банки валяются на улицах. Что вы – бедные и убогие, до белого человека вам еще пахать и пахать...

Затем приходили торговцы. Везли товар, часто очень нужный и полезный. Железные плуги и лопаты – отчего, прямо по Марксу, развивались собственнические отношения. Но чаще – предметы роскоши, вроде бижутерии и тканей. Добывались расположения, прежде всего, местной элиты. Очень скоро становились этой элите необходимыми. Пока еще смиренно просили – в обмен на очередную партию бус или иного ширпотреба – участок земли для фактории. Это был – уже первый эшелон: штурмовые группы, закрепляющиеся на вражеском берегу.

Следующая стадия – наращивание сил на плацдармах. Торговцы множились, прибирали к рукам местный товарооборот и прочую экономику. Переходили, по Марксу, «от вывоза товаров к вывозу капитала» – концессии, плантации и рудники, даже железные дороги, короче – «свободные экономические зоны». Для охраны – военные базы на чужой территории (обычно порты или удобные бухты). Здесь уже появлялись солдаты, поначалу – в составе очень ограниченного контингента; однако в любой день сюда мог уже войти флот с десантом. Дальнейшее подчинение местной элиты – уже до создания в ней «иностранной» партии верных прихвостней. Сделать все, чтобы эта партия стала правящей – всеми мерами, включая открытый бандитизм, причем вся грязная работа – руками местных кадров, от белых господ – лишь деньги и оружие.

Доходило даже до организации вооруженных народных

возмущений против отсталых феодально-реакционных правителей, под флагом «эгалите, либерте». Правда – лишь против тех правителей, кто был неугоден.

Наконец, кто-то говорил пришельцам «нет». Жадность становилась чрезмерной, или нельзя уже было оставаться в рамках: например, рудник можно построить, а железную дорогу к нему – уже нет, землю не отдавали. Или – ради получения прибыли требовалось нарушить какую-то из сильных местных традиций. Тогда наступало время следующего действия: государственный переворот вместе с войной. Среди элиты находился наиболее продажный. Если это был сам Вождь, султан или эмир – все очень упрощалось. Если нет – задачей было столкнуть своего претендента и законного Вождя, благо еще от миссионеров было хорошо известно, кто кого не любит и за что. Если были еще недовольные – стравливали их между собой. Если выбранный вождь бунтовал – подбирали другого. Воинству претендента подбрасывали оружие, посылали инструкторов и подкрепляли своими войсками. Однако эти войска ни в коем случае не должны были стоять в первых рядах сражения. Мы не агрессоры – мы миротворцы в ГРАЖДАНСКОЙ войне. *«А теперь, грязные голые дикари, пора становиться нашими подданными».*

И не обязательно после – оккупировать страну, наводить ее своими солдатами и чиновниками. В стране, на всех картах отмеченной как французская или британская колония, народ в провинции мог вовсе не видеть чужих мунди-

ров. Не только прежняя местная администрация или племенные старейшины остаются на своих местах – даже глава государства, эмир или султан, номинально числится главой. Правда, сам он хорошо знает, что при малейшем неповиновении белые господа тотчас найдут другого претендента, и остальные местные во власти – тоже не более чем пешки. Пешки, однако, необходимы: **ГЛАВНАЯ ФУНКЦИЯ МЕСТНОЙ ЗНАТИ – ОБЪЯСНЯТЬ НАСЕЛЕНИЮ НЕОБХОДИМОСТЬ УПЛАТЫ НАЛОГОВ.** Самое гнусное – что, как правило, эта знать служила хозяевам не за твердое жалование, а за «излишки налоговых поступлений». Предполагалось, что народ будет спокойнее, если грабить его будет не чужой солдат, а собственный старейшина. Армия, кстати, тоже сохраняется – как вспомогательные туземные полицейские части, под командой и строгим надзором белых офицеров. Перевооруженные европейскими винтовками, – но патроны к ним надо покупать у белых господ, так что не побунтуешь!

Дальше – цивилизация, глобализация. Хотя второго слова тогда еще не было, но суть та же. В стране мир и порядок, работают плантации, рудники, железные дороги и порты. Добывают и везут в метрополию сырье, в обмен на бусы или чего-там-еще для личного потребления. Те, кому повезло – работают на новых заводах и рудниках, за гроши, на которые никогда не согласился бы белый. Эта «экономически оправданная часть населения», как сказала какая-то шваль в

моем времени, насчитав в России этой категории *«не больше 20 миллионов»*. Прочему же населению дозволено жить или помирать, как ему угодно. *«...наряду с новыми фабриками, заводами, нарядными европейского вида городами, на каждом шагу – картины невероятной нищеты и упадка, какого никогда раньше не знало Марокко. Улицы покрыты тысячами нищих, в жалких лохмотьях, влачащих самое жалкое существование, и это число безработных и нищих растет с каждым новым успехом французского оружия. Самая дикая, возмутительная, массовая пролетаризация, вернее – пауперизация страны»*.

Но это уже – не белых людей проблемы. Главное – порядок и покой. И не надо без нужды заливать страну кровью, это нерационально и просто дурной тон. *«Никакой выжженной земли. Нам нужны подданные, а не трупы. Силу применять лишь в необходимой для усмирения мере»*. Террор не то что не нужен, но становится «высокоточным оружием»: против какой-то отдельной группы, сословия, народности; даже «гуманизм» здесь – это «пряник», который в паре с кнутом, чтобы поощрять сдающихся. Зачем нести ответственность за непопулярные меры, и посылать собственных солдат разбираться с недовольными? Легче и лучше – свалить все на местных.

Кстати, то восстание риффов в Марокко французы подавили, весьма широко применяя дипломатию – сглаживая между собой местные племена. Белые солдаты обычно вступали уже на завершающем этапе. При том что через Марокко

прошли практически все дивизии французской армии мирного времени (по полку, по батальону от каждой). По поводу чего товарищ Фрунзе заметил, что эта привычка, полезная против повстанцев, после очень помешает французским военачальникам в большой войне, если таковая случится (и ведь как в воду глядел!). Хотя отдельные тактические моменты были очень интересны – так, там впервые в мире танки высаживали с десантных судов (испанцы, при операциях в прибрежном районе). Или первый испанский авианосец «Дедало» – переоборудованный «купец», с которого летали (на нем базируясь) воздушные шары, дирижабли полужесткой схемы, гидросамолеты (наиболее активно), а под конец проводились опыты с сухопутными самолетами (неудачные, палуба была слишком короткой) и автожирами испанского же конструктора Сиервы – причем этот корабль в ту войну с повстанцами использовался весьма активно, оказал реальную помощь своим войскам, так что высокое звание авианосца (без кавычек) вполне заслужил!

Но существенно – что для США и НАТО двадцать первого века весь прочий мир это как колонии для Англии и Франции века девятнадцатого. Раз они всерьез берут за основу ту стратегию, против заведомо слабейшего противника и к тому же жертвы, не владеющей инициативой. Или у них уже мышление такое – помните эпизод из их киносказки про звездные войны, «силы равные – бежим»?

Ну а у нас так не получалось. Поскольку, как однажды из-

рек Юрка Смоленцев «Брюс», (в 2012 году старлей подводного спецназа СФ, а здесь уже майор и дважды Герой) – «когда Россия была к войне готова, не находилось дураков и самоубийц на нее нападать». Так что у нас что зима, что война, обычно начинались внезапно. Ну а когда мы разозлимся – не взыщите! «Если кто-то, воспользовавшись временной слабостью нашей Родины, сумеет урвать у нас кусок – пусть знает, что рано или поздно мы придем и вырвем проглоченное вместе с брюхом агрессора» – это уже здесь наш командир корпуса на Сахалине сказал, перед началом нашего наступления, так в газету и попало. И ведь сдержал слово – нет больше японского Карафута, свидетельства унижения царской России сорок лет назад, есть единый советский Сахалин, и кто попробует отнять, своей кровью умоется!

Впрочем, за сухопутные войска ни у меня, ни, смею думать, у товарища Сталина беспокойства не было. После фрицев – японцы на суше нам не соперники. Но вот японский флот пока еще представлял грозную силу, в той версии истории побежденную американцами – не нами! А в этой реальности – мы сами плату возьмем, не только за Порт-Артур, но и за Цусиму!

Сегодня 22 июня 1945 года. Четыре года назад, как началось. И год с гаком, как завершилось в Европе, в этой реальности капитуляцию немцы подписали тоже 9 мая, но сорок четвертого¹. А тут, на Дальнем Востоке, война началась 3

¹ О ходе измененной истории см. предыдущие книги цикла.

июня. Сейчас в Маньчжурии уже завершается, остатки Квантунской армии загнали в Порт-Артур (вот только хрен вам, долгая героическая оборона!). Наши наступают в Корею, в порту Вонсан высажен десант. Сахалин уже наш, как я сказал. Бои на южных островах Курильской гряды – северные, Шумшу и Парамушир, взяли еще в первые дни наступления, дальше по очереди.

Японцы еще пытаются сопротивляться. Резко активизировалась японская авиация над проливом Лаперуза и островами Кунашир, Итуруп – причем в воздухе были замечены ФВ-190 (а не Ки-84, которые часто принимали за них), впервые за войну! Раков воспринял эту попытку японцев перехватить инициативу как личное оскорбление – мы превосходили числом, качеством техники и подготовкой пилотов, но японские аэродромы были ближе, а потому самураи могли позволить себе большую боевую нагрузку, число вылетов в день. Была битва крейсеров у Сахалина – самураям досталось, но и у нас потери тяжелые! – сыграла роль «генеральной репетиции» предстоящего большого сражения. В штабе флота должный тонус и настрой, куда меньше нервозности, нормальная рабочая атмосфера. А Зозуля даже был рад проверить в реальности кое-какие свои наработки. Ну а я, хотя старался не показывать, волновался, как курсант перед сдачей экзамена. В какой академии готовят командующих флотами?

У японцев здесь – Флот. Пять линкоров, шесть авианос-

цев, десяток крейсеров, до полусотни эсминцев. Против нашего ТОФ превосходство в разы. И пока эта сила не брошена на весы – победа под вопросом. Мы уже сделали свой ход, свой выстрел, захватывая острова, – а противник еще нет. И нет у меня под рукой «Воронежа», атомарины из будущего, способной в одиночку помножить на ноль даже такой, пока еще третий по силе флот мира.

Есть сильная авиация. Четыре минно-торпедные авиадивизии – две на Сахалине, две в Приморье. Две дивизии пикирующих бомбардировщиков, десять полков носителей КАБ, четыре дивизии истребителей, и свыше десятка отдельных полков. А если самураи близко к берегу сунутся, то и штурмовики пойдут в бой, еще четыре дивизии и шесть отдельных полков – особенность Тихоокеанского театра, что тут по огромной территории разбросаны аэродромы, где сидят именно отдельные части, мало здесь крупных авиаузлов. Как на Балтике, поработают Ил-2 на подавление ПВО кораблей, торпедоносцам дорогу расчищать. Ну и разведчики, это первое дело. И спасатели, не последнее – с появлением дальних и высотных «хейнкелей» почти все гидросамолеты «каталина» перешли из воздушной разведки в этот разряд, мы же не японцы, своих сбитых не бросаем в море геройски умирать!

Подводные лодки. Вся дюжина «двадцать первых» немок – причем дивизион, Н-2, Н-4, Н-7, Н-8, Н-9, Н-11 успел прибыть в нашу оперативную зону, форсировав пролив Лаперуза без потерь, привел сам Видяев. Второй дивизион,

также шесть единиц, развернулся завесой у Южно-Курильской гряды, там же и четыре «Катюши ПЛЮ» бывшего котельниковского дивизиона, ну это уже зона не ТОФ, а СТОФ (Северо-Тихоокеанской флотилии). В Японском море восемь «ленинцев», и двадцать две «щуки» (хотя от этих я больших успехов не ждал, помня о «подвигах» Придатко со злополучной Щ-139). Ну а «малютки» выпихнули в ближнюю завесу вдоль своего побережья (включая и освобожденную корейскую территорию), просто по принципу «а вдруг». Головной болью для штаба было исключить случаи «своя своих не познаша», и потому авиации было категорически запрещено атаковать любые лодки без особого на то приказа в каждом конкретном случае. Считая, что наших лодок на ограниченной по тихоокеанским меркам территории болталось аж восемь десятков, а у японцев во всем Императорском Флоте было почти вдвое меньше, и большинство их было занято в южных морях.

И две бригады торпедных катеров. Владивостокская – «шнелльботы», Камчатская – ленд-лизовские. Первая полностью обеспечена торпедами с СН, во второй с этим хуже, но тоже есть! Причем десять единиц «владивостокских» перевооружены под крупнокалиберных дальнеходных «японков». И уже есть опыт их боевого применения (бой близ Юки, 13 июня).

А главное, по замыслу моему и Зозули, все эти разнообразные силы должны работать, как единая сеть, под общим

управлением.

21 июня наш воздушный разведчик Пе-8 обнаружил в море японскую эскадру, в составе два линкора, два авианосца, больше двадцати кораблей прочих классов. Два линкора, тип «Исе», на каждом по двенадцать 14-дюймовых орудий. Идут вдоль восточного побережья Хоккайдо, на север – решили все же помочь своим гарнизонам на Курилах, наши уже успешно выбивают самураев с острова Уруп.

Приказываю коменданту – организовать отдых и питание прямо тут, в штабе. Поскольку, в отличие от дежурного по британскому Адмиралтейству, ушедшего домой спать во время Ютландского сражения, я намерен оставаться на боевом посту, пока битва не завершится, – и все штабные со мной, чтобы поняли, перекусить в рабочем порядке за соседним столом, соснуть часок в соседней комнате на диване – нормальный регламент в походе на атомарине, при выполнении боевой задачи. Вижу, все поняли и прониклись. Командир всегда прав! А если неправ – смотри пункт первый.

Это не самодурство – выслушать подчиненных ты обязан! Речь идет лишь о том, что все должны быть уверены: ситуация под контролем, идет по задуманному тобой плану. И ни в коем случае не видеть твоей растерянности, неуверенности, сомнений. Иначе – ничего хорошего! Как в реальном морском анекдоте – трансатлантический лайнер, не «Титаник», но типа того, примерно в то же время. Капитан входит в салон первого класса, чтобы предупредить пассажиров о шлю-

почных учениях – дело нужное, чтоб каждый знал, в случае чего, куда ему бежать. Может, он был отличным моряком, этот капитан, но паршивым психологом: это каким местом надо было думать, чтобы, потребовав внимания, начать свою речь словами: господа, прошу, только без паники. А теперь представьте, что после началось!

Положим, мой штаб паниковать не будет – Зозуля с Роговым тут всех построили, вбивая в головы, что можно, а что нельзя. Но какое первое следствие сомнения в мудрости начальства – правильно: «не спеши выполнять приказ, его могут и отменить». Будут исполнять без старания, спустя рукава, что в иной ситуации равнозначно прямому саботажу! Это ведь пока они, офицеры, кто смотрят на меня в ожидании приказаний, уверены – у меня есть план, и все будет хорошо. А сам я в этом не уверен. Все же японцы – очень серьезный противник на море, в эту войну! И выходят на меня не парой крейсеров, а главными силами!

Так, если японцы идут к Урупу, то курс их проляжет мимо завесы наших подлодок. Метод «опускающейся завесы», когда лодки развернуты строем не поперек предполагаемого курса противника, а вдоль – и выдвигаются на перехват, по данным воздушной разведки. Требуется хорошей работы штаба и четкого взаимодействия с авиацией – зато позволяет последовательно задействовать все силы. А там лучший дивизион из бригады Котельникова – Н-3, Н-5, Н-10, Н-13, ну, акулы белые, не подведите!

Не подвели! Пустили японцам первую кровь! Лодка Н-5, по данным авиаразведки, обнаружила «северное» соединение и успешно вышла в атаку, еще ночью на 22 июня. Может быть, самураи и знали в теории характеристики немецких «тип XXI», – но вот практических навыков борьбы с ними не было, все приемы ПЛО были «заточены» под американцев, не способных ни совершить бросок к цели на 16 узлах, ни нырнуть на двести метров. После атаки, уже утром 22 июня, лодка всплыла под перископ, и, выставив антенну (столь же полезное устройство, как шнорхель!), отправила кодированное донесение, принятое и расшифрованное в штабе флота, связь обеспечивал самолет-ретранслятор, дежуривший над районом на большой высоте. Состав японской эскадры (два линкора, два авианосца, большой и поменьше, еще свыше десятка вымпелов), курс и скорость в момент обнаружения, атака в 23.08, шесть торпед с СН, четыре попадания в малый авианосец (в приказе по флоту я назвал авианосцы более приоритетными целями, чем линкоры), японцы ушли курсом норд-ост (одним лишь шумопеленгатором на большом расстоянии трудно определить точно). Воздушная разведка подтвердила – затонул авианосец тип «Чито-зе» (после было установлено, «Чийода» – 15 000 т, 30 самолетов, примерно равноценен американским «индепенденсам»). Интересно, что самураи даже не пытались организовать охоту за лодкой, а поспешили отойти на максимальном ходу! Неужели наш предвоенный блеф с «Полярным Ужа-

сом» в Петропавловске-Камчатском оказался удачным?

Интенсивные воздушные бои над проливом Лаперуза и Южным Сахалином. Пока, согласно донесениям, у нас перевес, все же Ла-11, Як-9УД и Та-152 это уже самолеты послевоенного поколения, в сравнении даже с Ки-84, и подготовлены наши летуны лучше, и опыт больший имеют, и тактику наработали совершенную. Но японцы упрямы, этого у них не отнимешь – несут потери, но пытаются наносить удары даже не по позициям наших войск, а по аэродромам! Или связать боем нашу авиацию, чтобы не могла вмешаться на морском направлении.

Ну вот, в 16.20 – обнаружены главные силы японского флота. Квадрат... это по карте, координаты 38 с. ш., 137 в. д. – три больших авианосца, два линкора класса «Ямато», до тридцати кораблей других классов. Курс 260, ход 24 узла – к Корее? Хотя уже темнота недалеко – таким ходом могут наутро оказаться где угодно! Раков чертыхается – на час бы раньше обнаружили! Искренне ему сочувствую – ну нет пока спутниковой разведки, и самолетные радары сильно хуже, чем в 2012 году! Но воевать-то надо?

Экстренный план был заранее разработан. Представляю, что творится на аэродромах, где спешно готовят самолеты к вылету, и в штабах, где тасуют, отодвигая, прежние боевые задачи! Пикировщикам далековато – а вот «дорнье» с управляемыми бомбами как раз достанут! И истребители – для Ла-11 на пределе, но хватит, чтобы прикрыть!

На два полка бомберов – четыре истребителей! И еще один, на «яках», прикроет на отходе, отсечет японцев, если будут преследовать. По «Китаками» в Маоке работали половиной этого, и по донесениям, всего два попадания, в разы хуже, чем на ладожском полигоне, как бы кто-то ни бахвалился – ну, в боевой обстановке всегда так! Но даже если положат в японские палубы хотя бы четыре бомбы, всем скопом – и то хлеб!

А вот с лодками хуже! Обжегшись на молоке – дуешь на воду: все шесть «немок» развернуты гораздо севернее, начиная от пролива Лаперуза и до 44-й параллели! Итого, до возможного места боя им от трехсот до четырехсот миль! Придется «ленинцам» и «щукам» главную роль сыграть – что ж, ваш черед за Отечество гибнуть, и если у вас уровень подготовки недостаточный еще, ничего не поделать, надо! Хотя вроде бы за последние месяцы сумели его и подтянуть – но до североморцев далеко! И не сравнятся «щуки» довоенной постройки, и даже модернизации не прошедшие – с «двадцать первыми»! Но ведь и японцы – не англичане, у них ПЛО послабее?

Разведчик (высотный «хейнкель») исправно сообщает о месте, курсе и скорости японцев. Его уже пытались отогнать – 100-мм пушки на «Тайхо» и новых эсминцах ПВО имеют достаточную досягаемость по высоте, и вполне приличную СУО. Но продержись еще хотя бы час – а уж после ордена всему экипажу, если живы останетесь... да и посмертно то-

же, если что. Наши уже взлетели, идут к цели! Сто двадцать два истребителя и пятьдесят четыре «дорнье».

И самолет РЭБ. Идет выше, и впереди – хрен японцы что-то на радарх увидят! Чтоб подготовиться не успели, увидели нас лишь за минуты до собственно атаки! Не могут же они держать в воздухе полк истребителей, ну а дежурное звено или даже эскадрилью наше прикрытие сметет, – и пока остальные взлетят, наберут высоту, бомбардировщики уже будут на боевом курсе. А после – как карта ляжет и насколько управляемые бомбы окажутся эффективны. Это все же не мишени бомбить, и даже не одиночный неподвижный корабль в порту, как «Китаками» в Маоке!

Смотрю на часы. Раков рядом, нервничает не меньше, – наверное, ему легче было бы самому там, в кабине. Ну вот, радио, одно слово, «варяг» – значит, начали атаку! Понятно, всех не выбьют, не перетопят, но хотя бы одного-двух? Три больших авианосца – даже если самураи нагрузили сверх меры, взяли по девяносто самолетов на каждый, и истребителей не треть, как обычно, а половина, то с нашим прикрытием силы практически равные! А вот зенитный огонь опасен – КАБы можно и с десяти километров высоты бросать, но лучше с пяти-шести, больше вероятность попадания. И бомбить поэскадрильно – чтобы операторы наведения свои бомбы различали, там трассеры разных цветов, у каждого в девятке свой. Девятка работает по одной цели, итого обрабатывают всех, даже с резервом, если там три авианосца, два

линкора. И отвернут японцы зализывать раны... нет, судя по командиру «Миоко», они упертые, даже в битости пойдут до конца. А второй вылет до темноты мы организовать уже не успеем!

Есть! Доклад с разведчика: три попадания, шесть близких разрывов (это, как Раков объяснил, когда круг от взрыва на воде касается борта корабля). Причем два попадания – в одну цель, авианосец! Одно – в линкор. Очень сильный зенитный огонь. Интенсивный воздушный бой, у нас потери, у японцев тоже. Наши отходят, японцы пытаются преследовать. Что ж, скоро узнаем подробнее – фотоконтроль был на всех.

Авианосец потерял ход, горит. У нас сбито (считая не дотянувшие до берега) семь бомбардировщиков и девять истребителей. Причем четырех «дорнье» самураи свалили тараном. Японцы потеряли (согласно докладам пилотов) не меньше полусотни истребителей (цифра еще уточняется). Что ж, считай, мы их истребительные эскадрильи убавили на треть! Спасатели, уже дежурившие над морем на полпути, успели до темноты найти, сесть и подобрать один экипаж До-217 и четырех пилотов истребителей. И где-то в море должны быть как минимум еще один экипаж с бомбера и два «Лавочкина» – не вернулись домой, но падения их в районе цели никто не видел.

Но японцы не свернули с курса. Идут по-прежнему на запад!

И темнота. Пока не поздно, надо повернуть конвой, идущий на Вонсана, со вторым эшелоном десанта, – а то как раз под раздачу попадет! И обратный, порожний – или он успеет до нашего побережья дойти, у Посъета, туда японцы не сунутся, там и береговые батареи, и Владивосток уже не слишком далеко.

И по расчету, с рассветом выйти из зоны действия нашей авиации, самураи никак не успеют! При том, что мы их ночью не потеряем – разведчики с локаторами будут постоянно висеть, друг друга меняя. Так что сражение лишь начинается! При том, что у берега развернута завеса «щук», хотя на них надежды и мало, но вдруг повезет?

*Японское море,
22 июня 1945 года*

Подводные лодки шли на юг. У Курильских островов уже шло сражение, наши схлестнулись с японской эскадрой и кого-то уже потопили. А тут шесть новейших лодок, тип Н, они же «тип XXI», пока еще немецкой постройки, – но Видяев, стоящий сейчас на мостике Н-4, отлично помнил, какие красавицы уже спущены на Севмаше, 613-й проект, вобравший в себя все достоинства «немок» без их недостатков, – спешили к берегам Кореи. Снявшись с прежней позиции, завесой на широте пролива Лаперуза – за неделю не встретили ни одного японца! И вот самураи снова сунулись в наше море – успеем ли мы их перехватить? Лодки шли на юг, не вместе,

но воедино – расстояние между соседними составляло двадцать-тридцать миль.

Капитан 2-го ранга Федор Видяев (волею случая оказавшийся одним из посвященных в Тайну, еще тогда, в 1942-м) знал, что в иной истории он должен был погибнуть еще два года назад – и потому верил, что теперь ему суждено жить долго, раз он сумел обмануть смерть, подергать ее за усы. Еще был рад, что здесь ему довелось увидеть нашу Победу, и что ему всего тридцать три года, и обещано командирство первой построенной здесь атомариной, лет через пять – ведь сам Лазарев сказал, что «вы, Федор Алексеевич, из уроженцев этого времени, самый сведущий человек в тактике атомных подлодок» – признал это после того, как он, Видяев, дважды выходил на «Воронеже» в боевые походы и еще раз пять на полигон.

«Так что, считайте себя пока в командирской стажировке. Набирайтесь опыта – а после мы вас призовем».

Опыт, это да, нужен. Единственное, что вызывало у Видяева легкое недовольство, после знакомства с биографией себя там – что в иной истории Щ-422 под его командованием успела одержать одиннадцать побед до того, последнего похода в июле сорок третьего. Здесь же лодка со всем экипажем после той памятной встречи в Карском море и совместной охоты на «Шеер»² была полностью отстранена от боевой деятельности – секретность, блин! Правда, дальнейшая жизнь

² Смотри «Морской Волк».

экипажа тоже была очень интересной, когда «щуку» поставили к стенке Севмаша и дооборудовали всякими техническими новшествами, подсмотренными у потомков. И теоретическая подготовка была под стать инженерной, а тренировки с компьютерным моделированием реального боя это вообще чудо! – но вот в зоне боевых действий после пришлось побывать лишь единожды, когда перегоняли из Нарвика захваченную там U-1506, она же сейчас Н-1³, и всё! А собственно боевого опыта и числа побед не доставало! За Лазаревым, конечно, не угнаться, – но хотя бы десяток, а то сам себя уважать перестаешь! Особенно когда под твоим началом, как комдива, ходят «зубры» балтийского подплава, воевавшие, когда ты у заводской стенки стоял.

Видяев знал, как шла война на Дальнем Востоке в той истории. И воспринимал как личное оскорбление тот факт, что на море японских агрессоров разбили не мы, так и не отмстив самураям за Цусиму, адмирала Макарова и крейсер «Варяг». Зато теперь – какие корабли и люди против нас: «Ямато» и «Тайхо», Одзава и Нагумо, цвет и легенда японского флота, который в сорок первом – сорок втором прокатился тайфуном по половине Тихого океана! На нас целей хватит – а то «Мусаси» потопили у Филиппин, «Дзуйкаку», побитый у Сайпана, был потоплен американской подлодкой в марте, когда после ремонта в Метрополии спешил на юг, «Синано», хотя и не в первом выходе, тоже попал под тор-

³ Смотри «Северный гамбит».

педы, и был добит авиацией, что там у японцев в Сингапуре осталось? Если главные силы их Флота – здесь! Мы их и потопим!

Ну а последующий жизненный путь у Видяева никаких сомнений не вызывал – служить Отечеству, как подобает военному моряку. Защищать интересы СССР на морском фронте от любого врага, на которого партия и товарищ Сталин укажут. А уж Родина тебе по справедливости воздаст, и заслуги отметит, и семье не даст пропасть, если что. Мы же не наемники, как у капиталистов. Хотя и там идейные попадают – как герр Байрфилд, с которым вместе с Балтики шли, от города Бремен, где на верфи «Дешимаг» балтийские экипажи принимали новенькие «двадцать первые», ну а «семерки»-минзаги после подтянулись. Так этот фриц прямо сказал:

– Я присягал не фюреру, а Германии. И буду ей служить, как бы она ни называлась, хоть Фольксреспублик. Всегда мечтал помереть адмиралом. И к тому же мой дом и моя семья здесь.

А мы что, хуже немчуры? В Совгавани слышал – тут, на ТОФ, какой-то летеха свою лодку сам подорвал, в бой идти не желая, тьфу, погань, к стенке за такое, и правильно! За нашими спинами отсиживались, пока мы воевали, а сами элементарного не умеют! Когда Котельников в мае, уже после отлета Лазарева с Камчатки, формируя бригаду, инспектировал, что за наследство ему досталось (это про дивизион

«щукарей»), то просто за голову схватился, уровень по меркам СФ ну ни в какие ворота! После учений в море просто сказал:

– Вы, главное, у нас под ногами не путайтесь, чтоб ненапроком не потопили! А с японцами мы как-нибудь справимся и сами.

Хотя – что требовать с такого старья? «Щуки» самых первых серий, даже не Х-бис, как моя Щ-422, а V и V-бис, почти десятилетием раньше! И изношены уже, гоняли их тут нещадно еще до войны, а с ремонтом и техобслуживанием было куда хуже, чем на Балтике, и экипажи далеко не гвардейцы, ни выучкой, ни боевым духом. «Ленинцы» хоть чуть новее и модернизацию прошли, – а до «щук» и руки не доходили, и ресурсов не хватало. Ничего – там с самураями справились, сумеем и здесь!

– Пеленг 250, подводная лодка под моторами! – доклад акустика. – Дистанция двадцать, по оценке слышимости.

В это время, в двух милях к вест-зюйд-весту, командир лодки Щ-108 прилип к перископу, кляня «японца», так некстати сменившего курс. Впервые выходя в реальную атаку, он страстно хотел победы. Во славу Родины и Сталина, – а то особисты уже душу вынули из всего экипажа, выясняя, кто был дружен с изменником, диверсантом и японским шпионом со злополучной Щ-139 или с кем-то из той команды, кто и как часто бывал там на борту, слышал об ан-

тисоветских разговорах, и если да, то отчего не доложил? И смотрели уже, как на врагов народа – так, что даже не знаешь, выйдешь ты с того допроса или уже в тюрьму? А какой к черту заговор – ясно ведь, что если рвануло бы, мало не показалось бы всем! В море же тем более какая диверсия – со смертью в обнимку ходим, если тонуть, так всем! И за что новый комфлота так взъелся на огороды – жрать-то надо, а пайка не хватало, особенно до Победы. Также картошка обменным фондом была – иначе на морзаводе хрен что тебе сделают, качественно и быстро! Ну а выпить иногда, так что делать, коль соцкультбыта нет, люди просто звереют? Нет, в море легче – особенно если с победой вернуться, или с двумя, с тремя! К конвою прорываться, понятно, дело очень трудное и опасное – на старой «щуке», вошедшей в строй двенадцать лет назад! Полный ход над водой едва достигал одиннадцати узлов, вместо паспортных четырнадцати, дальше начинались опасные вибрации валов дизелей. Из-за перегрева аккумуляторов электромоторы также не развивали полной мощности и могли держать предельные обороты лишь полчаса. Предельную глубину погружения пришлось ограничить в 50 м, вместо проектных 90, причем на сорока часто заклинивало носовые горизонтальные рули, а при подходе к пятидесяти и кормовые; перископ вжимало давлением в дно шахты. Неудачной была система воздуха высокого давления, самопроизвольно стравливавшая воздух из целых секций баллонов. Очень высокой была шумность и

вибрация механизмов. И при полном заряде батареи дальность полным подводным ходом составляла всего 9 миль при скорости 8,5 узла – причем в два этапа: полчаса, затем время остыть аккумуляторам, и снова полчаса⁴. Отчасти все это было следствием изношенности, отчасти неудачей проекта. тогда казалось, что главное это построить флот, в большом числе и быстрее! Те же «щуки» поздних серий были гораздо совершеннее, конструктора ведь тоже учились. Но и «старушки» должны были оставаться в строю, в ожидании японской агрессии. И вот этот час настал!

На борту Щ-108 было получено оповещение по флоту. Но командир, увидев указание квадратов моря, просмотрел бегло и отложил в сторону: район лежал в стороне, а значит, происходящее там не имело для его корабля никакого значения. Он не знал, что из-за навигационной ошибки Щ-108 сильно отклонилась к северо-востоку. И никогда не видел «двадцать первых» лодок (мелочь, упущенная штабом флота – альбом с силуэтами кораблей на старые лодки не попал). Зато знал твердо – то, что он видит, советскому флоту принадлежать не может!

Отвернул япошка? Ну ничего, может, мы его еще достанем! Не попадем, так напугаем... а может, и попадем? Что мы теряем – и что он нам может сделать после, мы же под водой?

⁴ Описание соответствует «Щуке» V серии, к которой и принадлежала Щ-108, постр.1933 год.

– Лево руля! – приказал Видяев. Ход и так полный. Чудо, что на посту ГАС что-то расслышали – хотя мы не эсминец, у нас винты так не шумят. А аппаратура у фрицев отличная, надо им должное отдать. И кто же это там под водой затаился? По флоту оповещение, что мы идем, да и силуэт у «двадцать первых немок» характерный, без пушек на палубе, но с очень крупной рубкой, ни с чем не спутаешь! Летуны наши уже дважды нас облетали, приветливо крыльями качая. А наших лодок, по диспозиции, тут быть не должно! Радио в штаб – обнаружена подводная лодка, координаты! И запрос – могут ли наши быть тут?

– Торпеды! Пеленг 252!

Срочное погружение! Если акустик с дистанцией не ошибся, то две мили это полторы минуты, даже для японских «длинных копий»! Балласт в носовые, кормовые, дизеля – стоп, воздухопроводы перекрыть, запуск моторам. Матросы верхней вахты быстро в люк проваливаются, командир сходит вниз последним, лично убедившись, что наверху никого. Балласт в среднюю – приказ еще до того, как окончательно задраен верхний рубочный люк. Все действия экипажа доведены до автоматизма, на многочисленных тренировках, с секундомером – на учениях мы полностью уходили под воду за двадцать секунд! Теперь моторам полный, рули на погружение. Нет у японцев самонаводящихся – не достанут они нас под поверхность!

Н-4 была уже на глубине тридцать, когда торпеды прошумели выше и чуть в стороне. Теперь наш черед! Показать, что Лазарев не ошибся, в завершение «командирских курсов» всем объявив:

– Сейчас вы – лучшие подводники мира. Наиболее подготовленные и на самых лучших лодках. Знаете и умеете то, что пока еще никому не известно. Так не подведите же доверие партии и советского народа!

И каждому – неуставные значки, «в память», белый силуэт акулы. Который после перекочевал на рубки «немок». Подражать фашистам, каждой лодке придумывавшей собственную эмблему, не хотелось – ну а коллективно, отчего бы нет? Тем более что завершающей частью курса были подводные дуэли. Акулы мы сталинские – любого сожрем, даже под водой! Так что этим конкретным япошкам сильно не повезло – и к лучшему, а если бы наш, необученный, попался? Знаю, что К-2 уже счет открыла (не «немка», старого типа, но тоже с акулой на рубке). Теперь и мы докажем, что нас учили не зря!

Акустик докладывает – пеленг 254, цель слышу хорошо. У нас только два аппарата могут стрелять управляемыми, не все шесть носовых, как на К-ПЛЮ, но на этого противника хватит (будь против нас «немка» тип XXI, тогда бы надо бить по максимуму, «невод» закидывать, чтоб не увернулась). И экипаж у нас, в большинстве, из служивших на Щ-422, есть и те, кто в Белом море по притопленному понтону стрелял, и

кто Н-1 из Нарвика перегонял, кому товарищи потомки еще до курсов, летом сорок третьего, всякие штучки показывали, и особенности «двадцать первых» знаем лучше всех в советском ВМФ! Локатор в активный, определить элементы движения цели. Ввести в БИУС, перенести данные – на самых первых «катюшах» кассеты с магнитной проволокой, на которой программа записана, вручную из «Буси» вынимали, на торпеде горловину вскрывали, вставляли, досылали торпеду в аппарат, а у нас уже улучшено, можно прямо в заряженную торпеду команды вводить, как после пуска повернуть, на какой глубине, какие маневры совершать, и на каком удалении неконтактный взрыватель разблокировать – все это для противокорабельных торпед с СН на кильватер прежде всего актуально, но и для противолодочных тоже, какие-то элементы движения задаются, тот же угол доворота, а оператор лишь поправки вводит, сличая отметки на экране гидролокатора. Разъемы для ввода программы на всех аппаратах, а вот командное устройство для управления по проводам лишь на двух верхних, обычно так и заряжают, четыре противокорабельных, две противолодочных. Ну теперь получите, самураи!

У Щ-108 был еще один, последний шанс. На учениях лодка, поймавшая прицельный сигнал чужого гидролокатора, посылала своим локатором условленный ответ, «я свой». И времени должно было хватить, даже после выпуска торпед,

на участке управления по проводам, чтобы операторы дали команду на подрыв или уход в сторону от цели. Все эти действия была отработаны до автоматизма экипажами «немок» и «катюш»; «ленинцы» и «щуки» Камчатской бригады были также, стараниями Котельникова, с этим ознакомлены, – но ведь и Владивостокская бригада подплава обязана была знать порядок, утвержденный штабом ТОФ! А если не было локатора (советские «Тамиры» и английские «Драконы» шли в первую очередь на новые лодки, их имели и «щуки» Х серии, но более старые так и обходились без), то была система звукоподводной связи «Вега», для которой также был предусмотрен условный сигнал. Отчего Щ-108 молчала (хотя как показало расследование, эта система, также далеко не новая и несовершенной конструкции, на старых лодках нередко была неисправной, даже в боевых походах, – однако такой записи в журнале главного инженер-механика дивизиона, конкретно для Щ-108 не нашли), теперь не узнает никто. И почему даже не пыталась уклониться, совершить противоторпедный маневр (а ведь, согласно приказу, командир обязан был прослушать секретный курс по основам применения управляемого противолодочного оружия – и присутствовал там, о чем также есть отметка в документах), тоже неясно – другое дело, что вряд ли такой маневр удался бы на «щук»е, вот «немка» бы на такой дистанции вполне могла, – но попробовать все равно стоило бы? Однако Щ-108 сохраняла прежний курс, на глубине 30, при скорости два с

половиной узла – идеальная мишень!

– Попадание! – доложил акустик Н-4. – Еще одно! Звук разрушения корпуса. Готов самурай!

Видяев приказал тщательно прослушать горизонт – не прячется ли рядом еще один? Затем, по всплытии, доложить – атакован подводной лодкой, успешно уклонился, противник уничтожен, продолжаю следовать предписанным курсом. И подумал, что японцев все же недооценивать нельзя – наверное, перехватили приказ нам и выслали свои лодки в засаду. Что ж, будем бдительны – и верно нас предупредили о низком уровне японской техники, шумят, как телеги по плохой дороге! Сунутся – еще огребут. А мы предупредили – пусть в этот район наши силы ПЛО выходят и устраивают японцам веселую жизнь!

Поиск был проведен. При этом летчики чуть не утопили Щ-113, также оказавшуюся вне обозначенной позиции. В свете последующих событий факт пропажи без вести лодки Щ-108 поначалу не привлек внимания штаба. Лишь после сражения стали разбираться – и кому-то пришло в голову сопоставить это с атакой Видяева. Расследование ни к чему не привело – поскольку факт нахождения Щ-108 там, где она никак быть не должна, и ее атака по Н-4 (в свете оповещения по флоту и формального ознакомления командира «сто восьмой» со всей информацией, о чем имелись записи в секретных журналах) никак не могли быть объяснены. Зато ка-

залось весьма вероятным, что японская лодка, потопившая Щ-108, сама после попала под торпеды Видяеву. Какая версия была предпочтительнее для штаба флота?

Данные разведки, и даже уточнение информации после войны, не прояснили вопрос. В эти дни Императорский Флот потерял в Японском море лодки I-48 и I-153 – в то время как в штаб ТОФ поступили доклады о потоплении одной субмарины дивизионом «охотников» у корейского берега (достоверное – всплыли соляр и обломки), и еще трех атаках подводных целей, с неясными результатами (предположительно – повреждены). Так что одна из потопленных японок до того вполне могла оказаться рядом с Щ-108. Тем дело и завершилось, сданное в архив. Обломки лежат на недостижимой глубине в три километра, в точке с координатами 44 с. ш., 138 в. д. Тридцать семь человек экипажа приказом комфлота были внесены в список погибших за Родину, а не пропавших без вести (семьи положенную пенсию получают). И на памятнике во Владивостоке есть имя Щ-108, в числе других кораблей Тихоокеанского флота, погибших в эту войну.

Вы хотите правды? А кому и зачем нужна правда в данном конкретном случае? И к каким последствиям она приведет? Контр-адмирал Видяев, герой Советского Союза, в этой истории умерший во славе и почете в 1989 году, так и не узнал, кого потопил тогда, в Японском море. Что изменилось бы – если бы узнал?

Авианосец «Тайхо».

Японское море, 22 июня 1945 года

Сейчас русские гайдзины увидят, как умеют умирать самураи! Потому что ничего иного нам не остается.

Сначала казалось, боги на стороне Японии. До темноты осталось не так уж много, – но мелькнул в высоте силуэт, подобно небесному дракону. Русский разведчик облетал флот – не было сомнений, что сейчас радист сообщает о составе эскадры, ее курсе и скорости. Значит, атака уже не будет внезапной.

Ударили зенитки «Тайхо» и эсминцев «Ханацуки» и «Харуцуки» – лишь эти 100-мм пушки теоретически могли забросить снаряд на четырнадцать километров в высоту. Русский шел на двенадцати, – но все равно вероятность попасть была минимальной. После нескольких залпов адмирал лично приказал прекратить огонь, не было смысла тратить боеприпасы. К тому же великолепная баллистика этих новых пушек покупалась ценой резкого снижения живучести ствола, практически равной числу снарядов в погребе⁵. И оставалось лишь скрипеть зубами, провожая безнаказанного русского шпиона, нарезавшего вокруг эскадры огромные круги на недостижимой высоте.

Затем как-то сразу сдохли РЛС. Вообще, в Императорском Флоте радиолокация была очень слабым и ненадежным

⁵ Ресурс ствола зенитки 100/65 обр. 94 всего 350 выстрелов, при боезапасе ЭМ тип Акицуки, 300 снарядов на орудие.

звеном, поскольку считалась чем-то вспомогательным и менее приоритетным, в сравнении с собственно оружием. Поэтому отказы аппаратуры никого не удивляли, — но на всех кораблях одновременно, это наводило на подозрение! Командир авианосца попросил дозволение выслать дозор, для раннего предупреждения — с «Унрю» взлетели три скоростных разведчика и разошлись веером по сектору северо-запад. На палубах стояло по дежурному звену, готовому к немедленному взлету. Казалось, что непосредственной опасности нет.

Связь с разведчиками пропала меньше чем через четверть часа. На всех радиоволнах стоял какой-то треск и вой. После адмирал Тоеда будет сожалеть, что немедленно не приказал поднять все истребители, был уже прецедент, когда при штурме Шумшу русские так же глушили эфир перед ударом! Но не встречался еще Императорский Флот с массированной радиовойной — да и при указанном отношении к радио сам термин «радиовойна» был для японцев невозможным. А Йокосука D4Y1-C «Комета» был хорошим самолетом (разведывательная версия палубного пикировщика), но не имел шансов против пары или четверки Ла-11 из группы расчистки воздуха, наведенной на цель по радару.

Потому японцы пребывали в блаженном неведении, до той минуты, когда в бинокли было замечено большое число самолетов, подходивших с запада. На эскадре была объявлена боевая тревога, корабли увеличили ход до максимального, с палуб авианосцев взлетали дежурные истребители, в

то время как остальные «зеро» спешно готовились к старту, раздались первые выстрелы дальнобойных зениток. Большие двухмоторные самолеты показались адмиралу похожими на Ту-2 или «дорнье» – вторые вообще не были пикировщиками, да и первые применялись в этом качестве достаточно редко. И они подходили на высоте свыше пяти тысяч – слишком много для прицельной работы с горизонта по кораблям! Или русские решили устроить «бомбежку нервов», как американские В-17, эффектно, но совершенно неэффективно? Хотя у Советов здесь нет авианосцев, а расстояние достаточно велико для их основного пикирующего бомбардировщика Пе-2. Но все же странно – такое же количество торпедоносцев было бы гораздо опаснее. Или это пока лишь первый, прощупывающий удар?

«Зеро» еще не успели набрать высоту – когда русские, заходя в атаку двумя колоннами эскадрилий, начали бомбить. И лишь когда адмирал увидел в небе фейерверк разноцветных трассеров, то понял, что происходит. Проклятые германские гайдзины – как проститутки, служат тому, кто их победит! Любопытно, там русские или немцы за штурвалами и у бомбовых прицелов? «Дюк оф Йорк» два года назад потопили двумя попаданиями, всего со звена самолетов. Тут же их не меньше полусотни – сколько сейчас прилетит нам?

«Тайхо» вздрогнул от близкого разрыва. На траверзе, метрах в двадцати, но ударило сильно, авианосец в тридцать семь тысяч тонн качнулся, как лодка на волне. И сразу за-

выли сирены аварийной тревоги – корабли, поднявшие флаг в военное время, отличались гораздо худшим качеством постройки. Год назад в битве у Сайпана «Тайхо» едва не погиб от взрыва бензиновых паров, заполнивших отсеки после повреждения цистерн от сотрясения при попадании всего одной торпеды⁶, то же самое грозило и сейчас, механик доложил о многочисленной течи из лопнувших трубопроводов и разошедшихся швов на цистернах. Но все же флагман эскадры сохранил боеспособность (хотя полного хода лучше не давать, даже когда повреждения будут заделаны) – зато «Унрю», получивший две бомбы, горел как факел, потерял ход и сильно садился носом. Еще одна бомба легла вплотную к борту «Кацураги», совсем нового корабля, для которого это был вообще один из первых выходов в море! Даже русские посчитали это не попаданием, а «близким разрывом», но результат был немногим меньше. Разорвало не только обшивку, но и противоторпедную броневую переборку, полопались сварные швы цистерн, трубопроводы и кабели (с пожаром от коротких замыканий), сместило механизмы на фундаментах, часть самолетов в ангаре получили повреждения – и все усугублялось слабой подготовкой свежесформированного экипажа. Авианосец не погиб, но потерял где-то треть боевой мощи: нельзя развить ход свыше 20 узлов, при новом попадании цементная пробка на пробойину вылетит к демонам, для ликвидации крена пришлось зато-

⁶ В нашей реальности это и случилось.

пить отсеки противоположного борта, снизив запас плавучести, а работу части оборудования так и не сумели возобновить, хотя пожар и был потушен. Одно попадание получил линкор «Нагато», отделавшись развороченной надстройкой и разбитым казематом 140-мм противоминных орудий левого борта. И наконец, крейсер «Тоне» доложил о легких повреждениях корпуса при сохранении боеспособности.

Истребители предотвратить удар не успели. На первые дежурные звенья, набирающие высоту, обрушились сверху русские «Ла», сбив почти всех. Но затем в небе закрутилась карусель – и отличная маневренность «Зеро-райсенов» явно стала для русских сюрпризом! Однако советских истребителей было больше, и они лучше работали в команде – всего четверем японцам удалось прорваться к последней эскадрилье бомбардировщиков, которая уже легла на боевой курс. А русские висели на хвосте, не было шансов на вторую атаку – и четыре истинных самурая до конца выполнили свой долг, идя на таран, лоб в лоб, никто не мог выжить! Еще нескольких «дорнье» достали зенитчики. Русские уходили на запад, причем некоторые – со снижением и дымом. Но не было возможности догнать их и добить – советских истребителей все еще было больше, и они, даже выходя из боя, звено за звеном, эскадрилья за эскадрильей, жестоко огрызались на любую попытку их преследовать, прикрывали друг друга. Гайдзины лишь толпой сильны – в отличие от самураев, каждый из которых и в одиночку совершенный боец!

На авианосцы не вернулись восемнадцать «райсенов», не считая тех четверых, кто таранил. И было всего двое спасенных – Хорикоши-сан построил идеальный истребитель, вот только крыло обратной стреловидности оказалось чрезвычайно чутким к повреждениям, рассыпаясь от одного 20-мм снаряда, причем пилот не мог выпрыгнуть из кувыркающегося обрубка самолета. Еще четыре истребителя погибли вместе с «Унрю», который пришлось добить торпедами с эсминцев, сняв команду. Что ж, считая, что русские потеряли почти столько же самолетов, но часть из них была бомбардировщиками, более ценными и с экипажем из пяти человек, то воздушный бой, пожалуй, можно считать японской победой, по крайней мере, по очкам? Но плохо, что число истребителей на эскадре уменьшилось на треть. Что ж, план предусматривал и это – завтра утром мы примем самолеты, перелетевшие с берега, а если понадобится, то и еще раз, у нас будут «бессмертные» авиагруппы, только бы палубы сохранить! Вот гибель «Унрю» это действительно потеря! Что ж, значит, мы должны за него отомстить.

Как уже отомстили трем русским гайдзинам, выловленным в море. Адмирал смотрел с мостика, как внизу на палубе офицеры авианосца опробовали на пленных остроту мечей. И это было правильным, поскольку тот, кто бьет издали, не вступая в честный бой – не заслуживает к себе никакого уважения. Самурай никогда не стал бы издеваться над пленным самураем, это противоречило бы бусидо. Но пойман-

ных убийц-ниндзя, не имеющих кодекса чести, всегда казнили самым изощренным и жестоким способом – так что этим русским летчикам еще повезло, что им даровали быструю смерть!

Спустилась темнота. Эскадра шла к берегам Кореи. Адмирал подумал, что даже если мы не вернемся, это будет славная битва, о которой в Японии запомнят на века! А что еще желать самураю?

Отдыха не было. Через пару часов высоко в небе над эскадрой вспыхнули «люстры» световых бомб. И снова завывали сигналы боевой тревоги – с севера на корабли неслись быстрые, едва различимые тени над самой водой, русские торпедоносцы! Эсминцы охраны успели встретить их огнем – но взорвался «Амацукадзе», и «Юкикадзе» тоже тонул, разломившись от попадания тонной авиабомбы – впереди шли топмачтовики, расчищая дорогу торпедоносцам. И не меньше эскадрильи Ту-2 ворвались в брешь, которую не успели закрыть – и повезло, что их мишенью стали не авианосцы, а линкоры, сохранившие огневую мощь. Две торпеды ударили в борт «Ямато», но ПТЗ выдержала. Хуже пришлось «Нагато», торпеда попала в корму, намертво заклинив один из рулей, и правый внешний вал стал «бить», разнося подшипник, пришлось предельно уменьшить на нем обороты, и держать уцелевший руль положенным влево, чтобы оставаться на курсе – линкор не мог развить ход больше 19 узлов. А русские ушли без потерь, по крайней мере ни одного упав-

шего в море не видели – хотя, наверное, от зенитного огня им досталось.

Еще через час одиночный Ту-2 атаковал и потопил эсминец «Юшио». «Люстр» в этот раз не было, зато светила луна. В эфире по-прежнему был свист, треск и вой, радары не показывали ничего. А русские хорошо видели эскадру, даже во тьме! Или это все тот же проклятый разведчик, крутящийся на высоте? Хорошо, что в традициях японского флота матросам спать не в кубриках, а прямо на боевых постах, подвесив койки, где придется. Воины страны Ямато не были столь изнежены, как гайдзины, – на японских кораблях каждая тонна водоизмещения, каждый кубометр объема были отданы прежде всего оружию и тому, что его обеспечивало, а комфорт экипажа был на последнем месте! Зато корабли несли заметно более мощное вооружение, чем американские, немецкие, русские, того же размера. Так, ни в одном флоте эсминцы не имели двойного запаса торпед (и устройства быстрой перезарядки, по весу почти равные самим аппаратам), а равную огневую мощь (шесть пятидюймовых орудий в трех спаренных башнях) американцы достигли лишь на новейших «Самнерах» и «Гирингах» – гораздо более крупных, переваливших за три тысячи тонн. А секрет был прост: всего лишь до предела уменьшить помещения для команды! Кубрики вмещали лишь отдыхающую смену верхней вахты (трудно ведь повесить койку на палубе), не было камбуза (в море пусть едят сухпай – хотя иные командиры умудрялись

ставить на палубу обычную полевую кухню), да и расстояние между палубами было меньше двух метров (этого хватит!). Зато экипаж практически всегда был готов к бою – ну а тяготы и лишения это неизбежное зло. И разве это не лучше – в походе есть сухари, зато иметь лишнюю пару зенитных стволов, дополнительный шанс на жизнь?

Проклятый русский разведчик в высоте – кого он наведет снова? Если бы удалось его достать – о, тогда бы эти Иваны испытали бы на себе древнюю японскую казнь, когда пойманному шпиону сначала отрубают руки и ноги, в несколько приемов, а затем еще живого бросают в кипящее масло! Но локаторы не видели ничего среди множества засветок, а стрелять куда-то в темноту означало лишь бесполезно тратить боезапас. И оставалось лишь вспомнить слова: врагов не надо считать, их меньше не станет – а значит, действуем по прежнему плану.

Линкор «Ямато», крейсера «Тоне», «Хагуро», «Асигара» в сопровождении шести эсминцев отделились от эскадры и полным ходом направились на запад – «корейский экспресс», должный еще до рассвета обстрелять Вонсан, порт, плацдарм и дороги. Авиаудар будет нанесен на рассвете – одновременно с ним на авианосцы сядет пополнение из Метрополии. Рассчитанное на три палубы, а не на две, – но адмирал подумал, что это и к лучшему, ведь наверняка в первой ударной волне будут большие потери, вернутся далеко не все – как раз и выйдет их возмещение! Мы будем воевать

«бессмертными» авиагруппами, постоянно держа в воздухе над авианосцами воздушный патруль, и не жалея ни самолетов, ни пилотов, ни бензина! Больше половины всей палубной авиации Империи ждут сейчас на аэродромах приказа, вылететь к нам на подмену сбитых. И свыше тысячи самолетов армейской авиации готовы нас поддержать.

А после – уже можно говорить и о мире. Подкрепленном силой – потому что со слабым не заключают никаких договоров, а просто диктуют условия капитуляции. За нами судьба Японии на все последующие годы – а потому мы не можем проиграть. А кто не переживет этот день – о тех позаботится Аматерасу.

Линкор «Исе». 22 июня 1945 года.

Восточнее Курильских островов

Завелся у берегов страны Ямато страшный морской дракон – опустошал деревни на берегу, топил рыбаков. Повелел император убить чудовище, и вышли в море десять тысяч отважных самураев на ста кораблях. И дракон был убит – но никто не вернулся назад.

Адмирал Одзава ощущал себя сейчас одним из героев того древнего мифа. Единственным из всех на эскадре, кто знал, на что они идут, – но приказ императора священен! Пусть русский подводный демон уже сожрал два флота немецких гайдзинов – воинам Японии не дозволено было бояться битвы! Дракон умрет – или мы не вернемся домой.

И была еще одна беседа перед самым выходом в море. О которой, кроме него, Одзавы, знал лишь один человек.

– Мы проиграли эту войну, – сказал адмирал Енаи, – вопрос лишь, погибнет ли Япония, или как в дзюдо, упадет мягко и завтра поднимется. И наша цель сейчас – обеспечить эту мягкость нашего падения, спасти все, что можно спасти. Наши потери в филиппинских водах оказались просто ужасающими – еще одна кампания у берегов Метрополии, и у нас просто не останется флота. И прервется традиция, и некому будет восстанавливать японскую морскую мощь, когда придет время. Скажу по секрету, даже приняв ультиматум держав, будет заявлено, что Япония не примет полного разоружения, как противоречащего самому духу японской нации – пусть соглашаются с нашими условиями, или мы будем драться до конца! Лично я не верю в прочность и долговременность союза русских и американцев. Значит, мы можем играть на противоречиях – и помощи нам боги не ошибиться, как Гитлер! Спасти, сохранить Японию, пусть пока как подобие Сиама, буфером между русским и американским блоком. Ну а дальше – Германия после той войны показала, что делать. Мы проиграли лишь битву – но не окончательно, войну. Так что не спешите делать сеппуку – ведь кто-то должен будет жить, чтобы дальше исполнять свой долг, так говорят русские – и это, на мой взгляд, справедливо!

А оттого не надо бросаться дракону в пасть. Достаточно лишь, чтобы демон не покинул эти воды, не успел к сраже-

нию у берегов Кореи. Если бы это сказал не адмирал Мицумаса Енаи, в чьей храбрости, уме и преданности Японии нельзя было усомниться – Одзава бросил бы собеседнику страшное обвинение, оплатить свою жизнь и победу нашей смертью. Сейчас же он почтительно склонил голову в согласии. Енаи был прав – главная битва сейчас развернется там, ну а здесь будет лишь отвлекающий удар, и помощи нам боги, чтобы русские этого не поняли!

На острове Уруп погибал гарнизон. Одзава не мог понять, как русские умудряются побеждать за считанные дни – там, где американская морская пехота, на таких же островах, даже хуже укрепленных, возилась и недели, и месяц! При том, что поддержка авиацией и корабельной артиллерией у янки была явно больше, американцы также широко использовали в десанте тяжелую технику, и, если честно признать, их маринеры уже не уступали японцам в выучке и боевом духе. Но неизменным было правило, что численность американского десанта превышала японский гарнизон – русские же брали верх, даже находясь в меньшинстве! Конечно, пропаганда кричала о пятикратном, даже десятикратном преимуществе северных варваров, но Одзава был достаточно сведущ в десантных операциях, чтобы понять: десант такой численности просто не мог быть высажен с точно установленного у русских числа кораблей, а снабжать его было и вовсе, непосильной задачей – и в то же время разведка сумела достаточно точно оценить как морские, так и сухопутные силы про-

тивника, задействованные в захвате Курильских островов. Было установлено, что русские привлекли к операции всего одну бригаду морской пехоты в качестве ударной силы, и одну стрелковую бригаду для закрепления на захваченных позициях – то есть их десантные войска были втрое-вчетверо меньше, чем японские части, сидящие к тому же в долговременной обороне! Но результат был, как в Китае, где одна японская дивизия в полевом сражении одолевала китайский корпус – лишь в роли китайцев была Императорская Армия!

И эта непобедимая орда, возможно, завтра высадится на землю Японии – и прокатится по ней волной цунами, оставляя позади лишь пепелище и трупы. Как в Маоке и Торо – где, как пишут газеты, северные варвары вырезали всех, включая детей. Одзава констатировал этот факт с холодным рассудком – понимая, что таковы законы войны, сами японцы, будучи победителями, поступили бы так же. С тем же беспристрастием он отметил, что остановить русское нашествие может лишь Флот – на суше варвары непобедимы, и земля, на которую они ступили, потеряна для Японии, как зараженная чумой. Северные острова уже не вернуть, помочь их гарнизонам никак нельзя – несмотря на близость к Метрополии, большинство попыток доставить туда подкрепление и боеприпасы проваливались – русская авиация сохраняла превосходство, а ночью обнаружилась новая напасть: торпедные катера в роли быстроходных прибрежных канонерок, они гонялись даже за кавасаки, отплывающими на се-

вер от берегов Хоккайдо. Что ж, на войне солдаты и должны погибать – тем более это армия, а не флот! О нет, никакой внутренней грызни перед лицом врага – всего лишь констатация факта, что Флот сейчас гораздо ценнее, и людей для него труднее, дороже и дольше готовить, ну а в пехоту годится любой крестьянин, которых в Японии и так избыток, и родятся еще.

Наверное, русские и ждут, что мы пойдем туда, к островам? И морской демон ходит там, в глубине. А как говорили немцы, это такой страшный противник, что в сравнении с ним все остальное, что у русских есть, проходит по графе «прочие опасности». Но он все-таки материален, а значит, боится нашего оружия! И потому в эскадру, кроме двух линкоров «Исе» и «Хиуга», двух авианосцев (теперь уже единственного, «Дзуньо» – одни демоны знают, был ли «Чийода» потоплен Подводным Ужасом или обычной подлодкой?), легкого крейсера «Исудзу», входили целых тридцать противолодочных кораблей! Правда, это были не «флотские» эсминцы, а корабли еще прошлой войны (тип «Миникадзе») или эскортники (типы «Матсу» и «Тачибана»), и даже миноносцы (тип «Отори»). Но все эти корабли имели ход до тридцати узлов – что жизненно важно для действий в строю эскадры, ведь немцы утверждали, что от демона можно убежать? И взяли на борт увеличенное число глубинных бомб – если враг никогда не появляется на поверхности, то иного и не надо!

Размышления адмирала прервал сигнал тревоги. Самолетом обнаружена подводная лодка, атакована охранением, главным силам рекомендовано изменить курс. Эскадра не может повернуть так же быстро и легко, как одиночный корабль, – но все же это стандартный маневр, многократно отработываемый на учениях мирного времени, поворот «все вдруг» на указанный курс, охранению сформировать завесу впереди и полным ходом покинуть опасный район – пока дивизион эсминцев займется поиском и уничтожением лодки. Все было сделано безупречно – и тут четыре взрыва ударили у борта и под днищем «Хиуги», еще одна торпеда разорвала пополам эсминец «Цубаку». Линкор потерял ход и сел на корму, противолодочники закружились вокруг, ища врага. А «Исе», «Дзуньо», «Исудзу» и двенадцать миноносцев на полной скорости удалялись на север. В соответствии с приказом – нет нужды подвергать опасности всех. Ну а старые миноносцы это расходный материал.

После атаки враг так и не был обнаружен! Неужели худшие опасения подтвердились – русский подводный демон здесь и гонится за нами?

Подводная лодка Н-13

Это же место и время

Акустик на лодке – фигура особая. К общекорабельным работам его не привлекают (ну если только учения, борьба за живучесть, тащить и ставить упоры, или готовиться к туше-

нию пожара, — но это дело святое, знать которое должны все), Пребывая в матросском звании, негласно пользуется всеми правами младшего комсостава, — ну а если опытный и уважаемый акустик, ветеран боевых походов, к тебе и офицеры будут по отчеству обращаться! Поскольку для любого вменяемого командира лодки хороший акустик с боевым опытом стоит куда дороже, чем летеха из училища. Вот только где взять таких, опытных, во вновь формируемые экипажи?

Студентов консерватории на фронт не брали, даже в сорок первом — если только они сами не записывались добровольцами. Ну а московский мальчик из интеллигентной семьи, где папа, мама, и дядя имеют прямое отношение к музыке и театру, искренне считал, что принесет своей стране больше пользы на музыкальной ниве, а не на военной. Гнесинское училище, затем Консерватория — будущее казалось ясным и определенным. Война для него влекла тяготы чисто бытовые, проходя где-то стороной. Главное, в семье все были живы, позади осталась эвакуация в Ташкент, возвращение в Москву, все снова вместе, даже квартиру не уплотнили! Война завершалась, наши уже вышли на Одер, но в то же время в газетах писали, что даже смертельно раненный фашистский зверь еще опасен, так что никакого послабления.

И вдруг повестка из военкомата. Явиться тогда-то, что иметь при себе — и неявка будет считаться за уголовное преступление. Мать разохалась, отец сказал, что это не иначе интриги какого-то Соломона Валерьяновича, из управления,

ты не бойся, я и дядя Арам за тебя попросим, уладим... Не получилось, отец пришел бледный, выпил стакан водки, что за ним не водилось, и сказал – крепись, сынок, это судьба!

А по радио звучала песня:

Ой тяжка же ты доля, лить на фронте кровь!

Прощевайте, Поля, – свидимся ли вновь.

Коль удача будет, то вернусь живым.

Ну а нет – то быть мне вечно молодым!

В военкомате вместо гражданской одежды выдали форму – «вроде твой рост», но все равно не в размер. И нет уже студента, есть солдат. Сутки держали взаперти, как арестантов, в город не выпускали. Оказалось, что тут консерваторских еще с десятков – но со старшего курса он один. Кто-то высказал предположение, что «у Совдепии уже пушечное мясо кончилось, нашей кровью будут начальственную дурь оплачивать» – его сразу одернули, смотри, вместо трех лет службы получишь десять без права переписки, сам знаешь где! Но видно, кто-то все же сообщил – поскольку несдержанный на язык наутро куда-то пропал. Затем появился капитан, мундир армейский, знаки различия флотские, морская пехота – и забрал всех «музыкантов». Проездные документы выправили до Ленинграда, а везли, вот удивление, на «Красной стреле» – потому что «эти гаврики там еще вчера должны быть!». Отвечать на вопрос, куда и зачем везут, капитан от-

казался, сославшись на секретность – а на просьбу позволить поесть в вагоне-ресторане, за свои деньги, ответил:

– Да ради бога – после у вас долго такого случая не будет! На фронте наедаться нельзя – при ранении в живот мучиться будешь дольше!

После таких слов аппетит как-то пропал: представить себя умирающим в грязи, с развороченным животом, было страшно. В Ленинграде их всех уже ждала машина, крытый «студебеккер», и повезли прямо по Невскому, на Васильевский остров. Дом красного кирпича за высоким забором, у самой Гавани – учебный отряд подплава. Там всех прибывших построили на плацу, и еще не старый, но уже седой капитан первого ранга произнес короткую речь, завершив словами:

– Запомните, салаги, – у подводника нет могилы. А только гроб, железный и на весь экипаж!

И добавил:

– Хотя вам повезло – война кончается, и не придется через Гогландский рубеж идти, как мне в сорок втором.

Все же в службе было и хорошее: флотская норма снабжения была выше пехотной, а подводники и среди флотских имели привилегии. Доставала лишь строевая, входящая в курс подготовки, непонятно зачем. А вот от огневой подготовки будущие акустики были избавлены, чтобы слух не пострадал – только разборка, сборка и чистка личного оружия. А так, было даже интересно: учебные классы, где надо было

прослушать и запомнить множество самых различных шумов – и безошибочно их опознать. Затем сигнал варьировался: менялась громкость, иногда на самом пределе слышимости, менялся тон (а это было хуже всего). Учили очень плотно, свободное время выпадало лишь в выходной. И если поначалу этот день был всего лишь с меньшим числом занятий и работ, то с весны стали уже и отпускать в город. Трамваем до Стрелки – а там хоть через Дворцовый мост в центр, хоть влево, на Петроградку. В город собирались серьезнее, чем на выпускной, потому что комендачи докапывались до малейшего непорядка в форме – из-за криво пришитой пуговицы можно было вместо прогулки залететь на гауптвахту. Много позже, на заводе, акустику было странно видеть мужика самого непрезентабельного вида, в грязном рабочем хэбэ – и вдруг услышать, что это главный мех (командир БЧ-5), а то и сам командир лодки. А тогда – был наконец День Победы, салют и толпы нарядных людей на набережной. Теперь, наверное, домой, демобилизуют – если уже кончилась война?

Но учение стало еще более интенсивным. В июле всю группу повезли в Кронштадт, на подводные лодки. Первый раз увидеть это было страшно: стальной гроб, из которого, если что, никак не выбраться – только быстро захлебнуться горькой и жгучей морской водой или задыхаться медленно и мучительно, лежа на морском дне.

– Астмы и клаустрофобии ни у кого нет? – спросил сопровождающий капитан-лейтенант. – Значит, все годны. Стра-

хи свои себе засуньте сами знаете куда – есть такое слово – надо! Впрочем, тут на Балтфлоте, как оказалось, у одного очень даже заслуженного командира лодки клаустрофобия была – так он, стиснув зубы, себя одолевал, только на берегу срывался с катушек. Так его наша советская медицина методом психотерапии вылечила – и служи, без всяких завихрений!

Его уже приписали к подлодке К-55. Лето было теплым и солнечным. Ленинград, восстанавливающийся после Блокады, был красив. На бульварах зеленели свежевсаженные тополя, и ходили девушки в летних платьицах. А вообще, в Ленинграде Васильевский (особенно та часть, что ближе к Стрелке) слыл средоточием научных учреждений, а за высоким искусством пожалуйста в Центр или на Петроградку. В августе приехал незнакомый кап-три, после чего нашего музыканта вызвали в кабинет начальника учебного отряда.

– Это и есть самый лучший? – спросил гость. – Что-то не вижу энтузиазма в его глазах.

– По результатам лучший, абсолютный слух, – ответил начальник отряда и рывкнул музыканту: – Живот втянул, плечи развернул, чучело! Ты кто, матрос РККФ или вольноопределяющийся Марек?

Старый писарюга-мичман, который в канцелярии выдал акустику документы, шепнул по секрету, что приехавший это сам Видяев, с СФ! Он на «Моржихе» ходил, которая весь немецкий флот перетопила – там весь экипаж это такие «зве-

ри», гвардейцы, ни у кого меньше трех орденов нет! И если ты им зачем-то потребовался – гордись! А пока – вот, держи твои бумаги, и не забудь в каптерке парадку по первому сроку получить. И не посрами честь отряда!

На север самолетом (что тоже было необычным). Завод в Молотовске показался еще больше Балтийского, и столь же оживленным. Удивляло, что тут на производственной территории можно было встретить не только флотских офицеров в замасленных спецовках, по виду неотличимых от рабочих, но и женщин, одетых как на Большом проспекте Васильевского, они, конечно, не стояли у станков, но разносили бумаги, разговаривали с инженерами.

– С подачи нашей «адмиральши» так пошло, – сказал Видяев, – заводские не возражают. К тому же тут рядом и Кораблестроительный институт, ну а ученых на душу населения так, наверное, побольше, чем в Ленинграде.

Видяева тут хорошо знали. Они вдвоем прошли через периметр внутренней охраны, На причале, где была пришвартована громадная подлодка, необычно скругленных очертаний, Видяев сказал музыканту: ждать тут, и взбежал по трапу. На берег сошли трое, по форме и манерам – старослужащие, покосились на музыканта, спросили о чем-то у вахтенного – и, удовлетворившись ответом, прошли мимо. Затем появилась молодая женщина, красивая, статная, в шляпке, синее платье в горох развевается флагом на ветру – и громко сказала вахтенному:

– Ты моего позови!

Через минуту по трапу сбежал целый капитан первого ранга (командир, не иначе, раз в таком звании).

– Ленок, что случилось?

– Вань, я просто спросить пришла, ты сегодня дома обедать будешь? Я твой любимый борщ приготовила!

Тут на трапе появился Видяев, с ним еще один каплей, с маленьким плоским чемоданчиком в руке – и, к удивлению акустика, матрос с автоматом, причем АК-42, какие бывали лишь у морской пехоты, но никак не у экипажей кораблей, в учебном отряде были лишь мосинские карабины. Приветствовали командира «Моржихи», как своего, без особого чинопочитания, о чем-то с ним переговорили, все вместе взглянули на музыканта.

– По полной проверить этого кадра хочу, – сказал Видяев, – за своих, отвоевавших, я спокоен, и с Балтфлота тоже отобрали лучших. Но вот вышло, что одно место свободно. Как он себя поведет под глубинками, это вопрос, но хоть чему обучен, узнаю.

– Не проблема, – ответил тот, с «Моржихи». – Где будем – у тебя, на «пятьсот шестой»?

Идти было недалеко – вдоль причала, до соседней лодки, меньшего размера. Аппаратура в рубке акустика заметно отличалась от привычной, – но те же наушники и верньеры для настройки угла пеленгации. Офицер с «Моржихи» скрылся в соседней выгородке, у входа в которую тут же встал часо-

вой. Через минуту оттуда послышалось:

– Готово, я все подсоединил, включать?

– Сейчас ты услышишь картину реальной учебно-боевой задачи, – сказал Видяев, – и правильно запеленгуешь и классифицируешь все появившиеся цели, а мы после на планшете сравним. Будет хорошо, если сможешь хотя бы оценочно определить дистанцию. Условия – Норвежское море, ноябрь, термоклина нет.

Испытание длилось почти три часа. К удивлению акустика, привыкшего, что в училище им, как правило, давали прослушивать лишь один сигнал, записанный на магнитофон, здесь же звучала целая симфония, и не все цели шли в одном порядке, общим курсом! И это было очень трудно, вовремя перенастраиваться с одной цели на другую, определив наиболее опасную, идущую на сближение, и не упустить при этом ту, которую командир задал как главную, будущий объект атаки. Но музыкант выдержал экзамен, – а что было бы, если бы не оправдал доверия? Может, оно было и спокойнее – остался бы в мирном Ленинграде! Или здесь, на севере – и возможно даже, на берегу, в матросском клубе (был такой разговор с кадровиком, еще весной). Но заела глупая гордость – попавших на такие должности иначе, чем после корабельной службы или фронта, не слишком уважали. И хотелось показать, что он лучший.

– Принято, – сказал Видяев, – хотя кое-какие ошибочки есть, но в пределах. Готовься в дальний путь – кстати, как у

тебя с немецким?

А дальше – Бремен, завод Дешимаг. Где наши, советские экипажи принимали новенькие лодки ХХІ серии. Рабочее место акустика, в точности как на той лодке, где был экзамен. И даже появился подчиненный, старший матрос Сыромятко, ответственный за электрическую часть, чтоб все исправно работало. «А также, по боевому расписанию, на гидролокаторе, могу пеленг взять, дистанцию определить. Но узнать, что там шумит, вражеская лодка подкрадывается, или каракатицы скрещиваются, это уж только вы!»

Отчего не обойтись одним локатором? Это объясняли еще в учебке, на первых занятиях. Поскольку есть такое поганое явление, работу локатора можно не только обнаружить, но и точно запеленговать, с гораздо большей дистанции, чем вы сами получите отраженный от цели сигнал. Так что лодка с локатором в активном режиме кричит на весь океан «я тут», сама не видя опасность. Оттого подводники предпочитают лишь слушать и пеленговать, а сонар включается, как правило, коротким импульсом, в последний момент, для уточнения дистанции, по уже определенному направлению. Исключения есть – форсирование минного поля, движение подо льдом или в мелководном районе. Но там, где вам предстоит действовать, этого нет.

Переход через два океана? С таким же успехом это могла быть кругосветка – экипаж не видел практически ничего, стоянки в чужих портах были коротки, и на берег сходили

одни офицеры. Но человек это такое существо, что ко всему привыкает! И уже прежняя, мирная жизнь стала казаться чем-то бесконечно далеким.

А первым портом, где можно было по-настоящему размять ноги, стал Петропавловск на Камчатке. Совсем не похожий на «медвежий угол» на краю страны, описанный в романе «Богатство», прочтенном за часы отдыха в походе – Видяев рассказывал, что на севере матрос, не любящий читать, считался негодным к службе на подлодках, «без книги скоро спишишь». Нет, Петропавловск мая сорок пятого больше напоминал то ли военный лагерь, то ли осажденную крепость. Экипажам дали целых две недели отдыха. Относительного, конечно, – проверяли механизмы, принимали на борт провизию и топливо. Но свежий воздух! Свежевыпеченный хлеб! Кино в гарнизонном клубе!

Лодки вышли в море 31 мая. И уже в море, в ночь на 3 июня, было объявлено – война с Японией! То есть теперь и мы законно можем топить врага, но и нас потопят, если сумеют.

Первого противника встретили рано утром. Транспорт, на тысячу пятьсот тонн, как после объявил командир, шел без всякого охранения. Под японским флагом (да и не мог здесь и в это время оказаться наш, а тем более союзник), значит, законная добыча для «белой акулы». Атака сложности не представляла – заняли позицию, выпустили торпеды. Как сказал командир БЧ-3, могли даже обычными прямоидущи-

ми стрелять, а не ценными СН, не промазали бы – но первая цель!

После долго не происходило ничего. Лодке приказали быть в завесе, прикрывающей Курильский десант, причем позиция была наиболее удаленной к востоку, в океан. 21 июня было принято оповещение по флоту, в море японская эскадра. 22 июня уточнения о месте врага не последовало – Одзава свернул на восток, и на какое-то время самолеты-разведчики его потеряли. А в три часа дня акустик доложил командиру – есть контакт! Очень слабый, на пределе слышимости, но устойчивый, пеленг удалось взять.

Н-13 двинулась навстречу. Еще через час акустик понял, что контакт смещается вправо – значит, цель пройдет к западу от нас. Лодка легла на курс перехвата, в 16.30 оператор радара засёк воздушную цель, и командир приказал погрузиться. Через десять минут над этим местом пролетел японский самолет, ведущий противолодочный поиск, но летчики уже не увидели ничего.

Японцы (а кроме них тут не могло быть никого) приближались. Если только они не изменят курс, то пройдут как раз мимо затаившейся лодки. Строй стандартный, впереди завеса эсминцев, по бокам тоже, но менее плотная, а ядро эскадры – три больших корабля. Проходят все же чуть в стороне, – но если подсуеетимся, то на малошумном ходу как раз поднырнем под край завесы!

Винты эсминцев слышны уже невооруженным ухом. На

некоторых кораблях работают гидролокаторы – надежда, что немецкое резиновое покрытие на корпусе сыграет свою роль? Все же лучше нырнуть на глубину восемьдесят, так, эсминцы прошли, теперь наверх – место больших кораблей определено на планшете, успеваем!

Вышли на перископную. Головной корабль был определен как линкор тип «Исе». В кильватер ему шел второй линкор, авианосец был отдельно, по ту сторону колонны. Две минуты до пуска торпед!

И тут – взрыв бомбы, рядом. Но не было в непосредственной близости японских кораблей! Снова самолет? И уже поворачивают на нас эсминцы правофланговой завесы. А линкоры – меняют курс!

Будь на месте Н-13 «щука» или американская «балао», все было бы кончено. Потому что ближний из эсминцев был всего в пяти кабельтовых – правда, ему надо было еще завершить циркуляцию, – зато взрыв бомбы с самолета достаточно точно показал японцам место лодки. И развернулся бы весь дивизион, и прочесали бы все «гребенкой» на параллельных курсах, работая локами и бросая глубинки – примерно так в августе сорок четвертого возле Филиппин погибла американская лодка «Хардер» под командой «убийцы эсминцев» командера Дили, прославившегося победами именно над эскортными кораблями. Но «двадцать первая» была быстрее, шестнадцать узлов полного подводного хода против восьми у «балао», и в полтора раза меньше раз-

мером, а значит, поворотливее. А командир, капитан-лейтенант Маринеско, был подводником «от бога» – да, в этой реальности ему не довелось потопить «Густлоф», но зато были командирские курсы «у самого Лазарева», а еще Военно-медицинская академия, где его излечили наконец от клаустрофобии, «не беспокойтесь, Александр Иванович, у вас еще начальная стадия, это лечится. На ваш счет особый приказ главкома ВМФ – вылечить, чтобы впредь на берегу с катушек не срывался». Самое странное, что приказ, подписанный главкомом, действительно был – откуда Кузнецов мог узнать о болезни какого-то капитан-лейтенанта? А учили «у Лазарева» многим интересным вещам и на очень интересной технике – взяв кучу подписок о неразглашении. Зато оказалось, что командир еще до вступления в должность успевал хорошо изучить скоростные и маневренные характеристики своего нового корабля.

Моторы на самый полный. Рули на погружение, восемьдесят метров. Курс 260. Японцы будут уклоняться от нас, повернув влево, – и правильно, линкоры же не эсминцы. Но они не смогут и быстро повернуть на контркурс, и на циркуляции их еще вынесет к нам! Ввести в торпеды – на кильватер, вправо, в режим после десяти кабельтовых! Акустик, докладывай пеленг! Задача была наподобие той, на экзамене, давать пеленги штурману, ведущему на планшете места цели и охотников – вот только делать это в динамике боя!

Лодка выскочила из-под «гребенки» – бомбы рвутся за

кормой, может, и слышали самураи про характеристики «двадцать первых», но привычка сильнее, вся тактика у них на американцев заточена. Теперь выходить на глубину двадцать. Можно было рискнуть под перископ – но проклятый самолет! Он может и так нас заметить, но если пролетит совсем уж над нами, вероятность мала. Черт, цель уходит, а у нас еще скорость не сброшена, нельзя торпедами стрелять! Выходим на пятнадцать метров, скорость пять – можно! Пуск всеми шестью! И вниз скорее, на двести метров, рывок от места залпа, и медленно, осторожно отползаем на малозумном режиме, шесть узлов!

Пять взрывов торпед слышали отчетливо. А затем взрывы глубиннок, свист японских локаторов и визг винтов эсминцев – в стороне и за кормой! Потеряли нас самураи, ну и пусть теперь море бомбят! А мы – в сторону, в сторону, по миле каждые десять минут!

И хорошо, что на новых лодках особая аппаратура стоит, слишком громкие звуки фильтрует. А то было бы взрыв глубинки как удар по ушам, и что стало бы не то что с музыкальным, а со слухом вообще? На балтийских лодках бывало, что акустиков списывали на берег после одного похода. А здесь тихие шумы слышны отчетливо, даже с усилением, зато громкие как сквозь вату. Но взрывы торпед с глубинками не спутать, кого это мы угостили? В любом случае – пять попаданий, да еще под днищем, мало не показалось, кто бы ни был!

– Дырки вертите, – сказал командир, обращаясь к тем, кто был в ЦП. – Думаю, что за линкор не обидят. А тебе, старший матрос Хачатурян, медаль Нахимова как минимум обещаю. За то, что первым такую дичь услышал.

Через час, когда наверху стих шум винтов эсминцев, Н-13 всплыла под перископ и подняла антенну. Можно было запустить радиобуй – шар полуметрового диаметра, через торпедный аппарат, как только достигнет поверхности, то включается часовой механизм, проматывающий целлулоидную перфоленту, в эфир идет записанная морзянка, а после открывается клапан затопления. Но техника еще не была отработана, не проверена, не надежна, а главное, не позволяла получить в ответ «квитанцию», условный радиосигнал, что ваша передача принята и понята. Да и буй все же представлял материальную ценность, – потому командир решил поступить, как привычно. В донесении кодом было сообщено об обнаружении японской эскадры – место, курс, скорость. И о том, что один из тяжелых кораблей имеет повреждения. Радиограмма была принята в штабе флота, на Камчатке готовились к вылету бомбардировщики и меняли курс подводные лодки, на пересечение с противником.

Линкор «Хиуга» затонет через полтора часа. Торпеды с неконтактным взрывателем разорвали днище от кормовой оконечности до средних башен. Погреба не взорвались – но треть корпуса корабля потеряла плавучесть, и проблема была даже не в десяти тысячах тонн принятой воды, а в том,

что когда оконечность входит в воду, остойчивость ухудшается резко, скачком, так что возможно мгновенное, за секунды, опрокидывание корабля, что и случилось⁷. Из тысячи четырехсот человек экипажа спаслись единицы – причем большинство так и остались заживо погребенными в чреве тонущего линкора. Как когда-то двести человек машинной команды русского броненосца «Ослябя», погибшего в Цусиме, как большинство из команды «Кагановича», две недели назад. Теперь русские отомстили за всё! И это был еще не финал.

Карен Суренович Хачатурян и в этой реальности станет выдающимся композитором и педагогом – демобилизованный в сорок шестом (строго по закону, лица с высшим и средним специальным образованием призываются на половинный срок, ну а во флоте тогда служили пять лет, значит с льготой выйдет два с полтиной), закончит Московскую консерваторию. Но первой его наградой здесь станет не орден Дружбы, полученный в иной истории в 1995-м, а Отечественная 1-й степени, врученный всему экипажу Н-13 за потопление линкора. Бывший старшина 1-й статьи станет автором музыки к кинофильмам, как и в нашей истории, – и первой в этом ряду будет советско-итальянская лента «Битва за Рим» (о событиях 1944 года и спасении папы из немецкой тюрьмы с острова Санто-Стефания), затем «Тайна двух океанов», снятый на «Грузия-фильме», совместно с Ялтинской

⁷ Именно так погиб линкор «Новороссийск».

киностудией, «Семнадцатый конвой», «Угнать субмарину» и многие другие, но почти половина о море и морях.

Он так и не узнает, какую роль в его судьбе сыграла всего одна строчка в докладе Лазарева М. П. на имя главкома ВМФ Кузнецова, написанном еще в декабре сорок третьего. «Рекомендую привлечь студентов и выпускников музыкальных училищ и консерваторий к службе акустиками на подводных лодках и надводных кораблях».

Адмирал Одзава, линкор «Исе». Вечер 22 июня 1945 года

А была ли лодка? Самолет вроде что-то заметил, но корабли, прочесавшие это место почти сразу же, не обнаружили ничего! И тут же был атакован «Хиуга», и поиск врага снова ничего не дал! Так кто там внизу – обычная субмарина, или Подводный Ужас, пожиратель целых флотов? Если верно худшее, то демон от нас уже не отстанет! И ничего с ним не сделать – немцы говорят, что спасение от него одно – быстро убегать!

Одзава не был трусом. Считавшийся по праву лучшим тактиком японского флота, он умел отлично использовать средства, которые имел и к которым привык, но не умел выходить на новый уровень – подобно тому, как самурай, выйдя на поединок, мог по стойке противника предвидеть его удар, но не был готов к тому, что враг выхватит револьвер. Сражения, в которых он командовал, в обеих исторических реальностях, были разыграны безупречно, и безусловно за-

вершились бы победой – при условии, что силы врага были бы зеркальным отражением его собственных. Но ВМС США сорок пятого года отличались от самих себя времен Перл-Харбора в той же мере, как РККА лета сорок первого от Советской армии, бравшей Берлин, а вот Императорские Армия и Флот почти не прогрессировали за это время.

Ведь по восточной традиции, творить может лишь патриарх Школы, а всем прочим надлежит лишь безупречно исполнять заданный им канон.

Сами японцы верят, что битву у Сайпана Одзава провел безукоризненно, но боги не даровали ему победу. Конечно, если считать волей богов тот факт, что японский адмирал действовал, словно никаких американских радаров не существовало. История не знает сослагательного наклонения (даже после экспериментального подтверждения фактом попадания «Воронежа» существования параллельных миров – ведь по-другому все равно может случиться в иной реальности, а не в этой), но если бы на месте Одзавы был не японский, а русский адмирал? Мысль, которая через много лет пришла в голову некоему Лазареву М. П., на покое писавшему книгу по военно-морской истории. Был ли за японцев выигрывающий вариант?

Как ни парадоксально – но мог быть! Если сила американцев была не только в технике и подготовке личного состава, но и в идеальном управлении. Но локаторы того времени легко глушились самыми простыми помехами – тогда

еще не умели ни вести селекцию движущихся целей, ни оперативно менять рабочие частоты. Если в час X с береговых аэродромов взлетают эскадрильи армейских бомбардировщиков – не обученных работе по кораблям, но этого и не требовалось. Имея на подвесках не торпеды, а целые батареи неуправляемых ракет, с дистанционным подрывом, с боеголовками, начиненными фольгой! А истребители Армии должны были прикрыть своих подопечных до выхода на рассчитанный рубеж пуска ракет. Этого хватило бы бомбардировщикам и торпедоносцам Флота, чтобы незамеченными выйти на дистанцию удара по американской эскадре – причем первая атака шла бы по эсминцам радиолокационного дозора, периметр рушится, и главные ударные силы прорываются к авианосцам! Конечно, потери были бы огромными, учитывая мощь американского зенитного огня, но и у японцев были все шансы на этот раз не остаться в долгу; может быть, даже это не стало бы японской победой, – но даже за выигрыш сражения янки пришлось бы заплатить настоящую цену.

Хотя даже в этом варианте Япония все равно проигрывала бы войну. Просто потому, что США могли позволить себе потерять еще два, три авианосца – введя в строй в течение ближайшего года еще десять (а с массовой переделкой из крейсеров «Кливленд» и все тридцать), аналогично и по кораблям других классов. А вот для японской промышленности такой темп был абсолютно недостижим! И рано или

поздно – «когда у одной из сторон пятикратный перевес в кораблях, и десятикратный в палубной авиации, говорить о военно-морском искусстве неприлично».

Но сейчас Одзава просто не знал, что делать! Налет пусть даже большого числа и превосходящего качества самолетов был все же знакомой проблемой, с которой можно бороться. Но что делать с подводным демоном, превосходящим обычные субмарины настолько же, как линкор «Ямато» превосходит паровые фрегаты командора Перри? Лишь убегать, потому что наши жизни и корабли еще будут нужны Японии! Бежать на север, от своих баз – потому что демон оказался позади!

У немцев «Шарнхорст» в сорок третьем спасся, удирая на тридцати узлах – демон сожрал лишь отставший и потерявший ход эсминец. Но «Исе» не мог развить свыше двадцати пяти, а авианосец «Дзуньо», переделанный из лайнера, едва мог держать двадцать четыре, и отставал! И нельзя идти противолодочным зигзагом, чтобы не замедлять движение, и акустика эсминцев ничего не слышит на таком ходу. А потому мы узнаем, гонится ли демон за нами, лишь когда он еще кого-то потопит!

Прошло уже три часа, наступили сумерки. И вдруг взорвался «Дзуньо», два попадания, ближе к корме, авианосец потерял ход! И ничего нельзя сделать – лишь передать «Ташибана» и «Симуре» остаться с подбитым, охранять, а при необходимости снять команду. Было бы слишком самона-

деянно думать, что два эскортника смогут справиться с демоном – хорошо, если они заставят его, решившего добить жертву, повозиться чуть дольше.

Подводная лодка Н-3.

Ночь на 23 июня 1945 года

Командир, капитан 3-го ранга Бочаров, рассматривал в перископ неподвижную цель. Все же достали мы самурая, на самом пределе! Штаб флота вовремя передал информацию, и лодка успела занять позицию, на предполагаемом пути японской эскадры, – но как оказалось, все же чуть в стороне. И будь у нас Щ-407, которой Бочаров командовал на Балт-флоте, ушел бы враг невредимым, но возможность рвануть под водой шестнадцатиузловым ходом значит очень много, особенно когда акустик уже уверенно дает пеленг, и по его смещению можно судить, пройдет ли цель в пределах досягаемости торпед.

И все равно стреляли уже позади траверза цели, фактически вдогон. Четыре торпеды, надо думать, утонули по исчерпанию дальности хода, но две все же успели поразить врага, опознанного как тяжелый авианосец. Странно, что японцы продолжили следовать своим курсом, оставив со столь ценным кораблем всего два эсминца! Спешили куда-то, имея важное задание? Ну, мы не торопимся никуда, подранок от нас не уйдет. А прочими заняться – тоже есть кому!

Поднять антенну (можно было радиобуй выпустить, но за-

чем терять ценный инвентарь?), сообщить в штаб. И начинается охота. Японской авиации можно не бояться, вон как сел этот на корму, хрен с его палубы взлетишь и сядешь! Эсминцы ходят кругами, ну что ж, тем хуже для вас! Взгляд на планшет – вот в эту точку выйти и ждать. Командир БЧ-3 – подготовить две торпеды на кильватер, вправо, и четыре обычные, прямоходные. Если все рассчитали правильно, то эсминец должен пройти в восьми-двенадцати кабельтовых перед нами, ну а второй будет в это время по другую сторону прикрываемого объекта от нас!

Не ошиблись. Пуск двумя. Поворачивает, что-то услышал, – но поздно, не увернется уже! Есть, хотя только одна попала, но для эсминца этого достаточно для полной потери боеспособности. Нам он уже не интересен, вперед, пока второй не может вмешаться! Ну вот, условия стрельбы идеальные – большая неподвижная цель, бортом, дистанция 20, можно еще сократить. Так, второй эскортник выскочил, идет на нас, ну и пес с ним! Доклад из торпедного – первый и второй успели перезарядить, так что у нас шесть в залпе. Отставить – по авианосцу четыремя, как приказано, а вот слабо сделать дуплет? Четыре ушли, доворот, эсминец на контркурсе, лоб в лоб – дистанция 10, пуск двумя! И отворот, и на глубину, ход полный! Да, «немка» не «щука», намного резвей!

Взрыв – по пеленгу, эсминец, шум его винтов прекратился. И два взрыва, авианосец – все же растворение веера мож-

но было дать поменьше? Из осторожности отползаем еще в сторону, аппараты уже перезаряжены, вот теперь можно и перископ. Одного эскортника на поверхности нет, второй явно не жилец, с таким креном, и горит. Это важно – сначала оценить состояние опасных для тебя противников, а то могло быть, что торпеда преждевременно взорвалась, а эсминец машины на стоп – и слушает, когда ты высунешься. Теперь, что с авианосцем – вот красота, кормой осел сильно, и кренится, и дым столбом! Может быть, и сам скоро утонет – но ради такой цели и еще пары торпед не жалко, тяжелые авианосцы советскому флоту нечасто попадаются на прицел! С восьмью кабельтовых – как «удар милосердия», чтоб не мучился – двух торпед хватит. Хорошо рвануло – ну, если он и сейчас не утонет, в бога Нептуна верить перестану!

Да, не зря были курсы усовершенствования! А как поначалу ерепенились командиры лодок, когда их, по году, а то и больше отвоевавших, в Москву отзывали, «на переподготовку»! Но против приказа не попрешь. Со всех подписку взяли, учебный класс охраняли «волкодавы» из флотского СМЕРШ – внутрь зашли, а там на столах такие чемоданчики с телевизорами внутри, как в романе Беляева «Чудесное око». И управление, клавишами или утюжком, можно не смотреть, а самому играть, как это сделано, непонятно, да и неважно это! В принципе, такие учения с моделированием боевой задачи еще до войны проводились, на планшетах, идея была знакома. Но были эти игры редки, поскольку сложны и тру-

доекми – на каждого играющего несколько человек должны были считать и чертить, и, конечно, что-то упускали. А тут – «характеристики лодок, их вооружения и средств обнаружения соответствуют тому, на чем вам завтра воевать». И – вперед, сначала вот вводные, покажите, как бы вы действовали. А затем – ознакомьтесь с некоторыми тактическими приемами. И сразу – можно попробовать... интересно, а кто же за противника играет? Причем ладно бы еще бой один на один, но при атаке конвоя или эскадры в игре до тридцати целей! И если условно «потопят», на экране сообщение, и начинай заново. От момента обнаружения и сближения – на этом этапе время можно было «ускорить», чтобы долго не сидеть. «Учителем» был сам контр-адмирал Лазарев – командир «Моржихи», что у немцев на севере весь флот перетопила. А ассистировали ему еще два героя-североморца, Котельников с Видяевым. За две летние недели каждый из «учеников» столько выходов в атаку, прорывов охранения, отрывов от преследования провел – сколько за всю войну не приходилось (в реальном походе, длящемся неделями и месяцами, собственно контактов с противником может быть – по пальцам сосчитаешь). И в завершение было совсем уж небывалое на войне – подводные дуэли! Может, оказывается, и лодка по лодке под водой стрелять. Ну и очень помогло, что к маневренным качествам лодок «тип XXI» привыкли, не смущало уже ни двести метров глубины, ни шестнадцать узлов полный подводный ход и шесть, экономичный (вместо

восьми и двух, соответственно, у «щук»).

Утоп наконец авианосец, скрылся под водой. Видно плохо, стемнело уже, — но акустик докладывает, что слышит характерные звуки — корпус разрушается, механизмы сорвались со своих мест. И вроде там плотики плавают — на таком корабле экипаж должен быть тысяча, а то и полторы, а ведь еще и с эсминцев кто-то спастись мог — так что болтается сейчас наверху в море больше народа, чем с «Титаника». Немец бы, наверное, всплыл и из пушки по плотам, чтобы артиллеристы навык не теряли — политработники рассказывали, что были у фрицев и такие звери, как Броне или Лют, кто при этом еще и свободных от вахты наверх вызывали, с ручными пулеметами, чтоб поучаствовали. Ну а мы не фашисты — донесение в штаб флота, вместе с координатами... большое число возможных пленных. Так что, если у наших будет возможность, то пришлют кого-нибудь подобрать. Ну а кто из япошек до того не доживет, мы не виноваты, судьба!

Авианосец, два эсминца — ну не совсем эсминцы, эскортные миноносцы типа «Тачибана» или «Матсу», силуэт в альбоме похож, но не мелочь, по 1700 тонн! Вот не было ни гроша на боевом счете — и вдруг алтын... а ведь три штуки и есть! Думаю, ордена за такое всей команде, «Отечественная первой» — по статуту положена тем «кто, входя в состав экипажа корабля, самолета или боевого расчета береговой батареи, утопил боевой корабль или 2 транспорта противника», ну а тут целая троица. А ведь война не кончена — может, еще

кто попадется?

Победно скалится белая акула, нарисованная на рубке Н-3. Кто еще попадется на зуб?⁸

Адмирал Одзава, линкор «Исе».

Ночь на 23 июня 1945 года

Тот, кто уже умер – не боится ничего. И является истинно свободным в своих поступках. А истинный самурай живет – в любой миг готовый умереть!

Стало известно – «Хиуга» затонул, почти со всем экипажем. И не отвечают ни «Дзуньо», ни его конвой. Как до того погиб «Читозе» – и ни в одном случае атакующая лодка не была замечена достоверно! Может быть, это были разные лодки? Но даже немцы, более искусные в подводной войне, чем Императорский Флот, не показывали такого класса управления своими субмаринами! Значит, с большой вероятностью – внизу ходит Подводный Ужас. Не спешит нас добивать – значит, уже не выпустит, уверен, что нам от него не уйти! И мы все уже мертвы.

А если Енаи прав, и нет никакого демона, а есть всего

⁸ В нашей реальности капитан 3-го ранга Бочаров П. И., командуя на Балтике Щ-407, потопил «Зеебург», третий по размеру немецкий корабль, после «Густлофа» и «Штойбена», уничтоженный нашими подводниками. Также к числу достоверных побед следует отнести транспорт «Нордштерн», потопленный при следовании в конвое. Однако же ни Щ-407, ни ее командир не удостоились за войну никаких наград. Так как Бочаров до 1943 года командовал на ТОФ лодкой Щ-123, то весьма вероятно, что в альт-реальности он будет одним из первых кандидатов на «немки».

лишь один корабль, намного обогнавший свое время, это для нас ничего не меняет. Как сто лет назад, во время «опиумной войны», единственный английский паровой фрегат, и против него, от горизонта до горизонта, стена огня от сотен горящих китайских джонок — на картине, которую Одзава видел когда-то давно, в британском Адмиралтействе. Китайцы середины прошлого века тоже считали себя Великой державой, с многомиллионной армией и флотом из тысяч боевых кораблей. Только все это оказалось прахом перед горсткой гайдзинов и их намного более совершенным оружием. А ведь китайцы не были дикими зулусами, они изобрели порох, ружья и пушки раньше, чем европейцы! Вот только западный путь оказался сильнее — не искуснее, не совершеннее, но сильнее — думать не о духовном начале, а о механических усовершенствованиях, позволяющих даже слабому трусу победить истинного воина! Отчего в той войне весьма многочисленная китайская артиллерия оказалась «бумажным тигром», не нанеся англичанам никакого урона? Да оттого, что китайцы не сумели изобрести такой простой вещи, как колесный лафет, — а стволы, наглухо закрепленные в деревянных колодах, трудно было наводить, перемещать, а будучи установленными на кораблях, они расшатывали корпус. Но ведь в Японии все было иначе?

Да, страна Ямато, решив превзойти европейских гайдзинов, прежде всего в военном деле, старательно перенимала от них все военно-технические новинки, создав мощную ар-

мию и третий в мире флот. Но не было ли и тут сделано роковой ошибки?

Одзава помнил – тридцать пятый год, визит немецкой военной делегации. Германия тогда собиралась строить «Цепелин», свой первый и единственный авианосец – и, не имея опыта, скооперировалась с японским союзником, получив полную техническую документацию по авианосцу «Акаги», в обмен на новейшие немецкие системы управления артиллерийским огнем (поставки готовых и лицензия на производство). И глава делегации, в ответ на вопрос, как гости оценивают японскую военную и морскую мощь, рубанул с тевтонской прямоотой, еще не будучи знакомым с правилами восточной дипломатии.

– Вы, японцы, научились копировать чужое. И даже что-то усовершенствовать. Но вам не дано придумать что-то качественно иное! То, что вы нам показали, – это всего лишь улучшенная копия британского «Фьюриеса». И вы совершенно не понимаете, что оружие это лишь верхушка, острие – у вас еще хватает ума сообразить, что к пушкам нужны нормальные СУО, но вы абсолютно не видите важность развития технологий даже в военном производстве.

Скандала не возникло – все же союзник! Что поделать, белым гайдзинам обидно видеть, что какой-то из народов презираемой ими желтой расы может в чем-то сравниться с «цивилизованными людьми»! Немцы по существу ничем не отличаются от англичан и янки – разница лишь в том, что бит-

ва с ними за господство над миром это дело не завтрашнего, а послезавтрашнего дня. Начав войну на Тихом океане, Япония показала, что ничем не уступает белой расе – Малайя, Сингапур, Филиппины, Бирма, Индия – и всюду европейцы в ужасе бежали от японской армии и флота; а если и начали побеждать в последние два года, то это исключительно оттого, что выставляли впятеро, вдесятеро больше сил! Но тут ничего не поделать, Япония не виновата, что ее население, территория и промышленный потенциал на порядок уступают США и Англии – сто самых отважных самураев не могут победить тысячу, а лишь погибнуть с честью, сохранив свои имена в веках.

Проклятые русские! В полный их разгром Одзава (согласившись с мудрой оценкой Енаи) не верил, вспоминая сказанное еще Бисмарком, «русских нельзя победить, но и сами русские не могут быть победителями», так что наиболее вероятным прогнозом было взаимное истощение СССР (за которым стояли англосаксы) и Германии (с вариантами, от сепаратного мира до позиционного фронта образца прошлой Великой войны), с последующим истощением и США с Англией, вынужденных этот конфликт разрешить; ну а Япония в этом раскладе оставалась при своем захваченном, как после той войны Циндао, после этой – Индокитай, Малайя, Филиппины, Ост-Индия, Бирма, территории в Китае, а возможно, и в Индии (это в дополнение к ранее принадлежавшим Империи Кореи, Маньчжурии, Формозе, островах Юж-

ных морей). Кто же знал, что Германия окажется настолько слабым союзником, что, надорвавшись, бездарно спустит все свои победы!?! А в итоге Япония оказалась в полном одиночестве против коалиции, жаждущей ее крови и совершенно не показывающей усталости от войны! Когда Империя напрягала последние силы, отступая постепенно, с тяжелыми боями, – были потеряны Филиппины, пришлось уйти из Индии, англичане вторглись в Бирму, под угрозой Индокитаю, – но по большому счету еще ничего не было решено, пока оставались ресурсы и промышленная база Маньчжурии, Кореи и части Китая – русские, до того отсиживающиеся в стороне, подло ударили в спину самураю, истекающему кровью!

О том, что будет завтра, – не надо думать: это в воле богов и божественного микадо. Но если боги по-прежнему покровительствуют стране Ямато, то они помогут нам в этом бою! Надо лишь помнить, что боги не помогают трусам – а лишь достойным, сохранившим честь и лицо! Значит, надо поступить, как положено самураю. Дать бой русским здесь, возле островов – уклоняться от битвы в первый день было ошибкой.

А если боги отвернулись от Японии и больше не защищают ее – тогда не надо и жить!

Завыл ревун воздушной тревоги. Когда адмирал вышел на мостик, налет уже закончился. В небе догорали «люстры» САБов, а русские топмачтовики скрылись во тьме – и горели эсминцы «Кейки», «Моми», а «Хиноки» уже затонул! Эки-

пажи с подбитых – не снимать. Нет смысла, если мы сами не вернемся домой. Пусть они хотя бы отвлекут на себя какие-то силы русских и время. Даже если все завершится тремя торпедами с Подводного Ужаса – не бесконечный же на сверхкорабле боезапас? Но главное, демон здесь – и уже не успеет к берегам Кореи. Кстати, надо радировать эсминцам, остававшимся с «Хиугой», чтобы они шли не на соединение с нами, а пытались перекрыть проливы на запад, может, и это хоть немного задержит Ужас, когда он, разделившись с нами, поспешит туда. Ну а мы успеем еще хлопнуть дверью, подороже отдав свою жизнь!

Радио с «Кейки» – торпедирован, тону. Демон пожирает отставших, считая их легкой добычей, – как рассказывали немцы, это была действенная мера и в европейских водах. Что ж, имена погибших будут занесены на стену храма Ясукуни! Остается лишь отомстить за них.

Стрельба в ночи! И радио с миноносца «Манадзуру»: веду бой, это не лодки, а торпедные катера! С радарами – как иначе они могли нас найти? Взрывы торпед – и два миноносца правофланговой завесы, «Манадзуру» и «Хатцукари», не отвечают на вызовы. Погибая, они спасли эскадру, тут же изменившую курс влево. Значит, цель уже близко – радиус действия катеров не может быть велик! Неизвестно, понесли ли русские потери, – но если и да, то вряд ли в равновесии с двумя миноносцами, по сто восемьдесят человек экипажа на каждом. И никто не будет заниматься их поиском и спа-

сением в чужих водах. Хотя еще недавно Япония считала это море своим. И до берегов Метрополии совсем недалеко.

Час до рассвета. И какие-то полсотни миль до Курильской гряды. Сейчас мы обрушимся на русских, подобно тайфуну! Линкор, легкий крейсер и семь миноносцев – этого хватит, чтобы разобраться с плавучей швалью, которую гайдзины сумели там собрать. Ну а после – наш долг перед Японией будет выполнен.

И тут в «Исе» попали торпеды. Подводный Ужас все же нас настиг?

Погибаем за Императора – Тэнно Хэнку Банзай!

Корветтен-капитан Хайнц Байрфилд.

В июне 1945 года – командир лодки U-214,

Фольксмарине ГДР

Лишь теперь понимаю, отчего русские нас победили! У них на флоте порядок, как в штрафбате.

«Папа» Дениц нас берег. До того, что командиру давалась свобода отказаться от атаки, если считаешь, что опасность угробиться слишком велика. Себя сохранить, чтобы «в следующий раз, без риска». Правда, когда вместо Кригсмарине стало Ваффенмарине, это после того как «Шеер» русским сдался и на лодках кригс-комиссары появились, то началась жуть. Потому что набирали их из партийных береговых крыс, ничего в военно-морской тактике не понимавших, – хорошо, если у кого-то здорового ума все же хватало,

а то ведь попадется кретин с мышлением, увидел противника, вперед и на него! Мне вот такой и попался, в первом же походе... ну и лежит моя U-703 где-то на дне у берегов Норвегии, русские только меня и подобрали, и еще эту сволочь, верно говорят, что дерьмо не тонет. Теперь этот ублюдок, с характерным прозвищем Свинорыл, вынырнул в Бремене на некоей административной должности, на каждом углу орет о верности делу Сталина и коммунизма – так же как когда-то внушал моему экипажу: за фюрера и Рейх. С охотой придумал бы его – но ведь политическое дело прилепят! И карьере не хочется ломать – тем более что русские слово сдержали. Обещали ведь когда-то, что срок выслуги в чине идет от получения предыдущего, а не со дня вступления в «свободную Германию», ну а я в каплях уже достаточно ходил, и вот – считай что авансом, корветтен-капитан! А может, и тут политика – что на службу новой власти идет не кто попало, а старший офицерский чин, с двумя Железными крестами.

Слава богу, со статусом определились! А то ведь сразу после капитуляции было, вот смех, согласно протоколу, не армия, а «военизированная казарменная полиция», ядро которой это бывшие 15-я и 21-я танковые дивизии. А флот тогда чем считать – морской жандармерией? Хотя осталось этого флота... русские самое ценное выгребли себе, в компенсацию – не брезгуя даже портовыми буксирами, плавкранами, плавдоками и прочим вспомогательным хозяйством! Оставили древний броненосец «Шлезвиг-Гольш-

тейн» (и еще его систер-шип «Шлезииен», угодивший у Данцига под русские бомбы, вроде собираются поднять), крейсер «Эмден» постройки 1926 года, дюжину миноносцев типов «35» и «37» (все уцелевшие более поздние и мощные «39», равно как и «церштереры», забрали), две флотилии тральщиков (что чистят сейчас Балтийское море от мин) и меньше десятка старых подлодок, оказавшихся в северогерманских портах – ограбили нас почище, чем после той, прошлой войны! Правда, никаких запретов на кораблестроение не наложили, и верфи работают – вот только первые двенадцать лодок «тип XXI», вступившие в строй после капитуляции, уже у стенки завода подняли советский флаг! Но обещали, что и нам что-то достанется, как с япошками разберутся – будет тогда половина русским, половина нам. Так ли это, не знаю, мы в октябре из Бремена ушли. Как там дома?

Шли через два океана – двенадцать «двадцать первых» с русскими экипажами, наши U-214 и U-218, громадный двухтрубный пароход «Советская Украина» (бывший «Берлин») в качестве плавбазы и штабного корабля, и два транспорта, «Ижора» и «Луга». В Норфолке к нам присоединились, также под русским флагом, два эсминца типа «флетчер» и шесть десантных кораблей. Стоянка в главной американской военно-морской базе была короткой, и ее омрачило крайне враждебное отношение американцев к моим парням, вплоть до драк и поножовщины без всякого повода с нашей стороны – при том, что к русским было показное дружелю-

бие. И это, как нам сказали, были еще «цветочки», а вот попробовали бы вы зайти в британский порт...

Этот факт убедил в правильности сделанного нами выбора колеблющихся (если таковые и были среди нас). Профессия моряка вполне достойная и оплачиваемая, чтобы менять ее на какую-то другую (особенно в свете послевоенных бедствий, голода и безработицы). В то же время мы видели, что торговый флот Германии уменьшился еще в большей степени, чем военный, а всерьез рассчитывать на карьеру у американцев или англичан для бывшего подводника кригсмарины было полным абсурдом (и надо полагать, у всех держав после войны будет в достатке своих моряков). Бежать же в Латинскую Америку (где сильна католическая церковь) после римских событий было бы верхом глупости. К тому же русские, формируя экипажи на наши лодки, отдавали явное предпочтение семейным, чьи родные остались в Германии.

Ну а для меня лично выбор был ясен. Если Германия не погибла, а называется сейчас ГДР. И как положено, имеет свой собственный флот. Чем мечта дослужиться до чина капитана цур зее⁹ хуже любой иной (а уж выйти на пенсию адмиралом это предел!).

Конечно, нас не оставили без внимания. От русских в нашем экипаже находился капитан-лейтенант Сапожников, не партийный функционер, а служивший ранее первым вахтенным офицером на одной из лодок Балтийского фло-

⁹ Капитан 1-го ранга в советском флоте.

та¹⁰ и хорошо говоривший по-немецки. Исполнял у нас обязанности офицера связи с русским штабом, а никак не кригс-комиссара, до того дня. Единственное, что делало похожим Сапожникова на кригс-комиссара, так это то, что после, с началом войны, он взял на себя обязанность читать и переводить экипажу военные сводки Совинформбюро. Русская армия вела наступление по всем фронтам, буквально размазывая японцев тонким слоем. Черт подери!.. Но нам немцам почему-то было чертовски приятно быть частью этой всесокрушающей силищи!

Камчатка показалась мне похожей на Норвегию. А Петропавловск, главная русская база здесь, – на Нарвик. Нельзя сказать, что русские относились к нам с братской любовью, – но исправно выдали положенное снабжение (непривычным лишь было, что хлеба нет, одни сухари – в кригсмарине свежую выпечку брали из расчета хотя бы на первые дни), сообщили всю необходимую информацию. Даже сводили желающих в местный музей (оказывается, тут есть и таковой!), где мы узнали, что этот город мало того что основан почти два века назад, так еще имеет славную военную историю, успешно отбившись от набега «лимонников» с «лягушатниками» в 1854 году и истребив японский десантный отряд в 1904-м. Сейчас же Петропавловская бухта была забита кораблями,

¹⁰ Герр Байрфилд называет должность старпома, как ему привычно в кригсмарине. Хотя аналогия не точная – на немецких лодках «первый вахтенный офицер» это еще и командир БЧ-1-4.

как бочка селедкой, одних лишь субмарин было четыре десятка. С удивлением я увидел знакомые очертания русской «Моржихи», и лишь вблизи было видно, что это макет. Но и сама сверхсубмарина тоже была тут, неделю назад, и вышла в море перед самым нашим прибытием. Если это так, то мне искренне жаль япошек – и черт возьми, приятно, что в этой войне Полярный Ужас будет сражаться на нашей стороне! Шмультке, мой второй вахтенный офицер, усомнился, зачем тогда здесь нужны мы? Я ответил, что русские, вероятно, похвально предусмотрительны, как у них говорят, «не кладут все яйца в одну корзину».

Мы вышли из Петропавловска 30 мая. Шли к берегам Японии, сильно отклонившись к востоку, в океан, от Курильских островов, мы не «двадцать первая», нам приходилось быть осторожнее. Причем бояться следовало не только японцев, в этих водах вполне можно было наскочить и на американские корабли, а особенно самолеты. Но все же спокойнее, чем в Атлантике, янки пока еще были тут гостями, не хозяевами, а японская ПЛО после англичан смотрелась убого. И от нас требовалось, прежде всего, тихо прийти и тихо уйти, выставив в Сангарском проливе у входа в порт и базу Хакодате пятнадцать мин SMA, что мы таскали в шахтах еще от Бремена. А уж после охотиться на встреченные японские корабли и транспорта.

Первого противника, подводную лодку, мы обнаружили акустикой, хотя шли в надводном положении, успели погру-

зиться. Были уже сумерки, но силуэт цели еще можно было хорошо различить в перископ. Одна пушка на палубе, позади довольно крупной рубки, была характерна для японских крейсерских субмарин, но не для русских лодок¹¹. К тому же мы достоверно знали, что русских в этом районе, к тому же идущих со стороны океана, курсом на запад, быть не может. Американские союзники также не сообщали нам ни о каких своих операциях здесь и в это время – потому я решил атаковать. Две торпеды были выпущены с дистанции всего девять кабельтовых, одна из них достигла цели. Так как наш поход лишь начинался, мы не стали всплывать, чтобы подобрать пленных.

11 июня мы подошли к цели. За все время нам четырежды приходилось уклоняться срочным погружением от самолетов, и один раз мы обнаружили корабельный противолодочный дозор из пары тральщиков. Поскольку проникать глубоко в акваторию пролива Цугару было бы самоубийством, я решил, в рамках полученного приказа, выставить мины двумя банками у его восточного входа, на предполагаемом фарватере. Как назло, на отходе черт послал нам навстречу одиночный японский транспорт, без охранения, в очень удачном ракурсе. И это в тот момент, когда мы находились во вражеских водах, в пределах досягаемости базовой авиации,

¹¹ И для ПЛ США тип «Балао» и «Гато». Герру Байрфилду следовало быть внимательнее – у американцев рубка башнеподобная, а у японцев удлиненная, из-за самолетного ангара. Но если смотреть в сумерках и под острым курсовым углом, то действительно можно ошибиться.

имея в батарее едва треть заряда! То есть успешно уклоняться долгое время от весьма возможного преследования мы под водой не могли!

Потому я вынужден был отказаться от атаки. И имел неприятный разговор с Сапожниковым – с трудом сумев ему объяснить, что не стоит сейчас рисковать нашими жизнями ради возможности отыгаться после. Русский явно остался недоволен и, очевидно, по возвращении напишет на меня доклад. Надеюсь, судьба еще пошлет случай оправдаться!

Случай представился на следующий день. Какой-то каботажный пароходик, тонн на девятьсот, ползущий вдоль берега на север. Но в военное время не бывает гражданских судов – напротив, законы тотальной войны говорят, что все, что нужно для выживания вражеской нации, тем самым имеет военное значение! Потому я дал приказ атаковать – и японцы, очевидно, даже не заметили торпед, ведь электрическая G7e не дает следа, а акустики на этом корыте быть не могло! Попал хорошо, пароход быстро затонул, шлюпки спустить не успели. А то можно было бы попрактиковаться в артиллерийской стрельбе, – но русские отчего-то к такому относятся неодобрительно!

В сумерках мы заметили еще одно судно, с похожим силуэтом, идущее тем же курсом. Мы успели полностью зарядить батарею, за спиной было открытое море, а значит, свобода маневра, – и я заявил Сапожникову, что «сейчас он увидит истинно атлантический класс». Где те «жирные годы», когда

мы легко набивали себе счет в десятки единиц и сотни тысяч тоннажа, почти не подвергая себя риску? Тактика была именно такой – в темноте сближались с конвоем, благо охранение почти или полностью отсутствовало, и стреляли торпедами из надводного положения, с минимальной дистанции (на некоторых U-ботах даже арматура для погружения успевала заржаветь – за весь поход не ныряли совсем!). Сейчас же я хотел, в извинение досадного эпизода в Снгарском проливе, показать русскому гостю германское искусство подводной войны, потому стрелял всеми четырьмя, растворив «вер». Торпеды уже ушли – и тут добыча вдруг освещает нас прожектором и резко поворачивает в нашу сторону, и открывает огонь не менее чем из 12-сантиметрового калибра! Это был не транспорт, а противолодочный корабль, тип D – класс, аналогичный нашим миноносцам!

Это было чудо, что в нас не попали! У меня руки дрожат, как я о том вспоминаю – дистанция была кабельтовых шесть, а то и меньше! Срочное погружение, – но пока мы толклись у люка, а один из японских снарядов разорвался так близко, что до нас даже брызги долетели, какой-то из наших «угрей» все же нашел цель! А для корабля в восемьсот-девятьсот тонн этого более чем достаточно. Так что я приказал отставить погружение, хотя палубу уже заливала вода – продуть цистерны и приготовить к бою все наши пушки, и ахт-ахт перед рубкой, и оба эрликона. Сейчас эти желтомордые расплатятся сполна за наш страх!

Русский высказал мнение: ваше право, герр Байрфилд, но простите, в кого вы собираетесь стрелять? Если там и остались выжившие, плавают в спасжилетах или на плотиках, вы на них будете ценный боезапас тратить? И что еще важнее, привлечь внимание еще кого-то, столь же опасного – хотя в Германии, кажется, не охотятся на глухарей на току? Конечно, живую силу врага следует уничтожать, чтобы эти спасенные завтра не ступили на палубу другого корабля, – но можно поступить гораздо эффективнее. До берега не так далеко, и там вполне могли видеть или слышать взрыв. А мы посмотрим, кто поспешит спасти тонущих! Кстати, долго они не продержатся, хотя и лето, но вода довольно холодная.

Мне трудно было возразить против такой, скорее даже немецкой, чем русской, рассудительности. Сапожников же после сказал, что слышал о подобном приеме от своего друга, офицера морской пехоты, бывшего на обучении у самого Смоленцева: «ранить, чтобы обездвижить, одного врага, на открытом месте, а затем выбивать тех, кто попробует его вытащить». И что Смоленцев в оправдание такого цитировал Сунь-Цзы: «а на войне одна победа лишь важна, победа все простит, война на то война».

– То есть для вас нет никаких правил ведения войны?!

– Герр Байрфилд, а ваши задумывались о том в сорок первом? Что до нас, то Смоленцев говорил со слов моего друга – запрещено мирняк укладывать штабелями. А против врага при оружии – дозволено всё.

Мы ждали в том районе до утра, лишь отойдя чуть мористее. Но никто так и не появился – у этих япошек совершенно нет орднунга! Они, кажется, даже не заметили, что пропал их сторожевой корабль, так и оставили своих моряков погибать! Дикари.

И все же нам довелось пострелять из пушек – когда еще через два дня, двигаясь на север, мы встретили три рыбацких судна. Скорее, это были даже мотоботы, тратить на них торпеду было непозволительным мотовством. В то же время было ясно, что эти рыбаки, способствуя прокормлению японской нации и армии, помогают ведению войны. Потому мы всплыли и открыли огонь с дистанции семь, а под конец и меньше трех кабельтовых, потратив два десятка 8,8-см снарядов и с сотню патронов к «Флакам». Итого на счету нашей U-214 уже шесть штук потопленных! Надеюсь, русские зачтут нам этот эпизод тремя самостоятельными победами? Кажется, там, в волнах, барахталось несколько человек, – но мы, в хорошем настроении, не стали их добивать. Равно как и брать на борт – у нас не было переводчика с японского, да и какие военные сведения могли сообщить рыбаки?

Нет, мы не были ни героями, ни палачами-садистами. А всего лишь обычными работниками войны. Добровольно подрядившимися на эту войну, как когда-то шли в ландскнехты, причем не считалось зазорным служить в армии иного государства, но именно потому совсем не горящими желанием отдать жизни за чужое Отечество. А лишь честно

отслужить, исполнив свой долг, и вернуться домой с честно заработанным. Лично мне, как я уже сказал, была обещана карьера во флоте новой Германии. И если ради того следовало умереть какому-то числу япошек – что ж, желтомордые, вам не повезло!

Формально мы выполнили задание – выставив мины в указанном районе. И у нас осталось всего восемь торпед (на два неполных залпа носовыми, если учесть, что одна торпеда заряжена в кормовой аппарат). Так что мы неспешно ползли к русскому Петропавловску, когда 21 июня получили радиogramму – оповещение по флоту. Тут, в Охотском море, готово было развернуться настоящее сражение, с участием половины японского флота! И мы, войдя в оперативную зону Северо-Тихоокеанской флотилии, оказались тоже включены в план развертывания русских сил!

Потопить линкор или авианосец это, конечно, славное дело. Но какие шансы при этом остаться живым? Однако и уклониться было бы неправильно. Так что мы заняли указанную позицию возле одного из Курильских островов. И с философским спокойствием слушали сообщения, как где-то к югу от нас идет битва. К чести русских, они нам обеспечили чистое небо, не надо было бояться японской авиации, – а русским самолетам было запрещено атаковать любые подводные лодки без особого приказа.

Вечером 22 июня мы получили приказ. Японская эскадра, по данным авиаразведки, идет прямо на нашу позицию.

Атаковать врага, нанести ему максимальный ущерб! И как сказал Сапожников, лишь во вторую очередь думать о собственном выживании. Если вы, герр Байрфилд, сейчас в составе советского флота, то будьте добры воевать по-русски!

Хотя, а чем я хуже Прина, потопившего линкор «Роял Оук»? Тем более что гидролокаторы у японцев уступают английским. Так отчего бы и не рискнуть?

А дальше – нам просто невероятно повезло! Штурман просто идеально вывел лодку, точно по курсу японцев, обнаруженных акустикой (вы не представляете, какой шум от винтов эскадры больших кораблей, идущих полным ходом!). И мы вовремя погрузились, пропустив над собой эсминцы головного дозора. Одна цель сильно выделялась среди прочих. U-214, оказавшись в выгодной позиции, дистанция 14 кабельтовых, выпустила полный залп. А дальше было просто везение нам и невезение япошкам (как и британцам, когда их линкор «Бархэм» взорвался от единственной попавшей торпеды), четыре наши «рыбки» веером, все с неконтактными взрывателями, расчет был, что линкору с проломленным днищем будет точно не до сражения, лишь бы до базы доползти. При растворе веера попала всего одна торпеда. Под артиллерийский погреб кормовых башен. И взрыв был такой, что даже нашу лодку, успевшую уйти вниз на сто метров, ощутимо потряхнуло!

Так вот и стал я, корветтен-капитан Байрфилд, первым и пока единственным подводником флота ГДР, кто потопил

вражеский линкор. И был за это награжден русским орденом Ушакова 2-й степени – по статуту, «за успешные действия при бое в море с численно превосходящим противником, приведшие к уничтожению значительных его сил». Мои офицеры, Гербер и Шмультке, получили по ордену «Красной Звезды», ну а прочий экипаж, поголовно – медаль «За победу над Японией».

Хотя не все русские, как мне показалось, считали это подвигом? Когда уже был заключен мир, мне довелось свести знакомство с русским майором морской пехоты, откликавшимся на странное прозвище «Скунс». Кажется, мы крепко тогда выпили, как нередко бывает с подводниками на берегу, – и я рассказал русскому о всех подробностях того похода, и что я при этом думал. Он слушал внимательно, а затем взял гитару и вполне приличным голосом спел песню, которую я прежде никогда не слышал. Про «тех, кто не вышел в первые ряды, – но не были и сзади, и горды, что честно воевали в середине». Я так и не понял, осуждает он это или оправдывает – я еще не настолько хорошо знал русский язык, чтобы различать смысловые тонкости.

Такэмацу Такэо, сторож японского консульства в Петропавловске-Камчатском (и по совместительству резидент японской военно-морской разведки)

Что такое утонченная месть по-японски? Изысканно беседуя, вежливо пригласить побежденного врага к обеду. А

на поданных блюдах – отрезанные головы его бывших сподвижников и друзей. И жены, и детей – всего рода.

Подобное чувство испытал Такэо в тот проклятый день. Когда его извлекли из камеры в подвале НКВД – куда его и прочих сотрудников консульства поместили в порядке не ареста, а интернирования, и ради вашей же безопасности, «а вдруг Петропавловск завтра ваши соотечественники будут бомбить». Его не били, не пытали, даже не допрашивали, и совсем неплохо кормили, но не выпускали и на прогулку во двор! А ведь даже СССР и Германия в июне сорок первого возвратили свои посольства через нейтралов!

И вот 30 июня его вдруг забрали из тюрьмы. До того сводили в баню и к парикмахеру, выдали чистую и отглаженную одежду. И что самое невероятное, вернули фотоаппарат, изъятый при обыске.

– Вы будете снимать то, что сейчас произойдет, – сказал офицер русской контрразведки, – это должны видеть в Японии.

На улицах Петропавловска было необычнолюдно. Причем русские солдаты были в полном вооружении, а в одном месте Такэо увидел даже танки. И какой-то шум слышался со стороны порта, невидимого отсюда. Он приближался, и кто-то крикнул: «Идут!»

По улице, окруженные цепью русских солдат, шли японские матросы. Впереди офицеры – и адмирал Одзава Дзисабуро. Такэо не был с ним знаком, но не раз видел его фото-

графию. Значит, нет больше Императорского Флота? Проклятые гайдзины – даже мы, сорок лет назад, не водили вашего Рождественского по Токио, как зверя напоказ!

– Это еще не все, а лишь имеющие товарный вид, – сказал русский офицер, – мы не настолько жестоки, чтобы гнать в строй покалеченных, раненых и обожженных. Но тысяча голов – тут, налицо! Это все, что осталось от вашей Северной эскадры – мы же не потеряли ни одного корабля. Но снимайте, пусть в Японии тоже увидят, как ваши военные все же прошли по нашей советской земле. И так будет с каждым, кто на эту землю посягнет!

Такэо сделал несколько снимков. Хотя понимал, что этим неудачникам лучше быть сейчас мертвыми, чем живыми. И уж конечно, не подвергать позору свои семьи. Но чисто профессиональное любопытство разведчика взяло верх. Тем более что и с русской стороны присутствовали фотографии, и даже кинооператор.

А злосчастному адмиралу не позавидуешь! Все его заслуги перед Японией оказались перечеркнуты полнейшей потерей лица – и даже сеппуку не смоет этот позор!

Адмирал Одзава Дзисабуро

Умирать во имя чести и долга самурая – легко. Жить оказалось куда страшнее!

Ему повезло выжить при взрыве флагмана. И даже организованно спуститься со своим штабом на катер, как по-

ложено, захватив портрет императора – до того, как «Исе» скрылся под водой. И перейти на борт «Исудзу» – все, что осталось от Северного соединения, легкий крейсер и несколько миноносцев! Чтобы приказать продолжить поход – ясно, что русский подводный демон нас не выпустит, так что хоть погибнем с честью, нанеся северным варварам хоть какой-то урон! Остров Уруп, где армия истекает кровью, обороняясь от наступающих гайдзинов, был совсем рядом, в сорока милях. Можно уничтожить русскую десантную флотилию – а еще, поскольку это ближайшая земля, находящаяся пока еще под японским контролем, спасти своих людей, кому посчастливится выжить! Если не удалось сохранить флот, – но стране Ямато нужны будут и обученные моряки!

Чуть меньше двух часов хода, считая, что эскортники могли развить лишь 25 узлов. И полчаса до рассвета.

А когда взошло солнце, с запада появились самолеты – сотня, две сотни! И это был конец.

Еще через полчаса «Исудзу» был горячей развалиной, медленно погружающейся в море – даже удивительно, что легкий крейсер выдержал два близких разрыва очень больших бомб и четыре прямых попадания четвертьтоннок с пикирования. И лишь четыре миноносца оставались на плаву, с разной степенью повреждений. И только один, «Маки», сохранил возможность выйти в торпедную атаку, когда на горизонте показался противник, опознанный как тяжелый

крейсер «Шеер» (у русских «Диксон»), и еще два эсминца с ним, но это было уже неважно.

И все было, как должно – японские корабли не могли ни уклониться от боя, ни выдержать его. «Маки» был расстрелян и затонул, успев напоследок дать торпедный залп куда-то в направлении – ни в кого не попав. Затем русские начали 280-мм снарядами рвать на куски «Исудзу», способный отвечать лишь из двух палубных орудий, причем на японском крейсере не осталось уже ни одного дальномера и была выбита система управления огнем. А оставшиеся три миноносца, до предела избитые, даже не могли стрелять. Одзава хотел остаться на тонущем корабле до самого конца, вышел из рубки на мостик, в надежде, что очередной снаряд подарит ему смерть с бою. Но боги отвернулись – или оказали то, что у русских называется медвежьей услугой. Вспышка, взрыв – и адмирал очнулся уже на плотике, среди верных, но глупых матросов, не знавших правила самураев, «есть время жить, и время умирать». Лучше бы они оставили его тело на мостике, – а теперь ему пришлось испытать позор плена. И не было даже мечы, чтобы поступить, как положено самураю!

Русские были с ним почтительны до издевки. Оказали медицинскую помощь. Но потребовали, чтобы он тоже исполнил свой долг до конца.

– По вашему, как и нашему Уставу, даже после гибели корабля сохраняется вся власть начальствующих лиц над подчиненными, пока вышестоящий штаб не издаст приказ о рас-

формировании экипажа. Оттого вы можете сделать для своих людей последнее благое дело. Привести их к месту, где они будут пребывать до окончания войны, уже скорого – ведь у Японии больше не осталось флота, Южное соединение тоже полностью уничтожено!

– Что будет, если я откажусь? – спросил Одзава.

– Для вас, ничего, – ответил русский, – но для ваших людей это, безусловно, отдалит время возвращения домой. А то и поставит саму возможность этого под сомнение.

– Вы их всех убьете?

– Зачем? – усмехнулся русский. – Просто не факт, что им будет куда возвращаться. Что останется существовать прежнее японское государство. А что станет вместо него – зависит лишь от вас.

Смысл этих слов адмирал не понял. Но уяснил, что страна Ямато находится в огромной опасности, раз гайдзины замыслили посягнуть на самые основы ее существования. И чтобы Япония осталась жить, ей потребуются люди, способные за нее сражаться. А проигранная война – это просто как еще одно землетрясение, тайфун или большая волна: после них, рано или поздно, все налаживается по-прежнему. Если будет кому восстанавливать разрушенное.

Ну а он, адмирал Одзава Дзисабуро, совершит сеппуку, как только ему будет дозволено взять в руки меч.

И еще – самураю недостойно лгать? Но что есть ложь – это ведь когда ты уверен, что было не так? А адмирал вполне

искренне допускал, что морской демон, русский Полярный Ужас, существует и имеет самое прямое отношение к гибели его флота. Ведь проиграть столь страшному врагу, по своим возможностям близкому к «неодолимой силе», с которой ни один японец воевать не возьмется – куда менее позорно, чем просто северным варварам!

А значит, адмирал засвидетельствует перед каким угодно судом – я потерпел поражение от русского Ужаса, того самого, что сожрал два немецких флота. И любой другой на моем месте – также был бы разбит!

Жизнь ему это не спасет. Но честь – меньше пострадает!

Капитан 2-го ранга Шабалин.

Японское море, ночь на 23 июня 1945 года

«Москитный флот» – только для москитных укусов?

В СССР он создавался под преувеличенным влиянием одного боевого эпизода, атаки английских торпедных катеров на Кронштадт в 1919 году. Ну и конечно, экономика – катера обходились казне на порядок дешевле эсминцев, а теоретически могли потопить линкор! Правда, случилось это всего однажды за две мировые войны – когда дредноут «Сент Иштван» был потоплен итальянским катером в Адриатическом море, летом 1918 года (сами итальянцы числят в своих победах целых три линкора, но считать таковым старый броненосец береговой обороны «Вена» как-то неприлично, а «Вирибус Уинис» был взорван в базе Пола 31 октября 1918

года уже после капитуляции австро-венгерского флота, спуска флагов и формальной передачи кораблей югославам). Ну а в эту войну две сотни катеров катеров Г-5, построенных в расчете на появление британского флота перед Кронштадтом или итальянского у Севастополя, в эту войну занимались в основном дозорной службой и охранением конвоев – причем были пригодны для того еще меньше, чем «мошки», катера-охотники МО-4. Больше повезло североморцам, поскольку порт Петсамо, конечный пункт назначения немецких конвоев, находился вполне в пределах досягаемости, да и полярная ночь помогала, и катера на севере были другие, не туполевские «поплавки», а Д-3 и ленд-лизовские. Но и там с осени сорок третьего, как Нарвик взяли, торпедники практически не имели боевых эпизодов.

Главной проблемой был малый радиус действия катеров. И трудность своевременного обнаружения цели. Особенно ночью – при том, что дневные торпедные атаки с большим успехом брала себе авиация. Которая, в отличие от прошлой войны, сама представляла для катеров большую опасность. Так что и катера других воюющих сторон тоже не отметились громкими победами (за исключением, как ни странно, итальянцев – на счету которых британский крейсер «Манчестер» и несколько транспортов, потопленных вблизи Мальты в сорок втором). Потому, английские и американские торпедные катера конца войны стали «прибрежными канонерками», вооруженными 40-мм и даже 57-мм автоматическими

ми пушками, чтобы выметать с моря вражескую мелочь. Ну а японские торпедные катера, также построенные в количестве нескольких сотен, за всю войну не имели ни единой победы!

Александр Шабалин начинал войну старлеем, на СФ, имеющем тогда всего два катера Д-3. Получил Героя не за лихие торпедные атаки, а за прорыв в Петсамо, с первым эшелоном десанта. Хотя были и потопленные фрицевские транспорта, и на удивление лихое дело, набег на Нарвик в апреле сорок третьего. И командовал той операцией Лазарев – который сейчас комфлота здесь, на Дальнем Востоке. Этот факт добавлял уверенности, что справимся, – а еще память об учениях, совсем недавних, в последние здесь мирные дни. Отчего всех этих штук не было на западе, в воевавших флотах?

Про «водяные ухабы» от товарищей-балтийцев наслышаны, что в тихую погоду волны, идущие от форштевня корабля, можно ощутить на приличном удалении, катер ощутимо качнет. И придумали, значит, товарищи ученые, хитрый прибор, который эти ухабы замечает и каждый раз перекладывает рули торпеды, неотвратимо идущей по синусоиде к корме цели (если правильно выставить, куда отворачивать в первый раз). Особисты подписками застращали, техника особо секретная, с самим принципом ее ознакомили лишь командиров катеров, которые обязаны были не разглашать ее даже личному составу! Им виднее – вот только плохо, что

торпеды калибра 53 самые обычные, с дальностью хода на первом скоростном режиме чуть больше двух миль на 44 узлах (выставив меньшую скорость, по эсминцу и не попадешь, сумеет от торпеды уйти). А так как синусоида ощутимо длиннее прямой, то и стрелять приходилось накоротке – неделю назад в этих же водах с японскими эсминцами уже бодались, днем, хоть и в туман, так три катера потеряли – правда, на боевом курсе погиб со всем экипажем лишь один, а еще два уже после до базы не дотянули, и людей с них успели снять. Зато самураев потопили всех, – но все же не будь у нас дальнобойных, еще неизвестно, какие бы были потери!

Любопытно, это наша разведка постаралась, добыв секрет японских «длинных копий» (ТТД которых нас заставляли наизусть заучивать), или конструкторы сами оказались на высоте? Хотя какая разница – если вспомнить, то и торпеды 53–38, 53–39, основные наши в эту войну, это итальянские «фиуме»! А итальянцы хотя и неважные вояки, но как кораблестроители и оружейники вполне на уровне – могло быть и совместное творчество, с тех пор как Народная Италия стала нашим союзником. Но не будем в «низкопоклонство перед Западом» впадать, тем более что и сами с усами – если ни у кого другого самонаводящихся кислородных торпед нет! Правда, мало их – как нам сказали, каждая «65СН» стоит как десять обычных, и ради вас, товарищи тихоокеанцы, пришлось все прочие флоты на голодный паек посадить, туда новые торпеды сейчас вообще не поступают! Но

для единственного воюющего ТОФ ничего не жалко – если еще в том бою с эсминцами половина катеров имела в аппаратах прямоходные болванки, то сейчас, когда в море вся 1-я (Владивостокская) бригада, все исправные катера, тридцать семь единиц в трех отрядах – «умные» торпеды у всех! Причем восемь катеров «тяжелые», с аппаратами под 65-е! Правда, в этом варианте запасной пары торпед уже нет.

А ведь Шабалин сначала должен был быть во 2-й (Камчатской) бригаде, где и матчасть знакома, те же американские «элко» и «восперы». Но сначала вышел приказ, во Владивостоке принять пополнение, привезенные с запада «шнелльботы», а затем их набралось столько, что решено было организовать бригаду на «немцах», причем личный состав в подавляющем большинстве с воюющих флотов, отчего-то не доверял Лазарев местным, считал гораздо ниже уровнем, чем североморцы? Хотя надо признать, что и тактика предписывалась совсем другая, исходя из особенностей матчасти. Г-5 были «спринтерами» в чистом виде, Д-3 и лендлизовские были покрупнее и, отчасти, их недостатков лишены, но суть осталась той же. Реданные глиссеры имеют отличные скоростные характеристики, но лишь в тихую погоду, а при волнении в два-три балла у них уже серьезные проблемы. А «немцы» с обычными корпусами, довольно полных обводов, были (по паспорту) не так резвы, зато отлично держались на волне, вкуче с большими размерами, внушительным запасом топлива и экономичными дизелями, вместо авиамоторов, то

есть были по существу не катерами, а малыми миноносцами, вполне пригодными для дальних рейдов. Уже не «спринтеры», а для «средней дистанции».

И это было не всё. Когда немцы, еще в прошлую войну, попытались управлять с берега отрядами эсминцев в ночном набеге на англичан в Ла-Манше, то затея эта провалилась с треском и большими потерями – нельзя было в штабе, в реальном времени, точно знать положение даже своих сил, не то что противника – чтобы отдавать адекватные приказы! Но сейчас флаг-штурман, принимая сигнал радиомаяка у Владивостока и второго, только что поставленного в Маоке на Сахалине, лишь взглянет в таблицу, «пеленг один, пеленг два», и на пересечении, номер квадрата по карте. И хотя не видно в ночи, – но летает где-то в небе наш разведчик с радаром, включенный в нашу радиосеть, дает нам координаты японской эскадры. Да, слышаны мы про тихоокеанские баталии, вроде битвы за Гуодаканал, теперь тоже поучаствовать хотим, за государственные интересы СССР и безопасность его границ.

Сколько возни было с освоением новой техники! Радио это вообще вещь очень капризная, а «радиоэлектроника» (новое словечко) так вдвойне! Вибрации боится, ударов и толчков и, конечно, соленой воды, а «немцы» на воде сидят низко, в волну даже рубку забрызгивает и антенны, мыто привычные, после северных штормов, а контакты замыкает! Хорошо, люди воевавшие все, усвоившие, что за раз-

долбайство платят кровью, – в голову не придет, на теплой аппаратуре мокрые портянки сушить. Но все равно даже на учениях еще до войны, на одном-двух катерах обязательно локатор в море сдыхал, после на берегу приходилось разбираться. А это очень плохо – поскольку радары пока лишь на командирских катерах, от звена и выше. И при большом числе катеров в море (нет подобного опыта реальных боевых действий советского флота, что на Севере, что на Балтике, там по максимуму одновременно в бой шло полтора десятка катеров), управлять ими можно лишь по иерархии: четыре катера – звено, три звена – дивизион.

«Антирадаров», что пассивных, обнаруживающих наши РЛС, что активных, ставящих помехи, у японцев нет, это хорошо. И кружит над японской эскадрой наш разведчик, Хе-277 с локатором, аки ворон, вестник смерти. Нам координаты сообщает, курс и скорость врага, скоро уже мы на локаторах его увидим! Хотя должны бы уже – флаг-штурман, место уточнить? И есть еще один способ, также на учениях отработанный, прояснить наше место относительно японцев. Запрос по радио – и в условленное время загорается над вражеской эскадрой маленькое солнышко, САБ на парашюте. А у нас сигнальщики горизонт оглядывают, где огонь блеснет. Ну вот, заметили, штурман на карте поправки наносит.

И раскидываем «невод». Курс японцев известен – чтобы третий дивизион оказался у них на правом фланге, севернее. Второй дивизион – на левом, южнее. Ну а первый – прямо

на курсе. Как мешок раскрытый, и самураи сами сейчас в него влетят. Заметить катера в оптику, ночью, с двух-трех миль – никак нельзя. Тут нас скорее акустикой услышат, ох и шум от дизелей Даймлер-Бенц, по две с полтиной тысячи лошадок, на каждом катере по три штуки, в моторном отсеке вахта в танкистских шлемах работает, с заткнутыми ушами, жестами объясняясь! И это еще не предел, вот на ТКА-172 и ТКА-176 стоят моторы не МВ-511, как на всех прочих, а МВ-518, аж в три тысячи мощности на каждом, безреданный стотонник разгоняют до 43 узлов, но капризные, сволочи, личный состав БЧ-5 вместе с бригадным флагмехом с ними мучаются и плачут горячими слезами, чтобы заставить нормально работать! И сами немецкие «камрады» лишь руками разводят, а что вы хотите, это новейшая разработка, образец 1944 года, еще не довели, для того и поставили, чтобы опыт шел... вот он и идет, после каждого выхода в море, переборка моторов на всех «сто семидесятых», сейчас вот три катера в базе остались, занятые этой муторной процедурой. Но мы шуметь не будем, малым ходом, помаленьку, позицию корректируем. Вот, идут, сволота – наслушались мы уже, что тут самураи на море вытворяли, наших погранцов и рыбаков ни в грош не ставили, как пираты! Просто оттого, что у вас флот большой и сильный – ну так это мы сейчас поправим!

Ну вот, влезают в мешок. Завеса из шести эсминцев, впереди и по флангам, за ними четыре больших корабля, две

кильватерные колонны по двое, одна чуть впереди другой. От нас, дивизиона-1, до головных эсминцев меньше двух миль! По плану, дивизион-2, начали! Поскольку стандартный метод уклонения от торпедной атаки, что лодок, что катеров, это полным ходом, приводить торпеды за корму. То есть отвернуть японцы должны прямо на дивизион-3, который южнее, и нам, дивизиону-1, подставляя борта! Потому «тяжелые» катера с 65-ми разбиты позвенно, в первом и втором – а третьему придется накоротке работать, он обойдется и так.

Японцы среагировали на удивление быстро и четко. Правобортная тройка эсминцев отвернула навстречу атакующим катерам! А левобортная начала выдвигаться на их место. И ничего не могли самураи видеть на радаре, наши летуны обещали максимальный уровень помех, – но тактика ночного боя в японском флоте отработывалась до совершенства. Залп осветительными снарядами (у японцев, специально имеющих тот же вес и баллистику, что и обычные, – не надо тратить бесценные секунды, чтобы изменить прицел), обнаружить цели, и сразу огонь на поражение! Вот только не разобрались япошки в первую минуту, что имеют дело не с одним дивизионом, а с тремя, атакующими почти одновременно с разных сторон!

Хуже всего пришлось первым трем эсминцам, подставившим борта (и кильватерные следы) под торпеды дивизиона-1. Коршун-2, прорывайтесь к ядру, не тратьте на этих тор-

педы! Кто-то все же успел отстреляться, — а шесть или семь катеров второго дивизиона, услышав приказ, рванули на юг, сквозь японский огонь. В то же время и вторая тройка эсминцев обнаружила и первый дивизион у себя прямо по курсу, и третий, за кормой, идущий на линкор и крейсера, — отвернувшие влево, на юг, как и ожидалось. Нет, уходит лишь одна пара, а два крейсера идут на нас!

Кто-то из катеров взорвался от прямого попадания, двое горят. Но нет в бою страха, лишь азарт и расчет — не одним же вам, самураи, по грани ходить, мы тоже можем! Первая тройка эсминцев выбита вся, кто-то, судя по взрыву, 65-ю словил, два других тоже не жильцы, сейчас утонут! Не отвечает Коршун-2, командир второго дивизиона. Горит и крепится эсmineц из «южной» группы. И крейсер получил наконец торпеду — от этой самки собаки было больше всего потерь, после боя оказалось, что ТКА-166 после прямого попадания 127-мм снарядом с эсминца на плаву остался и даже ползти мог кое-как, на одном моторе — но калибр 203-мм для катера однозначно смертелен! Японцы бегут, пытаются оторваться — ну нет, так дешево не отделаетесь! Тонет еще один эсmineц, разорванный сразу двумя торпедами. Второй крейсер теряет ход, бешено огрызается, и даже успевает кого-то подбить — и получает последовательно шесть торпед, быстро тонет.

У нас не хватает пяти катеров! Правда, ТКА-162, за ним и ТКА-169, после объявились, в целости и с неистраченными

торпедами – умудрившись при развертывании отбиться от своих и оказаться сильно в стороне от боя. Что ж, в лучшем случае их командиры и экипажи получают от товарищей репутацию «сачки», а в худшем, будет разбираться трибунал. И еще девять докладывают о серьезных повреждениях, с горящего ТКА-148 надо немедленно снимать экипаж, ТКА-151 придется вести на буксире, ТКА-153 и 155 говорят, что до дома не дотянут, а там командиры с опытом, панику разводить не станут. А мелкие повреждения и потери в экипажах почти у всех. Но мы выиграли бой – японцы потеряли два крейсера, пять эсминцев! На чей счет конкретно – а какая разница? В свалке ночного боя было трудно разобрать. Возможно, что часть торпед утонула – как водится для новой техники, никак не могли обеспечить стопроцентной надежности, это обнаружилось еще на учениях в апреле-мае. Но даже если часть выпущенных торпед не сработала, как надо, – остальные обеспечили эффект за всех!

И плотики болтаются по всему морю, и тела в спасжилетах. В большинстве японцы, – но надо и наших поискать. Этим и занимаемся – те, кто меньше пострадали в бою. С одного из плотов начали стрелять – заткнулись, получив в ответ из эрликонов и ДШК. Живыми нашли шестерых с погибшего ТКА-160 и двоих с ТКА-167. Затем поредевшая бригада взяла курс на Посьет, оставив на месте боя «штрафников» 162-й и 169-й, продолжить поиски с рассветом. Им удалось найти еще пятерых из экипажей погибших катеров. Но не

было никого с ТКА-159, комдива-2, капитан-лейтенанта Демина – попавшего под залп японского крейсера, как сказали видевшие это с ТКА-157. Зато наловили пленных японцев – столько, что как заявил командир ТКА-162, «было даже опасение, что они нас попробуют захватить», так что самураев плотно запихивали в кубрик, как в бочку сельдей, заперли дверь и поставили караул с автоматами и гранатами.

И, как было записано в боевом донесении, достигнуто повреждение линкора «Ямато». Никто не видел попадания торпеды, но была перехвачена и расшифрована японская радиogramма. И воздушный разведчик подтвердил, что ход у японской эскадры стал недопустимо мал, для набеговой операции у вражеского берега!

Подводная лодка М-3.

Японское море, ночь на 23 июня 1945 года

За что новый комфлота так невзлюбил коренных тихоокеанцев?

А ведь когда-то мы были здесь первыми! Вся серия строилась на Черном море, в Николаеве, там же испытывалась, затем лодки по железной дороге перевозились в состав «Морских сил Дальнего Востока», тогда даже не ТОФ, это название появилось лишь в 1935 году. Корабли, спроектированные с коммунистическим энтузиазмом, за рекордное время, и так же быстро построенные, от закладки головной лодки до подъема флага на последней в серии из тридцати единиц

меньше двух лет прошло! Впервые в СССР лодки были полностью сварными (на самых первых еще клепка ограничено применялась), все механизмы и вооружение были исключительно советского производства, и это на семнадцатом году после социалистической революции! На Дальнем Востоке уже было неспокойно, японский милитаризм захватил Маньчжурию, звенел оружием на наших границах, – и, наверное, сразу тридцать подлодок в составе нашего флота были как отрезвляющий душ для самурайских мечтаний, «и Приморье, и Забайкалье, и всю Сибирь»? Может, это тоже было на весах, когда японцы решили напасть не на нас, а на Китай, добычу полегче – и не посмели своему союзнику Гитлеру помочь, наплевав на пакт с ним?

Затем уже к этим тридцати лодкам присоединились и более крупные «щуки» и «ленинцы». А вот обещанные подводные крейсера К, которым уже установленная нумерация была присвоена, начиная с К-51 для ТОФ, так сюда и не попали¹². В войну было не до Тихого океана, наоборот, отсюда забирали и людей, и корабли. Так что «малютки» первой серии несли свою незаметную службу.

Они считались «прибрежными» лодками, несущими дозор у своих берегов. Ну и конечно, «школьными партами» для личного состава. Годными к чему-то еще, их и Юма-

¹² По плану, собирались построить 100 большихПЛ тип К. 20 для СФ (с К-1 по К-20), 20 для КБФ (с К-21 по К-40), 10 для ЧФ (с К-41 по К-50) и 50 для ТОФ, с К-51 по К-100.

шев не считал, не то что новый комфлота, но при Лазареве это стало особенно заметно, какое внимание уделялось «ва-рягам» с запада, ну еще «ленинцам», большим подводным минзагам – и какое – всем прочим. И если «шук» еще пытались привести к общему виду, то на «малышей» просто махнули рукой, заниматься ими не находилось ни времени, ни ресурсов. «Щукари» даже завидовали – нас тут дрючат так, что только стружка летит, а про вас забыли, а, между прочим, сроки выслуги и денежное довольствие вам тоже идут по военным нормам, счастливцы, так и просачкуете в тылу до победы!

В общем-то, так и получалось. Как сказал комфлота, «во Владивостоке вы нафиг не нужны, лишь под ногами путаетесь» – после того, как еще в мирное время, М-12, возвращающаяся в базу, едва не попала под таран крейсера «Каганович». Так что дивизион «малюток» при первой возможности выпихнули в Посъет, ставший передовой базой флота – вместе с торпедниками и ОВРом. Лодки выходили на позиции оборонительной завесы – и с началом войны не изменилось абсолютно ничего, даже атаковать обнаруженные цели запрещалось, как прежде, еще не дай бог, своих по ошибке потопите. Только завеса теперь протягивалась вдоль берегов Кореи.

М-3 вообще и не должна там быть – планировали послать М-61, тоже «малютку», но более поздней, XII серии. Но у той в последний момент обнаружилась неисправность, и вы-

пихнули М-3, оказавшуюся под рукой. Побудьте там, и возвращайтесь, галочку в журнале отметим.

Последним штрихом стала ошибка штурмана, из-за которой лодка оказалась гораздо дальше в море от назначенной ей позиции. Что обнаружили лишь ночью, уточнив секстаном по звездам. Командир, старший лейтенант Добрушев, отнесся к этому философски, приказав лечь на курс восток, параллельно с зарядкой батареи, «а в журнал координаты не заносить». Поход казался рутинным, «а служба идет». Как в мирное время.

И тут приняли оповещение по флоту – японское линейное соединение обнаружено в квадрате... по всему выходит, могут выскочить прямо на нас! И лучше бы убраться подальше – какой эскорт может быть у линкоров, легко представить! А «малютки» первых серий имели врожденный недостаток: не могли стрелять торпедами из-под перископа, оставаясь незамеченными, их на поверхность выкидывало, показывая не только рубку, но и носовую оконечность! Правда, обнаружено было опытным путем, что этого можно было избежать, если за несколько секунд до залпа открыть кингстон средней цистерны, «поставить на подушку», в момент залпа открыть вентиляцию, быстро заполнив цистерну – и сразу же ее продуть, но не полностью, чтобы на поверхность не вылетел пущ. Все это мало того что требовало идеальной слаженности экипажа, так еще и командиру в момент атаки надо было не упускать, что там трюмные делают. Так что даже на уче-

ниях этот цирковой номер выходил далеко не всегда.

А что будет с лодкой, показавшей свое место перед дивизионом эсминцев? Тем более что на М-3 и цистерны быстрого погружения не было, она появилась лишь на следующей модификации, VI-бис? И скорость полного подводного хода, на разряд батареи – всего пять узлов, когда говорят, что у североморских «белых акул» экономичная, она же подкрадывания, шесть! Предельная глубина погружения теоретически считается полсотни метров, но у М-8 было, что на сорока двух забортным давлением разорвало арматуру, вода пошла в отсек, чудом спастись сумели – после чего приказом было запрещено глубже тридцати погружаться! А у поверхности даже плохие японские сонары нас легко увидят – и конец!

Так что убираемся, пока целы, – это не трусость, а разумная осторожность. Другое дело, что скорость под дизелем у нас даже в молодости была едва в 13 узлов, – а сейчас, считая износ механизмов, и до одиннадцати не дотягиваем. Потому бежим не спеша – к утру будем.

Не убежали – большие корабли по пеленгу 15, быстро идут прямо на нас. Пока еще не заметили, ночь все же, а лодка-«малютка» не линкор. Есть еще время погрузиться и пропустить японцев над собой – идут большим ходом, противолодочный поиск не едут. А после – это тоже в журнал не заносить? Как у фрицев – которые вахтенные документы на белом на берегу заполняли, по принципу – «чего начальство

изволит»¹³.

И если самураи так спешат куда-то – значит, для них это важно? Линкор и крейсера – ведь таких дел могут наворотить! Как на Сахалине было – едва нам разгрузку не сорвали, тылы не перетопили. Но там крейсер один был, и битый, – а тут двух вижу, сколько их там еще? И неповрежденные, судя по ходу!

Так что – долг выполним до конца. А там, двум смертям не бывать! Хотя песчинку в их планы подсыплем.

Вот только – будет трудно. И время погружения у нас полторы минуты (поначалу было две полных, так спасибо инженерам, сумели чуть улучшить). И перископ с малой светосилой, ночью ни черта не видно! Значит, будем стрелять с надводного. И скорее, – а то японцы уже близко!

Прицел был взят хорошо – две торпеды ушли, а больше на «малютке» и не было. И принять балласт, ныряем, авось не заметят!

Эсминец «Новаки», с опытным командиром и еще довойной выучки экипажем (в иной реальности потопленный у Филиппин еще осенью сорок четвертого), на скорости в тридцать пять узлов протаранил лодку, все еще оставшуюся на поверхности. Вообще-то командир эсминца, капитан 3-го ранга Ямамори, намеревался пройти над погружившимся врагом, сбрасывая глубинные бомбы, ну кто же знал, что эти гайдзины окажутся столь нерасторопны? И еще, при всем

¹³ Исторический факт.

своим опытом охотника за субмаринами, Ямамори совершил главную ошибку, запретив открыть огонь сразу же после обнаружения и опознания цели, чтобы не спугнуть. Забыв, что сейчас он был не охотником, а охранителем, и обязан был прежде всего сорвать атаку лодки, а не увеличивать свой счет. И понял эту ошибку, лишь когда увидел взрыв торпеды у форштевня «Ямато».

Одна торпеда в носовую оконечность линкора – за девятнадцать человек экипажа М-3. Это много или мало? В иной реальности, в бою у Окинавы, «Ямато» выдержал до гибели десятков торпед, не считая авиабомб. Но – в той конкретной обстановке? Форма корпуса японских линкоров была совершенна, там впервые в кораблестроении был применен носовой бульб (в более позднее время ставший привычным для крупнотоннажных судов). Теперь всю эту конструкцию разворотило и свернуло на сторону, резко ухудшив гидродинамику. И не было никакой гарантии, что на большом ходу напор воды выдержит переборка в носовом отсеке. А потому – скорость упала с полных 28 узлов до едва ли двадцати. Что значило – продолжить выполнение задачи, обстрелять порт Вонсан и еще до рассвета отойти под рассчитанный радиус прикрытия палубной авиацией, «Ямато» уже не может.

Повреждение «Ямато» первоначально приписали катерникам. О роли М-3, сначала зачисленной в пропавшие без вести, узнали позже, из показаний пленных японцев.

Ночь на 23 июня 1945 года.

Авианосец «Тайхо», Японское море

Прилетел катапультный разведчик с «Тоне». Просто чудо, что сумел найти эскадру, ночью. И еще большее чудо, что его не сбили свои же зенитчики, стрелявшие в любую воздушную цель. Но связаться с «Ямато» иным способом было невозможно. Контр-адмирал Нобуэй Морисита докладывал, что соединение было атаковано большим числом русских торпедных катеров и понесло тяжелые потери. Кроме флагмана, уцелели лишь крейсер «Тоне» и эсминец «Новики». Причем «Ямато» получил одно торпедное попадание, и не может развить ход свыше двадцати узлов.

Зачем было это сообщать? Адмирал Тоеда понял – контр-адмирал Морисита, как истинный самурай, не мог даже намеком показать свое сомнение и неуверенность в победе. Но посылал свое донесение в надежде, что ответом будет приказ сворачивать операцию и отходить домой. Поскольку, по трезвой оценке, вероятность поражения слишком велика, а вот надежда на успех – призрачна. Еще не поздно отдать приказ и до рассвета оказаться достаточно далеко от русских авиабаз и от атак подлодок, зато под «зонтиком» авиации из Метрополии.

Но Тоеда знал, что приказа на отступление не будет. Слишком много было поставлено на карту, слишком важна была для Японии хотя бы тень победы в этой битве. Американцы сильнее на море, но плохо воюют на суше. Русские же

непобедимы на земле, но в море они должны уступать японцам. Лишь при таком положении возможен для страны Ямато хоть как-то приемлемый мир. И если мы отступим сейчас – да, с большей вероятностью завтра мы сойдем на берег живыми. А послезавтра увидим конец Японии.

А если мы все умрем, до конца выполнив свой долг, но наша гибель будет не напрасной – разве не в том состоит истинный долг самурая?

Наверное, в это верил и адмирал Рожественский, прорываясь через Цусимский пролив? Что даст России шанс если не на победу, то на лучший мир. Только Япония сегодня в намного худшем положении, чем Российская империя в 1905 году, которой все же не грозил полный крах с безоговорочной капитуляцией и оккупацией территории. И если мы сейчас рухнем – подняться нам уже не дадут.

У нас есть лишь одно преимущество – Рожественский не был самураем и не знал кодекса бусидо. Который гласит – жизнь сдавшегося врага не стоит и горсти пыли. Потому капитулировать бесполезно, все равно не пощадят, лишь еще и потеряешь честь. И – долг самурая тягче горы, смерть же легче пера.

Потому ни одно из японских соединений не изменило курс. Делай, что должно, – Амата́расу рассудит!

*Лазарев Михаил Петрович, командующий ТОФ.
Что не вошло в мемуары (и никогда не войдет)*

Не учат у нас нигде – на комфлота. Чтобы командовать безупречно и ошибок не допускать.

Причем особенно обидно – что прокол как раз в том, что я считал своей епархией, – в подплаве ТОФ. Казалось бы, раньше на квалификацию не жаловался, раз уж в 2012 году командирский стаж в пять лет имел, и опыт был уже в этом времени, как мы на Севере кое-какие технические новинки и тактические приемы «из будущего» внедряли. И мастер-класс для командиров «белых акул», что мы в Москве устроили, – я ведь не шутил, сказав Видяеву, что «здесь и сейчас вы лучшие подводники этого мира». Но от комфлота – нечто иное и сверх того требуется.

Тут еще и оргвопрос подвел. Есть должность командующего ВВС флота – и Раков Василь Иванович там полностью на своем месте, я на него во всех авиационных вопросах положиться могу. Есть зам по тылу (снабжению и строительству), есть зам по политработе, есть даже зам по немецкому персоналу и зам по импортной технике (отвечает за то, чтобы вся имеющаяся немецкая матчасть работала, расходники и запчасти к ней поступали бесперебойно, а при необходимости и инженерно-техническая поддержка обеспечивалась). Но нет заместителя комфлота – командующего всеми подводными силами ТОФ! А есть бригады и дивизионы подплава, замыкающиеся непосредственно на штаб флота.

Если коротко – вот не хватало мне времени, чтоб заниматься текучкой! Разработать план, включить в него необхо-

димые мероприятия, даже взять на контроль, чтобы не заморозили, исполнили, это есть. А убедиться, что ко всему этому отнеслись серьезно, а не для галочки? Вот потому я здесь больше людям с воюющих флотов доверяю – у них за четыре года в подкорку вбито, что разгильдяйство это прямой путь в гроб или в трибунал. А то привыкли тут сачка давить, через пень-колоду, мать их за ногу! Ладно, дисциплину удалось подтянуть. Интенсивность учений в разы возросла – сколько можно было за полтора мирных месяца нагнать, с апреля лишь, как лед сошел. И все равно по уровню подготовки местные «щукари» моим «белым акулам» на голову уступают. А масштабная модернизация, с внедрением на лодки технических новинок, как РЛС и гидролокаторы, приборы управления торпедной стрельбой, системы регенерации воздуха, амортизация механизмов и прочее – по одной электрике был список длинный! – при слабости дальневосточной производственной базы привела бы к полной небоеспособности подводных сил ТОФ во время войны. А ведь поставить все это мало, надо еще личный состав обучить. И командиров – чтобы поняли, какие тактические выгоды открываются. Иначе же – и деньги, и время на ветер.

Ну и ждал я, что основное действие развернется возле Камчатки и Курил, в океане. Потому вся дюжина «акул» и «катюши ПЛО» были первоначально развернуты там. И Котельников там, легенда советского подплава, вот его бы надо моей правой рукой, за подводные силы флота ответствен-

ным, сделать! Теперь нельзя – на посту командира Камчатской бригады он полностью на своем месте. Сумел там порядок навести – даже местных подтянуть (забегая вперед, скажу, выходили камчатские «щуки» в походы, правда, побед им не досталось, но и происшествий и потерь избежали, то есть в целом свою задачу выполнили).

А вот во Владивостоке Прибытко, командир Щ-139, о котором я уже рассказывал (десять лет получил за диверсию на своей лодке, а до того чуть не утоп, приказав «срочное погружение» не глуша дизеля) был типичным представителем, не лучше и не хуже прочих! ТОФ три года воюющим флотам все самое лучшее отдавал, и корабли, и людей. И нормальный экипаж подлодки, это такой организм, что на замену отдельных элементов, особенно командирских, реагирует крайне плохо (при смене командира положено весь курс боевой подготовки заново пересдавать). Ладно, дивизион «ленинцев» сумели подтянуть, и в техническом смысле, и тренировками. «Щуки» еще туда-сюда, особенно новые, серия Х (номера с 126 по 134-й, и подорванная 139 там же была), и Х-бис (Щ-135, 136, 137), им тоже кое-что из новинок досталось. А старушки, серий V и V-бис, дюжина здесь, и столько же на Камчатке, с ними что делать? Поскольку никакой модернизации на них не велось со времен постройки, года 1934/1935.

И это еще не край. Поскольку четверть всех подводных сил ТОФ составляли «малютки» самой первой «VI серии».

А приплюсовав чуть более поздние «VI-бис», то треть. Или чуть больше половины, если считать только Владивосток, без Камчатки. По уму, их надо списать к чертям, или перевести в учебные, а не посылать в боевые походы, даже в оборонительную завесу у своих берегов. А заменить кем?

– Так десять лет уже ходим, и ничего! Лодки старенькие, но личным составом освоенные хорошо. Вполне справляются.

Заменить и вправду некем. Немецкие лодки «тип XXIII», в этой истории так и не успевшие поднять флаг до капитуляции Рейха, и доставшиеся нам лишь в виде задела на верфях, впервые вышли море уже осенью сорок четвертого. Два месяца испытаний (надо же было оценить, что за кот в мешке нам достался), сейчас строят серию для Балтфлота и Фольксмарине, а вот на Дальний Восток они уже не попали. Потому что перевозка крупногабаритного груза по Транссибу сильно мешает прочему движению (а мы и так пропихивали по нему и «шнелльботы», и БДБ), а надо и армию снабжать. А хорошая была бы замена «малюткам», – но не судьба.

– Михаил Петрович, может соснете пару часиков, – говорит Зозуля, – до рассвета вряд ли что принципиально изменится. Авиация готова, сразу и начнем!

В штабе привычная деловая обстановка. На огромном столе расстелена карта, расчерченная линиями и значками. А еще на ней стоят фигурки, похожие на шахматные (нововведение Зозули, подсмотренное у американцев). Красные

мы, синие противник. Каждая фигурка это «юнит», или корабль, или эскадра, или авиачасть на аэродроме. В последнем случае под фигурку кладется карточка, где написано – номер части, число боеготовных самолетов. Циркулем на карте уже проведены круги – радиус действия для разных типов самолетов, от каждой авиабазы. И два синих «утюжка» – последние уточненные авиаразведкой места двух японских соединений, авианосного и линейного.

Авианосцы – координаты, 39 с. ш, 133 в. д. Причем идут на юг – выдерживают расстояние до побережья. «Ямато» с тем, что у него осталось, – 40 с. ш., 131 в. д., сейчас курс на запад. А что есть у нас?

Североморский корпус в расчет не принимаем – 5-я минно-торпедная дивизия, 6-я истребительная – Сахалин, Курилы, Камчатка. И северное направление оголять не хочется, там каша заварилась, на Итуруп высадились, а на Уруп еще самураев добивают. Ладно, управимся и без них.

Балтийский корпус – развернут на побережье, в районе Терней – Рудный – Преображение. 8-я мтад (два минно-торпедных полка, на Ту-2Т, полк пикировщиков Пе-2, истребительный полк на Ла-11). 1-я гвардейская истребительная (три полка на Ла-11), 9-я штурмовая (два полка на Ил-10, два на Як-9). Упрощенно можно принять, истребительный полк 40 машин, прочие по 30.

Черноморский корпус – сосредоточен на аэродромном узле Владивостока. 2-я гвардейская минно-торпедная (три

полка, «бостоны»), 13-я пикировщиков (два полка Пе-2, два истребительных, Як-9), 11-я штурмовая (два штурмовых полка, Ил-2, два истребительных, Ла-11), 4-я истребительная (три полка, один на Ла-11, два на Та-152).

Тихоокеанский корпус – разбросан от Посъета до Николаевска. В районе Посъет, Славянка, Владивосток – 10-я бомбардировочная дивизия (33 бап, 34 бап – оба на Пе-2, 19 иап, на Як-9). Остальные – держат побережье (15-я смешанная дивизия), задействованы на севере (12-я штурмовая – на Сахалине, работает над Курилами и проливом Лаперуза, 2-я минно-торпедная, также Сахалин).

И «особый корпус», сведенный в две дивизии, 13-ю и 16-ю. Десять полков носителей управляемого оружия, на Не-177, До-217, Ту-2. Два «снайперских» пикирующих бомбардировочных полка (один из них 12й гвардейский, которым Раков еще на Балтике командовал). А вот Не-277 – только в отдельных эскадрильях, одна разведывательная, вторая постановщики помех. Развертывание севернее Владивостока – Уссурийск, Спасск, Арсеньев.

Еще армейская авиация. Две истребительных дивизии, шесть полков – на Як-9 и Та-152. Сумеют работать над берегом, при отражении японского налета. А вот армейских ударных в расчет не беру, они по кораблям на ходу не обучены.

И – красные утюжки на карте, отряд «акул» Видяева. 42 с. ш., 135 в. д., двигаются на юг. Когда доберутся, придет япон-

цам пушной зверек. Еще показана завеса лодок (семь штук) к северу вдоль побережья. Старые «щуки» или даже «малыши» пусть на подхвате побудут, если только кого добить – в большую драку влезать им категорически противопоказано. Да и не нужно – Видяеву добычу спугнут!

Отряд торпедных катеров – после ночной баталии отходит в Посъет. Шабалину с охотой подпишу на вторую Звезду, которую он в этой версии истории пока не получил, даже неудобно! Два крейсера и пять эсминцев, для торпедников абсолютный рекорд, нигде и никогда еще катера в одном бою столько не топили. Так что – по праву заслужил!

И наш обратный конвой из Вонсана ползет вдоль корейского берега, сейчас в полусотне миль южнее Сейсина. И перехватить его японцы уже не успевают.

Можно и отдохнуть. Тем более что идти недалеко – в соседней комнате кожаный диван. А для отдыхающей смены офицеров штаба (когда аврала нет) дальше по коридору и дверь налево, там койки поставлены. Дверь направо – это столовая – хотя сегодня днем нам вестовые горячий чай с бутербродами и печеньем прямо сюда приносили. Вот победим, тогда и будет отдых, а также победный рапорт, в ожидании чинов и орденов.

Пару часов до рассвета. Чертовы самураи, чтоб вам скорее утопнуть, – выспаться людям не дают, агрессоры проклятые!

Из письма Героя Советского Союза, генерал-майора авиа-

ции Калиниченко Андрея Филипповича – А. Сухорукову. В сокращенном виде вошло в кн. А. Ф. Калиниченко «Дальневосточное небо». Л., 2002. (альт-ист.)

Да, я хорошо помню тот день, 23 июня 1945 года.

Звучит пафосно, – но в то утро мы понимали, что настал «момент истины», решающая битва, должна исправить то ненормальное положение, когда Япония, хозяйничавшая в дальневосточных морях, попросту мешала нормальному развитию советского Дальнего Востока – Приморья, Сахалина и Камчатки. Постоянная угроза военного вторжения, неравноправные концессии, пиратство японских браконьеров в наших водах – при все возрастающей агрессивности японского милитаризма, мечтающего о территориях на континенте. Это не было лишь словами – тогда, в сорок пятом, старожилы здесь хорошо помнили, как самураи приходили на нашу землю в Гражданскую, говоря о «Японии до Байкала». Можно спорить про русско-японскую войну, была ли она справедливой, но что японцы забыли у нас в 1918–1922 годах, за что они убивали русских на русской земле?

И в Токио в 1945-м правили те же, кто командовал агрессией тогда. Или их наследники. Или те, кто гордились теми преступлениями. Кто считал доблестью отторжение Южного Сахалина и резню там русского населения. Кто перед этим захватил Корею, Маньчжурию, а теперь пытался проглотить и присоединить Китай. Чье отношение к населению захваченных территорий – весьма напоминало гитлеровское.

Японский милитаризм был братом-близнецом германского нацизма, с точно таким же стремлением к мировой Империи путем завоеваний, жестокому ограблению захваченных стран и фактическим стандартом «высшей японской нации». А для нас, только что выдержавших самую страшную войну за само выживание нашей страны и народа, было ясно – с фашистами, любого цвета, коричневого или желтого, нам в этом мире, под этим солнцем места нет – или мы, или они!

Мы не были фанатиками войны. И очень хотели жить, хотя бы затем, чтобы увидеть, какой будет наш победивший социализм, сначала в отдельно взятой стране СССР, а после и во всем мире. Но прав был товарищ Сталин, сказав – если не нам, то нашим детям завтра пришлось бы сразиться с поднявшим голову желтым фашизмом. И никого не обманывал так называемый «пакт о ненападении» 1941 года – 22 июня фашисты показали, как они соблюдают договоры! Но мы уже втянулись в войну, научились, – а кому-то придется «школу молодого бойца» проходить, в боевых условиях, оплачивая кровью. Так что – завершим освобождение мира от фашистской чумы, и чтобы без остатка!

Нас, Особый корпус, берегли, не бросали в бой по мелочи. Готовили для решающего удара – и вот день настал. Утро было тихим и погожим, на Дальнем Востоке «сезон дождей» начинается позже, в июле-августе. Собравшись в центре поселка, мы ждали транспорт на аэродром, наконец, подошли три автобуса, немецких, трофейных, по одному на каждую

эскадрилью.

Мы уже знали, что на Вонсан идёт японская эскадра, которую уже атаковал один из полков нашего корпуса. А тактико-технические данные японских кораблей, их внешний вид по фотографиям и ход воздушно-морских сражений Тихоокеанской войны мы заучивали еще два года назад, летом сорок третьего, при тренировках над Ладогой. Мы имели ясное представление о ПВО японской эскадры – помимо истребителей, размещённых на двух уцелевших от предыдущих атак японских авианосцах (а это не менее сотни машин – по-нашему это почти три истребительных авиаполка), огромное количество зенитной артиллерии калибром от 25 мм до 127 мм (правда, системы управления огнем были не на высоте). Только крупнокалиберные зенитки эскадры могли в минуту выпустить до семисот снарядов. А были еще зенитные автоматы и крупнокалиберные пулемёты.

Мы знали, что японцы разделили свои силы, на линейное и авианосное соединение. Наш полк был задействован против второго. В числе десяти полков – пять истребительных, один пикировщиков, три минно-торпедных, и мы, носители управляемых бомб. Хотя тогда нас «по старой памяти» часто называли торпедоносцами, так же как и наши реактивные бомбы «летающими торпедами».

Особо хочу отметить разведчиков, сыгравших огромную роль в нашей победе. Нет, не «рыцарей плаща и кинжала», героев плохих детективов, а экипажи отдельных разведыва-

тельных эскадрилий. Вопреки расхожему мнению и кинофильмам, в ту войну бомбардировщики Хе-277 были лишь в составе авиации дальнего действия, флот имел только разведчики и самолеты РЭБ – впрочем, на практике эти роли часто пересекались, сначала обнаружить противника, а затем постоянно висеть над ним, круглосуточно, на недостижимой для зениток и истребителей высоте, выдавая целеуказание своим силам и заглушая врагу радары и связь. Именно это было и сейчас – именно потому наш удар был для японцев внезапным, самураям пришлось поднимать свои истребители, когда наши головные эскадрильи уже ложились на боевой курс. А дальше – все шло по строго рассчитанному графику.

Операция готовилась под руководством штаба ВВС Тихоокеанского флота, с задачей, максимальной по амбициозности, «ни один японский корабль не должен уцелеть – абсолютная “Цусима” и никак иначе!». Накануне вечером, 22 июня, когда состав японской эскадры уже был известен и план удара вчерне готов, весь командный состав задействованных полков, вплоть до комэсков, отрабатывал взаимодействие в штабе авиации Тихоокеанского флота во Владивостоке, под личным руководством самого Ракова. Каждый полк, а при необходимости, и эскадрилья, имели конкретное боевое задание. Была расчерчена площадка, стояли макеты – и «пешим по-лётному», с часами и секундомерами. Благо что все полки были или из Черноморского, или из нашего «Особого» корпусов, базирующихся недалеко от Влади-

востока, особенно если добираться на У-2, – так что проблем со сбором и отправкой назад командиров не возникло. Я, как командир 2-й эскадрильи, участвовал тоже, вместе с бывшими сослуживцами по 12-му гвардейскому (Барским, Аносовым), познакомился и с другими уникальными ребятами, такими как Василий Иванович Минаков (глыба-человечище!).

Сначала истребители Ла-11, Як-9УД и Як-9П пяти истребительных авиаполков (три на «ла» и два на «яках» – 200 машин!) должны были «расчистить нам воздух», добившись полной нейтрализации палубных японских истребителей, – а по уничтожению воздушного противника – подавлять пушечно-пулеметным огнем ПВО кораблей эскорта. Второе не было выполнено из-за ожесточенного сопротивления японцев, а главное, подхода с берега свежих сил. Но прикрыть бомбардировщики наши истребители сумели – не зафиксировано ни одного «бостона» или Пе-2, сбитого «зеро». Оказалось оправданным решение, все истребители выделить для «расчистки воздуха», не оставив никого для непосредственной поддержки ударных машин – вопреки опыту войны с немцами, гласящему, что прикрытие у бомбардировщиков должно быть всегда! Но предварительный расчёт хода сражения показывал, что у японцев не останется не связанных боем истребителей. К тому же Пе-2И были бы далеко не легкой целью даже для «фокке-вульфов», не то что для «зеро».

Затем по эскорту должны были ударить «бостоны» двух минно-торпедных полков, в топмачтовом варианте, – а по-

сле израсходования крупнокалиберных бомб атаковать как штурмовики, кроме пулемётного огня (6 курсовых 12,7-мм пулемётов и не меньше трех таких же у бортовых стрелков), сбрасывая осколочные бомбы, весом от 5 кг до 50 кг. Японских зенитчиков с палуб просто сметало – да 50 кг уже и эсминцу ощутимо, доставалось не только людям, но и механизмам. Решение себя оправдало – в опросе после боя (стандартная процедура для накопления опыта) было записано со слов многих, что огонь вражеских зениток слабел буквально на глазах, и это при увеличении числа наших самолетов над целью! В этой же фазе пикировщики Пе-2И должны были нанести удар по наиболее крупным японским кораблям – авианосцам и линкору, а по линкору ещё и топмачтовики с тяжёлыми тысячекилограммовыми бронебойными бомбами. Причем удар по линкору особо выделенной эскадрильи «бостонов» должен был быть строго согласован с атакой пикировщиков. И в завершение авианосцы должны были быть атакованы двумя эскадрильями торпедоносцев – 18 машин.

Это была самая спорная часть операции. Даже Раков сомневался, стоит ли – и личный состав этих эскадрилий был далеко не самой лучшей выучки (больше других разбавлен не воевавшими лётчиками), да и наши авиационные торпеды были не самыми мощными и не самыми надёжными. Но Минаков (фанат торпед!) всех убедил, что даже если будет хотя бы одно попадание, то и это успех, поскольку противоторпедная защита японских авианосцев далеко не самая луч-

шая в мире. А главное, не воевавшие лётчики получают реальный боевой опыт – где его еще добыть, как не на войне? Даже если в этом бою большинство промажут – попадут в следующем, потому что уже будут ученые. Он сумел убедить всех, и даже хотел лично возглавить атаку торпедоносцев, но тут уже Раков его уговорил вести топмачтовиков – попадут торпеды в авианосцы или нет, не столь важно, добьем бомбами, а вот линкор, у которого, в отличие от авианосца, и с бронёй, и с противоторпедной защитой всё в порядке, надо было бить наверняка. И получил в итоге Минаков звание Героя Советского Союза – заслужил! Хотя, повторяю, что ему топмачтовые атаки не нравились совершенно.

Наконец, третьей фазой операции по авианосцам и оставшимся кораблям эскорта наносит удар полк Хе-177. Считалось, что к этому времени зенитный огонь японских кораблей будет ослаблен, а полученные повреждения помешают уклоняться от управляемых бомб. И если противник еще останется боеспособен, то наступала четвертая фаза, в реальности оставшаяся за кадром, удар резерва, полка До-217 (носителей УАБ) под прикрытием ещё одного полка истребителей.

Также не стали чрезмерно увеличивать количество ударных самолётов – качество лучше и важнее количества. Хотели сначала задействовать два пикировочных полка, но затем ограничились одним (зато каким! 12-й гвардейский, это легенда! Самураи хвалились, что их перл-харборские удар-

ники добивались эскадрилей девяти попаданий из девяти, в корабль-цель «Сетсу», бывший линкор. А те же девять попаданий в круг диаметром пятнадцать метров не хотите?). Так что Раков сам сказал, эти справятся за двоих! И решили число пикировщиков сократить, а «бостонов» увеличить.

Причем был предусмотрен даже такой момент, как отдельное «киносъёмочное» звено. Три До-217 не несли никакой боевой нагрузки, но в носовой турели пулемет был заменен кинокамерой на амортизированном станке. Так как это сильно снижало оборонительные возможности, то им единственным Раков выделил персональную охрану, по звену истребителей на каждого (хватило бы и пары, но – «головой отвечаете, чтобы с товарищами ничего не случилось»). При чем старшим из операторов был Владислав Владиславович Микоша, я тогда с ним знаком не был, а черноморцы с ним с уважением здоровались – после и я проникся, биографию его узнав. Как мне сказали по секрету, он в Харбинском десанте был, – а теперь и на нашу операцию сам вызвался, добровольно. И кадры, снятые им и его напарниками, в том сражении, сейчас широко известны, во многие документальные и даже художественные фильмы вошли!

Скажу еще о боеприпасах. ФАБ-500, какие несло большинство топмачтовиков, были самые обычные. Пе-2 имели одну бронебойную авиабомбу БРАБ-1000 «старого типа» на внутренней подвеске (благо что у этой «пешки» имелся механизм вывода бомбы из бомболюка на пикировании). Без

анекдота не обошлось – БРАБ-1000 «нового типа» в бомболюк Пе-2 не влезала по длине. Укоротить стабилизатор нельзя, он и так короткий. Тут выяснилось, что на складах Тихоокеанского флота до сих пор хранятся БРАБы старого образца, у них стабилизатор длиннее, подрезать можно. Поскольку дело было еще весной, то успели не только бомбы под размер бомболюка подогнать, но и перезалить тол на ТГА. По сравнению с «новым типом», бронепробиваемость поменьше, – но авианосцам хватило и того. Как показали пленные – бомбы пробивали по две бронепалубы, а в близких взрывах у бортов вызывали сотрясение механизмов. Ну а топмачтовики Минакова несли БРАБ новые, но и в них сменили тол на ТГА. А торпеды, насколько помню, обычные – 45-36АН с контактными взрывателями.

Мы взлетали первыми – хотя должны были появиться над целью последними. Знали, что когда мы уже соберемся в воздухе строем, с соседних аэродромов начнут взлетать торпедоносцы и топмачтовики, и лишь последними – пикировщики и истребители, которые, при большей скорости, первыми нанесут удар по японской эскадре. Каждый полк шел к цели самостоятельно, своим маршрутом, но по общему графику. В небе не было ни облачка, видимость «миллион на миллион». В точно рассчитанный момент мы прошли последний контрольный пункт, общий для всех групп, дальше полёт был над морем, под крылом поблескивало огромное зеркало, почти полный штиль. Условия для выполнения зада-

ния были практически идеальными. И для вражеских истребителей тоже, но нас заверили, что ни одного японца ближе ста километров от берега не будет, в зоне обзора береговых РЛС ПВО и ответственности армейских истребительных полков.

Первыми над эскадрой появились наши истребители и тут же вступили в бой с японской палубной авиацией. Внезапной атакой смели пару самолетов воздушного дозора, которыми самураи пытались заменить заглушенные радары, а также дежурное звено «зеро», так что прочим японцам пришлось взлетать и набирать высоту, постоянно получая от нас сверху, – но враг был упорный, не замечал потерь. И битва была страшная, но наших Ла-11 и Як-9 было вдвое больше, да и техника у нас получше, и мастерство против японского упрямства. Но тут над местом боя появилось еще не меньше полка «зеро улучшенных» (силуэт характерный, крыло чуть скошено вперед), как оказалось, прилетевших с берега, они сразу вступили в бой, имея свои палубы внизу, им не приходилось бояться остаться без топлива над морем! Но несколько минут оказались решающими, одновременно вступить в бой у самураев не получилось – наши истребители имели возможность бить врага по частям. И драка была жестокая, – но свою задачу 4-я истребительная дивизия выполнила, помешать работе нашей ударной авиации японцы не смогли.

В это время, на высоте 3000, строго выдерживая расчетное время, к эскадре вышло три эскадрильи Пе-2И – зна-

менитый 12-й гвардейский полк, бывший когда-то первым в Особом корпусе. Одновременно с «пешками» к эскадре на малой высоте подкрались А-20, 21 гвардейской минно-торпедной, и со всех сторон атаковали японские эсминцы топмачтовым способом, 500-кг бомбами. А пикировщики шли на главные цели, которые зенитки эскорта уже не могли прикрыть.

Вот штурман ведущего Пе-2И 1-й эскадрильи четко вписал «Тайхо» в сетку прицела. Команда «пошел» – и командир 12-го полка гвардии майор Барский перевел самолет в пикирование, за ним ведомые – первая эскадрилья, на флагман, основную цель! Самолеты, как гигантские торпеды, с огромной скоростью неслись почти вертикально на японский авианосец. Вот уже отчетливо различаются палубные надстройки. Высоты осталось только на выход из пике. Нажата боевая кнопка. Бомбы сорвались с замков. Взрываясь, они окутали «Тайхо» клубами дыма и вздыбили рядом с ним фонтаны воды. Есть два прямых попадания 1000-килограммовых авиабомб! И мощные взрывы внутри корабля!

На «Кацураги», второй авианосец, выходила эскадрилья гвардии капитана Аносова. Небо вокруг самолетов усеялось густо-серыми шапками разрывов 100-мм снарядов. Один из самолетов, экипаж капитана Мережко, ведущего третьего звена, был подбит, но с курса не сошел, и вместе с бомбами врезался в корабль. Что напугало самураев – у русских тоже есть камикадзе? И еще два прямых попадания тоннами

бомбами, и фонтаны от взрывов рядом с бортом – эффект «гидравлического молота», тоже мало не покажется!

Третью эскадрилью «петляковых» вел командир эскадрильи гвардии капитан Кожевников. Они атаковали линкор «Нагато», попали в него одной 1000-кг авиабомбой, но главное, что они отвлекли на себя весь его зенитный огонь, чем обеспечили атаку эскадрильи топмачтовиков на малой высоте. На бреющем полете, придерживаясь курса пикировщиков Кожевникова, шла эскадрилья топмачтовиков А-20 капитана Минакова. Для этой атаки были отобраны самые опытные лётчики и выделены самые новые самолеты, способные поднять по две 1000-кг бомбы. Требовалось особое мастерство, чтобы выйти в атаку ни секундами раньше (риск попасть под разрывы бомб с Пе-2, поднимающих огромные водяные столбы), ни секундами позже (зенитчики линкора успеют переключиться на новые цели). И это получилось! Из сброшенных с тридцатиметровой высоты шести 1000-килограммовых бомб, четыре, несколько раз срикошетировав от воды, попали в линкор. Рвануло хорошо, и поднялся высоко в небо огромный столб черного дыма! Судя по месту и силе взрыва, детонировал боекомплект кормовой башни главного калибра.

Второе и третье звенья топмачтовиков, видя, что линкор, осев на корму, быстро погружается в воду, атаковали идущий ему в кильватер крейсер «Яхаги». Сброшенные ими бомбы попали точно в цель, две или три (сведения различа-

ются) для легкого крейсера одинаково смертельно. И наконец, в последней волне «бостонов» 2-го гв. мтап в атаку на японские авианосцы вышло две эскадрильи торпедоносцев – из 18 сброшенных ими торпед две попали в «Тайхо» и одна в «Кацураги».

Удары пикировщиков и топмачтовиков расчистили дорогу нашим «орланам» (немецкое «гриф» у нас как-то не прижилось – никто не хотел быть стервятником). К японской эскадре мы подошли на высоте 4000 метров. Три эскадрильи Хе-177 – 27 самолётов, каждое звено несло по восемь управляемых авиабомб КАБ-500Р (наше обозначение немецких Hs-293) – по две у ведущего и по три у ведомых. 72 планирующие ракето-бомбы на полк. Меньшее число у ведущих потому, что только у них были бортовые радары, во время атаки определяющие дистанцию, чтобы дать команду на пуск всему звену. Так, тройками, мы заходили в атаку на японские корабли, каждый самолет сбрасывал одну бомбу, мы смотрели на результат и уходили на круг для пуска следующей. После второго захода – на третий (тут понятно, что ведущий только командовал). Это был конвейер смерти, добивание в полигонных условиях – потому что никакого зенитного огня японцы уже не вели и нормально маневрировать не могли. Я командовал первым звеном второй эскадрильи (в которой я был и комэском), а наводил ракеты мой неизменный штурман Виноградов. По моей визуальной оценке, хорошо попало и взорвалось не менее половины наших бомб. Впрочем,

если и меньше (техника все же новая), попавших и сработавших было более чем достаточно для удовлетворительного результата.

Возможно, что для последнего звена нашей 3-й эскадрильи в третьем заходе уже не было целей. Нет, не могу сказать, что в море не было уже ничего, кроме обломков, шлюпок и людей в спасжилетах – хотя бы потому, что большому кораблю даже при смертельном повреждении требуется время, чтобы затонуть, а вся операция с начала боя заняла не больше 20 минут. Но было видно, что все еще оставшиеся на поверхности корабли горели, не имели хода и не вели зенитного огня. И в воздухе бой еще шел – последние японские истребители, увидев, что садиться им некуда, а до берега бензина не хватит, как осатанели, пытаясь идти на таран! Потому мы, истратив боезапас, ложились на курс к дому. И уже не видели последних аккордов битвы.

Мы поначалу засчитали, что в «Тайхо» попало две торпеды – одна возле миделя и одна под винты. Но пленные после говорили, что торпеда за кормой взорвалась в спутной струе, хотя её взрыв что-то там в валах повредил. Потому в журнале боевых действий результат менять не стали. Зато читал, что сегодня некоторые историки (западные, но кое-кто и у нас) признают только два попадания из восемнадцати сброшенных торпед. Я же со своей стороны хочу отметить, что у нас еще при планировании учли фактор молодости и отсутствия боевого опыта у большей части лётчиков и

штурманов торпедоносцев, поэтому им был дан категорический приказ: сброс торпед разрешен только в атаке на авианосец. Все другие типы кораблей атаковать торпедами запрещалось. Даже линкор. Потому что только у авианосца однозначно трактуемый силуэт, который ни с каким другим кораблём не спутаешь. Дай им возможность пуска по линкору, они бы всё побросали на эсминцы – им по боевой запарке любой сторожевик линкором покажется. А, кроме того, для определения правильной дистанции, на лобовых стёклах нанесли «риски» (благо длина авианосцев была известна), как вписался силуэт – бросай торпеду. Кажется, проще некуда, но всё равно нашлись ухари, которые бросали торпеды куда угодно, но только не по авианосцу, а некоторые и вообще без явной цели – фотоконтроль показал. Не трусость, просто неопытность и боевой мандраж.

Чем стреляли мы? Вопреки распространенной легенде, попавшей даже в иные военно-исторические издания, тогда у нас еще не было «щук» – ракето-торпеда Hs-294, ставшая для нее прототипом, на момент капитуляции Германии была еще сильно недовершенной конструкцией, а главное, имела голландскую электронику, после Победы недоступную нам, по понятным причинам. В то же время управляемая бомба Hs-293, в отличие от более раннего «Фрица-X» (наш аналог КАБ-500), имела ракетный ускоритель и радиокомандную систему наведения (не проводную). Алгоритм наведения остался прежним, «по трём точкам», на бомбе был све-

тящийся трассер, у штурмана специальный оптический прицел-бинокуляр. Вес боевой части 500 кг, с 300 кг ТГА (полтонны по тротилу), мало и линкору не покажется, а для эсминца или легкого крейсера смертельно.

Читал, что будто бы планировалось использовать полки на До-217 или Ту-2. Но это не так – Хе-177 был выбран потому, что он мог поднять три управляемые бомбы (До-217 максимум две, а Ту-2 одну). А поскольку в этой операции планировалось, «лучше меньше да лучше», то выбор был ясен.

Наши потери – 19 истребителей, 9 «бостонов» и один Пе-2. Были еще поврежденные, в том числе вернувшиеся с большим числом пробоин – но все же не безвозврат. Для операции такого масштаба и с таким результатом – очень мало.

О самолете Хе-177, его освоении и применении в советских ВВС – это история отдельная. Хотя, по моему мнению, эта машина оказалась у нас в тени своего более удачного потомка Хе-277 (передаваемых в морскую авиацию из АДД, при ее переходе на Ту-4), ну а в начале пятидесятых уже пошли реактивные. В результате самой яркой страницей жизненного цикла Хе-177, по иронии судьбы, сконструированного и сделанного в Германии во время войны с нами, – оказалась именно та битва в Японском море, когда «хейнкели» уже несли красные звезды на крыльях.

Над Японским морем.

23 июня 1945 года

Они опоздали на битву. И нет им прощения!

Берег остался позади меньше двух часов назад. Мори Та-набэ был не только мастером воздушного боя, но и опытным морским пилотом. Сейчас они увидят эскадру, сядут на «Тайхо», как было предписано, дозаправят свои «зеро-райсены» и пойдут в бой. Армия в Корее истекала кровью, и флот пришел ей на помощь. Должен был прийти!

Русские высадили десант в Вонсане, перерезав железную и шоссейную дороги, единственный путь снабжения восточного фланга Корейского фронта. Попытка сбросить гайдзинов в море обернулась лишь огромными потерями. Флот должен помочь, нанеся по русскому плацдарму мощный артиллерийский и авиационный удар! И прикрыть бомбардировщики Армии, действующие с авиабаз Метрополии. Отчего не из самой Кореи? Там уже практически не осталось авиации, аэродромы перепаханы русскими бомбами и нет бензина. Выбить «вонсанскую пробку», одержав наконец первую победу над русскими в этой войне, – показать, что страну Ямато рано сбрасывать со счетов!

Они уже были в воздухе, когда по радио передали – над эскадрой идет бой, огромное количество русских самолетов, в том числе и русские камикадзе. Флот несет тяжелые потери, скорее нужна помощь! Значит, там действительно очень плохо, раз сказал так, не побоявшись потери лица? Прибавить газ, рассчитав расход бензина так, чтобы хватило на де-

сятиминутный бой и посадку на палубу!

Мори Танабэ был хорошим навигатором и вывел эскадрилью точно в условленное место. Там не было ничего, они свернули к югу, осматривая горизонт. И наконец нашли.

Плавающие обломки, пятна мазута, плотики и тела. Очень много, по всему морю внизу. И ни одного корабля. А люди на плотиках, увидев красные круги на крыльях, приветливо махали руками – значит, это были свои, не гайдзины! И он мог сделать для них – разве что пройтись огнем из всех стволов, чтобы прекратить мучения и избавить от позора плена? Поскольку ясно было, что раз флот погиб, то никого не пришлют сюда спасать выживших.

И некому было мстить – русские ушли. Потопив всех – эскадрилья прошла над всем квадратом на карте, и не было ни одного корабля, лишь тела и обломки. А стрелки топливометров уже склонялись к опасной черте.

Если бы они не спешили на запоздавший призыв, а шли на крейсерском режиме! Если бы не тратили бензин на бесполезные поиски! Если бы все пилоты эскадрильи умели, как сам Танабэ, регулировать режим работы мотора, обеспечивая максимальную дальность! Теперь им не хватало горючего, чтобы вернуться домой. И дотянуть до корейского берега – тоже!

Кто со мной? На запад – где есть шанс встретить гайдзинов! И забрать их жизни до того, как упадешь в море сам. А кому жизнь дороже чести, тот может лететь назад, у бере-

гов Японии есть шанс, что вас подберут. Откликнулись лишь трое из одиннадцати, сам Танабэ четвертый, остальные повернули назад. Не самураи – мясо! Жаль, что в этой войне выживут именно такие!

Из четверых не долетел никто. Отстал и упал в море один, второй, третий, вот и у самого Танабэ зачихал и остановился мотор. И лишь равнодушное синее море под крылом и пустое небо вокруг. Полоска далеко, на самом горизонте – берег Кореи. Но до него не дотянуть! Можно прыгать, но зачем? Чтобы умирать в море, если только не выловят гайдзины? Для самурая почетна смерть на поле боя, в доспехах и с оружием в руке. А что есть оружие для пилота? Значит, надо остаться в кабине истребителя до конца. Пресветлая Амата-эрасу, я иду к тебе!

Еще через минуту над местом, где упал «зеро», появилась пара Ла-11. Ведущий доложил на пункт наведения, что наблюдал падение японца в море – наверное, мотор сдох, ведь говорили пленные, что у них на самолетах военной сборки нередко в полете отказы? И пожалел, что не хватило всего ничего, чтобы записать этого самурая себе на счет, – ну что там, на локаторе, стоило навести поточнее?

*Подводная лодка Н-4. Японское море, восточнее Вонсана.
Вечер и ночь 23 июня 1945 года*

Видяев смотрел в перископ. Ну вот он, «Ямато», краса и гордость японского флота! Хотя «Тирпиц» повнушительнее

выглядел тогда, в сорок втором. Получив всего лишь одну летающую торпеду, которую потомки называли «Гранит», – но все же был на грозный боевой корабль похож. А это, что пока еще болтается на поверхности, но упорно не тонет, – как может выглядеть даже линкор, по которому отработала, наверное, целая авиадивизия? Из штаба передали – раз уж вы там, то второй авиаудар отменим, значит, первый уже был, и хорошо прилетело самураям? Линкор больше на громадный железный понтон похож, «охваченный морем огня», как в песне про «Варяга».

Даже легкое разочарование есть – ну ничего похожего на «моделирование на компьютере», как на курсах у Лазарева было. Атака японской эскадры, с прорывом к главной цели через плотный эскорт эсминцев – сколько тогда приходилось попотеть, чтобы увидеть на экране осточертевший уже силуэт, в перекрестье визира – «Ямато», «Мутсу», «Тайхо», «Унрю», «Дзуйкаку»? И еще надо было оторваться от преследования, зело упорного и квалифицированного – причем характеристики японских гидролокаторов «при прохождении на высших уровнях», скорее, американским сонарам соответствовали. А при наивысшей сложности, когда ты уже, казалось, оторвался успешно, происходил «выход босса», как отчего-то называл это Лазарев, появлялась подлодка-охотник, ждущая в засаде!

– Так ведь нет пока такого у японцев!

– А если появится? Немцам не уподобляйтесь, чтобы – как

противник не готов, так «жирные годы», а как нормальное ПЛО, то скисли!

Так что ожидал чего-то похожего. Ради чего их, командиров «акул», и готовили, чтобы разделать под орех японский флот, третий в мире по силе. Но летчики успели раньше. Ну что ж, добьем – что еще остается, зачем сюда шли, спешили? Условия полигонные, большая цель в пяти кабельтовых, скорость не больше пяти-шести узлов. Шесть торпед, полный залп – даже жалко «СН» тратить, но в этот поход «белые акулы», с учетом ожидаемой большой драки, простые прямеходные не принимали вообще. Перископ опустить, противодействия не ожидается, но положено так. Пять взрывов невооруженным ухом слышали по истечении времени, как положено с такой дистанции, по секундомеру минута двадцать две – минута сорок. Одна не попала или не сработала – командир БЧ-3, запись в журнале? Инструкция ведь действует, при каждом применении (а особенно несрабатывании) «умных» торпед после сдать бригадному минеру (а он в штаб флота отправит) подробное описание, все данные стрельбы и кучу сопутствующего, вплоть до гидрометеоусловий и магнитного склонения места. Есть шестой взрыв, акустик докладывает, судя по времени, самоликвидатор сработал!

«Ямато» ход потерял, но не тонет, собака! Хотя половина торпед с неконтактными взрывателями были, должны днище проломить, в обход ПТЗ! Или просто большой слишком, долго будет помирать? Торпеды ценные, жалко. Вроде кре-

нится. Подождем?

У нас ведь вторая задача есть, штабом флота поставленная. Раз нас на этого зверя вывели, вместо повторного авиаудара. Провести поиск и спасение наших сбитых летчиков. И прихватить для разведотдела пленных, желательно в чинах. Так эта большая сволочь потонет, наконец, или нам еще торпеды тратить? Уже темнеет, как плотики будем искать?

И тут доклад акустика – подводная лодка, под дизелем. Еще кто-то из «акул» на помощь торопится? Или местные, в надежде, что-то и им перепадет? Лазареву было хорошо, «компьютер» звук анализировал и выдавал не только тип корабля, но даже конкретный экземпляр, если он прежде встречался и в «базу данных» попал. А у нас только ухо акустика и его память. Слушай, ты же «акул» от местных «щук» отличал – на что больше похоже?

Не отличить. Может, и впрямь свой? Так чего же он внаглую к цели над водой прется, ведь заметят? Судя по дистанции, ему уже погрузиться пора и заходить в атаку под водой. Никто из «акул» так рисковать бы не стал. Может, союзника бог сюда занес – хотя все, что севернее Корейского пролива, это наша оперативная зона? Или все же японец? Топить или не топить? Так успеем!

Акустик докладывает: слышны разрывы на воде снарядов среднего калибра, пеленг близок к тому, что на подлодку. На «Ямато» еще какая-то артиллерия осталась, он стреляет. Значит, там все-таки не японец был? Чего же тогда так глупо

подставился? Перископ поднять, выходим в повторную атаку! А ведь интересное выходит кино – что за черт?!

В стороне от туши линкора виден силуэт подлодки, и с нее что-то передают ратьером, ясно виден мигающий огонек. Предположение, что наш или союзник в таком положении предлагает линкору сдаться, отбрасываем как бредовое. Значит, все же японец – убеждает тех, кто на «Ямато», что он свой. А чего же по нему стреляли – так не иначе за нас приняли! После нашей атаки едва полчаса прошло – решили, что тот их противник всплыл? Так, вроде разобрались, не стреляют больше. И лодка подходит к борту линкора, что там дальше происходит, не видно, но явно не сплетнями обмениваться, а по серьезному делу. Ну а мы позицию займем – отходить будут в восточный сектор, нечего самураям делать в других направлениях! Если кого-то или что-то важное забрали – то повезут домой.

А они долго, однако! Стемнело уже совсем, ничего не разобрать. Можно выставить антенну и запросить, для полной уверенности, нет ли здесь лодок наших или союзников. Передача сжатая в секундный импульс, японцы не перехватят и не запеленгуют. И подождать, что ответят. Чем все же они там занимаются, нам уже ждать надоело! Что они могли незаметно отвалить, не смешите, акустикой бы слышали точно!

Наконец, двинулись! Ими и займемся в первую очередь – линкор никуда не убежит. А тут, похоже, что-то ценное

вывозят! Готовы две торпеды на кильватер и две противолодочные, если погрузиться успеют. Луна вышла, не полнолуние, но можно что-то разобрать – вот он, самурай, силуэт на нашу «эску» похож, могли бы и спутать. Позицию мы изначально выбрали хорошо, ну чуть вперед продвинуться в малолучном режиме, на маломощных и тихих «моторах подкрадывания», не могут японцы нас услышать, в режиме полной тишины. Дистанция четыре кабельтова, практически в упор, промахнуться сложно. Ну, получай, фашист, торпеду! Услышал что-то, в последний момент начал отворачивать, – но поздно уже. Обе попали – одна сразу в борт врезалась, вторая кильватер захватила. Для средней лодки – а это, похоже, тип Ро, на девятьсот тонн, по справочнику – смертельно, без вариантов!

Теперь с большой сволочью, «Ямато», разберемся. Если еще не затонул – торпед не пожалеем. И приступим к выполнению второй поставленной задачи!

Капитан-лейтенант Симидзу Иширо, командир подлодки Ро-50

23 июня в три часа дня я получил приказ, следовать к эскадре адмирала Морисита. Найдя, доложить о ее состоянии. И спасти самого адмирала с его штабом.

Приказ вверг меня в уныние. Если сильная эскадра Императорского Флота, вблизи от берегов Японии, подвергается настолько большой опасности, что ее состояние и координа-

ты точно неизвестны. Но надо было выполнять – и Ро-50 направилась в предписанный район, восточнее Вонсана. По пути следования дважды пришлось погружаться от русских самолетов. Наконец, уже на закате солнца был обнаружен линкор «Ямато» в сильно поврежденном состоянии, других кораблей рядом не было. При сближении Ро-50 была неожиданно обстреляна вспомогательной артиллерией линкора – это недоразумение было устранено, после того как мы обменялись опознавательными.

Мне приходилось прежде видеть «Ямато». И больно было смотреть, во что превратился грозный и красивый линкор, принявший десяток прямых попаданий тяжелых авиабомб и несколько торпед. Причем торпедная атака была незадолго до нашего появления, чем и объясняется «салют» при встрече, нас приняли за русскую подлодку. На мой вопрос о состоянии корабля пришел ответ: «через два-три часа пойду ко дну».

Я запросил разрешения встать борт к борту, отсутствие волнения это позволяло. В то же время были все основания считать, что русская лодка после атаки поспешила уйти из этого района, это азбука тактики подводников, и подтверждением мог служить факт, что «Ямато» не был добит. А приказ должен быть выполнен – поднявшись на борт, я лично сказал о том адмиралу Морисита.

Изменилось бы что-нибудь, если бы, в строгом соответствии с приказом, адмирал со своими офицерами тотчас же

сошел бы на мою лодку, и мы немедленно отправились бы домой? Думаю, что нет, – ведь как оказалось, русский подводный убийца ждал лишь удобного случая, чтобы нанести удар! Но я хочу рассказать о том, чему был свидетелем.

Адмирал категорически отказался спастись один. Сначала он спросил меня, сколько человек я могу взять на борт. А затем, обратившись к офицеру, исполнявшему обязанности командира линкора, приказал отобрать среди экипажа тех, кто еще будет полезен Японии, – отбирая не только по квалификации и опыту, но и еще больше по морально-психологическим качествам, «в ком сильнее дух истинного самурайства». Процедура была проведена, причем свидетельствую, что экипаж отнесся к ней в высшей степени достойно, без возмущения и видимого падения боевого духа. Напротив, наша вера, что страна Ямато будет жить и с честью выйдет из временных трудностей, укрепилась при виде того факта, что самых достойных, при самом тщательном отборе, оказалось втрое больше, чем было задумано взять! И адмирал сначала хотел предложить тянуть жребий, а затем приказал мне, погрузить всех!

Экипаж Ро-50 составлял 54 человека. Сверх того на борту оказалось еще 287 героев из команды «Ямато»! Люди не только заняли все мыслимые места в отсеках, но стояли и сидели на палубе – конечно, при необходимости погрузиться, они были бы обречены, но это все же была лишь вероятная смерть, в сравнении с гарантированной гибелью на обречен-

ном линкоре. И конечно, со всеми почестями был перенесен портрет Божественного Тэнно.

На «Ямато» осталось еще больше тысячи человек. Включая раненых, которых на лодку не брали. Японии сейчас нужны здоровые солдаты, а не калеки. Мы надеялись, что смерть тех, кому не повезло вытянуть счастливый билет, будет быстрой и легкой. А не такой, как у американских моряков, которую я видел в сорок втором, когда был старшим помощником на другой лодке. Тогда мы заставили их бежать через строй наших матросов, вооруженных палками и мечами, – после чего тело сбрасывалось за борт. Бусидо гласит, что жизнь сдавшегося врага не стоит и горстки пепла. Поэтому мы ждали от русских и американцев точно такого отношения, как бы мы сами поступили с ними.

С таким количеством пассажиров мы, наверное, не смогли бы погружаться. Даже если не брать в расчет гибель тех, кто на палубе, – воздуха в отсеках просто не хватило бы для дыхания такого числа людей. Надежда была лишь на то, что Ро-50 была совсем новой лодкой, вступившей в строй полтора года назад. И почти двадцати узлов надводного хода должно было хватить, чтобы за ночь отойти миль на полтора к юго-востоку, а там уже не слишком далеко до берегов Японии, и авиация может нас прикрыть, когда мы пошлем радиограну.

Казалось, боги не оставили нас своей милостью. Но вдруг мы увидели следы торпед, несущихся к нашему борту! И

поздно было уже погружаться или менять курс. Взрывы были страшны, кормовая часть лодки со всеми людьми на палубе просто исчезла, а рубка оказалась вровень с водой. У всех, кто был внизу, в отсеках, не было ни единого шанса. Может быть, боги решили, что земная история народа Ямато завершена, и надо взять на небо лучших?

Уцелело лишь пятнадцать человек – те, кто были наверху и не оказался ранен или контужен. И адмирал был среди нас – задержавшись на мостике, рядом со мной. Один из матросов отдал ему свой пробковый жилет. И была страшная ночь, люди тонули один за другим, не в силах бороться, или же в жилетах плавали мертвые тела. К утру остались лишь я и адмирал. Я сказал себе, что должен жить, хотя бы затем, чтобы рассказать о подвиге во славу Японии, свидетелем которого был.

Откуда-то возникла надувная лодка, в которой сидели трое. Это оказались русские, экипаж сбитого бомбардировщика. Отчего-то они не пристрелили нас в воде и не забили веслами, а вытащили к себе. Мы были слишком измотаны и безоружны, чтобы оказать сопротивление, русские были в гораздо лучшей физической форме, у всех у них были пистолеты, и даже один автомат. И эти русские были уверены, что их скоро спасут, – судя по тому факту, что они дали мне и адмиралу по несколько глотков из фляги, а не берегли воду исключительно для себя. Затем мы увидели подводную лодку, и я подумал, что если это японская субмарина, то я по-

прошу, чтобы этим русским дали быструю смерть, обезглавив мечом. Но старший из них показал гранату, и я понял, что эти гайдзины скорее взорвутся, чем пойдут в плен. И это оказалась русская подлодка, причем та самая, что потопила нашу Ро-50.

Гайдзины обращались с нами по-лицемерному вежливо. Не били, не пытали, – но подвергли нас самому страшному унижению, заставив пройти строем по своему Владивостоку. Фотографировали и печатали снимки в газетах – те, чьи лица можно было узнать, были опозорены навек! Тогда нам казалось, что нет ничего страшнее – полная потеря лица, после которой нельзя жить.

А когда мы вернулись наконец домой, то увидели, что случилось еще более страшное. До нашего позора никому не было дела – потому что лицо потеряла вся Япония.

26 июня 1945.

Токио, Императорский дворец

Нередко бывает, что труп, попавший в огонь, вдруг начинает двигаться, словно живой: шевелит рукой, поворачивается или словно пытается сесть. Это явление, способное напугать несведущих, объясняется всего лишь сокращением мышц под действием высокой температуры. Мертвое тело остается мертвым, лишь ненадолго приобретая жуткую иллюзию жизни, на самом же деле ему недолго остается до превращения в пепел...

Таким трупом казалась сейчас императору Хирохито Япония. Еще воюют солдаты, делают оружие рабочие, командуют офицеры, но все это только последние движения уже неживого перед сожжением в огне вражеского нашествия.

На новом совещании Высшего совета управления войной, где сегодня председательствовал божественный микадо, присутствовали те же, что и на предыдущем, за исключением адмирала Тоеда, командующего Объединенным Флотом. Судьба его, так же как и адмиралов Одзавы и Мориситы, была неизвестной. Зато всем было известно страшное: флота у Японии больше нет.

– Авианосцы погибли все, – сухим голосом говорил адмирал Енаи, – и огромные потери среди палубной авиации. Из линкоров – остался один «Харуна», в Куре, заканчивает ремонт после повреждений, полученных в прошлом году у Филиппин. Тяжелые крейсера – остались лишь «Такао» в Сингапуре, и «Аоба», также завершает ремонт. Легкие крейсера – уцелели лишь «Ойода», в ремонте, и «Сакава», единственный, пребывающий в строю. Учебные крейсера – «Кашии» в Сингапуре, и «Кашима» в Метрополии, в Куре, также в строю. «Флотские» эсминцы, так же как корабли ПВО тип «Акицуки», погибли полностью, будучи расходным материалом во всех сражениях. Старые эсминцы, эскортные эсминцы и миноносцы – уцелело одиннадцать штук, в реестре указано. В постройке авианосец «Ибуки», с готов-

ностью не раньше января следующего года, и три авианосца типа «Унрю», второй серии, готовность не раньше следующего лета, при условии бесперебойного обеспечения ресурсами, что под сомнением. Также на стапелях два эсминец ПВО тип «Акицуки», к постройке еще двух, из того же заказа, фактически не приступали, из-за отсутствия металла. Подводные лодки – в строю восемнадцать единиц в Сингапурской эскадре и шестнадцать здесь, в Метрополии. Но в постройке сорок малых скоростных субмарин нового поколения, из которых десять могут быть введены в строй до конца лета, опять же при условии обеспечения ресурсами. И восемь «средних скоростных», аналог немецкого «типа XXI», из которых шесть также могут поднять флаг в течение лета-осени, точнее сказать затрудняюсь, из-за все той же неопределенности с ресурсами. По малым кораблям, как эскортные, тральщики, канонерские лодки и минные заградители, а также катера всех типов – подробно указано в реестре. Скажу лишь, что эскортные флотилии понесли неожиданно большие потери от русской авиации – положение настолько серьезно, что мы не рискуем в дневное время посылать корабли в район Курильских островов и пролива Лаперуза. Русские подводные лодки замечены у восточного побережья Хоккайдо, и даже у входа в Сангарский пролив. И есть достаточные основания полагать, что русская «Моржиха», она же «Полярный Ужас», здесь. По крайней мере, разгром эскадры Одзавы это что-то запредельное для обычных

подлодок. Мне тяжело это говорить, – но русские имеют сейчас господство на море, в водах севернее и западнее Метрополии. И Флот в настоящий момент не может это изменить.

– То есть вы хотите сказать, если русские завтра начнут вторжение, Флот будет не в силах этому помешать? – спросил военный министр Анами. – Что ж, Армия готова защищать страну Ямато и Божественного Тэнно. Я рад доложить, что мы имеем сейчас в Метрополии пятьдесят девять дивизий, не считая отдельных бригад и батальонов! Два миллиона триста пятьдесят тысяч солдат и офицеров регулярной армии и армейской авиации, двести пятьдесят тысяч специальных гарнизонных сил, а также два миллиона двести пятьдесят тысяч в армейских строительных частях – и, насколько мне известно, миллион триста тысяч в строительных частях флота! И есть еще гражданский добровольческий корпус численностью в двадцать восемь миллионов человек!

– Каждый японец будет рад умереть за страну Ямато и Божественного Тэнно! – поддержал военного министра адмирал Ониси, исполняющий обязанности начальника генерального штаба Флота вместо погибшего Тоеды. – И если двадцати миллионов жертв хватило бы для нашей победы, то неужели тридцати миллионов не хватит для достижения почетного мира? Который станет не поражением, а передышкой, – накопив силы, Япония поднимется и отомстит, и возьмет наконец по праву принадлежащее ей! Пусть это будет уже не при нашей жизни.

– Речь идет не только о военной капитуляции, – сказал начальник генерального штаба армии Ёсидзиро Умэ, – есть сведения о «плане Моргенау», который янки готовили для Германии. К которой у них был куда меньший счет. Если мы сдадимся – Японии не будет, а лишь подобие Сиама или какого-нибудь малайского султаната. И не будет шансов подняться – можно не сомневаться, что особому искоренению подвергнется самурайство и сам его дух. Вы можете представить страну Ямато без самураев?

– Каковы наши реальные военные возможности? – спросил премьер-министр Куниаки Коисо. – Господин Енаи упомянул ресурсы, необходимые для достройки кораблей, вместо погибших. У нас больше нет нефти, нет угля для домен, нет маньчжурской промышленной базы – в Метрополии же производство понесло значительный урон от бомбардировок, дезорганизовано мероприятиями по рассредоточению, остановлено из-за отсутствия сырья и энергии. Выпуск военной продукции упал впятеро, и не видно никаких перспектив к улучшению. И мы не сможем обеспечить продовольствием все население, если даже в армии приходится сокращать пайки. Господин Умэ, не вы ли мне вчера показывали доклад, что авиабензина в Метрополии осталось меньше чем на месяц, и это все наши запасы? А вы, господин Анами, не подскажите, насколько обеспечены вооружением упомянутые вами пятьдесят девять дивизий?

– Мы могли выдержать войну с одной державой, – сказал

министр иностранных дел Сигэнори Того, – но когда против нас ополчились все державы мира, положение безнадежно. И надеяться, что они устанут от войны раньше нас, смешно – напротив, ее продолжение будет лишь крепить их намерение после обойтись с нами самым безжалостным образом.

Спор накалялся. Три голоса за капитуляцию (или хотя бы за рассмотрение предложений вражеской стороны), три за продолжение войны самым бескомпромиссным образом. Однако решало сейчас не число голосов. Хирохито слушал очень внимательно, сам не вступая в прения, – мнение Божественного Тэнно непогрешимо, и оттого, его голос должен прозвучать последним. Ведь если после слова императора выяснится что-то важное, то придется или следовать не наилучшему решению, или, что гораздо страшнее, потерять лицо, изменив свой вердикт!

Император знал, что представители Армии изображают гораздо лучшую картину, чем она есть на деле, – не по умыслу, а оттого, что им хочется в нее верить. Войска в Корее отступают под натиском русских, бои идут уже на подступах к Сеулу. Остатки Квантунской армии загнаны на Ляодунский полуостров, и надо полагать, что для русских взятие их бывшей крепости Порт-Артур будет делом чести. Дивизии, идущие из Китая, уже разбиты и отброшены повернутой на них русской Шестой танковой армией. Англичане наконец заняли всю Бирму и готовы вторгнуться в Малайю и Индокитай. Во Вьетнаме начался мятеж, поднятый так назы-

ваемым «фронтом Вьетминь», в Ханое, Хюэ и Сайгоне идут уличные бои. Американская морская пехота высадилась на Окинаве. Даже Чан-Кай-Ши, не добитый в прошлом году, воспрял духом и пытается изображать активность. Но самое главное и страшное – русские, захватив Карафуто, не только не выводят оттуда войска, а перебрасывают еще и новые! Уруп ими взят, скоро и Итуруп падет, за ним Кунашир, что дальше? Ответ очевиден – активность русской авиации растет не только над проливом Лаперуза и островами, но и над Хоккайдо. Русские ждут лишь, когда их фланг будет обеспечен – после взятия Кунашира начнется вторжение в Метрополию!

Пятьдесят девять дивизий, четырнадцать бригад – вот только генерал Анами стыдливо признал, что артиллерия в них наличествует от трети до половины положенного штата (причем пушки зачастую времен русско-японской войны), стрелковым оружием обеспечены на шестьдесят процентов (включая древние винтовки Мурата и «арисаки» первых моделей). Не хватает боеприпасов, нет топлива – если автотранспорт еще можно перевести на газогенераторы, то чем танки заправлять? Солдаты – в большинстве слабообученные новобранцы. Это при том, что на островах русские с легкостью перемололи две кадровые дивизии довоенного состава, сидящие в долговременных укреплениях, – сами имея меньшую численность десанта, чем обороняющиеся гарнизоны! Их авиация господствует в воздухе, их артиллерия сильнее

нашей, ну а танки это вообще что-то ужасное! Это будет страшнее нашествия монголов – да, можно поднять на бой хоть все население Японии, вооружив бамбуковыми копьями и палками, коль не хватает винтовок. Чтобы смерть встречала захватчиков из-за каждого камня, из-за каждого угла – как у самих русских в эту войну с немцами были партизаны!

Вот только Япония не Россия, территория много меньше. И естественным ответом со стороны любой армии вторжения будет война на полное истребление. Как на Карафуту, где русские согнали все японское население в особые лагеря – и легко представить, что с ними будет после, взгляните на места заключения пленных англичан и американцев в Японии! Скорее всего, ни Карафуту, ни Курилы они нам уже не отдадут – в Европе русские поступали по правилу, «где ступила нога нашего солдата, там уже наша земля» (вполне по-японски!), на этих условиях они заключили мир с Финляндией и требуют того же от норвежцев. Продолжая сопротивляться, мы с большой вероятностью утратим Хоккайдо, особенно если Сталин о своих бывших подданных вспомнит¹⁴. И будет страшная мясорубка, которая захлестнет северные территории и неудержимо покатится на юг, не оставляя ничего живого. Итог будет еще гибельнее, чем при принятии

¹⁴ Исторический факт: в 1779 году русские промышленники приняли хоккайдских айнов в русское подданство, собирая с них ясак, так же как с сибирских племен. Япония в то время имела лишь княжество Мацумаэ на юге острова. К сожалению, в то время Россия не располагала на Тихом океане флотом и вооруженной силой, чтобы подкрепить свои притязания.

капитуляции, какой бы тяжелой она ни была! И когда все стихнет – не останется надежды, что Япония когда-нибудь восстанет из пепла, потому что некому будет ее поднимать.

Да, японский народ терпелив, и ему не впервой отстраивать свои разрушенные дома и восстанавливать прежнюю жизнь, после землетрясения, тайфуна, цунами. Вот только что делать, если надвинется цунами высотой с гору Фудзи, после которого вообще не останется живых?

Любой ценой необходимо избежать такого конца! А значит, оставалось одно – полная капитуляция и подчинение всем требованиям противников. Если народ страны Ямато выживет – останется и надежда.

Хирохито хорошо знал историю. Когда-то монголы, от нашествия которых Японию спас лишь Божественный Ветер – тайфун, вовремя уничтоживший флот вторжения, – завоевали соседний Китай. Китайцам пришлось покориться и жить под властью чужеземных варваров более ста лет. Но со временем сила завоевателей ослабла, китайский народ поднял восстание и сверг династию угнетателей, а Китай вновь стал великой державой.

Так и Япония когда-нибудь снова станет свободной и победоносной, пройдет пятьдесят лет, сто или больше... Возможно, сам Хирохито не увидит возрождения родной страны, но сейчас он сделает все, чтобы потомкам было что возродить.

Хирохито дождался того момента, когда члены Совета по-

степенно замолчали и повернулись к нему, ожидая окончательного вердикта, и тихо произнес фразу, вскоре ставшую знаменитой.

– Продолжение войны может иметь своим единственным результатом уничтожение японского народа и продолжение страданий всего человечества. Кажется очевидным, что нация не в состоянии более вести войну и ее способность защитить свои берега сомнительна. Пришло время «вынести невыносимое». Япония должна принять условие безоговорочной капитуляции.

Подполковник Цветаев Максим Петрович, 56-я гвардейская танко-самоходная бригада

Вот он – Порт-Артур. К которому мы, как к Берлину, шли. Отчего-то казалось, вернем его, восстановим историческую справедливость – и конец этой войне.

Путь по Маньчжурии запомнился мне, прежде всего, пылью, лезущей во все щели, а также в нос, рот и глаза. В экипажах те, кто ехал по-походному, высунувшись из люка, то надевали мотоциклетные или летные очки, а у кого не было этой полезной вещи, те предпочитали наблюдать через тримплекс, видно было немногим хуже. Но как дожди пойдут, то дороги в болото превратятся, так что нам еще повезло. А собственно боев почти и не было – так, стычки головных дозоров с кучками фанатиков, пытавшимися нас задержать. Странно, но японцы даже мосты часто не минировали.

ли — хотя на их «живые мины», смертников со взрывчаткой, мы насмотрелись достаточно. Потери в технике от них были редко, мы еще с Европы привыкли сажать на броню автоматчиков, и какие тогда шансы у самоубийцы даже пять шагов пробежать и не словить пулю? Конечно, если не зевать. Бывало еще, что японцы лежали у дороги или даже прямо на ней, притворяясь убитыми, — так что дозор очень скоро стал стрелять во все подозрительные тела, которые и взрывались иногда.

А настоящих боев помню лишь два. Один, когда настигли отступающую японскую колонну, — но когда наша бригада подошла, все было уже практически закончено, даже пострелять почти не пришлось. Второй раз было серьезнее, японцы укрепились в деревне, силами до усиленного батальона, даже с артиллерией и танками. Так, что с ходу смять не получилось, пришлось разворачиваться в боевой порядок и брать деревню штурмом. Китайцев было жалко, в чужом пиру похмелье, но снаряды не разбирают, особенно если сначала по площади залпом «катюш» накрыть, а после бить по каждому сараю, откуда раздастся хоть выстрел. Пушки у самураев были слабенькие, вроде наших сорокапятков, и еще несколько дивизионных, на высоких железных колесах, как в фильме про революцию и Гражданскую. А вот из танков один оказался «пантерой», и даже сумел подбить Т-54 головного дозора, — хорошо, экипаж выскочить успел! Мы эту «кошку» и сожгли, наш певец Скляр отличился, прямое попадание с

тысячи ста метров, – а японцы нам не ровня, ну кто же с одного места, пусть даже удачно выбранного, стреляет, позиции не меняя совсем? Хотя, может, у них мотор сдох или ходовая, вот машину в засаду и поставили? Уже не понять, после того как у них боекомплект рванул – и кто там был, японцы или немцы, нехай их Аматаэрасу сама сортирует!

Может, у других и погорячее было. Но я лишь за наш передовой отряд 59-го корпуса говорю, в котором наша бригада, – чему сам был свидетелем. У перешейка те самые Цзинджоунские позиции, что Степанов в романе «Порт-Артур» описал, мы были 24 июня. Тут у японцев было подобие обороны, укрепрайон, построенный еще до того, как они Маньчжурию захватили. Так что наши войска приостановились – думали тогда, сейчас тылы подтянем – и вперед. Бои местного значения были – поскольку самураи свою полосу обороны спешно укрепляли, и сами, и толпу китайцев с лопатами согнав, ну а мы, естественно, старались помешать. В первый день над нами даже японская авиация появлялась, но уже 25-го числа наши это безобразие прекратили, 26 июня мы увидели в небе «илы»-штурмовики в большом количестве, а еще прибыли «бронегрызы», 8-я ШИСБР, и боеприпасов подвезли, так что дело пошло веселее. В сорок пятом у нас уже научились людей беречь, сначала обстрел и авиаудары, лишь после пехоту в атаку, и не абы как, а по правильной тактике. Тогда я снова, после Зеелова, увидел действие бомб и снарядов «объемного взрыва», вроде и возле дота рвануло,

а внутри мертвые все, убило перепадом давления.

И тут 27 июня японцы парламентариев присылают. Я на тех переговорах не присутствовал, — но очень быстро известно стало, о чем там говорили — и секретом особым это не было объявлено, и политработники прямо цитировали, да и переводчики, и писаря тоже люди, друзей имеют. Будто бы их император объявил о капитуляции — так что конец войне! Ну тогда, вы оружие кладете, мы входим в Порт-Артур? Нет, отвечают, их командование разъяснило, по какой процедуре все должно происходить, чтобы по самурайской чести. Все остаются на позициях, какие на этот момент есть, — а когда мир окончательно будет подписан, тогда японские части вывозятся домой, где оружие и сложат. Мать-перемать, что ваше командование решило, это ваши проблемы — нам оно не указ! Или вы сдаетесь, раз император согласился, или будет штурм! Дальше разные версии, кто-то из наших, что про их императора сказал, — так главный из японцев чуть за саблю не схватился, а затем прорычал, что скорее Япония погрузится в море, чем истинный самурай склонит голову перед проклятыми гайдзинами (слово, у них обозначающее то ли варваров, то ли вообще дикарей). Так и разошлись — вернулись парламентарии назад, мы же не фашисты, чтобы законы войны нарушать?

Три дня было затишье. В штабе корпуса слышал, что КВЖД и ее южный участок ударными темпами под нашу колею перешивают, и вот завершили наконец. Прибывали

лишь новые части, причем не столько пехота, как артиллерия – например, гвардейская минометная бригада особой мощности (не путать с «катюшами», те просто гвардейские минометчики, а «особой мощности», это «тюльпаны»), или корпусные артполки, калибра 152 и 203 – сам видел, как пушки стояли буквально колесом к колесу, как при взятии Берлина. Прибыла даже железнодорожная батарея 180-мм транспортеров, морские пушки, как на крейсерах, от японского флота нас прикрыть – если по сухопутным целям «тюльпаны» и эффективнее, и дешевле? А еще в небе очень часто кружились разведчики, их ни с чем не спутаешь, когда одиночный Ту-2 или Пе-2 на ту сторону летит, сопровождаемый парой или звеном истребителей. И «рамы» ФВ-189 над передним краем, цели берут пока на карандаш. Ясно было, что скоро начнется!

И знаете, мы как-то не особо и сожалели, что самураи капитулировать отказались. Хотелось, конечно, чтобы скорее войне конец, и домой. Но так уже было вбито в нас про «героев Порт-Артура», что войти туда без боя... ну вот представьте, вы бы к экзамену долго готовились, даже не для аттестата, а лично себе показать, что способен и достоин, – и вдруг вам документ кидают просто так, даже не спрашивая? Отказываться, может быть, и я бы не стал, – но вот на душе было бы что-то не то! Ну и в войне этой мы разогнались уже, как товарный состав, сложно остановиться, привыкнуть, что нет обстрелов и бомбежек, для нас это уже как норма было

тогда. Японцы сдаваться отказываются – ну, им же хуже!

1 июля – загремело! Наш маршал сказал, что при двухстах орудиях на километр фронта о противнике не спрашивают и не докладывают, а лишь сообщают, до какого рубежа наступающие войска дойти успели. Сколько у нас тогда стволов было, я не считал, но на вид и на слух не меньше, чем на Одере. А по тому, до чего не дотягивалась артиллерия, работали штурмовики – да и наши самоходки, «тюльпаны» и «катюши» вполне справлялись с задачей, сопровождать наступление не только огнем, но и «колесами». Японцы же, я считаю, поступали тактически безграмотно, все время подбрасывая резервы на первую линию обороны, что позволяло нам перемалывать эти войска при малых своих потерях. А впрочем, что еще оставалось самураям, если не было у них сильного мобильного кулака, танковых частей, чтобы пытаться вести с нами маневренное сражение после прорыва линии своей обороны? Тогда как у нас 59-й корпус Первой Краснознаменной армии был поддержан тремя танковыми бригадами полного состава, все на Т-54, нашей тяжелой самоходной бригадой, и еще четырьмя самоходными полками, да и «бронегрызы» имели в составе саперные и огнеметные танки, очень эффективные против дотов.

3 июля был полностью очищен Дальний. Первая Краснознаменная армия выходила на высоты вокруг Порт-Артура, японцы пытались обороняться примерно по тому рубежу, который сорок один год назад защищали наши деды, нас

это лишь обозлило! Утром 4 июля по горе Высокой работала авиация дальнего действия, бомбардировщики налетали волна за волной, – а затем, после удара гвардейских минометов, в атаку поднялась гвардейская пехота, нам было сложнее, там рельеф для техники не слишком удобный. И мы взошли на эти высоты – в 1904-м, японцы почти год штурмовали эти позиции, обороняемые двадцатью пятью тысячами русских солдат, потеряв своих сто тысяч, сейчас же пятьдесят тысяч самураев не сумели продержаться против нас и четырех дней! Так ведь товарищ Сталин это не бездарь Николашка, а командующий Первой Краснознаменной генерал армии Белобородов, когда-то красный партизан Гражданской, здесь, на Дальнем Востоке, член ВКП(б) с 1926 года, командовавший в сорок первом под Москвой 78-й дивизией, ставшей там 91-й гвардейской, а в сорок четвертом уже армией, бравшей Кенигсберг, – это не какой-то там дурак и предатель Стессель!

4 июля мы вошли в Порт-Артур, добывая еще сопротивлявшихся японцев. Примечательно, что вопреки словам о «самурайской чести», командующий японскими войсками, генерал Сэйти Кита, со своим штабом предпочел сдаться нам, а не вспороть себе живот. Так вышло, что я был свидетелем этой сцены – сей brave самурай сначала заявил, что «подчиняется неодолимой силе», а затем поинтересовался, дозволено ли будет ему и другим старшим офицерам оставить себе личное холодное оружие? И получил ответ, что

об условиях вы могли говорить раньше, когда вам предлагали организованную капитуляцию, — а когда ваша крепость уже взята штурмом, то ситуация совсем иная! Впрочем, если вы намерены совершить харакири, это ваше право, прямо сейчас — или же все идут в плен на общих основаниях. Где, согласно Женевской Конвенции, вам гарантируется жизнь, кормежка, медицинское обслуживание и непривлечение к работам для офицеров, но ничего не сказано про сабли. И генерал сдулся, потерял важный вид и отстегнул свою железку, вместе со всеми.

Строго говоря, самурайские мечи как бы уже не считались оружием, по нашему уставу. По крайней мере, если сдача японцами пистолетов и винтовок, не говоря уже о более серьезном, подлежала строгому учету, то «холодняк» не вносился ни в какие списки. И разбирались сабли на сувениры нашими офицерами (теми, кто успел прочесть про легендарные японские клинки трехсотлетней давности), узнавшими, что в японской армии вполне приветствовалось, когда истинный самурай отправлялся на войну с древним фамильным мечом вместо уставного «новодела». Именно в нашей Первой Краснознаменной (а не у моряков) возникла традиция (еще до окончания войны) награждать не просто орденами, а наградным оружием (орден на эфесе), причем использовались трофейные японские мечи. Получил и я «Красную Звезду» на коротком клинке вакидаси и полковничьи погоны. А вот из армии демобилизоваться — не получилось!

Помню еще сохранившееся русское кладбище в Порт-Артуре – солдат и офицеров, погибших еще тогда. И сторожа при нем, сказавшего нам, что был когда-то полковником еще той, царской армии. Он провел нас по кладбищу, указывая на могилы и рассказывая, кто это и как погиб. Да, прав был товарищ Сталин, сказав еще год назад: власть была царская, несправедливая, но солдаты честно сражались и умирали за Россию, и это заслуживает уважения!

И после на воротах кладбища появилась надпись, тем же почерком, что я видел на подбитом японском танке у Гирина.

«Деды, спите спокойно. Мы за вас отомстили – теперь сполна!»

Над Хиросимой. 30 июня 1945 года

Когда над обреченным городом появляется армада из сотен В-29, меркнет солнце, а бомбы падают, как дождь.

Кто сказал эту фразу, вошедшую после не в одну книгу о Второй мировой войне? Лишь японец мог бы выразиться о таком поэтически – потому что солнце не светит ночью. Но японец сочинил бы хокку, как некие самураи, четыреста лет назад заживо сгоравшие в замке, осажденном врагами. Однако даже в те жестокие времена, когда самурай запросто мог проверить остроту своего меча на первом встреченном простолудине, – война касалась лишь самурайского сословия, а не всех поголовно. И твоя жизнь или смерть зависе-

ла от твоего воинского умения. А сейчас – бомбам было все равно.

Эскадрильи В-29 ложились на боевой курс. Три эшелонами, четко выдерживая строй и дистанцию. Тактика, обеспечивающая наилучшее поражение цели, была достаточно отработана, – но ведь нет предела совершенству? И кто знает, чья земля будет под крылом бомбардировщиков завтра, что потребуют государственные интересы США? Война должна быть делом чистым и гуманным – естественно, для американцев! – никакой мясорубки в грязных окопах, лишь безотказно отлаженная и эффективная машина по доставке бомб на головы врагов. В идеале – чтобы объявление войны совпадало с капитуляцией врага: когда над городами страны, позволившей недружественные действия, или просто вызвавшей наше неудовольствие, появляются тысячи «сверхкрепостей», и нокаутированному противнику остается лишь подписать условия сдачи. А еще лучше, чтобы и до этого не доходило, мы же гуманные люди – вполне удовлетворимся, если вы, лишь увидев эту нашу угрозу, сами поспешите уступить и отдать все, что нам надо, окей? И мы снова будем с вами дружить и торговать.

Но чтобы это завтра стало реальностью – вам, желтомордые, придется послужить полигоном. На вашем месте вполне могли быть другие – так что ничего личного, вам просто не повезло! Не надо было вам связываться с плохим парнем Адольфом, подло и фактически без объявления войны на-

падать на Перл-Харбор, а до того не уважать наши торговые интересы в Китае! Знали бы вы свое место, макаки, никто бы вас не тронул – так что не обижайтесь, что придется вас поучить. Конечно, тех, кто останутся живы после нашего урока!

Хиросима была выбрана потому, что город был еще не тронут прежними налетами – и оттого соблюдалась абсолютная чистота эксперимента. Днем высоко над городом пролетел разведчик, детально сфотографировавший цель. Эти снимки будут сравнены с теми, что снимут завтра, уже после – чтобы оценить эффективность налета. Высота сброса бомб, боевой курс относительно ветра, соотношение фугасных, зажигательных бомб и напалма, последовательность и интервал их применения, и даже величина потерь, понесённых бомбардировщиками от действий японской ПВО, – все подвергалось точному анализу и расчету, шло в копилку будущего опыта. Сильного противодействия не ожидалось – у японцев не было полноценных, оснащённых радаром ночных истребителей, а в Хиросиме, не имеющей крупных военных объектов, не было достаточного количества зениток для противодействия столь массированному налёту. Оттого можно было даже позволить снять с бомбардировщиков часть оборонительного вооружения и брони, чтобы увеличить боевую нагрузку до семи с лишним тонн на каждый. Почти четыре сотни «сверхкрепостей», без малого три килотонны падающей с неба смерти – счет уже в категориях пока

не рожденной, атомной эры!

Японские города были очень хорошими целями. С преобладающей деревянной малоэтажной застройкой, дома стояли вплотную, и во всех горели жаровни (и для приготовления пищи, и для обогрева – центрального отопления в Японии не было и в гораздо более позднее время). Во время Великого землетрясения 1923 года от последующих пожаров погибло больше людей, чем от подземных толчков. И почти не было бомбоубежищ, в отличие от Европы, где о защите населения от бомб (а еще больше от газов) начали беспокоиться еще во время прошлой Великой войны. Но это ведь ваши проблемы, макаки, если вы не готовы, разве не так?

И падал с неба огонь, как на библейские Содом и Гоморру. Горели целые кварталы, пожары не успевали тушить, да и не хватало воды, и не могли пожарные проехать по узким улочкам, охваченным огнем. Скоро пожары слились в один, и поднялся над городом огненный шторм, и стало светло, как днем, – что неожиданно сыграло на руку прилетевшим с опозданием японским истребителям, теперь они могли видеть врага. Когда последняя волна бомбардировщиков уже ложилась на боевой курс, на высоте 2000 метров.

Вроде их император уже заявил о капитуляции? Так, в первых, это были пока лишь разговоры, зондаж почвы о намерении – как иначе объяснить, что конкретного приказа сложить оружия, судя по всему, так и не отдано, на Окинаве желтомордые как дрались, так и дерутся с отчаянием за-

гнанных в угол крыс! А, во-вторых, старое верное правило, что «дипломатическое давление должно быть подкреплено военным», чтобы быстрее решались – тем более что операция «Гнев Божий» была задумана еще до того, все приказы отданы, приготовления завершены, не отменять же? И пусть еще спасибо скажут, что мы их газами не травим, как тараканов и клопов! А то было и такое мнение...

В Хиросиме погибло девяносто тысяч человек. Сведения неполные, так как в Японии учет населения в городах ведется по «десяткам» домовладений, которые в свою очередь замыкаются на кварталы – список погибших составлялся по ведомостям старост и показаниям выживших родственников, а были целые районы, где не уцелело вообще никого. Американцы потеряли двенадцать самолетов, судьба экипажей после стала одним из пунктов в списке японских военных преступлений. Генерал Кертис Лемэй, оценив по фотоснимкам результат бомбежки, был доволен.

Хиросима... Видать, карма такая у города, что в той реальности, что в этой! Или явление «эластичности» истории проявляется, учеными пока не исследованное.

4 июля 1945 года.

Токио, Императорский дворец, бомбоубежище

Сказать, что Высший Совет управления войной собрался в глубокой печали и беспокойстве – это все равно, что называть цунами обычным приливом.

В Японии, в отличие от всех воюющих держав, не было единого военного вождя. Не обязательно диктатора, как Гитлер или Муссолини, в военное время таковыми были и Рузвельт, и Черчилль (о Сталине деликатно промолчим). Даже малые страны имели вождей – таких как Маннергейм, Хорти, Антонеску. А в Японии фигуры, стоящей у штурвала всю войну, не было. Или все же была?

«Если генералов в Японии меняли, то делало это не правительство, а другие генералы, главное главных. Назовем их Ставкой. У Ставки была сверхзадача покорение Азии. Хотя никто не осмелился задать Ставке вопрос: а какого черта она вам сдалась?

Подобного рода вопросы диктаторам не задают.

Даже если у этого коллективного диктатора нет индивидуального лица, он может в одночасье отправить в отставку самого главного милитариста и вроде бы вождя – генерала Тодзио, выгнать Хомму и Ямаситу – самых славных полководцев. А уж премьеров этот коллективный диктатор сменил неслучайно»¹⁵.

Именно Ставка фактически правила Японией, от лица императора. При том, что Божественный Тэнно был ей необходим, освящая ее решения своим моральным авторитетом. Так велел император – именем его! Вот только истолковывать божественные слова можно по-всякому (тут и японцем не надо быть – на чем добывают свой хлеб священнослужители).

¹⁵ И. Можейко. Западный ветер, хорошая погода.

тели любой веры?). А сам Тэнно отлично понимал, что если он попробует к своей общепринятой роли Арбитра добавить еще и роль Игрока и выступить против *общего* решения, то завтра на троне, очень может быть, будет сидеть другая фигура. А при каких обстоятельствах вознесся на небо прежний Тэнно – этот вопрос никто не задаст.

«Когда самурай вернулся с войны, соседи сказали ему, что его жена вела себя в его отсутствие так, как совершенно не подобает жене самурая. Самурай выслушал, вошел в свой дом – и больше его жену никто не видел. А на завтра самурай взял себе другую жену. И никто никогда не спросил его ни о чем».

Потому на Совете – голосом императора считался премьер. А сам Тэнно лишь молчал, слушал и лишь в самом конце своим словом скреплял общий вердикт.

– ...в исполнение Божественной Воли, нашим посланникам в Швеции и Швейцарии были посланы телеграммы с просьбой довести до сведения правительств этих стран, что Япония согласна на предложенные условия, с некоторыми дополнениями, известными всем нам, – говорил Того, министр иностранных дел, – также я лично принял советского посла и имел с ним беседу. В настоящее время мы ждем реакции на наши инициативы.

– Русские взяли свой Порт-Артур, – премьер Коисо это слова произнес по-русски, – и практически добывают последних наших солдат в Корее. Квантунской армии больше

нет. Вчера русские танки вошли в Пекин. Последние острова на севере – тоже ими взяты. Только не надо приводить пример одиночек, где-то еще продолжающих сопротивление – организованной военной силы ни на одном фронте против советских у нас нет. Американцы высадили десант на Окинаву и твердо намерены поступить с ней так же, как Сталин с Карафуто. Бомбежкой полностью разрушена Хиросима, какой город будет следующим? Если это не реакция на ваши «предложения», то что тогда? В Метрополии голод, промышленность и транспорт на грани остановки и развала. Китай, Индокитай, Ост-Индия потеряны для империи – никакой устойчивой коммуникации с ними нет и не предвидится, а значит, находящиеся там войска и ресурсы можно сбросить со счетов. Мы не можем продолжать войну. Русские уже уничтожили все наши войска, находящиеся с ними в боевом соприкосновении, кому мы сейчас можем приказывать сложить оружие – это будет выглядеть профанацией! И вы еще ждете ответа из Москвы? Сталин вполне может ответить, как Фош немцам¹⁶. Довольно – я хотел бы просить Божественного Тэнно о даровании мне отставки!

Император выслушал его, но ничего не ответил. Холоден был и хранитель печати Кидо. Зато Аннами и Ониси едва скрывали злорадство. Отставка премьера будет принята на следующий день, новым «голосом» Тэнно станет адмирал Кантаро Судзуки (все как в иной истории, лишь с опозда-

¹⁶ «У нас нет никаких мирных предложений, нам понравилось воевать».

нием на три месяца). По существу же – разница была совсем невелика. «Умеренный» Койсо уступил место чуть менее умеренному Судзуки, тогда как на них шипели «ястребы» Анами и Ониси, и на все это с неодобрением смотрел маркиз Кидо и покачивал головой сам его величество – хотя сами участники интриг относились к ним крайне серьезно, они не понимали главного. От них не зависело уже ничего, судьба Японии сейчас решалась в Москве, Вашингтоне и Лондоне. И тем более наплевать на эту возню, даже не бульдогов под ковром, а мышей в горящем стоге сена, было командующему ТОФ Лазареву, маршалу Василевскому, генерал-майору Куникову, подполковнику Цветаеву, главстаршине Тюленину и всем офицерам, солдатам и матросам Советской Армии и Флота – знавших, что пока японский желтый фашизм еще не добит и враг еще сопротивляется, его надо уничтожить без пощады.

Доволен был присутствующий на Совете Тодзио. В Японии существует институт власти, не имеющий больше аналогов нигде, – «дзюсины», бывшие премьеры, пожизненно сохраняющие за собой слово даже на Императорском Совете. И демократия ни при чем – реальный вес каждого и всех вместе взятых зависел от конкретной обстановки, и того, какие круги стоят у тебя за спиной. Ушедший с поста премьера Тодзио сохранял немалый вес в армии. И сейчас он присутствовал здесь, чтобы контролировать выборы нового премьера (а вы думаете, решение Коисо было спонтанным? И он

не прощупывал заранее возможную реакцию на такие слова, не вел разговоры?). Что ж, пусть будет хоть Судзуки. Главное, чтобы новый премьер понял – если его политика не будет устраивать армию, то армия отвернется от него!

Молчал пока и император. Поведение генералов было ему понятно: неотъемлемой частью требований союзников был суд над военными преступниками, – а значит, присутствующие здесь Тодзио, Анами, Ониси, да и множество других фигур в армии, это первые кандидаты на виселицу! И совершенно неясно, намерены ли победители сохранить саму императорскую власть, и вообще гарантировать жизнь и неприкосновенность священной особе Тэнно! Последнее и было главной причиной, по которой Хирохито предпочел закрыть глаза на самовольство Анами, который отдал приказ Армии продолжать сопротивление, даже после прошлого Совета, на котором недвусмысленно прозвучало слово «капитуляция» из уст самого Божественного! Был еще крохотный шанс, что русские и американцы примут изменение условий, предпочтя мир затягиванию войны, росту расходов и крови своих солдат. Теперь этого шанса нет.

– Активность русской авиации над Хоккайдо сильно напоминает действия немцев над Британией летом сорокового, – сказал адмирал Енаи, – вот только у нас нет равенства сил в воздухе, как было у англичан. Главными целями русских бомбежек являются наши аэродромы, и потери нашей авиации, как в воздухе, так и на земле, значительно превыша-

ют потери противника. Причем у русских явно есть резерв самолетов и хорошо подготовленных пилотов, в отличие от нас. И неограниченные запасы бензина. Еще неделя-полторы таких боев, и наша авиация будет прикована к земле. И мы уже вынуждены посылать в сражение едва обученных летчиков на старых учебных машинах, таких как А5М – фактически на убой, но считается теоретически, что у каждого из них есть какой-то шанс до своей гибели сбить хоть одного гайдзина. И нет никаких перспектив что-то изменить.

– Капитуляция это конец Японии! – изрек Тодзио. – И мы еще можем сражаться, посмотрите на Окинаву! Когда каждый японец считает своим долгом умереть, убив хоть одного врага. Все поголовно мужчины и юноши взяли в руки оружие, хоть палки и копья, девушки организовали санитарные «отряды лилий», а те, кто неспособен даже трудиться на строительстве оборонительных сооружений, добровольно ушли в горы, чтобы не отнимать продовольственные пайки у солдат. Так и в Метрополии – все лишние должны убраться из городов и самим заботиться о своем прокормлении. Что до горючего, что я слышал, ученые предложили делать его из смолы и корней сосен? А самолеты могут на нем летать? То, что я предлагаю, может испугать недостойных, – но я взываю к уму собравшихся: кто может гарантировать, что под оккупацией нам будет лучше?

Повисло молчание. И нарушил его император.

– Никто не гарантирует, – сказал он, – но это единствен-

ный шанс выжить Японии. А продолжение войны – ни одного. Я приказываю отдать по Армии и Флоту соответствующий приказ. И завтра сам скажу это по радио, войскам и народу страны Ямато.

Никто не посмел явно и вслух выступить против Божественной Воли. Но Тодзио подумал, что может до завтра произойти. И ведь даже Высшую Волю можно разъяснить и уточнить?

Из телеграммы командующего японскими войсками в Китае: «...Судьба императорской Японии решается сейчас, несмотря на успешное наступление противника и трудности внутри страны. Вся армия готова с честью погибнуть в бою, но добиться достижения победы этой осенью».

Сообщение от маршала Тэраути, командующего войсками в Юго-Восточной Азии: «...Южный фронт... считает необходимым дать отрицательный ответ на предложения противника и, мобилизовав все силы народа, решительно продолжать священную войну».

И пушки продолжали стрелять.

Лазарев Михаил Петрович, командующий ТОФ

Снился мне снова мой ночной гость. Ничего на этот раз не сказал, лишь мерзко ухмылялся. Пожалуй, как в Москву вернусь, то в госпиталь загляну, может эскулапы помогут? А здесь придется молчать, как партизану, – хоть и врачебная тайна, но не дай бог, слухи пойдут, что комфлота немножко

не в себе, чертей гоняет?

Нет тебя, рогатый, ясно! Ты всего лишь плод моего воображения, попал в мозг, как вирус в компьютер. А сознание уже услужливо тебя подсовывает, иллюстрацией к всяким мыслям. Как сейчас – когда прикинул я, каких дров наломали мы тут, на Дальнем Востоке? Ради чего воевали?!

Побочным результатом нашего появления здесь был Еврорейх – и активность немцев на удаленных театрах военных действий, как Африка, Египет, Испания, Гибралтар. Что вызвало ответную реакцию и англо-американцев. В итоге их давление на Японию несколько ослабло¹⁷ – и положение самураев в измененной истории было несколько лучше, чем в августе *того* сорок пятого. И Бомбы у янки пока еще нет (хотя Хиросиму сожгли не хуже, обычной бомбардировкой). Но существенным оказалось, что если там Хирохито декларировал капитуляцию уже 18 августа, через одиннадцать дней, что сильно подорвало у японцев желание сопротивляться, то здесь он сделал это через месяц после начала войны (при том, что я уже сказал, японцы были еще биты союзниками не так сильно – напротив, тут они еще и в Индии успели повоевать!). В итоге же, если там нам в плен сдались полмиллиона, большая часть Квантунской армии – то здесь, судя по ходу боев в Маньчжурии, число убитых японцев в разы превышает количество пленных! И неизвестно еще, какие наши потери на суше – не дай бог, окажутся такими же или больше!

¹⁷ О том см. предыдущие книги цикла.

А еще тут, отчасти моими стараниями, весьма активно воевал Тихоокеанский флот, в той истории так и простоявший всю войну в базах, за минными полями и под прикрытием береговых батарей. Всего же им потоплено:

Японских авианосцев – пять штук («Тайхо», «Унрю», «Кацураги», «Дзуньо», «Чийода»).

Линкоров – четыре («Ямато», «Нагато», «Исе», «Хиуга»).

Тяжелых крейсеров – четыре («Миоко», «Хагуро», «Асигара», «Тоне»).

Легких крейсеров – три («Китаками», «Яхаги», «Исудзу»).

Эсминцев – тут сосчитать сложнее. И по качеству (большие эсминцы ПВО «Акицуки», это скорее «полукрейсера» по размерам, с другой же стороны, «эскортные эсминцы» по виду, особенно с высоты, от обычных «флотских», например тип «Кагеро», отличить сложно). Так что валим в одну кучу – возле Маоки, шесть штук. Возле корейского побережья – четыре. Из тех, кто в двух «цусимах», северной и южной, почти никто не вернулся домой – семнадцать побед у Курил насчитали, там и по отделившейся после потопления «Чито-зе» и «Исе» эскадре хорошо наши летчики поработали. И двадцать четыре малых корабля потопили в Японском море. Итого – пятьдесят один, эсминцы, эскортники, миноносцы – все вместе.

Минные заградители, или плавбазы спецпостройки (их на вид различить сложно) – три штуки, два потоплены авиаци-

ей, один на счету лодки Н-9. Сторожевики, тральщики (тоже в одну кучу) – тридцать четыре штуки. Транспорта – двадцать девять штук. Подводные лодки – пять штук.

И (смейся, рогатый!) подавляющая часть команд или утопла, или у нас в плену. Организованно – никто в Японию не вернулся, на палубы новых кораблей против нас не встанет! Ну если только одиночки, кому повезло. Три с гаком тысячи мы выловили, двадцать, по самым скромным подсчетам, утонуло.

Если считать, что в той истории победы ТОФ за месяц войны можно по пальцам сосчитать (и как бы не одной руки), то впечатляет!

У нас погиб крейсер «Каганович». И эсминец «Резвый». А «Разящий», «Рьяный», «Рекордный» получили тяжелые повреждения. Зато один из японцев, кого я сосчитал у Маоки, не затонул, а достался нам (а вот назло самураям восстановим и назовем «Восходящим»). Погибли подводные лодки Щ-139, Щ-108, М-3, М-7 – последняя пропала без вести в завесе у корейского берега, на связь не выходит, срок автономности вышел. И восемь торпедных катеров. Людские потери 1107 человек, список мне представили поименно. В той истории флот таких потерь не имел.

И что в итоге, за что воевали? Сахалин и Курилы – наши все. Дело вышло более быстрым, но и более кровавым, поскольку японцы не капитулировали, а в подавляющем большинстве были просто перебиты. И боюсь, как бы и тут об-

ций счет наших потерь не сравнялся бы с тем, что там. Хотя в той истории лишь при штурме Симушира у нас числилось, по разным источникам, от четырехсот до девятисот убитыми – здесь же, по данному мне списку, наших там погибло 187 человек (считая всех – и морскую пехоту, и мотострелков, и пилотов, и из экипажей кораблей). А сколько легло, освобождая от самураев остальную Курильскую гряду – ведомость еще не представили. Считая, что у японцев там были две пехотные дивизии полного состава и танковый полк, больше тридцати тысяч солдат – и никто в Японию не бежал!

И – боевые действия прекращены за отсутствием противника? Как бы не так! Десанты высаживали, поддерживая наше наступление в Корее. В этой истории никаких «двух Корей» не будет, Сталин американцам там ничего не обещал. Авиация вела патрулирование над морем, совершала разведывательные полеты даже над Японией и работала по целям на Хоккайдо. Подводные лодки Камчатской бригады контактов с противником не имели, а вот Видяев еще сумел отличиться! После южной «цусимы» его «белые акулы» сместились к югу, а там активное движение транспортов, японцы и из Кореи драпали, и туда подкрепление везли, привыкли, что это фактически их внутренние воды! И устроили «акулы» там резню, как волки в стаде овечек, за две недели – одиннадцать транспортов, три сторожевых корабля, плавбаза (на счету Н-9, как я уже сказал), и еще одна подлодка, тип Ро

(в тех водах нашим лодкам, кроме «акул», находиться было запрещено – так что Видяеву была дана свобода, лодки с си-
луэтом не «двадцать первых» атаковать тоже).

Сразу после «Цусимы» я приказал Зозуле начать актив-
ную работу по плану «Макаров», высадка на Хоккайдо. Вой-
на идет, враг не сдается, с чего бы нам останавливаться на
его границе?

Юмор был в том, что мы исправно получали сведения из
Токио! Не от резидентуры – там все еще функционирова-
ло (правда, с некоторыми ограничениями) советское посоль-
ство. Были также посольства нейтральных стран – и не толь-
ко Швеции и Швейцарии, но и Германии (уже ГДР). Пото-
му мы почти в реальном времени узнавали о войне местного
значения, развернувшейся в японской столице 5 июля.

Император Хирохито был все-таки не фанатиком, а ум-
ным мужиком. Он еще раньше начал разговоры о мире (пе-
редаваемые потихоньку, через нейтральные посольства). А
теперь же, видя, что пользы нет (мы еще Порт-Артур не взя-
ли, Корею всю не очистили – зачем нам это? Как в той исто-
рии!) решил объявить по радио. На что «бешеные» во гла-
ве с Тодзио и Ониси подняли мятеж. При поддержке гвар-
дейской дивизии из столичного гарнизона (комдив генерал
Мори к заговору присоединиться отказался, и был убит) и
роты «тигров», выехавших перед Императорским дворцом.
И было веселье, как в Латинской Америке, завершившееся
– ну, «мятеж не может кончиться удачей», вы же поняли?

Заняв центр Токио и перебив тех, кого сочли изменниками, заговорщики не знали, а что делать дальше? Императора захватить и силой принудить его другое обращение к нации и миру прочитать – так охрана не пускает, а стрелять по Императорскому дворцу даже отмороженные японские танкисты не решились (а немцев в танки посадить не сообразили?). А Флот и тут оказался резко против, адмирал Енаи дураком не был и разведку имел, так что под руку мятежникам не попался. И было как в тридцать шестом году – нет, единственный уцелевший японский линкор «Харуна» в Токийский залив на этот раз не входил, будучи в Кобэ, почти за тысячу километров отсюда, на мятежников хватило и легкого крейсера «Сакава», и морской пехоты, отчего-то оказавшейся в столице. И конец мятежа был печален и позорен – сначала разбежались солдаты-гвардейцы, то ли не рискнув поднять штыки на Божественного Микадо, то ли сообразив, в какое дело их втянули, затем экипажи танков (причем «тигры» после ни завести не смогли, ни оттащить от дворца). Утром 6 июня Ониси и еще несколько самых упертых главарей сделали харакири, а Тодзио и остальные заявили, что готовы предстать перед судом, чтобы «изложить свою позицию» (а как же самурайская честь?). И кончился мятеж, которого, по уверению из посольств, не то что в провинции – на окраинах Токио не заметили!

А 6 июля днем Хирохито по радио объявил о капитуляции. С-сука!!

В штабе обстановка слегка расслабленная, в ожидании победы, после заслуженных трудов. Прохожу через это сонное царство с энергией носорога, бегущего по пампасам, рывкаю адъютанту: «Зозулю срочно» – и вламываюсь в кабинет. Набираю на сейфе лишь мне известный код, достаю ноутбук. Процесс загрузки дико раздражает. А ведь раньше меня едва ли не флегматиком считали (да и трудно в подплаве нервным). Вот ведь что власть и ее обратная сторона, ответственность, с человеком делают – так, глядишь, скоро валидол начну носить в кармане, а после и в санаториях лечиться от инфаркта. А может, зря вообще психую, свою-то задачу я решил успешно, морской фронт удержал? Так что если буду сидеть на попе ровно, красиво отрапортую, и получу, что заслужил (вот смех, если четвертую звездочку повесят!), нервных клеток своих (которые не восстанавливаются, как говорят врачи) сохраню куда больше?

Но вот сидит в душе заноза, не за себя, за державу. Я что, лишь за того персонажа из сна разума старался или все-таки за СССР? Чтоб снова вышло, «русские хорошо умеют выигрывать войны, но не мир»? А как после своей Аниуте в глаза смотреть – она ведь тогда в Киеве тоже могла – в самолет и в Москву, строго в рамках приказа, никто не велел ей героизировать и на себя все брать, с бандеровцами разбираться, ее же там чуть не убили! Ну а мне – слегка лишь политический расклад в послевоенном мире изменить, в нашу пользу!

Ноут наконец загрузился. Нахожу нужный файл, про ка-

питуляцию Японии, в памяти засело, но надо уточнить. Вот самки собаки – точно, Америка страна рекламы и шоу-бизнеса, даже в эти времена! Причем умеет из того пользу извлекать не хуже, чем в мое время. И как сюда песочку подсыпать?

– Михаил Петрович, что случилось? – входит Зозуля. За ним Раков. Черт, у него ведь допуска к секретной технике нет?! Хотя знаю от Юрки, что какие-то наши ноуты с «Воронежа» успели и на фронте побывать, для планирования операций, в штабах фронтового уровня, не всех же там в нашу Тайну посвящали?

– Случилось, Федор Владимирович, – отвечаю, – а вы, Василий Иванович, уж простите, подождите пока в приемной, поскольку дело такое, что меньше знаешь, крепче спишь. Нам пару важных, можно сказать, политических вопросов обсудить надо – а после все, что авиации касается, вам сообщим.

Кажется, Раков все же немного обиделся, считая себя в «ближнем круге». Но ничего не сказал. Хотя непорядок, надо вопрос поставить, чтобы нашего главного теоретика и практика морской авиации и стопроцентно нашего человека в «Рассвет» посвятить. Но это после, когда с текущими делами разберемся.

– Прочтите это, Федор Владимирович, – говорю Зозуле, с нашей техникой знакомому еще с сорок второго (когда нас на СФ встречали), – оцените результат. И скажите, вот мы

можем такое же сделать, чем мы хуже американцев?

Представляю, какая это будет работа штабу – и флота, и ВВС. Причем в темпе «хватай вокзал, чемодан отходит». Но не для себя ведь требую, а для Отечества! А зная Ракова и помня о совсем недавних делах – считаю, что это нам вполне по силам.

– Было бы неплохо АДД привлечь, – говорит Зозуля, – у нас все же немного не то. Но стержня не хватит.

– Так привлечем, – отвечаю, – если товарищ Сталин укажет. Вы же понимаете, что он должен на всю операцию свою санкцию дать, мы же не вольные корсары какие-то? Но вот когда даст – надо, чтобы у нас все было готово!

– А политическая обстановка? Вдруг там, наверху, с американцами уже договорились, поделили. А тут мы, как слон в посудную лавку!

– А мы что, мешаем? – говорю я. – Если процесс запущен, пусть идет. Мы лишь слегка процедуру поправим!

– Но все же. Обязательства ведь есть, что никакого сепаратного мира?

– А где тут сепаратный мир? – удивляюсь я. – Их император сказал, что перед всеми капитулирует? Тогда, во-первых, речь идет сугубо о техническом вопросе, капитуляции и разоружении японских войск и флота на отдельно взятом... там видно будет, где. Вот, читайте, тут написано: как только услышали выступление микадо, так сразу американцы сочинили «Общий приказ № 1» по армии и флоту, где подроб-

но расписали, в какой зоне кто разоружает сдавшихся японцев. Уже готовый приказ сообщили союзникам. На что советская сторона предложила поправку, что на Курильских островах принимаем сдачу японцев все-таки мы – получается, что первоначально штатовцы и туда нацеливались?! – а также на части острова Хоккайдо. С Курильскими островами согласились, с Хоккайдо нам показали шиш. Где же тут сепаратный мир – сугубо военная необходимость, у сдавшихся оружие поскорей отобрать, как бы чего не вышло. А во-вторых, в том мире они с Германией капитуляцию отдельно от нас подписали в Реймсе, на целый день раньше, после лишь с неохотой согласились ее «предварительной» считать. Ну а тут – нехай сначала с нами, а уж после с Макартуром договариваются! А мы еще можем дурачков изобразить, «вам же помогали, чтоб скорее». Короче – считайте, что я приказ о разработке операции отдал, приступайте к работе! А санкция Москвы – на мне.

– Сроки операции?

Читаю файл на ноуте. Макартур, находясь со штабом в Маниле (как и здесь), запретил подписывать какие-либо документы о капитуляции на других театрах военных действий раньше, чем он подпишет их сам. Там обращение императора было 15 августа, а 19-го в Манилу уже прибыла японская делегация, с которой обговорили технические вопросы. Например, что японские войска должны быть выведены из мест высадки американцев – Токийский залив и залив Са-

гами, юг острова Кюсю, – а то вдруг кто-то решит сопротивление оказать, вот будет конфуз! Японцы еще выпросили три дня отсрочки, в сравнении с тем, что от них требовали, первые подразделения Армии США высадились 26 августа, а главные силы 28 августа. И основной спектакль на борту линкора «Миссури» состоялся 2 сентября. Но берем по минимуму – итого десять дней!

Хорошо, силы и средства, участвующие в освобождении Курил, еще не отведены – «Диксон» с эскадрой возле Кунашира, там по острову еще мелкие группы японцев вылавливают. И Вторая гвардейская бригада морской пехоты вся там. Авиация – там последние две недели над проливом Лаперуза и самим Хоккайдо драка была, почти как над Одером, самураи бросили в бой все, что имели, включая полученные от немцев ФВ-190 и Ме-109. А наши их успешно перемалывали в ноль, все же у нас и техника лучше, и пилоты поопытнее, и банальный численный перевес! И еще четыре дня назад замечено было, что японцы стали выдыхаться, уже не те, и в воздухе появляются гораздо реже – при том, что мы по их аэродромам успешно работали, а они по нашим, на Сахалине, нет. Так что авиация поддержку обеспечит – мы не американцы, нам предварительное очищение района от японских войск не обязательно (а кого тогда разоружать будем?), ну а кто попробует сопротивляться, кровью умоется! Когда у немцев капитуляцию принимали, что в той истории, что в этой, мы разве договаривались, чтоб с указанной

территории все воинские части отвели?

Только бы народ не подвел! А то расслабились, понимаешь, после «анти-Цусимы»! А мне надо, чтобы весь штаб в том же ударном режиме работал, по волшебному слову «надо». Понимая, что победа будет, одна на всех, а уж после – отдохнем! Черт, надо еще решить, что с представителями от союзников делать – ограничивать как-то неудобно, а утечет информация, американцы ведь могут и поспешить?

Значит, первым делом связь по ВЧ с Москвой. Сначала с Кузнецовым, затем с Самим. И если дают добро – то запускаем План в работу.

Мир, значит, выигрывать не умеем? Жульничество, конечно, выходит, с нашим послезнанием – ну так простите, многоопытные американские политические шулера, против нас пока еще в этом юниоров!

Москва, Кремль. 6 июля 1945 года

Иосиф Виссарионович Сталин аккуратно закрыл крышку ноутбука. Не забыв перевести в спящий режим – ценный все же прибор, с ограниченным ресурсом. Можно было выключить, но вдруг потребуется еще справку навести? А потомки говорят, что включение-выключение по износу равнозначно нескольким часам работы.

Значит, вот как это в историю вошло? Макартур-победитель, все отрежиссировано до мелочей, и в завершение воздушная демонстрация американской мощи над Токио. Ну а

после – условия уже известны. История «эластичность» имеет, взаимовлияние параллельных реальностей друг на друга – или все проще, при схожих «вводных» оптимальны схожие решения?

Капитуляция... Там, в мире «Рассвета», японцы и месяца не продержались, с 9 августа по 2 сентября. А тут, уже на второй месяц пошел, и когда еще подпишут? И в отличие от этой войны, в Европе – там, похоже, не только срок, но и наши потери уменьшить не удалось. Вот только стоит ли Лазарева в том винить? Хотя даже у него, вон, сомнение возникает?

Там на морском фронте события носили характер подачки от союзников. Постоянная угроза от великого и ужасного японского флота (от которого к тому времени лишь рожки да ножки остались, – но мы этого не знали) заставила нас с самого начала уйти в глухую оборону, какие десанты, свое бы удержать? И лишь когда стало ясно, что никакого «перл-харбора» не ожидается, а микадо уже и капитуляцию объявил, 15 августа, тогда и мы осмелели, лишь 18-го числа начали на Курилах (и до 5 сентября возились, с оглядкой занимая все острова гряды). А на Сахалине началось 11 августа, но первый десант, в Торо (самые тепличные условия, аж у Совгавани, до наших баз и аэродромов рядом совсем) только 16 августа, в Маоку 20 августа, в Отомари 25-го числа. И флот задействован не был совсем – те же крейсера, «Калинин» и «Каганович» в море не выходили, ну и какую пользу

Отечеству они принесли, будучи списанными лет через пятнадцать, так ни в одном бою и не побывав? А линия разграничения советской и американской оперативных зон проходила в Японском море едва ли не у наших берегов! И вроде даже всерьез рассматривалось предложение разместить в наших базах американский флот, а на наших аэродромах их авиацию, вот был бы позор!

Потому скромничает Лазарев. Военный опыт тоже ценнейшее приобретение! Особенно если война выиграна, да не «по очкам», как финская, а вчистую. И моральный эффект такой победы вполне материален – и в виде репутации на будущее, и для поднятия духа и энтузиазма советского народа. Ведь в мире «Рассвета» Тихоокеанский флот, что при Николашке, что при СССР, ни одной победой не отметился – в отличие от японцев! Теперь же можно заслуженно сказать, что позор Цусимы смыт – и нашими руками. И что мы по-настоящему прочно встали в дальневосточных морях.

Курилы, Сахалин, это ладно, и там было. Ради них одних воевать стоило, а то чисто географически создавались невыносимые условия для развития нашего Дальнего Востока! Но теперь есть еще и Корея – наша вся! Не будет, значит, постоянного очага напряженности у наших границ, и вражеского бастиона, набитого американскими войсками. А нашим корейским товарищам уже не потребуется загонять себя в «единый военный лагерь», ввергая население в нищету (они там, конечно, привычные, но зачем недовольных плодить?).

Кстати, если в той истории большинство изначально недовольных народной властью (прояпонские круги и капиталисты) убежали на юг, — то здесь они останутся и будут контрреволюционные козни строить? Так что потребуется здоровая классовая бдительность и мощный аппарат госбезопасности, нашему товарищу... а кого же нам туда поставить? Казалось бы, найди более своего, чем товарищ Ким Ир Сен, красный партизан, затем капитан Советской Армии, комбат 88-й стрелковой бригады — даже сына своего, родившегося на советской земле, в деревне под Хабаровском, Юрием назвал — это уж после, когда он сам стал Великим и Непогрешимым, то и сын его стал Ким Чен Иром, а не Юрием Ирсеновичем, как в советских документах записано. И стал гнуть свою собственную линию, при первой возможности искоренив в руководстве партии всех, кто «не на меня, любимого, смотрит, а на Москву или Пекин». Так что пусть пока себе батальоном командует, — а где гарантия, что другой будет лучше? Правильно Пономаренко говорит — не дело, когда взаимодействием с зарубежными товарищами занимается отдел ЦК. Нужна организация с равноправными членами, в компетенции которой будут лишь «правлящие» компартии, так что господа буржуины в своих Европах могут не беспокоиться. Но приказы этой организации будут законом для всех «товарищей Кимов». Хотя, а что тогда с Италией или ГДР делать, где коммунисты не единственная правящая партия, а в коалиции?

Или ввести еще, помимо полноправного членства в СССР на правах союзной республики, еще и «ассоциацию», тоже с каким-то подчинением и со снятием каких-то барьеров? И экономических, и просто границу прозрачнее, чем с капиталистическими странами? И вообще – вон в Италии, по примеру товарища Смоленцева и Люции, прямо напасть, советские офицеры (и даже гражданские командированные) считаются у итальянок лучшими женихами. Политорганы ГСВИ (Группы советских войск в Италии) даже Москву запрашивали, как к этому относиться? Завидовать – как еще! Ставить лишь условие, как у Люции Смоленцевой, «принятие советского гражданства». Нет, единичные подобные случаи, как докладывают, есть и в Польше, и в Югославии, и в Греции, даже в ГДР, но в Италии просто массовый характер! А там, между прочим, положение сложное – американцы с Юга уходят, и значит, скоро в воссоединенной стране окажется вся мафиозно-капиталистическая сволочь, вроде соратников дона Кало? Среди которых полно и прямых американских агентов, которые так полезут и в СССР!

Однако же вернемся к дальневосточным делам. Строжайше указать Лазареву и Василевскому, чтобы освобождая Корею, не забыли про острова Цусима, Чойкудо и все прилегающие! На этот счет никакого особого соглашения с союзниками не надо – раз они признали за нами всю Корею, а эти острова, несомненно, корейская территория! Полагаю, тот, кого мы посадим в Сеуле, не откажет нам в просьбе уступить

их в аренду лет на 99 или насовсем... там видно будет, по-своему договоримся! Значит, открываются для нас южные ворота из Японского моря, на южно-китайский морской ТВД (театр военных действий – если скоро там начнется). Потому что именно Китай, а не Япония, очень скоро станет главным предметом спора нас и Запада!

Мао – «редиска»: красный снаружи, белый внутри? Так тот же вопрос, что в Корее: если он завтра умрет (технически это осуществимо), где гарантия, что другой будет лучше? Про этого – мы хотя бы знаем многое. А что другой учинит?

Ошиблись бородатые классики, когда писали, что вражда и войны при социализме станут невозможны! Или же это было справедливо лишь для троцкистского «социализма», где «пролетариат не имеет отечества»? А построение социализма в отдельной стране автоматически подразумевает и этой страны государственные интересы? И не спасет даже признание первичности идеи мировой революции, ну а это лишь временно для обеспечения тыла! Потому что при желании можно сюда подвести, что наш тыл более правильный, ну а кто-то там предатель-ревизионист, так что бей его, за светлое коммунистическое будущее! Это при том, что и социализм второй половины двадцатого века примет самые разные формы – от «еврокоммунизма» до полпотовщины (которая, строго говоря, тоже была уродливым кровавым вывертом социализма же, если взглянуть на базис). И, наверное, это лишь русская черта, все же оставаться интернационали-

стами даже на этом этапе, а вот китайцы, судя по событиям шестидесятых, оказались напрочь ее лишены. Короче – существование сильного единого Китая, все равно под какими знаменами, категорически не в интересах СССР! И как этого достичь, выиграв эту партию у Запада – это будет ЗАДАЧА.

Ведь Запад – пока! – сильнее. Хотя кружится, даже у кое-кого из своих, голова от успехов. Но как раз Япония показала нам пример – что бывает, если взять задачу не по силе. При том, что скорость ее модернизации заслуживает восхищения: от феодального анахронизма перед революцией Мейдзи к почти что державе! Но кроме оружия, необходимы станки, что делают это оружие, а еще нужны станки, на которых делают станки, делающие оружие, – самураи же, может, это и понимали, но явно недостаточно! А ведь мы сейчас во многом в положении Японии – если посчитать, какой процент оборудования на наших заводах получен по ленд-лизу или из Германии! Зато в США с этим – полный порядок!

И с военной точки зрения. Да, наши ВВС в этой войне в целом решали задачи успешно. Вот только срок жизни у деревянного самолета, если его в ангаре не хранить, всего два-три года, – а значит, хороши были Як-3, Ла-7, Ил-2, но скоро идти им всем на списание, с чем остаемся? Вот отчего пришлось пойти даже на такую непатриотичную меру, как перевооружение авиации ПВО на «немца» Та-152. А скоро ведь начнется реактивная эра – в США первые серийные Р-80 «Шутинг стар» уже поступают в строевые части (и в мире

«Рассвета» они лишь чуть не успели на Тихоокеанскую войну). У британцев уже стоит на вооружении «Метеор», скоро к ним присоединится и «Вампир», а что у нас?! Вот она, плата за экстренное отвлечение товарищей Лавочкина и Яковлева с их КБ на разработку техники для этой войны! Что ж, Ла-9, Ла-11, Як-9П вышли не хуже, чем в иной истории, и на год раньше – вот только с реактивными движками пока завал! При том, что у американцев вот-вот появится Бомба, и стоят в строю тысячи «сверхкрепостей». Утешает лишь, что производственная база в лучшем состоянии, чем в иной истории, – и оборудования больше получили, и немецкий авиапром используем с большей отдачей, и наработали уже опыт на цельнометаллических конструкциях, и научные трофеи в подавляющем большинстве нам достались, и лабораторными, и контрольно-измерительными приборами лучше обеспечены – так что перспективы хорошие. Но пока перспективы, а не тысячи Миг-15 в строю!

Даже танки – ведь Т-54 здесь совсем не копия его же отсюда! А скорее, Т-34 с мотором поперек, торсионной подвеской и башней-полусферой. Машина военного времени, с малым ресурсом – нуждается в замене! В мире «Рассвета» неучет «фактора мирного времени» привел к тому, что пришлось остановить производство танка почти на год и срочно устранять выявленные недостатки. Здесь же это планируется сейчас, при переходе заводов на следующую модель, названную Т-55 (и по иронии судьбы, действительно больше похо-

жую на нее, чем на Т-54). Но это еще предстоит, танк пока еще даже на полигон не вышел, а сколько времени пройдет до полного перевооружения на него в войсках? При том, что у американцев на Окинаве уже воюют не «шерманы», а «першинги». И в иной истории уже через год появятся первые «паттоны».

Да, у нас есть отличный задел и перспективы. Но мы пока сильно уступаем в ресурсах. И новые программы – атомная, ракетная, реактивной авиации, подводного флота, полупроводников – обещающая большую выгоду в будущем, требуют значительных затрат уже сейчас! Так что наследство потомков в этом плане нисколько не помогает, а лишь расширяет фронт. А ведь список гораздо шире – если брать не только «оборонку», но и все жизненно необходимое для народного хозяйства, например, технологии хранения продовольственных продуктов, в чем мы тоже сильно отстаем от США? Пока еще есть возможность, пользуясь дружеским отношением, что-то закупить, что-то подсмотреть, да просто украсть, как нефтехимию у французов в Марселе! Тут и архив товарища Рудински (который сейчас исполняет обязанности главы немецкой ГБ, будущей Штази) оказался очень к месту, позволив взять за жабры кое-кого из деловых людей в Голландии, Бельгии, да и той же Франции – итогом же стало какое-то количество техдокументации и образцов, по разным интересующим нас предметам. И если в мире «Рассвета» СССР показывал ежегодный рост ВВП в 20 процентов

(так больше и не превзойденный никем в иные времена), то, пожалуй, здесь мы, зная, что такое возможно, пойдем еще быстрее! Но это лишь будет завтра, а пока наша промышленная мощь едва одна десятая от американской!

А чрезвычайные обстоятельства? Ожидание голода следующего года (вот зачем нужны технологии хранения продуктов). Землетрясение в Ашхабаде (а значит, расселять и перестраивать город надо уже сейчас, а не в сорок восьмом году). И повышение благосостояния советских людей. Поскольку Северная Корея показала, что путь «единого военного лагеря» бесперспективен. Потому что энтузиазм военного времени – это как займ «на победу». Очень скоро люди начнут вопросы задавать, «за что старались». А там и до «перестройки» дойдет! Как только умрет он, товарищ Сталин. И кто-нибудь, вместо Хрущева, прочтет доклад на съезде (неважно с каким номером). Почуяв, как Горбачев, – что люди (и массы, и низовой аппарат) пойдут за тем, кто пообещает насущное.

И самое главное. Поскольку пока неясно, как с этим бороться. Внутреннее развитие, там приведшее к гниению. И ведь чисто гипотетически пройди мы в реальности «Рассвета» до Гибралтара, это предотвратило бы «перестройку»? Копать тут и строить – и ведь верно сказал еще Ильич, «никто и ничто не может помешать победе коммунизма, если только сами коммунисты не помешают этому», пророком же оказался Учитель! А нам что с этим делать – и ведь не ска-

жешь, что в том мире все было однозначно плохо – и правильному учили, хорошие книги писали, фильмы снимали и города в тайге строили, и оборонную мощь ковали, и в космос полетели – много было хорошего, а оказалось – недостаточно! И как нам теперь этого избежать?

В итоге же – идти на разрыв с Западом сейчас нельзя. Категорически. Не то что Третью мировую – и «холодную войну» оттянуть, насколько возможно! Рузвельт, конечно, та еще сволочь, а никак не друг СССР. Умный реалист, всерьез пытавшийся строить «многополярный мир», полюбовно и честно (по соотношению сил) договариваясь о разделе «сфер влияния и интересов». С последующим переводом соперничества в «мягкую» область, в котором съест соперника с потрохами, да еще так, чтобы он остался благодарен (как в иной, а наверняка и в этой истории, США с Британией поступят). Но – он бы играл тоньше, чем кто-то там в двухтысячных! Признавал бы за СССР право на свои законные интересы, не стал бы внаглую и грубо давить. В этой истории ему судьба уже лишние два месяца отпустила, сколько осталось? Неужели советы, данные ему в декабре сорок третьего в Ленинграде, возымели такой результат – кое-какие методы народной медицины, чай из листьев гинго, ягоды годжа... и подаренный сибирский кот? Как бы то ни было, следует быть готовыми, что очень скоро в кресло в Белом доме сядет другой человек – интересно, кто, если Трумэн, волею случая (и еще кое-кого, получившего заслуженную награду), погиб в

автомобильной катастрофе еще в сорок втором? А главное, останется ли этот человек преемником курса Рузвельта, или будет играть грубо и прямо «ноги на стол, я беру это, потому что мне нужно, а кто не согласен, вот мой кольт»?

Но Рузвельт пока что выполняет договоры. Нам совершенно не нужна необъявленная война в Европе. Еще хоть какое-то время относительного спокойствия, чтобы переварить доставшееся! А то – Япония же и показала антипример, что бывает, если думать лишь о захватах. Если представить гипотетический случай, что США не вмешались в войну на Тихом океане, не было Перл-Харбора, дипломаты договорились – ясно, что такого быть не могло, слишком многие американские интересы завязаны были на Китай и Филиппины, но вообразим для примера? И захватили бы самураи и Ост-Индию, и Индокитай, и Бирму, как там они провозглашали, «восемь углов под одной крышей» – и вышел бы абсолютно нежизнеспособный монстр! И по причинам экономическим Япония просто не могла обеспечить всех своими товарами в обмен, равно как и не имела излишков капитала, способного быстро быть туда вложенным. Этнокультурным – там хоть и восток, но другая система моральных ценностей – нет японского «фюрерства» старших над младшими. И политическим – даже «дружеские» к Японии бирманские и индонезийские националисты однозначно работали на раскол «желтой Империи». В этой истории в социалистический лагерь попали Германия и Италия (теперь целиком) – более ценное

приобретение, но и удержать их в своей орбите будет гораздо трудней! А ведь еще и Иран есть, и Ближний Восток, где тоже надо что-то решать?!

Ясно, что уступки будут восприняты как слабость. Что никогда не прощается. Но взаимные уступки – дело другое. Понять, где пролегает граница, дальше которой требовать опасно, – или война. И сторговаться на что-то другое. Ведь сейчас – время перемен, когда можно легко перекраивать границы, в последующие годы порядка это сделать будет гораздо труднее, если вообще возможно! Но Японию американцы не отдадут! Считая ее таким же главным врагом в этой войне, как мы – Германию.

И ведь как это провел, подлец? В конфиденциальном послании, где была разъяснена американская политика по отношению к японцам (в общих чертах повторяющая ту же, что была в мире «Рассвета»). Мы не завоевываем, не оккупируем Японию – мы ее освобождаем! От власти военной клики, злонамеренно подчинившей себе и японское государство, и демократическое общество, и даже бедного микадо, который ну совершенно не причастен к гнусным преступлениям военищины! Разве не вы, большевики, когда-то провозглашали «мир без аннексий и контрибуций», разве не вы говорили, что «воюете с Гитлером, а не с германским народом», разве не точно так же вы в сороковом вошли в прибалтийские республики, чтобы «помочь народам свергнуть власть фашистских клик и помочь строить социализм» –

точно так же США, искренне желая помочь Японии вступить на путь демократии, отказываемся от своего права на оккупацию и получение репараций! Мы вступаем в Японию лишь затем, чтобы разоружить милитаристов, судить военных преступников и обеспечить японскому народу возможность мирного, демократического развития – для чего там после останутся наши советники и ограниченный военный контингент, исключительно для нужд обороны, ведь ради спокойствия стране Ямато впредь будет не рекомендовано иметь армию и флот!

Англия согласна. Франция согласна. Голландия согласна. Китай согласен. Какая позиция у СССР?

Но Лазарев прав – *процедуру* мы вполне можем поправить? Тем более что линия раздела нашей и американской оперативных зон проходит не по 38-й параллели Кореи, и дальше по Японскому морю до пролива Лаперуза, а по Корейскому проливу, японскому берегу и широте Сангарского пролива! То есть, строго говоря, остров Хоккайдо – это *наша* зона. При чем тут оккупация – всего лишь разоружение японских войск? Если дело всего лишь в занятии нескольких аэродромов на не слишком долгое время.

Через пару лет эта демонстрация может быть нивелирована ситуацией в Китае? Так не напрасно же Макартур затеял свой спектакль – значит, рассчитывал дивиденды получить? И если американцы, как известно, большие законники, «важно не то, что я сделал, а что под закон может быть

подведено», то проглотят, ведь мы же договоренности не нарушаем?

Вот только Лазарев кое-чего не знает. Макартур принял японскую делегацию в Маниле еще 4 июля. И надо думать, договорился о том же, что там – из каких районов японцы должны убрать свои войска, как бы не вышло чего? А после, уж это точно, отбил победную телеграмму в Белый дом, с поздравлениями американскому народу в День Независимости (это как бы у нас Жуков капитуляцию Рейха 7 ноября подписал)! Великий полководец – будто не из-за его бездарности Америка потеряла Филиппины в сорок первом (один лишь «воздушный парад» в первый день чего стоит). И ведь все за океаном, и сам он тоже, убеждены, что он – полководец американской Победы! Интересно, кто здесь вышвырнет его с военной службы с формулировкой «за полную военную некомпетентность», как там Трумэн в пятьдесят первом?

Но раз в этой реальности СССР сыграл в войне против Японии несколько большую роль, то и заслуживает на церемонии капитуляции чего-то большего, чем единственный советский представитель генерал Деревянко в мире «Рассвета»?

Потому – операции надо дать «добро». Обеспечив поддержку и по линии МИД, и авиацию дальнего действия подключить, и штаб Василевского, и аппарат пропаганды. Командовать же парадом (и отвечать за все) будет Лазарев. Василевский поймет – в конце концов, он фактически по про-

торенному пути прошел, а Лазарев прыгнул явно выше, на новый уровень! Ему и флаг в руки.

Да, надо дать операции имя. Если уж есть такая традиция, называть по русским военачальникам, пусть будет «За-войко». Который командовал обороной Петропавловска от англо-французских агрессоров, в 1854 году.

Военная миссия ВМС США в Петропавловске-Камчатском – в штаб Тихоокеанского флота США, Перл-Харбор

Успех русского десанта при занятии Курильских островов является результатом внесения в морскую десантную операцию элементов чисто сухопутной тактики Советской Армии – то есть того, в чем русские сейчас наиболее сильны.

Действия авиации – завоевание господства в воздухе, предварительное «размягчение» обороны противника, непосредственная поддержка высаженных войск – не отличаются от аналогичных для ВВС США. Следует лишь отметить очень хорошее взаимодействие авиации с наземными войсками, а также широкое применение зажигательных смесей, по-видимому, с добавкой легких металлов, что позволяет эффективно поражать не только личный состав, но также и технику, прожигая металлические листы и даже тонкую броню. А также факт, что наличие близкого аэродрома подскока (первоначально на м. Лопатка, в дальнейшем на ближайшем из занятых островов) позволяло обеспечить интенсивность авиаподдержки на таком же уровне, как если бы советский

флот имел в составе выделенных для десанта сил полноценное авианесущее соединение.

Недостаток корабельной артиллерийской поддержки был компенсирован высадкой уже в первом эшелоне десанта тяжелой техники – танков Т-54, самоходно-артиллерийских установок, и крупнокалиберной артиллерии. По нашей оценке, наличие в распоряжении командира полка или даже батальона, батареи 210-мм гаубиц, позволяло решать задачу артиллерийской поддержки десанта столь же эффективно, как огонь линкоров – с учетом более тесного взаимодействия с пехотой, постоянной готовности к открытию огня, высокой меткости стрельбы (слова русского офицера, командира роты – «зачем мне 16-дюймовые, если и этого достаточно, чтобы развалить любой японский дот – и прилетает через минуту после заявки»). А танки Т-54 просто сметали японскую оборону, как правило, не рассчитанную на противодействие тяжелым и хорошо защищенным машинам. Даже на ограниченно танкодоступной местности (о. Парамушир) танки были весьма действенны, передвигаясь по дорогам и играя роль самоходной артиллерии, или дотов, при отбивании японских контратак. Существенным было то, что все танки у русских оборудованы откидным бульдозерным ножом, и могут использоваться для расчистки и прокладки колонных путей.

В то же время и русская морская пехота, по крайней мере части первого эшелона, имела подготовку т. н. «штурмовых подразделений» (еще одно «ноу-хау» советско-германского

фронта). Поголовно вооруженные автоматическим оружием, обученные передвигаться и вести бой на пересеченной местности, в лесу, в городской застройке, и даже внутри крепостных сооружений, ставить и преодолевать заграждения, минные поля, пользоваться подрывными зарядами для преодоления препятствий, бороться с танками посредством русского варианта «базук», и хорошо подготовленные к ближнему бою с применением штыков и гранат – эти элитные советские бойцы являются намного более опасным противником, чем японская линейная пехота.

Таким образом, русские провели Курильский десант фактически как свое классическое сухопутное наступление, подобное советско-германскому фронту 1944 года. Единственным исключением является высадка самых первых штурмовых групп на скоростных «водолетах» – игнорирующих мины и большинство противодесантных заграждений, являющихся весьма трудной мишенью для береговых орудий. Эти отборные отряды обеспечивали высадку и развертывание основных сил, а дальше вступали в силу указанные выше преимущества Советской Армии в сухопутном бою. Но следует заметить, что «водолеты», которые прежде применялись русскими для форсирования рек, имеют малый радиус действия и являются скорее высадочным средством «корабль-берег». То есть при боевых действиях вдали от своих берегов они нуждаются в корабле-носителе с док-камерой (типа наших «Андромед»), – но пока подобных десантных

кораблей в советском ВМФ нет.

Следует отметить, что все суда, несущие десант, в данной операции были американской постройки (большие танко-десантные LST, средние пехотно-десантные LSI). Русские аналоги которых отсутствуют даже в постройке.

Таким образом, Курильская операция была со стороны русских «гениальной импровизацией», с правильным учетом ряда факторов, позволившим провести ее как версию сухопутного наступления. К таковым относятся:

- малое расстояние (менее 10 миль) до собственного берега;
- география театра военных действий – цепь островов. Что позволяло каждый раз передвигать исходный рубеж (аэродромы, запуск «водолетов»);
- танкодоступная местность на о. Шумшу и прочный каменистый грунт на других островах;
- наличие в распоряжении американского десантного тоннажа.

Потому представляется сомнительным, насколько такая тактика оказалась бы успешной в Южных морях – на удалении от русских баз (отсутствие аэродромов), при невозможности выгружать технику (слабый грунт) и местности, исключаяющей «правильные» боевые действия (густые джунгли).

Однако, если вспомнить, что перед этой войной в СССР вообще отсутствовала морская пехота как таковая, следует

опасаться, что при дальнейшем прогрессе советская военная мощь будет представлять опасность и для территорий, находящихся в зоне американских жизненных интересов.

Токийский залив. 14 июля 1945 года.

Тяжелый крейсер «Диксон» (бывший «Шеер»)

Дождалась бедная Япония новых «черных кораблей».

Хотя в эскадре Тихоокеанского флота, вошедшей в Токийский залив утром 13 июля, палубы и надстройки были выкрашены в белый цвет. По согласованию с союзниками, для взаимного опознавания – наряду с оговоренными флажными и световыми сигналами, порядком радиообмена, таблицами позывных и радиочастот, шифрами и кодами (сколько труда штабу). В этой версии истории даже американцы не посмели усомниться в праве СССР прислать на процедуру подписания капитуляции Японии куда более представительный состав делегации. По утвержденному плану завтра должны были высаживаться передовые части американцев, а 16 июля – главные силы. Ну а мы – первыми. Интересно, отчего союзники так легко согласились – решили, наверное, что на «минное поле» лучше вперед не лезть, а вдруг японцы провокацию приготовили, фанатики же, самураи!

На рейде встали «Диксон», оба эскортных авианосца, «Владивосток» и «Хабаровск», лидеры «Баку» и «Тбилиси», эсминцы – как тихоокеанские «семерки», включая «Разумный» и «Разъяренный», в сорок втором уходившие на Север-

ный флот, а летом сорок четвертого вернувшиеся назад, так и ленд-лизовские «флетчеры» (с названиями, начинающимися на «А» – «Активный», «Азартный». Подходили вполне себе мирно, даже как положено оповестив берег, что нужны лоцманы – могли бы и сами войти, имея точные карты и гидролокаторы, но важно было, пусть японцы нас законными гостями признают. Но лоцманов не было, саботаж? – И, как было предусмотрено планом, на берег пошли наши морпехи. Заняли портовые объекты, имеющие какое-то значение для навигации, и пригнали к эскадре целую флотилию лоцманских судов. Японец, поднявшийся на мостик «Диксона», имел такой вид, словно мы сейчас убьем его и съедем, часто кланялся, лопотал по-своему. А наши штурмана контролировали по карте его указания, не посадил бы на мель? Но лоцман свою работу выполнил исправно.

Эх, десант бы! Технически это просто – приказ, и на берегу окажутся батальоны Второй Гвардейской бригады, которая уже прошла сталью метлой по всем островам Курильской гряды и теперь заслужила право первыми войти во вражескую столицу! Чтоб позади все горело, а впереди разбегалось – хотя мы же не звери, если, конечно, нам сопротивления не оказывают? И быть в Токио советской военной комендатуре, как во множестве немецких городов – а комендантом Куников, командир Второй Гвардейской (да, тот самый, что в нашей истории герой Малой Земли, в этой реальности не погибший, не было тут новороссийской эпопеи, го-

род был взят с ходу – был Керченский десант, но это совсем другая история). Поднятые с авианосцев «хеллкеты» (не сделали пока советских палубных истребителей!) скоро доложили, что никаких японских войск в окрестностях Токио, а тем более движущихся сюда, не наблюдается. Потому заранее поднятые в воздух бомбардировщики флота и АДД лишь прошли над городом на малой высоте, развернулись над заливом и ушли на запад. Все было готово, чтоб занять Токио за пару часов! Если бы только был приказ! Но Василевский, глава советской делегации, сказал – нельзя! Строжайшая инструкция самого Сталина. Без разъяснений!

Снова, значит, политические игры? Договорились о чем-то с заклятыми союзниками? Хотя знает ведь Иосиф Виссарионович, насколько им можно верить, и как сами они к своим обязательствам относятся. Но если все же решил так?

Если бы это не был Сталин! В мое время на СФ хорошо помнили историю с уходом «Адмирала Кузнецова», первого нашего авианосца, из Черного моря! Корабль, подобного которому у нас еще не было, строил весь СССР – к ноябрю девяносто первого он был полностью готов, завершил испытания. А 1 декабря были назначены выборы президента самостийной Украины – после чего бывшая братская республика уже полностью уходила в свободное плавание. И были недвусмысленные сигналы, что самостийники намерены наложить лапу на «Кузнецов»! И что самое поганое, была информация, что в Москве готовы были с этим согласиться!

Если америкосский президент Буш и так лучший друг нашего Бори-козла свет Ельцина, то зачем еще надо содержать излишнюю ораву вооруженных дармоедов, армию и флот – сократить, раз мировая общественность просит! Или уступить соседям по коммуналке – нам не жалко, пусть забирают!

И тогда главком ВМФ Чернавин, с подачи замкомандующего СФ Устименко, специально прилетевшего на Черное море для приемки «Кузнецова», буквально выпихнул авианосец в море, своим приказом, настолько срочным и секретным, что на борту не оказалось части команды, зато застряли заводские сдатчики из Николаева. В 23.40 1 декабря «Кузнецов» вышел в море, а утром уже был у Босфора – военный атташе США в Анкаре добивался у турок закрытия Проливов всего на сутки, по любой причине, дольше и не требовалось, но опоздал всего на несколько часов! 21 декабря первый и пока единственный наш авианосец прибыл в Полярный, где и продолжал нести службу в 2012 году, когда мы сюда провалились. А ведь не прояви Чернавин и Устименко инициативы – достался бы «Кузнецов» бандерохохлам и был бы, без всякого сомнения, или продан китайцам, как его систер-шип «Варяг», или разобран на иголки, как «Ульяновск», так и не достроенный атомный авианосец, наш ответ «Нимицу».

Так что, сиди сейчас в Москве не Сталин, а какая-нибудь неуважаемая сволочь вроде Бори-алкаша... Тогда было бы ясно – пусть после награждают или отдают под трибунал, а сейчас – вперед, по совести, чести и собственному пра-

вильному пониманию ситуации! Как в том сне с моим рогатым гостем, где я, командуя ракетоносцем, приказал нанести по Штатам ядерный удар. И не дай бог, это не сон был, а отражение еще одного «параллельного» времени – где какая-то мразь Россию продает, «господин президент, подпишите здесь, окей, вы свободны – вот вам чек и ключи от дома во Флориде»!¹⁸ Кстати, победителя не судят, а неуважаемая сволочь обычно не настолько сильна, чтобы после жестокость проявлять.

– Товарищ Лазарев, и чем вы тогда от самураев отличаетесь? – послышался ехидный голосок откуда-то из подсознания. – Которые всегда знали, как правильно, в отличие от штафинок из Токио. И ненавидели свое же правительство за то, что оно не разрешает им немедленно воевать с вашей страной, захватывать Сибирь до Урала.

Заткнись, рогатый-хвостатый, нет тебя, ты плод моего воображения, ясно? И не мешай правильное решение принимать! Товарищ Сталин все же не Ельцин, он знает, что делает, – а уж в том, что он ссучился, и Отечество забугорным продает, в это и в пьяном бреду поверить нельзя! Что ж, раз он так приказал – будем послушны.

Но все-таки – в этой истории сотрудники советского посольства (продолжавшего функционировать в Токио все время войны) встречали на берегу первыми – наших, советских солдат, а не американских морпехов, как в иной реальности.

¹⁸ Смотри «Страна мечты».

Мелочь, а приятно – настолько, что не пожалел бы за такое и из своей жизни что-то отдать!

Смотрю с мостика на вражеский берег, такой близкий – и недоступный. И мечтаю, хоть бы вся эта Япония провалилась в море, как в каком-то давнем фильме еще из тех, будущих времен. Хотя тогда вопрос, а не доставались ли бы тогда все цунами и тайфуны непосредственно нашему побережью?

Уйти спать мне не удалось. Подходит с берега уже знакомый лоцманский катер, оттуда что-то кричат по-русски и по-японски. Все правильно – на борту наряд наших морпехов, а то вдруг местные решат за своего императора жизнь отдать, набьют трюм взрывчаткой, и вперед, в камикадзе? Какой-то японец встречи требует? Кто и какого рожна ему надо?

Сам адмирал Енаи, японский морской министр? В сопровождении нашего посла в Токио? Что за?!.

В кают-компании разместились все наши – Василевский, как глава делегации, я, Зозуля, начальник разведки Воронцов (а вот Раков с Роговым остались во Владивостоке «на хозяйстве»), прочие товарищи ниже рангом. И лейтенант-переводчик с японского (тоже человек интересный, но о нем еще после скажу). И Валька «Скунс» в роли главноохраняющего, и еще двое его ухорезов, из местных кадров, снаружи ждали. Ввели японца – хотя при ближайшем рассмотрении адмирал Мицумаса Енаи на такового не походил совершенно! Острые черты лица, глаза не узкие, цвет кожи, как у нас – в Питере встретив, принял бы за башкира или татарина.

Вспоминаю, что я успел прочесть про эту фигуру. Профессиональный разведчик, глубокий знаток России, японский военный агент (так тогда атташе назывался) в Петрограде, в 1915–1917 годах, сумевший завести обширные знакомства среди офицеров Российского Императорского флота, хорошо знал и того, который «Адмираль», состоя при нем в Гражданскую. В двадцатые-тридцатые служил на самых разных должностях, штабных и строевых, занимался техникой, боевой подготовкой, а главное, военно-морской разведкой (которая имела и политические функции). Показал талант стратега, осознающего разницу между мечтами и реальными возможностями Империи восходящего солнца, в середине тридцатых выступал за ограничение японской экспансии Китаем – уверенный, что выбор северного и южного направлений закончится для Японии войной с СССР, США и Великобританией, а война на два или три фронта неизбежно приведет Империю к катастрофе. В бытность премьер-министром в сороковом – сорок первом делал все от него зависящее, чтобы ограничить экспансию на юге взятием под контроль оставшихся бесхозными колоний, Французского Индокитая и Голландской Ост-Индии, считая это единственным шансом Японии избежать большой войны.

А еще именно он стоял за протаскиванием весной 1942 года через МИД Японии предложения посредничества в заключении сепаратного мира между СССР и Третьим рейхом, сделанным Сталину – и МИД там был не более чем ширмой

для инициативы руководства Императорского Флота. Ни в коей мере не друг России и СССР, но реалист и прагматик, а не фанатичный милитарист, убежденный, что можно завоевать весь мир. Потомственный самурай из старого рода, безусловный патриот своей страны и человек чести, в нашей истории считавший своим долгом выгораживать на Токийском процессе своих личных врагов. В последние годы жизни (кстати, осталось ему немного – у нас он умер в 1948 году) занимался, как бы сказали в конце века, социальной реабилитацией офицеров упраздненного флота, помогая тем, кто потерял буквально все и не имел иной профессии, найти свое место в новой жизни. И даже краем не был причастен к военным преступлениям – как ни старались доказать обратное!

А еще именно он, уже в этом, измененном мире (установлено достоверно!) стоял за скорейшей отправкой делегации к Макартуру, не к нам. Хотя кое-кто у нас его едва ли не «японским Роммелем» считал, даже обидно. А что теперь он от нас хочет? Японские церемонии – сразу к делу, считается за дурной тон, сначала любезностями обменяться, вот только когда это японец по-русски говорит, выглядит как театр. Который в Японии, с ее страхом «потери лица», так сплетается с жизнью, что не отделить. Поинтересуйтесь историей сорока семи ронинов, из-за чего их дайме сеппуку сделал – в Европе такого даже при дворе французского «короля-солнца» быть не могло, при всех его ритуалах, вроде ко-

ролевского одевания, завтрака и даже торжественного выноса королевского ночного горшка, – а в Японии не так перед Божественным Дайме поклонился, и уже как у нас – измена Родине по статье 58-1, нервная же была служба у самураев, оттого, наверное, после пар выпускали, на улицу вышел, какой-то простолюдин дорогу не так быстро уступил, как по-добает – сразу мечом его, проверить, не затупился ли? Друг друга задевать боялись – иначе бы их поголовье быстро сократилось со скоростью полураспада, сошлись двое, живым остался один. И так уж – вот забываю имя, Воронцов называл, их самый знаменитый мастер меча прославился тем, что вышел победителем почти в сотне поединков и помер в старости своей смертью. То есть сей великий вояка в веке восемнадцатом (когда у нас Суворов был) всю жизнь болтался по мирной, невоюющей Японии, затевая драки в трактирах или как эти заведения назывались (наверное, у него и фехтовальная школа была, но вряд ли он там учеников убивал?). И так все японское воинское искусство, на девяносто девять процентов, внутренние разборки – разве что Корейская война была, триста пятьдесят лет назад, да нашествие монголов, еще за три века до того. Так что мы, русские – куда более военный народ, чем самураи. Хотя все же, как дома время будет, попрошу Юрку «Брюса», чтоб показал, как с подаренной катаной обращаться, а то неудобно.

Тьфу ты, чуть не задремал, вот вышло бы оскорбление по японскому этикету? Положим, я не самурай, харакири де-

лать не обязан. Да и не уснул же я в самом деле, а лишь нить беседы упустил, все же поздно, а я почти сутки на ногах. Японец мои железки, на стену для красоты повешенные, увидел и вопрос задает. Я отвечаю: катана досталась мне от немецкого адмирала Кранке, после сражения в Средиземном море, в марте сорок четвертого. До него этим мечом владел адмирал Тиле, а ему вручил какой-то ваш соотечественник, во время битвы за Гибралтар¹⁹. Еще вопросы есть (и когда же ты к делу перейдешь, японская морда?).

А он снова головой кивает и почтительно просит поближе посмотреть. Валька меч с ножнами со стены снимает и переводчику передает (а то скучает лейтенантик без дела, разговор-то на русском идет). А сам «Скунс» чуть поодаль остается, и вижу, кобура у него расстегнута, мало ли что – хотя Енаи вроде в безумствах замечен не был, но вдруг от огорчения у мужика крышу снесло, и он сейчас всех рубить начнет, как какой-то серб на Косовом поле турецкого султана? Нет, японец катану с поклоном берет, клинок из ножен выдвигает (но не до конца), рассматривает внимательно, лезвия не касаясь (нельзя лапать пальцами, портя полировку, – за такое настоящий самурай бесцеремонного гостя и убить мог), задвигает обратно, возвращает переводчику. И говорит:

– Вам повезло, Лазарев-сан. Не уверен до конца, это лишь подлинные знатоки могут гарантировать – но, похоже, этот меч делал если не кто-то из семьи Мурамыса, то из их уче-

¹⁹ Смотри «Ленинград-43».

ников. Но берегитесь – иметь его считается не то что за проклятье, но за угрозу. Меч крови, меч смерти – у нас при сегуне Токугава запрещалось ими владеть!

Смутно припоминаю – да, было. Будто бы Токугаве предсказали, что он от такого меча умрет, а дальше как в сказке о спящей принцессе, сегун велел все эти мечи найти и уничтожить! И искали с тщанием, по всей Японии, и уничтожали – скрыть такой меч считалось государственной изменой! – и уцелело всего несколько штук, по пальцам счесть. Причем что-то и в Союз попало, когда в той истории Квантунскую армию разоружали – в девяностые сам читал в какой-то газетенке, что в Сибири пенсионер на антресолях обнаружил среди хлама японский меч, что его отец с войны привез, и оказался этот клинок таким раритетом, что, как написано, будь он из чистого золота, и то стоил бы дешевле.

– Путь меча, путь страны Ямато. У вас в Европе было принято у воинов щит и меч, у нас два меча. Когда «остаться при своем» равносильно поражению – один из противников должен умереть. Вы, русские, счастливы тем, что у вас много лишней земли. У нас каждый клочок, где можно прокормиться, давно уже заселен. Мы заперты на своих островах, как в клетке, и оттого не можем позволить себе роста населения – куда деть лишних «плодитесь и размножайтесь»? В эту войну мне довелось быть на Новой Гвинее – в море сходились в сражении авианосные эскадры, а в горных джунглях племена дикарей, живущих по-прежнему в каменном веке,

бьются друг с другом дубинами и каменными топорами. По такой же причине: территория не может прокормить большее число людей. Вот почему для нас экспансия на континент это вопрос жизни и смерти. Мы попытались и проиграли. Какую плату за это вы возьмете с нашей страны?

А ведь и верно, если подумать, то Япония это остров кошмаров, ад на земле! Где утилизация излишнего населения является одной из главных общественных функций (представили?). И никуда с острова не деться, море вокруг куда более бурное, чем, например, возле Британии (Корейский пролив – «ворота тайфунов»). Вдовесок тяглового и мясного скота нет (лошадь это огромная ценность, которую и не каждый князь-дайме мог себе позволить), все орудия труда – руки да мотыга, как пятьсот лет назад. Потому жизнь стоит очень дешево, и своя, и чужая – и все с этим смирились, как в фильме «Нараяма» (и ведь там вроде речь не о слишком давних временах шла?), как там старая женщина свое последнее лето доживает, спеша все дела завершить, зная, что с первым снегом сын ее на гору отнесет и оставит там умирать, по заведенному закону; причем все они там показаны вовсе не жестокими зверьми, сын свою мать искренне любит – и знает, что когда придет его срок, его собственный сын так же поступит с ним самим.

А для активной, «пассионарной» части населения механизм другой. Самураи – воинское сословие Японии? Но заметьте, что в их пресловутом кодексе бусидо много сказано о

долге и чести, но начисто отсутствует главное, на наш взгляд – не найдете вы там «за родную Японию живота не пожалею!». То есть бусидо – это не столько воспитание защитников Отечества, как регламентация процесса утилизации населения, чтобы он не перешел в полный беспредел и войну всех против всех! В Европе швейцарцы и викинги, оказавшись в сходных условиях, находили способ сбрасывать давление, первые своих пассионариев наемничать отправляли, вторые в набеги выпихивали, «спаси нас от ярости норманнов», а вот японцам податься было просто некуда, было вроде сразу после установления сегуната, что пиратство в китайских водах стало для самураев национальным видом спорта, так там своих пиратов хватало и в большем числе, которые совсем не были рады конкурентам. И оставалось самураям лишь друг друга рубить на постоянных дворах, или как в знаменитом фильме Куросавы, одни разбойники, другие защитники, и чья команда победит?

Тьфу, опять за размышлениями нить разговора упустил! О чем там японец с Василевским толкуют?

– ...прискорбно, что вы поспешили обратиться к США а не к нам. Несмотря на предложенные условия, – говорит глава советской делегации, – а уж в Стокгольме мы бы могли договориться.

Слышал я про эти условия. Что-то похожее на Японию из нашего мира, годов так шестидесятых – индустриальная мастерская, работающая на наши заказы и наш дальневосточ-

ный рынок. И довольно щадящие условия мира – никакой коммунизации с экспроприацией, не станем раскулачивать господ Мицубиси и прочих, как Круппа в Германии (а нефиг было наших пленных непосильной работой морить, но ведь к японцам это не относится?). Невмешательство во внутренние дела, даже сохранение императорской власти – сидят же Михай в Румынии, Борис в Болгарии, Хорти в Венгрии и Маннергейм в Финляндии до сих пор! Так какого черта самураям еще от нас надо?

А в Стокгольме уже месяц как работает свежееорганизованная ООН, вместо Конференции. Хотя вроде те же самые люди, и даже переговорный процесс не прерывался. Но Вторая мировая война, применительно к Дальнему Востоку, по факту приняла характер миротворческой операции под эгидой ООН, – а ведь прецедент, однако! Нет еще в обиходе понятия «миротворческая миссия», но по существу именно она и есть! Так же как нет еще и Штабного комитета ООН – в его роли высшие штабные офицеры союзных держав, при главах этих держав (постоянных членов Совбеза ООН – каковых пока три: СССР, США, Великобритания). Первый случай в истории здесь, когда ООН выступает субъектом мировой политики – процедуру японской капитуляции утверждала именно она.

Но послушаем, что там японец отвечает:
– Ваш Вождь Сталин очень добр к бедной Японии, по воле богов проигравшей эту войну. И предложил нам очень,

очень хорошие условия мира. Но даже он не может отказаться от неперемennого требования капитуляции, сокращения, если не полного роспуска армии. Которая, однако, с революции Мейдзи является шансом подняться наверх для каждого японца, не принадлежащего к самурайскому сословию. И думаю, далеко не все из них теперь пожелают вернуться к прежней жизни и положению в обществе.

Думаю с усмешкой – тоже мне, проблему нашел? А как у нас, армия сейчас демобилизуется? Причем слышал я, сделано это с большим умом, чем в той истории, когда отпускали солдата на дембель, а дальше твои проблемы – в колхозе работа всегда найдется, и хату построить нетрудно, а городским что делать? Так учреждены в городах такие «запасные батальоны», где дембельнувшиеся, кому идти некуда, получают койку и довольствие – и лишь когда работу и жилье найдут, то открепляются – не будет теперь такого, что фронтовики-победители, а бомжуют! Хотя если у японцев порядки, как в мое время были у гордых народов Кавказа, «мужчине лишь воевать и торговать пристойно, а работать нет», то это действительно проблема, ну где вы видели, чтоб самурай (или кто себя в таковых числит) землю пахал, западло! Но проблемка тут исключительно ваша, как вы свой контингент убеждать будете, мы-то тут при чем?

– Япония очень бедная страна, – продолжает Енаи, – одиночки не выживают. Только в клане – кто потерял свой, должен или присоединиться к другому, или создать свою общ-

ность, даже такую, как Сорок Семь самураев. Куда пойдут вернувшиеся солдаты – в том числе и после вашего плена, где вы подвергали их коммунистической пропаганде? Знаете ли вы, что идеи, близкие к коммунистическим, сейчас стали в Японии весьма популярны, даже среди чиновничества и военных. Хотя далеко не все они считают целью коммунистическую революцию, говоря пока лишь об «обновлении», «реформах», сосуществовании нашего строя с коммунизмом, – но что будет после? При том, что сейчас официально действует «Закон об опасных мыслях», по которому не только членство в коммунистической партии, но и коммунистические убеждения сами по себе караются смертной казнью – что же будет после снятия запрета, как потребовали вы, например, от Финляндии, «прекратить любые преследования и ограничения в действии коммунистической партии»?

А это верно замечено! Цинично рассуждая (и вспоминая фильм Куросавы и характерного там персонажа, крестьянского сына), для очень многих в капиталистической Японии армия привлекательна именно надеждой вылезти «из грязи в князи». И как прежде эти новообращенные старались быть «самураистее истинных самураев», так теперь ведь с таким же рвением полезут в партайгеноссе, служить учению Маркса – Ленина – Сталина, которое всегда истинно, потому что верно! И припоминаю смутно, из оставленной мной истории, что японская компартия, до 1945 года будучи фактически

сектой чуть ли не в несколько сотен человек, за пару-тройку лет стала многосоттысячной, темп роста, как у большевиков в семнадцатом. И вроде читал, что «бывшие в СССР пленные возвращались, в массе зараженные коммунистическими идеями», так что очень может быть, именно они такой прирост и обеспечили. Но если я вспоминаю, то товарищ Сталин, всей информацией владея, тоже должен был просчитать?

– Таким образом, коммунистическая партия станет пусть не правящей, но одной из них, как в ГДР, – дальше говорит Енаи, – но Япония не Европа, у нас проигравшие лишаются жизни, а не демократично удаляются писать мемуары. И весьма маловероятно, что коммунисты решат расчищать себе путь к власти парламентскими методами, а не как «штурмовые отряды» в одной европейской стране. Полагаю, что будет уже не до милостливо предложенного нам развития промышленности и торговли – в обстановке тотального красного террора. Но будет ли это благом для страны Ямато?

Пожалуй, и с этим соглашусь. Что-то не приживается на Востоке демократия, особенно вместе с левыми идеями – непременно скатится то в маоизм, то в чучхе, то в полпотовщину (да ведь и про Японию 2012 года писали, что парламент там всего лишь декорация для масс, как театр кабуки, а все решают за кулисами большие люди из дзайбацу). Так что с политическими противниками и прочими инакомыслящими разговор будет короткий – вот только что там Ильич пи-

сал, про «усвоивших одни коммунистические лозунги, без теории и практики», это же выйдет не большевизм, а толпа швондеров и шариковых японского разлива, и если такие еще до власти дорвутся – ну мы помним, как вели себя китайские хунвэйбины, тут не высокой революционной Идеей пахнет, а сплошь анархически-погромным, от чего надо подальше держаться, если жизнь тебе дорога. Хотя это же троцкизм выходит чистой воды, а в СССР он сейчас очень не в почете?

– Верю, что ваш Вождь Сталин столь же мудр и добр, как наш император, – продолжает Енаи, – но по силам ли ему, и кому бы то ни было, остановить «красных бешеных», почувявших запах власти и крови? Если их вожаки не подчинятся приказу – и даже если подчинятся, или будут изъяты, подобно тому, как не позволили вернуться в Испанию госпоже Ибаррури – взамен выберут новых, только и всего. А ведь ваш Вождь может и не быть обеспокоен...

Положим, Сталин вовсе не революционный идеалист, а прагматик. И ведь он вполне мог задумать – пусть «красные бешеные» расчищают Японию, выводя под корень весь лишний элемент, включая священную особу микадо (ну зачем он нам нужен?). И этот грязный процесс идет без всякого нашего участия и вины – напротив, СССР после еще и восстановителем порядка выступит, хоть с вводом ограниченного контингента, как в Венгрию или Чехословакию, «бешеных» зачищают без жалости, народ ликует и стройными рядами

и колоннами идет в социализм под нашим чутким руководством, хоть на правах союзной республики, хоть марионетку у власти поставят. Ай да Сталин, ай да су... вот только боже упаси это вслух произнести!

И конечно же, я никогда не спрошу у Иосифа Виссарионовича, такое ли он задумал. Но мог вполне!

– Вот отчего мы решили принять предложение американцев, – говорит Енаи, – да, мы знаем, что они выставят нам условия, гораздо более тяжелые, чем вы. Но стоит ли договариваться о выгоде при строительстве дома, который завтра сметет цунами? Лазарев-сан, скажите, если вы родились в Петербурге, как про вас пишут, – то вы должны были видеть, как рушилась ваша прежняя страна. И да, очень может быть, что через двадцать, тридцать, пятьдесят лет новая Империя будет еще крепче и сильнее прежней, но кто может знать будущее, видеть течение реки времени? У нас считают проклятием: «чтоб ты жил в эпоху перемен». Даже если их не избежать, но можно уменьшить, насколько возможно.

– Думаете, при американцах перемены будут незначительны? – спрашиваю я. – И что-то останется от прежней Японии?

– Останется Божественный Тэнно, – серьезно говорит Енаи, – по крайней мере, нас заверили, что на Императорский престол никто посягать не станет. Пусть даже эта власть будет столь же эфемерной, как у того, про кого писали двадцать лет назад – «...ты собираешься покинуть пагоду пред-

ков. Твои пальцы не зажгут больше благовонных палочек в начале весны и в начале осени. Твои руки не коснутся больше жертвенных столов с приношениями при сборе первых фруктов и во время жатвы первого риса. И пусть все это лишь устаревший обычай, но это и единственный долг, который ты еще можешь исполнить по отношению к твоим предкам, и единственное, что сохраняет твой престиж в глазах подданных». Это написал в 1922 году, по поводу визита императора Аннама²⁰ во Францию вьетнамский поэт и учитель Нгуен Ай Куок, тогда еще не вождь Хо Ши Мин²¹. Но прошло всего двадцать три года – и у меня сомнения, что Де Голлю удастся восстановить там прежние порядки? Кстати, я сумел настоять, чтобы в Индокитае именно повстанцам досталось оружие, взятое у французов, разоруженных нами всего полгода назад. А также что-то со складов Флота, при капитуляции – за Армию не отвечаю. Так отчего бы не верить, что и Япония поднимется – это все же большая разница, когда от прежней страны не остается ничего, и когда потери огромны, но сохраняется основа? Здесь я говорю то, что не мог бы сказать при официальной встрече и свидетелях – не считайте Японию убежденным врагом вашей страны. Просто судьба сыграла так, что с американцами нам придется пре-

²⁰ При французах северная треть Вьетнама.

²¹ Тут Енаи ошибается или намеренно искажает. Хотя Хо Ши Мин окончательно сформировался как марксист-ленинец во время пребывания в СССР и работе в Коминтерне в 1923–1925 годах, во Французскую компартию он вступил уже в 1920 году.

терпеть гораздо меньшие перемены. По крайней мере, они, даже дав коммунистам свободу, сумеют сдержать ее в узде. Честь имею!

Короткая церемония прощания. И гость уходит.

– Значит, решили лечь под американцев, – сказал Василевский, – вот он, классовый подход, как буржуя или знать ни корми... А свои всегда будут классово ближе, с ними договориться легче, чем с Советской страной! Учтем.

А ведь Александр Михайлович – один из тех, кто в нашу Тайну посвящен! Но даже он мыслит сугубо по-марксистски, а, впрочем, отчего Карл с Фридрихом так уж и неправы? Ведь адмирал Енаи хоть и говорил о «благе страны Ямато», честно и исчерпывающе ответил на вопрос – отчего верхушка Японии, Те Кто Решают, выбрали именно США, а не СССР! По причине сугубо классовой – поскольку именно всяким там господам тодзио и мицуи при таком раскладе не светило ничего, а вот риск потерять все, включая жизнь, был абсолютно реален. Ну а янки, надо думать, не только императора отменять не собираются, но и частную собственность? А к временным жертвам японцам не привыкать – если у них от землетрясения 1922 года ущерб и людские потери были в разы больше, чем обошлась им русско-японская война? Вот представьте себе жизнь в стране, где периодически случается такое, что и никакой войны не надо?

Все расходятся. Вижу, и переводчик тоже собирается – подзываю его к себе. Пацан, и двадцати ему еще нет (его ан-

кету я уже видел), на фронте побывать не успел, но за войну должен достаточно пережить и повидать, так отчего сейчас вид был, как перед расстрельной командой?

– Ты у нас мастер-японист, Военный институт иностранных языков закончил?

– Никак нет, тащ контр-адмирал, не закончил еще. Первый курс лишь, и вдруг приказ, на стажировку. Боялся, что не справлюсь – японский знаю еще не совсем!

Ага, дальше ясно. На встрече такого уровня и подвести – это как минимум крест на карьере, а максимум – обвинение в саботаже и вредительстве. Шучу, конечно, – ну кто бы стал человека из Особого списка гробить? А вот в события его ввести, чтобы видел, смотрел, запоминал – это для СССР очень может быть полезно. Но все же интересно, кто его мне сосватал, я точно не просил, фамилию в бумагах неделю назад увидел, когда состав делегации утверждали? Неужели и тут Контора Пономаренко действует?

– Научишься еще, – отвечаю, – а про сегодня боялся зря. Поскольку было известно, что этот Енаи по-русски говорит, – а если приехал сам и один, то значит, ему больше нас надо было, чтобы его поняли. А был ты нужен, во-первых, потому что положено так, чтоб переводчик наличествовал. А во-вторых, вот представь, уволишься ты из армии и станешь, например, писателем или журналистом. И тогда очень пригодится тебе, что ты повидать успел – особенно если это историческое событие, о котором после в энциклопедиях ста-

нут писать. Еще есть вопросы, лейтенант Стругацкий?

Адмирал Мицумаса Енаи.

Это же время и место

Истинному самураю не нужен поединок, и даже разговор, чтобы узнать силу противника.

Однажды великий воитель Миямото Мусаси странствовал по дорогам Японии и встретил другого самурая. Еще издали, по осанке и походке он определил истинного мастера меча, а подойдя ближе и оценив «духовную энергию» путника, решил, что это Ягю Дзюбей, глава прославленной школы Ягю. Путники встретились и молча разошлись, обменявшись взглядами. Затем они одновременно оглянулись, и неизвестный спросил: «Простите, не вы ли будете Миямото Мусаси». – «Да, – ответил тот, – а вы, конечно, Ягю Дзюбей?» Кивнув друг другу, они направились в корчму, заказали по чашке чая, попросили принести принадлежности для го, стали играть. Стил у каждого был свой, но перевеса никто не добился. Тогда мастера так же молча признали ничью, встали, раскланялись и разошлись. Им не понадобилось обнажать мечи, чтобы убедиться в равенстве друг друга.

Для чего нужна была эта встреча с русскими – личная, как в давние годы русской Смуты? Европейец бы сказал – навести мосты, которые могут пригодиться в будущем. Ну а японец – обеспечить незамутненность зеркала восприятия Японии в глазах русских. Может быть, все было напрасным – хотя как

показалось, Лазарев понял.

Увидеть этого, самого таинственного адмирала русского флота – было второй целью встречи. Важно было оценить, с какой фигурой после придется иметь дело. Да, этот русский явно *буси*, в отличие от многих, знакомых по тому Петрограду, офицеров флота с хорошей подготовкой, но без характера бойца. И было в нем какое-то отличие от прочих русских, что-то ускользающее, не лежащее в формулировку. Пожалуй, такому противнику не стыдно проиграть, – но сейчас не времена Мусаси, спор идет за будущее Японии! Неужели стране Ямато придется вернуться во времена до-Мейдзи, быть навсегда вычеркнутой из списка мировых держав?

Гайдзины никогда не могли понять Японию. Если эстетические образы, вроде знаменитого цветения сакуры или сада тринадцати камней, еще могли быть оценены любителями живописи, то Енаи не встречал пока еще ни одного европейца, которому не то чтобы нравился, а вообще был понятен театр но! А объяснение простое – японцы в общении умеют даже без слов «снимать информацию друг с друга, читать между строк» (термины европейские, но иначе просто не сказать). Это пошло от мастеров меча, которые еще до начала поединка, взглянув на противника, на его стойку, положение рук, взгляд, едва заметные движения, могли безошибочно рассчитать, куда он направит удар и в какой момент это произойдет. Вот отчего японские дуэли коротки – удар молнии, отбив, один труп. И вот почему актеры театра но

были весьма уважаемы среди истинных буси: как надо владеть собой, чтобы рассказать целую драму, легко читаемую такими же мастерами – при том, что гайдзин просто ничего бы не заметил в представлении без действия и почти без слов.

Сродни театру но древнее искусство каллиграфии, которым сегодня, к сожалению, владеют немногие. Когда не только общий рисунок иероглифа, но и малое отклонение штриха, сдвиг или едва заметное продление несут такую же нагрузку, как суффиксы и приставки в языке гайдзинов – и одна и та же надпись, различия в которой не заметит европеец, поверхностно заучивший азбуку, скажет разное японцу. Это искусство уже было редкостью полвека назад, не выдержав перемен новой эпохи – смешения сословий, ускорения ритма жизни. Однако же владеть искусством «но» профессиональный японский разведчик был обязан!

Да, Лазарев это буси, воин. Но в нем чувствовался даже не страх, наверное, он бы оскорбился, скажи ему это кто-нибудь, а будь он самураем, вызвал бы на поединок! Не страх, но отчаянная решимость идущего в атаку по мосту, горящему за спиной. Потребность непременно выиграть бой – потому что полупобеды или ничьей быть не может. А чего может бояться воин – уж точно не врага! А прежде всего, неисполнения своего долга перед повелителем! Неужели это правда, что Вождь Сталин столь же безжалостен, как легендарный полководец Токатоми Хидееси? Не выполнивший приказ

– должен умереть. Лазарев одержал блистательную победу, истребив две эскадры Империи, завоевав господство на море – и его повелителю, Сталину, этого мало?!

Нам не понять Россию, еще больше, чем гайдзинам Японии! Сам Енаи, курируя разведку Флота, не однажды убеждался, что судить об СССР по рассказам эмигрантов, уехавших в революцию, нельзя, изменения были намного больше, чем страна Ямато до эпохи Мейдзи и после нее! Чтоб ты жил в эпоху перемен – в Китае, да и в Японии, перемены воспринимают как катаклизм, с которым надо смириться и как-то пережить, если уж нельзя избежать. Это проклятие западных гайдзинов, жизнь как гонка – да, это иногда полезно, хотя бы в плане нового вооружения и методов войны, но мир, где постоянно меняются ориентиры, это подлинный ад! В сравнении с этим природные катаклизмы переносятся намного легче, это уже давняя, привычная беда, не меняющая мировоззрение. А русские выглядят по-особому даже на этом фоне – страшно представить страну, где каждый новый правитель выбирает совершенно новый путь и новую веру и принуждает к тому всех подданных под страхом смерти!

Это кажется невероятным для японца, привыкшего, что вера одна – за императора, Тэнно Хэнку Банзай! Бусидо, Кодекс самурая, неизменный уже много веков, во всех смутах, для всех воюющих сторон, требовал верности своему полководцу, дайме, но не включал в себя клятвы императору и стране Ямато, это было ясно и так! Но Енаи, когда был

в русской Сибири, представителем Японии при правительстве Колчака, видел сам, как поначалу полки прежней, Императорской России, отважно и успешно шли вперед, одними штыками разгоняя красную сволочь. Казалось, что уже близко триумфальное вступление в Москву и Петербург, и восстановление законной власти. Но если Белая армия шла в бой из верности своим командирам, таким как сам Колчак, Каппель, Пепеляев, а эта верность уменьшалась с гибелью ветеранов, то красные растили Идею, заставляющую идти в бой, не жалея себя – в Японии такое могло бы быть, если бы монгольское вторжение состоялось, не уничтоженное Божественным Тайфуном. И красная Идея оказалась сильнее верности белым «дайме», фронт неудержимо покатился назад, целые полки переходили к красным или поголовно дезертировали, в лесах возникали целые армии партизан. И напрасно Колчак приказывал сжигать целые деревни вместе с жителями, или ставить приговоренных к смерти ледяными верстовыми столбами, или приколачивать за руки и за ноги к шпалам и пускать поезд – жестокость вызывала не покорность, а ненависть и жажду мстить, потому что того, кто воюет за Идею, нельзя запугать, а можно лишь убить.

Теперешний же правитель, Сталин, еще более суров, жесток и беспощаден. Ту веру, «за мировую революцию», ради которой его народ шел на смерть – успел объявить враждебной, наказуемой смертью же. А что будет, когда этот Вождь умрет? Русские удивляются, как можно жить в стране, кото-

рую регулярно трясет? А японцы не могут понять, как можно жить в стране, так же регулярно меняющей Идею – когда то, за что вчера ты должен был идти умирать, завтра объявляют ложью. И теперь русские хотят и нас так же заставить жить? Да, победитель может заботиться о сытости побежденных, зачем ему морить голодом уже своих вассалов? Но ни один победитель не потерпит, чтобы его вассалы верили в иное, чем он.

Потому – выбор Японии ясен. Американские гайдзины – хотя бы более просты и понятны. Может быть, этот выбор и ошибочен, но когда под ногами разверзается пропасть, надо не смотреть в нее, а делать то, что должно самураю. Мы подпишем Договор, – а что будет лет через двадцать (вряд ли новая Великая война придет раньше), это в руках богов! Которые держат в руках судьбу страны Ямато и забирают к себе на небо всех достойных.

А если в это не верить, то не надо и жить!

Герцог Луис Маунтбеттен, вице-король Индии

Волею нашего короля Георга и Объединенных Наций, мне было поручено принять капитуляцию Японии, положив наконец завершение этой слишком затянувшейся войне.

Видит господь, я не стремился к этой чести – мне хватало забот на своем посту. К июлю 1945 года Индия и Бирма были полностью очищены от японцев, Сиам поспешил выйти из войны, объявив о своем «нейтралитете», фронт прохо-

дил по диким джунглям Малайи. Главными задачами было – взятие Сингапура и восстановление порядка на освобожденных территориях. Причем второе отнимало даже больше сил и ресурсов – при том, что Британия, к сожалению, была далеко не та, что прежде. Мы могли рассчитывать на эффективную военно-промышленную базу лишь западных районов Индии, не затронутых японским вторжением. На остальной же территории проблема была даже не в разрушении фабрик и железных дорог – восстановление порядка было большей трудностью.

При всем моем уважении к Уинни, этой, без преувеличения, великой фигуре, он не понимал, что Империя, строительству которой он посвятил жизнь, в той прежней форме стала нежизнеспособной и неэффективной. Как военному моряку, мне было больно видеть, как после прошлой Великой войны Британия, бывшая одной из победительниц, принуждена была не только отказаться от прежнего стандарта, иметь флот равный совокупному флоту двух следующих за ней держав, но и сократить флот имеющийся, не в силах его содержать – и причиной тому было, что огромные владения, над которыми никогда не заходит солнце, вместо наполнения казны, стали для нее обузой. Стало ясно, что бремя белого человека, вести отсталые народы к цивилизации и прогрессу, должно быть более мягким и гуманным, не плеть надсмотрщика над спинами рабов, а мудрый голос учителя внимающим ученикам. Путь уже был виден, и Индия могла бы

уже идти к счастью и процветанию, слушая наши советы. Если бы не война.

Я не расист, но ненавижу японцев, наверное, больше, чем плантатор Саймон Легрю чернокожих! Они вторглись в пределы Империи, ничего не создавая, а лишь грабя и убивая. Они убили очень многих людей из ИНК, с которыми Британия достигла полного понимания. Следствием этого было, что индусский компонент населения был сильно ослаблен в сравнении с мусульманским, намного более организованным, монолитным, агрессивным и не склонным идти на компромисс! И если еще до войны с трудом можно было сдерживать фанатиков мусульманской Лиги, готовых убивать индусов, то что творилось теперь, когда уроженцы западных доминионов Пакистан и Большой Пенджаб, герои антияпонской войны, вошли в Центральную Индию, где были и прояпонские настроения? Индусская община была большей численности, но расколота на несколько частей, питавших друг к другу также отнюдь не дружеские чувства. А если учесть, что подавляющую часть моих войск составляли поначалу солдаты-пенджабцы и пакистанцы, затем возрос процент и мобилизованных индусов, а собственно англичан, австралийцев и южноафриканцев было немного, и они были заняты на фронте, то легко понять, насколько ограничены были наши возможности силой предотвратить бойню! Что еще хуже, японское вторжение и временные трудности Британии весьма уронили в глазах индусов авторитет белого че-

ловека.

Одному господину известно, сколько усилий мне стоило сохранить хотя бы относительный порядок. Вместо единой Индии (ну может быть, в худшем случае разделения на два государства, индусское и мусульманское) образовалось целых шесть (официально это будет утверждено в 1946-м, но по факту раздел существовал уже годом раньше). Уже упомянутый мной Пакистан. Союзная с ним республика Большой Пенджаб (без выхода к морю). Федеративная республика Индия (большая часть центральных провинций). Конституционная монархия Хайдарабад (плато Декан, выход к морю южнее Гоа). Мадрасская Конфедерация, с большим процентом тамильского населения. Союз княжеств Восточной Индии – Бутан, Сикким, Ассам и прочие. Несмотря на все наши миротворческие усилия, границы между государствами в значительной степени определились случайно, силовым путем, пролилось много крови. И эти границы не везде можно было назвать справедливыми – нередко случалось, что народность, тяготеющая к одному государству, оказывалась реально под властью другого. Что имело самые тяжкие последствия в дальнейшем.

А пока война еще не была закончена. Наши храбрые солдаты шли вперед, на юг, по тем же джунглям, где в январе сорок второго наступала армия Ямаситы, впереди был Сингапур! В последующие годы наличие в Индии большого количества людей с боевым опытом, как и оружия на руках,

окажет самое пагубное влияние на развитие событий. Но в те дни мы не думали об этом, мечтая о победе над общим врагом. Японцы оказывали ожесточенное сопротивление — хотя они, безусловно, уступали нам числом и боевой техникой, но умели приспосабливаться к местности гораздо лучше большинства наших индийских войск. Горные джунгли с ограниченным числом дорог сильно мешали использованию танков, обилие рек, текущих к побережью, задерживало наступление, мосты, как правило, были взорваны, а восстановленные даже в нашем тылу нередко взрывались повторно японскими диверсантами, нападавшими даже на войсковые колонны. Гораздо лучше показали себя «чиндиты», аналог знаменитого русского «осназа», слава которого докатилась даже до Индии, к сожалению, растяжение наших коммуникаций все больше заставляло нас применять этих бойцов, умеющих сражаться в лесу, для охраны штабов, складов, мостов и патрулирования дорог. Я рассказываю обо всем этом, чтобы вы поняли: освобождение Малайи вовсе не было легкой прогулкой, даже при нашем восьмикратном превосходстве в живой силе, двадцатикратном в танках и артиллерии и абсолютном — в авиации! Театр военных действий абсолютно не способствовал глубоким танковым прорывам в стиле Гудериана, нам оставалось лишь выдавливать японцев массой, заполняя всю территорию. Но мы неудержимо шли вперед!

И воистину, нет ничего более дорогого, чем «бескорыстная» помощь американцев! Их разрушительная бомбежка

Сингапура (к сожалению, по нашей просьбе) привела к тому, что японцам, при сдаче нам крепости и военно-морской базы, практически не пришлось ничего взрывать, все и так было обращено в руины! В которых засели японцы, полные решимости обороняться до последнего патрона – слава господу, до необходимости штурма не дошло, самураи сдались сами, получив приказ из Токио. Осмотр показал, что Сингапур как полноценную базу флота можно будет использовать лишь после долгих и дорогостоящих восстановительных работ. Зато положительным результатом было то, что открывался морской путь через Малаккский пролив, на соединение с союзниками.

5 июля флот объединенных европейских наций, которому надлежало войти в Токийский залив, проследовал мимо Сингапура на север.

Моему назначению верховным главнокомандующим Объединенными вооруженными силами на Дальнем Востоке предшествовали долгие дебаты в Стокгольме. Казалось очевидным, что этот пост принадлежит генералу Макартуру, но эта кандидатура встретила полное неприятие СССР. И в то же время был уже не 1918 год, когда Россию можно было просто исключить из рассмотрения столь значимого вопроса, как Сиа́м или Кита́й. Больше того, в Организации Объединенных Наций, учрежденной взамен довоенной Лиги, именно русские, наравне с нами и американцами, имели решающий голос. Что даже послужило поводом для кари-

катур во французских газетах, разошедшихся после по всей свободной (не захваченной коммунистами) Европе – Сталин, Рузвельт и Джон Буль (наш новый премьер Эттли, сменивший скандалиста Уинни, еще не был легко узнаваем публикой) за закрытыми дверями делят глобус, а собравшаяся в зале толпа прочих делегатов ждет их решения.

Насколько мне известно, первым вопросом, вынесенным на голосование ООН (или все еще Стокгольмской мирной конференции?), было – считать ли страны, бывшие членами Еврорейха – Францию, Бельгию, Данию, Норвегию и Голландию, – жертвами агрессии или виновными в ней? Если с последними двумя из перечисленных все было ясно, так как их законные монархи и правительства продолжали функционировать в эмиграции, пребывая в состоянии войны с Германией, а следовательно, никак не могли нести ответственность за преступления коллаборационистов, то по прочим развернулись ожесточенные дебаты. С прискорбием замечу, что если поначалу и правительство Эттли было полно решимости получить с французов полную компенсацию британских военных расходов (невероятно, но русские смотрели на это благосклонно), то затем под американским нажимом эта позиция была значительно смягчена – возмещение затрат Британии на собственно освобождение французской территории в 1944 году и право доступа на рынки перечисленных стран английского капитала и товаров, «столь же свободно, как и США», было недопустимо малым призом за почти пять

лет войны! Теперь же вся британская надежда на возмещение убытков от этой проклятой войны (где это видано, чтобы Англия, воюя или даже не воюя сама, не получила в итоге прибыль?) была связана с условиями мира на дальневосточном театре.

Я держал флаг на линкоре «Энсон». В ордере еще шли линкор «Хоув», новейшие авианосцы «Колоссус» и «Видженс», крейсера «Кумберленд», «Диадем», «Блэк Принс», «Беллона», двадцать самых новых эсминцев типа «Кассандра», возглавляемых «Бафлером», кораблем принципиально нового типа «Бэттл». Французы были представлены крейсерами «Кольбер» и «Фош» под флагом контр-адмирала Мальгузу – этот галл, истинный аристократ по манерам, прославился тем, что возглавил восстание на французском флоте, во время морского сражения в Средиземном море, уведя свои корабли из-под немецкого командования, он очень сокрушался, что в той битве «эти русские варвары» самым подлым образом захватили его флагман, линкор «Страсбург» и не желают возвращать!

– Простите, месье, так вы там с русскими воевали? С нашим союзником?

– Мы сражались за честь и свободу нашей милой Франции, против германских поработителей! Которые заставляли нас воевать за свой проклятый Еврорейх – у меня на мостике был немецкий кригс-комиссар, с автоматчиками-эсэсовцами. Они убили бы любого, кто посмел не исполнить при-

каз!

– Насколько велик был ваш флот в том сражении?

– Все, что на тот момент имела Франция! Линкор «Страсбург», крейсера «Алжир», «Дюпле», «Фош», «Кольбер», восемь суперэсминцев «Ле Харди», десять эсминцев и миноносцев более старого типа. И немецкий линкор «Шарнхорст» под командой самого адмирала Кранке, заместителя великого Тиле!

– А какие силы были у русских?

– Один легкий крейсер, четыре эсминца. И Полярный Ужас внизу – но мы поняли это слишком поздно. Когда наши корабли стали взрываться и тонуть. В суматохе нам удалось перебить немцев на борту и взять курс на Бизерту. Но «Страсбург», получивший несколько торпедных попаданий, принужден был спустить флаг и был после утащен в Специю подошедшим русско-итальянским флотом²². Также в дальнейшем русские в Тулоне нагло захватили наш поврежденный линкор «Ришелье», оставшиеся эсминцы и, между прочим, бывший ваш крейсер «Мэнксмен». Причем, несмотря на требования Де Голля и самого Черчилля, отказались даже обсуждать возможное возвращение нам этих кораблей!

Француз сразу стал мне неинтересен – с его стороны было бестактностью напоминать о судьбе «Мэнксмена», захваченного немцами в Гибралтаре в мае сорок третьего. И что характерно, он умолчал об «Алжире», лучшем из крейсеров,

²² Смотри «Врата Победы».

которым заинтересовалось наше Адмиралтейство. Но представлял интерес его рассказ о «Полярном Ужасе», русском подводном линкоре, способном в одиночку уничтожить целый флот. Хотя, если чисто гипотетически представить, к примеру, немецкую подводную лодку «тип IX», попавшую во времена испано-американской или русско-японской войны, а ведь этот проект (или что-то сравнимое) вполне мог быть реализован на том уровне науки и техники? Так что можно быть уверенным, очень скоро эскадры таких суперподлодок появятся во флотах всех держав.

Но вот здесь и сейчас... Лазарев, который по нашей информации был командиром «подводного ужаса», сейчас является командующим русским Тихоокеанским флотом, достигшим в сражениях возле Японии значительных успехов. И, как докладывают парни из SIS, он отчего-то искренне ненавидит американцев! А его «Моржиха», или ее систер-шип, по достаточно достоверным данным, приняла самое непосредственное участие в разгроме японцев возле Курильских островов. О нет, не стоит всерьез бояться, что этот русский вдруг объявит нам свою личную войну, сейчас все же не времена короля Ричарда, но зачем мировому сообществу нужно, когда две важные фигуры дипломатической процедуры готовы вцепиться друг другу в глотку, так что мое назначение было компромиссом, на котором настояли ООН, президент Рузвельт и британская королевская семья. В конце концов, публичный политик не может позволить себе лич-

ных чувств в ущерб делу?

Еще в эскадру входили: крейсер «Австралия», на борту представитель Австралии, генерал Блэми и от Новой Зеландии вице-маршал авиации Изитт, крейсер «Якоб Ван Хемсверк», представитель Нидерландов лейтенант-адмирал Хелфрихт. Китайских представителей (самого Чан Кай Ши с кем-то) американцы обещали доставить сами.

10 июля мы пришли в Манилу. На рейде уже стоял огромный американский флот. Выделялся флагман, громадный новый линкор «Монтана», только что вошедший в строй, для него это был вообще едва ли не первый выход в море – после я узнал, что корабль был по сути небоеспособен, на нем не была налажена СУО, отсутствовали и некоторые другие системы. Его сопровождали новые линкоры «Миссури», «Висконсин» и старики «Калифорния» и «Вест Вирджиния», их включили в состав эскадры, чтобы показать японцам: погибшие в Перл-Харборе снова в строю! Еще были авианосцы «Шангри Ла», «Тикондерога», «Рэндольф», «Беннингтон», десяток крейсеров, наверное, больше полусотни эсминцев, огромное число транспортов и вспомогательных судов. В Токийской бухте хватит места, чтобы все это разместить?

Дипломатическую часть опушу, поскольку она была короткой. Надо было выйти как можно скорее, чтобы успеть прибыть в Японию раньше русских! Уже вечером 11 июля флот вышел в море, шли двадцатиузловым ходом, оставляя «обоз» позади. Утром 16 июля мы входили в Токийский за-

лив – к нашему удивлению, на лоцманских катерах, указывающих места якорных стоянок, были советские военно-морские флаги и смешанные экипажи из японских лоцманов и русских морпехов. Я представил, как бранится при виде этого Макартур!

А когда Великий Флот встал наконец в порту вражеской столицы – да, это выглядело зрелищнее военно-морского парада тридцать седьмого года, по случаю коронации нашего короля Георга! Русские с их единственным крейсером (немецкой постройки) и несколькими эсминцами (и то четыре из них были американские «флетчеры») смотрелись откровенно убого, как нищий на паперти! Правда, очень может быть, что где-то в океане рядом ходит «Моржиха», но отчего же ее нет здесь? Или русские опасаются, что раз они все поставили на боевую мощь единственного уникального корабля, то у нас или американцев может возникнуть соблазн устроить несчастный случай, столкновение с кем-то (сколько подлодок погибло так в мирное время, попав под таран своего же корабля на учениях)?

Лазарев произвел на меня впечатление – совершенно не аристократа! Если и месье Мальгузу общался со мной на безупречном английском языке, как принято среди моряков любой цивилизованной страны, то русский притащил с собой адъютанта-переводчика и объяснялся исключительно через него! Хотя была информация, что службу он начинал вовсе не в советском флоте! А где тогда – чтобы проверить свою

догадку, мой офицер из разведотдела внезапно обратился к Лазареву по-немецки. Самообладание русского поразительно, что вполне объяснимо для бывшего нелегала, но мне показалось, что его реакция, «нихт ферштейн», была явно показной. Неужели он и впрямь топил наши суда в Атлантике в сороковом?

Мы обсуждали чисто технические моменты. Среди которых под конец Лазарев попросил: раз уж вы пришли с таким парадом, то позвольте и нам показать вам парад тех, кто обеспечили всем нам эту Победу. Завтра над Токио пролетит несколько эскадрилий русских самолетов, чтобы произвести на японцев впечатление, во избежание у них даже мыслей о сопротивлении и провокациях! Просьба показалась мне вполне справедливой, я дал свое согласие. И были отданы распоряжения по всему флоту, – а то могли ведь принять за воздушную «банзай-атаку» самураев!

Это – несколько эскадрилий?! Больше тысячи бомбардировщиков, включая и четырехмоторные, прошли над Токио на малой высоте! Причем, как выяснилось после, русские еще и сжульничали, часть их эскадрилий делала над Японией круг и снова заходила на цель! Удивляло большое количество истребителей эскорта – у русских есть аналоги «мустангов», с таким же радиусом действия? Японцы, надо думать, были впечатлены.

А мой друг «Дуг» Макартур буквально взбесился. По крайней мере, когда я совершил к нему визит, то не берусь

передать приличной публике слова, которыми он охарактеризовал персонально Лазарева и русских вообще! Оказывается, такое же действие было задумано американцами, в момент когда Сигэмицу будет подписывать от япошек Акт капитуляции – и в небе американская воздушная мощь, тоже на малой высоте! Но теперь это будет совсем другое впечатление – Макартур был полон решимости узнать, кто выдал Советам его секретный план, или в его собственном штабе засел русский шпион?

Затем, успокоившись, он попросил меня – вернее, поставил перед фактом, что американская делегация сможет присутствовать на процедуре не раньше чем через двое суток. И я должен буду обосновать это перед прочими, под любым предлогом – раз уж позволил русским провести свое шоу!

18 июля в 12.00 на палубе «Энсона» собралось светское общество. Каждый раз при вступлении на трап очередной высокой делегации корабельный оркестр играл соответствующий гимн. С учетом того, что помимо представителей были адъютанты, переводчики, а также фотографы и даже кинооператоры (от американцев и от русских), на юте линкора едва хватило места всем разместиться – ведь гости не обязаны стоять, как матросы почетного караула, для них были расставлены стулья и столы. В точно оговоренное время доставили японцев, их было двое, министр иностранных дел Сигэмицу, представляющий императора и гражданскую власть Японии, и генерал Умэдзу, начальник генерального штаба,

представляющий японские вооруженные силы. Которые, как было объявлено, вышли из-под контроля законных гражданских властей и встали над государством – и теперь союзные войска всего лишь помогают микадо восстановить порядок, разоружив милитаристов. Юриспруденция имеет свои законы – если собравшиеся джентльмены пришли к соглашению и занесли его на бумагу, значит, так это и войдёт в анналы истории. А что при этом думали присутствующие, значения не имело.

Министр Сигэмицу поднимался по трапу с трудом, вместо одной ноги у него был протез. Разумеется, никто не пытался помочь проигравшему врагу – горе побежденным! И японская делегация была единственной, которую не приветствовал оркестр и не встречал строй почетного караула. Как сказал мне Макартур, была бы его воля, он бы привел палубу в неубранный вид и приказал команде заниматься своими делами, будучи одетыми в рабочую форму²³, – но это уже слишком расходилось с традициями Королевского Флота!

Макартур нервно поглядывал то на небо, то на часы. Наконец, вдали появилась точка, скоро уже можно было различить силуэт самолета, издающего странный свистящий звук. Новейший американский истребитель Р-80, достойный соперник наших «метеоров» и «вампиров», которые также начали поступать у нас в Британии в строевые части, первые еще с прошлого лета, вторые совсем недавно. Мне эти само-

²³ Именно так и было при подписании Акта на линкоре «Миссури».

леты необычного вида, без винта, пока были знакомы лишь по фотографиям. По авторитетному мнению британских пилотов и авиаконструкторов, именно за реактивными машинами будущее, поскольку они намного превосходят по скорости и скороподъемности даже лучшие из самолетов привычного типа, такие как «Спитфайр» и «Темпест».

– У нас в Штатах истребительные эскадрильи уже переходят на этих красавцев, – громко сказал Макартур, глядя на русских. – «Шутинг стар» превосходит любой истребитель мира настолько же, как «спитфайры» или «мессершмитты» сильнее довоенных фанерных бипланов. Даже жалко, что япошки так быстро сдались, не дав нам по-настоящему опробовать эти суперистребители в бою. Теперь неизвестно, в какой войне им суждено открыть свой боевой счет – в мире остались лишь три силы: Штаты, Англия и Россия. Но все мы ведь союзники, не так ли?

Офицеры-связисты уже вынесли на палубу ящик рации, микрофон и зачем-то динамик. Макартур, отстранив адъютанта от ВВС, лично отдавал команды на пилотаж. Затем реактивный истребитель пошел вниз, чуть уменьшил скорость, его маневры показались мне немного странными. И тут из репродуктора раздалось такое, что все присутствующие успели прийти в смятение – до того, как отключили связь. Самолет пролетел мимо нас совсем низко, так что все на палубе «Энсона» могли различить его опознавательные знаки, это вызвало удивление еще больше.

– Простите, Дуг, вы для демонстрации выбрали русского пилота? – спросил я. – Да еще, похоже, пьяного? И судя по обозначениям – чей же это самолет?

Макартур в ответ, не сдержавшись, разразился монологом, который я не позволю себе цитировать, поскольку такие слова джентльмену в приличном обществе совершенно не подобают.

18 июля 1945 года.

Над Токийским заливом

– Су-ука, – сказал Джимми, с тревогой глядя, как приближается водная поверхность, – ну выходи, сво-лочь!

Он обращался в женском роде к свистящему и ревящему грозному самолету – потому что накрепко запомнил, что говорил инструктор, ему и остальным пилотам 412-й авиагруппы, в Калифорнии на авиабазе Бэкерсфилд. Их было десять, лучших воздушных бойцов Воздушного корпуса Армии США, все асы – ни у кого не было меньше пяти сбитых немецких или японских самолетов. Хотя на взгляд инструктора, испытателя с фирмы «Локхид», прежние навыки воздушного боя были скорее недостатком для полетов на «Шутинг старе».

– Ни в коем случае не дергайте ручку и газ резко. Может возникнуть срыв потока, и не на крыле, а на воздухозаборнике – что вызовет такую гадость, как помпаж движка. Просто – или мотор просто остановится, а без него Р-80 ле-

тает не лучше топора, так что на вынужденную посадку не рассчитывайте, а запускать турбину в воздухе до того, как врежетесь в землю, это игра в русскую рулетку. А в худшем случае будет пожар двигателя – и тогда молитесь богу, если скорость достаточно мала, чтобы выпрыгнуть. Экспериментально установлено, что при четырехсот пятидесяти милях выбраться из кабины невозможно, особенно при пикировании, – а эта малышка в добром настроении разгоняется и до пятисот тридцати. Да, именно так – ведите себя с ней как с девчонкой, нежной и не терпящей грубости – может быть, тогда вы не забудетесь и в воздушном бою не станете шуровать ручкой, как дубинкой в драке. И эту науку вам придется постигать здесь самостоятельно – двухместных учебных машин еще нет. А сейчас я расскажу вам, как на этой стервочке садиться – с непривычки это едва ли не сложнее воздушного боя.

Инструктор оказался прав – Джимми чуть не разбился тогда, в первом же полете. Хотя надо было всего лишь взлететь, сделать «коробочку» вокруг аэродрома, никакого пилотажа, лишь почувствовать, как реактивный себя в воздухе ведет, и сесть. Но одно дело услышать, что у этой стервы высокая посадочная скорость и очень пологая глиссада – и совсем другое – сидеть в кабине во время процесса! Как выдержать курс захода на посадку, если при низкой глиссаде полоса попросту не видна вдаль? На медленный, плавный сброс газа, как учил инструктор, самолет сначала не отреагировал вовсе, а

затем так же плавно и неудержимо пошел вниз, Джимми облился холодным потом и так же плавно прибавил турбине оборотов, прыгать с парашютом на такой высоте нечего было и мечтать! Но если «уорхок» буквально ходил за газом, лишь двинешь вперед, и уже ускорение вдавливают тебя в спинку, то у этой сволочи оказалась на редкость замедленная реакция, земля была совсем рядом, когда самолет наконец прыгнул вверх! И снова приходилось гасить скорость, молясь, чтобы не упасть – в итоге плюхнулся с большим перелетом, хорошо что полоса была длинной, хоть на «сверхкрепости» садись! Страшно представить, окажись это обычный полевой аэродром!

– Верь не глазам, а приборам, – сказал после инструктор, – заметь на подходе ориентиры, измерь по карте дистанцию от них до полосы и посчитай, какая скорость и высота должны быть у тебя при их прохождении. Тогда – ничего страшного. Что любопытно, пилоты с бомберов к такому гораздо лучше привыкали.

Вдобавок плохо работали закрылки, выпускаясь едва на четверть от положенного, – что еще добавляло при посадке острых ощущений. А отвратительная приемистость движка была как дамоклов меч при виражах, чуть перетянешь ручку, потеряешь скорость и срываешься в штопор – особенностью реактивного мотора было то, что он выдавал большую тягу, чем больше, а не чем меньше была скорость! После первых же учебных боев Джимми решил, что «собачья

свалка» для «шутинг стара» категорически противопоказана – только «качели», бум-зум, удар с пикирования на скорости, и снова наверх. В этом случае машина вела себя просто великолепно – свободно выдавая пятьсот миль, не угонится никто! Да, это был лучший истребитель мира – раз мог легко сделать любого противника, любой страны. А «уорхок» был хорош, но ушло уже его время.

Ну вот и кончилась эта война. И его контракт. И четыре сбитых японца, в дополнение к шестнадцати гуннам. А ведь он всерьез подумывал о музыкальной карьере – после того выступления с Гленом Миллером во Франции в сорок четвертом, тот белый оказался истинным джентльменом, предложив сотрудничество, а тот факт, что Джимми, пилот-истребитель действующей армии и имеет на счету больше десятка сбитых немцев, лишь добавляло к нему интерес публики. Тем более что какой-то очень умный человек придумал аппаратуру звукозаписи на магнитную ленту, и не требовалось уже лететь в студию в Штаты, чтобы выпустить пластинку. Которую Джимми держал в руках уже в мае, через две недели после капитуляции гуннов.

И все пошло прахом – кто же знал, что этот мерзавец, капитан Уокер, первый ведущий Джимми, обращающийся к нему не иначе как «эй, ниггер», и даже раздающий зуботычины при каждом удобном случае, не погиб тогда над Гавром и не сдох в немецком плену? А вернувшись, вполне официально заявил, что это Джимми, а не немец, в том бою сбил

его, Уокера, в хвост, отомстив за битую физиономию перед вылетом. Хорошо, что в армии не только такие, как этот подонок, есть – генерал обвинение не поддержал. Но после вызвал к себе Джимми и сказал:

– Парень, я бы очень не советовал тебе сейчас мозолить глаза в Штатах. У этого говнюка дядя большая шишка в Вашингтоне. Если хочешь, я устрою тебе отправку туда, где ему до тебя дотянуться будет сложно. Ну а после, если вернешься живым, публика любит героев. А если погибнешь – на мой взгляд, это будет лучше, чем военная тюрьма Форт-Ливенуорт, где тебя забьют до смерти. Согласен – тогда подпиши здесь, рапорт на добровольный перевод в одну очень крутую эскадрилью. Удачи!

На войне в Европе сорок процентов потерь считались очень серьезными. Здесь же эскадрилья еще при обучении потеряла четверых – двое разбились, один насмерть, второму повезло отделаться переломанными ребрами и рукой. А еще двое подали рапорты об отчислении, с согласием на любые штрафные санкции, «это все лучше, чем летать на гробах». Найти замену им уже не удалось – и вскоре после Рождества шестеро пилотов (пятеро белых, один негр, и это он, Джимми!) отбыли на японский фронт. Разобранные самолеты затолкали на авиатранспорт, обычный пароход, приспособленный для перевозки авиатехники. И – Перл-Харбор, Иводзима (уже взятая у джапов, так что повоевать не пришлось), Филиппины. А вот там дело было серьезно!

Ходили разговоры, что там на стороне макак воюют и гунны, нацистские фанатики, для которых сдаться русским означало бы даже не пулю, а петлю. Джимми был уверен в этом, увидев в небе над Лусоном хорошо знакомые ему силуэты «мессершмиттов» – лишь много позже он узнал, что это были очень похожие «супер-Тони», японские истребители «Кавасаки» Ки-61 Хиеи, с немецкими моторами Даймлер-Бенц 605, такими же как на Ме-109G. Правда, было японцев уже не слишком много, так что они предпочитали не затевать больших сражений в воздухе, а внезапно ударить и исчезнуть, самыми частыми целями для них были одиночные транспортные и связные самолеты, но также они легко могли свалиться со стороны солнца на зазевавшихся или подстеречь при заходе на посадку, одна подлая внезапная атака, убийство и уход на полном газу. Причем такие «охотники» могли появиться и в районе, считавшемся глубоким тылом, – японцы были просто виртуозами устраивать в джунглях отлично замаскированные площадки. Тяжелые японские самолеты, не истребители, появлялись в воздухе гораздо реже. Хотя первым японцем, кого Джимми тут сбил, был именно гидросамолет, громадная четырехмоторная летающая лодка – возможно, вез снабжение на какой-то остров с тайным аэродромом? Вовсе не противник для реактивного истребителя, но пришлось заходить в атаку четыре раза, уж очень быстро получалось проскакивать мимо цели. Наконец горящий японец упал в море, ну а Джимми нарисовал на

борту первый красный кружок в дополнение к черным крестам.

Затем у эскадрильи пошла полоса неудач. Разбился при посадке первый лейтенант Уолтон, остался жив, но сломал обе ноги, а самолет восстановлению не подлежал. Погиб майор Тэйт, опытный боец, имевший на счету тринадцать сбитых японцев – свалив соколиным ударом четырнадцатого, он отчего-то не ушел на высоту, а погнался в азарте за уворачивающимися «Тони», на вираже потерял скорость и попал врагу в прицел. А капитан Чендлер просто пропал, отбившись от ведущего в густой облачности, Джонсон, бывший с ним в паре, вернулся, а его напарник так и сгинул, и следов не нашли, попался «охотникам», потеряв бдительность, или двигатель отказал над морем?²⁴ И это за одиннадцать сбитых японцев – не сказать, что соотношение достойно «лучшего истребителя мира», во Франции «черная эскадрилья» и на «уорхоках», бывало, достигала такой же пропорции. И целых четыре было на счету у Джимми, отчего так?

Наверное, оттого что ему нравилось летать. И он твердо решил вернуться в Штаты героем. А белые парни были славными ребятами, вовсе не трусами, и отличными пилотами, – но было в них и абсолютное нежелание погибать в этой, в общем-то уже выигранной войне. К тому же, как показалось

²⁴ В нашей истории четыре P-80 были отправлены в Англию в декабре 1944 года. Совершали боевые вылеты, но встреч с немцами, тем более с Me-262, не имели. Зато три из них разбились в небоевой обстановке, правда, до 9 мая 1945 года лишь один.

Джимми, никто из них так и не сумел изгнать из себя страх перед норовистой машиной, а потому не считалось зазорным и отказаться от вылета, если находилась причина. Особенно когда их осталось всего трое – сам Джимми, еще капитан Ральф Уивер и капитан Джошуа Джонсон. А главным был полковник Барнетт, но он сам не летал, а лишь исполнял административные функции, как во Франции был «мистер Стальной Шлем»²⁵. Еще было три десятка механиков, оружейников, мотористов – жалко лишь, что не было Стива Белью, русского эмигранта из-под Полтавы, обслуживающего его, Джимми, «уорхок» в Португалии и после во Франции – где он сейчас? Ведь «черную» эскадрилью вроде бы расформировали? А ведь, если честно подумать, именно Стив, у которого по большому счету не было ни голоса, ни слуха, сделал Джимми эстрадной звездой, прирастив его к песням, которые напевал сам. Русским песням – о нет, Джимми вовсе не был коммунистом, но ведь и Стив Белью, Степан Белов, тоже не большевик, его семья уехала в Штаты, когда в Москве еще царь сидел? Что у коммунистов все равны, и никто не посмел бы обратиться к Джимми «эй ты, ниггер», это, конечно, приятно, но ведь у них и собственность запрещена, все общее, своего дела открыть нельзя и детям не оставить? А добиться, чтобы тебя уважали, можно и здесь – вон, даже генерал оказался хорошим человеком, и Барнетт, и Ральф с Джошуа будто и не замечают, что я чернокожий, – ну а гов-

²⁵ Смотри «Сумерки богов».

нюков вроде Уокера, наверное, и среди русских хватает?

А русское сейчас в моде. После того, как в этой, самой страшной войне они, считай что в одиночку, одолели плохого парня Гитлера. Были уже на Одере, в сорока милях от Берлина, когда мы наконец высадились в Гавре. До того была еще Португалия, когда гунны наконец стали там воевать всерьез, то окончательно не сбросили нас в Атлантический океан лишь потому, что русские форсировали Вислу – это вовсе не «красная» пропаганда, а разговоры наших же офицеров, прошедших через португальский ад, когда пал Лиссабон на юге, то никто не сомневался, что Порту на севере продержится максимум пару недель. И так было бы – если бы не русское наступление. Так что русские, безусловно, это хорошие парни, ну а что коммунисты, так у себя дома каждый право имеет устроить такой порядок, какой сам хочет, окей? Да и что нам делить, из-за чего ссориться, ну где СССР и где Штаты – причем и те, и другие – за свободу, колонии никому не нужны! Не то что чопорным англичанам, которые еще тридцать лет назад считали нас, американцев, провинциалами... хотя, по правде, тогда мы еще такими и были, в сравнении с Империей на половину мира! И где теперь та Империя – из Индии своей япошек вышвырнули с трудом, теперь им еще надо остальные разбежавшиеся колонии собрать. О прочих же нациях и говорить не стоило – гуннов и макаронников те же русские себе на воспитание забрали. И Франция тоже в счет не идет.

Был Джимми в Париже, «столице моды и культуры», как его белые называют. Видел, как парижане на уличном рынке униженно протягивали ордена своих отцов, с той Великой войны – купите, мистер, недорого! А парижанки продавали самих себя, за банку тушенки, или пару пачек сигарет, или шелковые чулки. И не в публичном заведении, а в обычной квартире, причем парень, что дверь открывает, оказывается вовсе не сутенер, а муж, но «ай лайв ю, мсье американский офицер, десять долларов, плиз» – так что после не знаешь, то ли деньги честно отдать, то ли боксом в морду обоим. Это при том, что в Штатах негра, обвиненного в том, что он был с белой, толпа на первом же дереве вздергивала, до полицейского участка не доводя! Слава господу, что Америку никто завоевать не сможет (не мексиканцев же бояться?), да и у русских как-то выходило, что кто их пытался покорить, тот сам после едва ноги уносил, – оказывается, Гитлер был не первым! Капитан Джонсон рассказывал, а он до армии успел в университете обучиться. Был Наполеон, так же до того покоривший всю Европу, – а кончилось тем, что русские в Париж вошли. Были поляки, шведы, турки – и все они в итоге, жестоко битые русскими, переставали быть державами. А это, черт побери, заслуживало уважения – ведь мир, если подумать, еще более жесток, чем окраины Чикаго: в нем нет полицейских, стоящих над всеми, и каждый стоит ровно столько, насколько может за себя постоять!

Потому Джимми, как только представился случай достать

краску и нашлось время, старательно разрисовал свой Р-80 в уже проверенный «счастливый» камуфляж. Летчики это такой же суеверный народ, как и моряки. «Русская» окраска, темно-зеленый с черным верх, синий низ, красные пятиконечные звезды на киле и асимметрично на крыльях (чуть меньшего размера, чем положенные опознавательные знаки, чтобы порядок не нарушать). И оскаленная морда зверя – по замыслу это должен быть медведь, но вышло что-то похожее на собаку. Вообще, это было обычным делом на войне – чего только ни красовалось на самолетах ВВС США: ведьмы, скелеты, паровозы, самые разные звери, герои комиксов, ноты, карточные масти и, конечно, красотки в разной степени одетости. Командование обычно смотрело на это сквозь пальцы – хотя ветераны могли вспомнить пару кампаний по запрету «смертельной» символики, как подрывающей боевой дух, и отчего-то карточной, – но, как правило, эти попытки успехов не имели, по завершению или вдали от начальства все очень быстро возвращалось на круги своя. Так что полковник Барнетт, увидев, во что превратился еще вчера серебристый «шутинг стар», лишь ухмыльнулся, но ничего не сказал. А Ральф сам поспешил нарисовать на киле своего истребителя черный пиратский череп со скрещенными костями. Джошуа же рисовать не умел и потому попросил Ральфа изобразить на борту портрет своей девушки с фотографии, вышло очень похоже. За обещание капитана Джонсона после капитуляции япошек оплатить всем обед в лучшем рестора-

не Токио, если таковой найдется.

А еще Джимми пел. Чтоб не отвыкнуть, когда кончится война, – ведь тот белый, Глен Миллер, пообещал, что еще сделает из него, Джимми, звезду эстрады. И оставил свои координаты, взяв с Джимми обещание немедленно связаться, как только тот будет в Штатах после войны. Это должно быть скоро – ведь вряд ли Япония еще долго продержится? Особенно когда русские тоже вступили – и как радио передает, бьют япошек в Маньчжурии так, что только кровь в стороны летит. А мы на Филиппинах застряли, хотя генерал Макартур уже в Манилу торжественно вступил, но из этих проклятых джунглей, с сотен и тысяч островков, еще до конца века можно самураев выковыривать, пока они там от старости все не перемрут! Хотя армейским можно посочувствовать – сколько их тут полегло? Рассказывали про бой возле Багио, когда несколько замаскированных у дороги «пантер» три дня сдерживали наступление едва ли не целой дивизии, перебив из засады полсотни танков, бронетранспортеров и грузовиков²⁶. А ведь, как разведка сообщает, на тех конвоях из Германии и «тигры» были – хорошо, что их на Филиппинах не оказалось, наверное, в самой Японии нас ждут.

Затем была Окинава. Как сказал Барнетт, а ему сообщили из штаба, у японцев там оказались «фокке-вульфы», в возду-

²⁶ В нашей истории у японцев были легкие «ха-го». В том бою два из них, начиненные взрывчаткой, таранили колонну «шерманов», задержав продвижение американских войск на несколько дней.

хе идут жестокие бои, палубники несут потери – так что, поможем водоплавающим! Надо, значит, надо – причем была идея добираться по воздуху, расчеты показали, что на пределе, но должно дальности хватить, если взять подвесные баки. Но все же штаб не разрешил, посчитав, что есть все же риск нарваться на «фоккеров» в конце перелета, имея горючего в обрез, крейсерская скорость Р-80 не превосходила максимальную для поршневых самолетов, а прибавив газ, были все шансы упасть в море, не дотянув до полосы. Однако же, как оказалось, в штабе про эту идею и расчеты не забыли.

Ну а пока – добирались на палубе эскортного авианосца «Блок Айленд». Погода портилась, еще не тайфун, но приятного мало. Приплыли, разгрузились – к этому времени работы в воздухе уже не нашлось, русские говорят, что самое лучшее ПВО это свои танки на вражеском аэродроме, ну а здесь оказалось, что несколько сотен бомбардировщиков над аэродромом (включая «сверхкрепости» с Иводзимы) будут ничем не хуже. Но и для Р-80 нашлась работа, один раз они летали с бомбами, второй – Джош сбил японский скоростной разведчик «Дина», Ки-46, прилетевший с северо-востока. А вот Ральфу не повезло – при посадке на его истребителе не сработала гидравлика, закрылки вышли несимметрично, и самолет свалился на крыло, чиркнул по земле и закрутился «блинчиком» на брюхе, просто чудо, что не скапотировал и не загорелся. И Ральф, компанейский веселый парень двадцати шести лет, остался жив, но сломал себе позвоночник

– и как сказали в госпитале, жить будет, но только в коляске, как наш президент.

– Это тоже война, сынки, – сказал полковник Барнетт, – мы тут не только ради сбитых нами япошек. А прежде всего, чтобы конструкторы фирмы «Локхид» узнали слабые места этого великолепного самолета и сумели сделать его лучше. Мы рискуем – ради тех, кто будет летать на нем после нас. Чтобы никто не мог бросить Америке вызов!

Вечером дождь усилился, небеса разверзлись так, словно начался Великий Потоп, исключив возможность передвигаться даже по земле, не то что по воздуху. Джимми и Джош сидели в баре (а как вы думаете, чтобы воинская часть США и подобного заведения не было?), вместе с летчиками из морской пехоты.

– ...вы еще на «корсарах» не летали, – говорил кто-то, – я еще самые первые их модели застал. Вот это действительно был цирковой номер – на посадке прямо перед собой и вниз вообще ничего не видно. А потому глиссада была на вираже, чтобы полосу видеть сбоку, – надо было еще рассчитать, чтобы по курсу вписаться. А еще эта сволочь на уменьшенной скорости по-страшному валилась на крыло, потому что реактивный момент от винта был очень мощный, и так сделали, чтобы в полете все было в равновесии, а на посадке кренит, не удержать. Ну и вдобавок садиться надо было очень аккуратно, шасси слабовато для такого веса. Ох и намучились мы с ним, сколько ребят побилось! Зато на высоте

«корсар» разогнался до четырехсот тридцати миль, а в бум-зуме ему равных не было, в бою мы были спокойны, что любого сделаем, или удерем. А на посадке – да, было страшно! Это уже с конца сорок третьего улучшенная модель пошла, кабину подняли, шасси усилили, крыло улучшили, что валиться перестал, – с тем, что раньше было, как день и ночь! И из ваших птичек, думаю, настоящие орлы вырастут. Кстати, интересно, а они с палубы взлететь могут? Если однажды В-25 смогли?

Эскадрильи Корпуса морской пехоты, формально числясь за флотом и имея ту же технику, теоретически должны были, по необходимости, работать и с авианосцев. И даже проходили в Штатах соответствующую подготовку, но в практике реальных боевых действий обычно к такому не привлекались. Да и не уступили бы летчики палубной авиации свою привилегию, включающую повышенную оплату, ускоренную выслугу в чине и, конечно, почет. Это лишь у англичан одни и те же эскадрильи могли действовать в равной мере и с палубы, и с берега – ну так у кузенов и настоящих авианосцев мало. Зато в морской пехоте служить было весело: это ведь не просто род войск, а те, кого президент может послать в бой своим единоличным решением, без санкции Конгресса и формального объявления войны. Так мы ведь и не воюем, а наводим порядок – именно благодаря нам все, что южнее Флориды, считается «наш задний двор», как еще Тедди Рузвельт сказал, и попробуй там против Америки кто-то что-

то хоть пикни, мы придем и вразумим!

— Ну а поскольку серьезного врага в мире больше не остается, не с русскими же воевать, зато вон сколько в мире бесхозного образовалось, ведь и Британия не та уже. То мы еще набегаемся повсюду, как пожарная команда — защищать интересы Штатов. Будет ведь теперь в мире век спокойствия, как был уже от Наполеона до прошлой Великой войны. Войнушки в колониях, — а кому почет и ордена: нам, героям!

— И зачем вам тогда реактивные с палуб, — спросил Джош, — ниггеров в джунглях можно с чего угодно бомбить. Ох, Джим, прости, это я исключительно про тех, кто там в Африке или какой-нибудь Малайе. Парни, знайте, за нашего Джима я кому угодно морду расшибу! Он у нас не кто-то, а звезда эстрады, пластинка уже есть, и по радио с самим оркестром Миллера выступал!

Как водится, в угоду тем, кто не слышал — нашлась гитара, и героя уговорили на выступление. Джимми не нашел причин отказываться — нельзя сказать, что он был в ударе, но парням понравилось. Лишь спросили после, что за непонятные слова и целые фразы он вставляет? Хотя что-то похожее мы по радио слышали, русские песни, так ты по-русски говоришь? Джимми честно ответил, что русского не знает, но есть у него друг (не по чину, конечно, пилоту механика за ровню считать — плевать, сам он кто?), который понимал и переводил. Ну а он, Джимми, помня о чем, уже досочинял по смыслу. Нет, вдвоем против восьмерых он сам не дрался,

а вот вдесятером против двадцати было, под Гавром. Ну а «я – истребитель» это прямо про нас сочинили, и «по пять вылетов в сутки» у нас тоже однажды случилось, ведь «черную» эскадрилью пихали в любую дыру. И что «самолет необъезженный» это круче любого родео, только не поднимешься после, если упадешь. И вообще, если в бою не терпеть, зубы стиснув, а орать ругательства или песню, то легче, уж привык так. С русскими говорить не приходилось, – но вот какие-то фразы запомнил.

Японцев добивали. Еще рассказывали о фанатичном сопротивлении, снайперах-смертниках и сумасшедших, бросающихся под гусеницы танков, но в воздухе уже не встречались их самолеты, может, что-то и было припрятано, но не осталось уже ни бензина, ни бомб, ни обученного персонала; если же кто-то и появлялся, то это было сродни одинокому голубю в стае голодных ястребов, так много было над Окинавой американских самолетов, и все желали увеличить боевой счет. К общему удивлению, русские, морскую мощь которых тут, на Тихом океане, никто не принимал всерьез, устроили японскому флоту две бойни подряд, а до того стерли в порошок миллионную Квантунскую армию, всего за пару недель – никто не ждал, что макаки выстоят на суше против победителей Рейха, но чтобы так быстро? Советские войска входили в Китай, и Джимми слышал, что кто-то из высоких чинов вроде обеспокоен, как будем после делить трофеи, «надеемся, по справедливости, а не так, как в Европе»? Но про-

стые парни с погонами полегче, истинные труженики войны, предпочитали в большинстве о том не думать – мы же союзники, окей, как-нибудь договоримся? Да и не войну же нам объявлять Сталину из-за какого-то Чан Кай Ши? Что из того, что у красных есть Мао, ну будет после привычное дело, в туземной стране мы поддерживаем одну макаку, они дружную – если бы в каждом таком случае белые люди объявляли войну друг другу, то жить стало бы очень неудобно? Да и прав тот парень из морской пехоты, сейчас по всей планете будет достаточно бесхозных территорий, чтобы державы поделили сферы влияния, не наступая на чужие мозоли!

Микадо заявил о капитуляции, уже второй раз. А здесь, на Окинаве, стреляли! Американской была южная, относительно ровная часть острова, вместе с городами Наха и Сюри – когда-то бывшей столицей здешних королей²⁷. Хотя замок, построенный в тринадцатом веке, как сказал Барнетт (Джош удивился – так эти желтомордые дикари имеют столь же давнюю историю, как англичане?), после бомбежки и штурма представлял весьма жалкое зрелище. А все местные жители, кому повезло уцелеть, были согнаны в лагерь на южной оконечности острова, во избежание диверсий и шпионажа. Еще не сдавшиеся японцы засели на северной половине, в горах, и быстро выдавить их оттуда никак не получалось. В лесу, смоченном дождем, даже нападм не давал должного эффек-

²⁷ Королевство Рюкю стало вассалом Японии лишь в 1609 году, а провинцией в 1879-м.

та, хотя его сбросили на этих упрямых мартышек в общей сумме не меньше, чем на Токио в том славном деле два месяца назад. Отчего вы воюете, вам же приказано сдаться? Немногочисленные пленные отвечали, что они сдадутся, когда будет общая капитуляция, и никак не раньше. В итоге генерал Бакнер, командующий 10-й армией, заявил, что ему надоели бессмысленные потери, и он прекратит общее наступление, тем более что погода не благоприятствует. Надо было начинать раньше, а не 9 мая, в годовщину завершения боев в Европе, после серии жестоких морских сражений в окружающих водах, именно там японцы массово применили пилотов-смертников – камикадзе. А в конце мая начались муссонные дожди, когда даже дороги становятся болотом, непроходимым для техники, а воздушная поддержка крайне затруднительна. Утешало лишь, что японцам в джунглях еще хуже, ну а все города и деревни на севере были давно разрушены бомбежками. Интересно, что там эти желтомордые едят – считая, что с ними еще масса гражданских? Скорее бы уж их император объявил третью и уже последнюю капитуляцию – и нам всем домой!

4 июля, в День Независимости Америки, было объявлено, что наконец японцы сдаются – их представители сами прилетали к Макартуру и предложили мир. А русские взяли Порт-Артур, где желтомордые точно так же отказывались капитулировать – и ходили слухи, что Макартур после выразил свое неудовольствие Бакнеру, отчего Окинава еще не взята? Од-

нако это было большой политикой – простые же американские парни с нетерпением ждали возвращения в Штаты. А 16 июля Джимми и Джоша вызвал к себе Барнетт, еще присутствовали мистер Хатчисон, глава прикомандированных к эскадрилье инженеров от фирмы «Локхид», и какой-то моряк.

– Для вас две новости, парни, одна хорошая, вторая плохая, с какой начать? – спросил полковник. – Ладно, для поднятия духа начну с хорошей. Вам выпала высокая честь поучаствовать в процедуре подписания японской капитуляции в Токио – для демонстрации американской воздушной мощи, показать лучшие в мире истребители. И конкретно для вас, Америка этого не забудет, так что повышение в звании и самые лучшие перспективы для карьеры Армия США вам гарантирует. Теперь новость плохая: вам предстоит для этого взлететь с авианосца «Хенкок». Спокойно, парни, я не собираюсь отправлять вас на гибель! Я знаю, что вам требуется для взлета минимум тысяча двести футов, а палуба всего восемьсот тридцать. Но есть и факторы, которые вам помогут. Катапульта разгонит вас до девяноста миль, полный ход авианосца добавит еще тридцать четыре²⁸, встречный ветер по прогнозу добавит еще двадцать. Если дать полный газ на стоянке, вернее, на стопоре катапульты, это также позволит сократить обычную дистанцию в сравнении с взлетом с полосы. Мистер Хатчисон обещает, что его люди переберут

²⁸ Имеются в виду сухопутные мили, 1609 м, а не морские.

двигатели ваших машин, чтобы выжать всю возможную тягу. Наконец, самолеты будут предельно облегчены, снято все лишнее, например, вооружение – воздушного противника вы точно не встретите! Предварительный расчет показывает, что в этом случае взлет с палубы вполне реален, по крайней мере, не меньше, чем В-25 три года назад. Подумайте, парни, – вы станете первыми пилотами, кто сумели на реактивных взлететь с авианосца! Сей факт окажет весьма благоприятное влияние на военные программы, финансирование – и наконец, на безопасность США: отныне любой наш вероятный противник должен будет принять во внимание, что с любой нашей палубы могут работать «шутинг стары»! Конечно, дело сугубо добровольное, и вы можете отказаться... но неофициально – я бы очень вам этого не советовал!

– Ваш риск будет оплачен по повышенной ставке пилотов-испытателей, – добавил Хатчисон, – то есть за один полет вы получите почти годовое теперешнее жалованье. И в дальнейшем, в случае вашего увольнения из Армии, фирма «Локхид» обещает помочь с трудоустройством – нам нужны хорошие летчики. И, конечно, о вашем подвиге узнает вся Америка! Еще вопросы есть?

Сборы были недолгими. Буквально через пару часов оба самолета были погружены на «Хенкок», который немедленно снялся с якоря. В ангаре, оборудованном под мастерскую, целая толпа инженеров и техников возилась вокруг машин. А Джимми с Дошем сидели в корабельном баре.

– Только бы не как Ральф, – сказал Джошуа, – я ведь жениться хотел, как только вернусь. Но Клэр не будет ухаживать за калекой всю жизнь, я ведь не наследник миллионов. Господи, за что мне это? Одно хорошо, если это и случится, то быстро, я даже не успею ничего понять. А ты боишься, Джим?

Джимми пожал плечами. Он привык драться за свою жизнь еще в мальчишеских бандах с окраин Чикаго. И одно из правил, усвоенных им тогда, гласило: не думай о том, что завтра тебя убьют. Потому что это лишает тебя сил – и увеличивает шанс, что ты и в самом деле умрешь. А Стив сказал, что и у русских есть такое – «чему быть, того не миновать».

– Я говорил с полковником, уже после, – продолжил Джош, – он сказал, что уверенности нет. Он солгал нам про расчеты, вернее, они есть, но там все на грани, может, выйдет, может, нет. И как раз еще и потому важен эксперимент – удастся – получим какие-то политические очки перед союзниками и уверенность в новых возможностях палубной авиации, за такое не жалко и облагодетельствовать двух героев. А не удастся – потеряем всего лишь двух неудачников и два самолета «нолевой» серии, уже почти выработавшие ресурс. Взлет будет вне видимости берега, чтобы при провале никто не узнал – нас просто вычеркнут из списка, забудут, и только! Все в руках божьих, как в русской рулетке – и неизвестно, сколько в барабане пустых гнезд, и есть ли они там вообще!

Джимми промолчал. А разве не в этом вся суть американского образа жизни? Постоянно принимать «челлендж», вызов судьбы – выиграешь – и ты на коне, проиграешь – тебя похоронят под забором, как собаку. Главное было – не ошибиться с размером ставки, ну и конечно, если решился, не подвести самому. И если Джошу, белому парню из хорошей семьи, было что терять, – то у него, Джимми, это был уникальный шанс вернуться в Штаты, наплевав на того говнюка Уокера: мир любит героев, и в этом его справедливость. Ну а если не повезет, что ж, он сделал все, что мог. Но если господь до сих пор помогал ему, то отчего же он не выручит и в этот раз?

– Я после нашел и этого фирмача, – говорил Джош, – и потребовал деньги вперед. Чтоб если я и погибну, получили мои старики и сестра Мэри. И Клэр узнает, что я умер за Америку, героем. Хатчисон, крыса, пытался спорить, что плата лишь после, за сделанную работу. А я ответил, что пусть тогда он тут, на «Хенкоке», найдет другого, кто завтра сел бы в кабину. И что я буду рисковать не деньгами, а головой. Ему нечем был крыть, и он выписал чек. Я тут же пошел к корабельному финансисту и договорился о переводе в Штаты. Советую и тебе сделать так, Джим, – мы ведь сейчас диктуем условия, ну где «Локхид» или кто-то там наверху найдет двух других дураков, вместо нас?

Джимми печально усмехнулся. Ему некуда и некому было посылать – отец умер еще в Депрессию, мать пятью года-

ми позже, после был приют, приработок где попало и чем попало (который вполне мог кончиться тюрьмой, будь полиция расторопнее), и наконец работа подручным на заводе – авиационном заводе, был тридцать девятый год, в Европе уже пахло войной, и ожидались выгодные заказы. И так вышло, что на смышленного чернокожего паренька обратил внимание один хороший человек, ищущий курсантов в летную школу Таксиги. А завтра будет еще одна ступенька к тому, чтобы к тебе обращались «мистер», а не «эй, ниггер». Или же – Джимми вспомнил еще одну поговорку Стива – «или грудь в крестах, или голова в кустах». На Медаль Конгресса рассчитывать смешно, но, может, хоть Летный крест повесят!

Напиваться не хотелось, и Джимми пошел в ангар, застал там техников, заканчивающих счищать краску с его птички. Попробовал возмутиться, и получил в ответ лекцию о порче аэродинамики шероховатостью поверхности при кустарной окраске.

– Слушай, по уму надо было твою красотку лаком покрыть и отполировать, если тебе нужна ее летучесть до последней крохи.

– А опознавательные знаки, вижу, вы оставляете?

– А тебе нужно, чтобы тебя по ошибке сбили наши же?

– Я всего лишь думаю, что если они не портят вашу аэродинамику, то не испортит и моя счастливая эмблема!

Краска нашлась. И Джимми старательно выводил на киле

и под кабиной свой фирменный знак, русскую пятиконечную звезду. А чтобы не спутали с японским кругом, нарисовал лучи подлинней, а центр поменьше. Удовлетворенный работой, пошел спать.

Следующий день запомнился лишь тем, что к вечеру выглянуло солнце. Авианосец шел на север полным ходом, за кормой осталась серая стена муссонных туч. По палубе было трудно перемещаться из-за слишком сильного встречного ветра, и Джимми спустился в «ready room», помещение для отдыха дежурных экипажей (и по общему мнению, самое комфортное место на авианосце). Там скучали с десятков пилотов из штатной авиагруппы «Хенкока», при виде Джимми они оживились.

– Коллеги, кто разъяснит мне небольшую логическую задачу? – громко сказал один. – Если принять исходным постулатом, что небелые это такие же люди, как мы. Поскольку Америка это свободная страна, то любой ее достойный гражданин способен баллотироваться на сколь угодно высокий пост. Следовательно, негр может быть судьей, губернатором и даже, теоретически, президентом Соединенных Штатов. Что есть абсурд. Следовательно – исходный постулат неверен.

– Причина в том, что как утверждают ученые, люди черной расы могут быть храбры, сильны, ловки, но в их духовном мире в сравнении с нашим гораздо больше доля бессознательного и меньше сознательного, – ответил второй, – та-

ким образом, животные инстинкты в их поведении играют намного большую роль. То есть они вполне способны выполнять работу низших общественных классов, но непригодны там, где требуется высшая интеллектуальная и духовная деятельность.

– Однако же и в этом качестве они могут быть полезны людям, – заметил третий, – как в том комиксе про полет на Луну, как сначала пускали ракету с обезьянами. Что неразумно: выгоднее запустить существо, которое по возвращении (если вернется) может внятно рассказать, что видело. Чтобы людям после было меньше риска. И кажется, это мы сейчас и наблюдаем – первым взлетит лабораторный объект, и если удачно, то можно попробовать и человеку.

Джимми усмехнулся. Он уже успел отвыкнуть от такого отношения, но Флот всегда был намного консервативнее Армии, а палубная авиация считалась элитой среди флотских. И эти белые очень хотели бы, в лучших традициях драки в баре, вышвырнуть его вон, намяв бока, – но ведь он, Джимми, был не просто прикомандированным, а важным участником завтрашнего дела, ради которого авианосец и совершает этот поход, а потому, если потасовку начнут они, то взыскания виновным последуют обязательно. А вот если он первым вспылит, оскорбит кого-то или ударит, то десяток свидетелей с чистой совестью будут говорить, что всего лишь усмиряли обнаглевшего ниггера. Но спускать обиду молча тоже было никак нельзя!

– Простите, господин майор, – разглядев погоны, Джимми обратился к тому, кто заговорил первым, очевидно, заводиле компании, – а сколько у вас воздушных побед над японцами?

– Одиннадцать, – гордо сказал тот, – я более чем дважды ас, черный. Одиннадцать раз я смотрел в лицо смерти, но так выходило, что они все отправлялись в ад, а я пока что живой.

– А у меня двадцать, – ответил Джимми, – полковник со- врать не даст, спросите у него. Шестнадцать – джерри, четверо – японцы. И еще неизвестно, кто хуже – у джерри самолеты сильнее, зато дух слабже, как получают по зубам, так из боя выходят, даже если их больше нас. Я в Португалии был, на суше, как раз тогда, когда немцы на нас напирали, вас, водоплавающих, ждали на помощь. Там счет свой и открыл – целая эскадрилья нас была, таких же, как я. И только четверо нас из Португалии вернулись.

Его слушали внимательно. Палубные пилоты были элитой, с предельным самомнением и спесью. Но боевое мастерство они уважали.

– Пополнение получили – и во Францию, – рассказывал Джимми, – мы первыми на том берегу Канала приземлились, оттуда и работали, не из Англии. Фронт от нас рядом совсем был, наш аэродром даже артиллерия регулярно обстреливала.

– Врешь, – неуверенно сказал кто-то, – как тогда летать? Или вы для самолетов окопы рыли?

– Капониры строили, – ответил Джимми, – такая земля-

ная подкова, сверху балками, рельсами перекрыта, железными листами и землей для маскировки. Прямое попадание не выдержит, но осколки и близкий разрыв держит хорошо. Нам говорили, русские так делают на фронтовых аэродромах. Газ можно прямо в капонире дать, быстро выскочить на полосу, и на взлет, до того как гунны огонь откроют. А при посадке – быстро к своему месту подрулить, тут же наши из наземной команды трос за хвост цепляют и внутрь затаскивают – когда снаряды прилетают, мы уже в укрытии сидим. Месяц так и летали, затем фронт вперед пошел. Мы – «черная эскадрилья», нас особенно не жалели, совали первыми в любую дыру. Зато и гуннов над нами летало, как ворон над помойкой – искать не надо, лишь взлетаешь, сразу в драку.

– А как ты сюда попал?

– Я в эскадрилье был за командира, – сказал Джимми, – формально командовал нами белый, мы звали его мистер Стальной Шлем, но он никогда в воздух не поднимался. И когда после понадобился пилот на новое дело, испытывать на войне эти «трубы», взяли меня. Потому что я был лучшим пилотом эскадрильи – когда командир на земле оставался, я всегда ребят в бой вел.

Он подумал – знают ли эти парни про историю с Уокером, ведь вроде было, что и в газетах писали? А господь запрещает врать, но разве то, что я был лучшим, это неправда? И разве я не обязан теперь выжить, пробиться – и за себя, и за них?

Майор протянул руку:

– Я – Кен Шорт из Джорджии, будем знакомы.

Затем так же подошли остальные. Разговор плавно перетек на обсуждение воздушных боев над Европой, авианосники больше спрашивали, Джимми отвечал. И напоследок лишь кто-то спросил:

– А все-таки ты первый завтра пойдешь?

– Нет, – ответил Джимми, – полковник решил, что первым будет Джош. Ну а я пойду у него ведомым.

Их разбудили до рассвета. Авианосец выходил в назначенную точку старта, в ста милях к юго-юго-востоку от Токийской бухты.

– В тридцати милях к северу, возле японского берега занял позицию в радиолокационном дозоре эсминец «Чарльз Сперри», он будет следить и даст команду на изменение курса, если отклонимся. Дальше полет над сушей, через полуостров, над ним вас уже подхватят радары кораблей эскадры – и уже залив. Вот частоты для радиосвязи, таблица позывных – запомните, что главное для вас – оказаться на месте минута в минуту, ни раньше, ни позже! С корабля, на котором находится Самая Большая шишка с гостями, ради которых собственно все и устроили, дадут сигнал, ракетой с дымом, заметно даже днем. Покажи им пилотаж, чтобы было хорошо видно, затем сбрось газ и пролет мимо на малой высоте. После чего свободен, посадка на аэродром, по карте вот здесь, от Токио всего ничего, там вас примут. Удачи, парни!

Истребитель Джоша уже был закреплен на катапульте. Как изощрялись инженеры «Локхида», чтобы обеспечить процесс, совершенно противопоказанный для конструкции Р-80! Решили, что один запуск самолет должен выдержать, без поломок и деформаций, ну а после все равно машину спишем. Команда выпускающего, взвыл двигатель, выбросил факел из сопла, выходя на максимально возможный режим, и «шутинг стар» устремился вперед. Вот он скрылся за срезом палубы, задрав нос... и исчез! В шуме волн и встречного ветра ничего не было слышно. Но самолет не появился в небе. В динамике раздался голос наблюдателя, сидящего в самом носу, ниже палубы, на передней батарее зениток:

– Ему чуть не хватило! Казалось, выйдет уже! Но волну задел, и всё!

И некого было спасать, и ничего не найти. Жалко Джоша, хороший парень был, хотя и белый, из образованных.

– Теперь твоя очередь, сынок, – сказал Барнетт, – или ты отказываешься?

А рядом смотрят – майор Шорт и остальные, с кем вчера разговаривал. И если он, Джимми, откажется, то не скажут уже: «я знал одного чернокожего, которого стоило уважать». Да и вдруг все же повезет, поймает свою удачу? Ведь презираемым неудачником незачем и жить!

– Удачи тебе!

Джимми еще успел пожалеть о своем решении, когда самолет несясь вперед после пинка катапульты. Вот срез палу-

бы мелькнул под крылом – и Джимми тотчас же рванул кран гидросистемы уборки шасси, улучшить аэродинамику, выиграть скорость! И, в отличие от Джоша, не стал тянуть ручку на себя, задирая нос и скорость теряя, а даже напротив, чуть-чуть отдал вперед, небольшой запас высоты был, палуба над водой в двадцати метрах. Конечно, риск огромный, но Джимми уже достаточно успел изучить поведение своей «стервочки», она не любила рывков и туго реагировала на изменение газа, но ее ответ на плавное отклонение ручки был вполне нормальным. Еще немного... пора! Ручку чуть на себя, в горизонталь – господи, вода, кажется, не дальше чем в десяти футах! Теперь осторожно вверх, скорость уже за двести миль и продолжает расти, и волны уходят вниз, он летит! Ему удалось! Впереди еще полет, пилотаж и посадка, но это такая мелочь в сравнении с тем «челленджем», что он принял и выиграл сейчас!

– Bravo, 017-й, – голос Барнетта в наушниках, – теперь ложись на курс 351. Еще раз удачи, и встретимся уже в Токио!

Полет не представлял ничего интересного. Погода была хорошей, видимость нормальной, да еще и с земли корректировали курс. Вот и залив, и корабли внизу, как их много! С одного – условленный сигнал, надо запомнить место. И голос по радио – отлично, 017-й, покажи, на что ты способен.

Программа пилотажа тоже была заранее утверждена полковником. И в завершение – эффектный выход из пике чуть

в стороне от зрителей, и пролет мимо, и дальше на север. Вот только «сучка» вдруг заупрямилась, не захотела выходить.

– 017-й, что случилось, – надрывалась земля, – ответьте!

Это будет несправедливо – разбиться вот так, на виду у всех. Опозорив тем всю Америку, как сказал Барнетт. Черт побери, что с управлением, – нос как будто налился свинцом? И тогда Джимми сделал то, что категорически запрещал инструктор – резко сбросил газ. Просто подумав, если «стервочке» не нравится слишком большая скорость, значит, надо уменьшить? И случилось чудо – истребитель подчинился его воле! Правда, начал болтаться, опасно теряя скорость, – но это уже знакомое, можем бороться. Я тебя укрошу, стервочка, suka blyad uroy! Ich vosem – nas dvoe, rasklad pered boem ne nash – no mu budem igrat! Russkie ne sdautsya, svolotchi, vseh uroy!

Сражаясь с непослушным самолетом, Джимми не замечал, что орет уже вслух, в радио. Слова, которые он запомнил от Стива и которые помогали ему максимально собраться в воздушном бою. Вверх, вниз, качели, совсем как в тот первый раз, когда он эту chertovy suku оседлал и чуть не разбился, но теперь он знает, как ее одолеть! И это получалось – размах колебаний снижался, вот истребитель уже нормально летит. А зрители, похоже, остались уже позади?

– 017-й, следуйте на базу, – голос по радио с непонятно холодным тоном. И после добавил: – Готовь вазелин, поддон, он тебе скоро понадобится.

Джимми не понял, что могло не понравиться начальству, ведь он сделал все, что предписано, да еще чудом спас самолет. И на время выбросил из головы – топлива осталось (с учетом неполной заправки, для облегчения веса) не так уж много. А посадка на строптивой сволочи то еще удовольствие, особенно на незнакомом аэродроме!

Долетел и сел нормально. На аэродроме еще стояли на краю самолеты с красным солнцем на крыльях. Но встретила его своя, американская аэродромная команда – завели на стоянку и первым делом укрыли самолет брезентом. А Джимми сказали, ждать – судя по всему, они были не в курсе, что произошло над заливом, а просто выполняли приказ.

Через полчаса приехал патруль военной полиции – белые каски, дубинки, повязки на рукаве с буквами МР. И сразу к Джимми.

– Вы такой-то? Арестовать!

Руки скрутили, как преступнику, наручники надели и кинули в джип. И еще дубинками огрели пару раз, непонятно за что!

– Приказ генерала Макартура!

Лазарев Михаил Петрович.

Токийский залив, на борту линкора «Энсон» Роял Нэви.

18 июля 1945 года

Ну вот и вошел я в историю. Наравне со всеми, чьи подписи стоят под Договором о безоговорочной капитуляции Япо-

нии – завершении Второй мировой войны.

В той реальности, где война кончилась 2 сентября 1945 года, от нас был единственный представитель-подписант, генерал Деревянко. В этой, где уже создана ООН, и Советский Союз, как подобает, имеет место Постоянного члена Совбеза, подписантов от таковых стран было по двое. От нас – маршал Василевский, как представитель СССР – члена ООН, и я – от Вооруженных Сил. Аналогично у американцев Макартур и Нимиц, у англичан Маунтбеттен и Фрейзер. Также, в отличие от иной истории, за Францию подписал генерал Тассиньи, а за Китай сам Чан Кай Ши, вот не помню точно, но вроде бы в списке 2 сентября значились другие фамилии?²⁹

И журналистов столько набежало! От советской стороны был Виктор Темин, личность легендарная. В свое время снимал челюскинцев, экспедицию Папанина на Северный полюс, побывал на Хасане, Халхин-Голе, финской войне – и конечно Отечественная, и знамя Победы над Рейхстагом, снимки в «Правде» – тоже его работа. Фотоаппарат «лейку» ему подарил сам Максим Горький³⁰. А тут ему самым хамским образом объясняют, что лучшие места для съемки распроданы за деньги мировым информагентствам – и кто попытается влезть на чужой участок, того просто выкинут за борт, ну просто мафия! Ладно, акулы пера – сами наприси-

²⁹ В нашей истории были генерал Леклерк и генерал Сью Юнчан.

³⁰ Все факты биографии В. А. Темина – подлинные.

лись. А вы, Виктор Антонович, за мной!

Момент удобный – как раз было представление советской делегации хозяевам, то есть Маунтбеттену. Говорю:

– А это корреспондент Виктор Темин, специальный фотограф Сталина.

Англичанин приветливо кивает и приглашает Темина занять любое удобное ему место. И надо было видеть физиономии западных журналюг в задних рядах! Ну так не вы ли говорили, что проблемы негров шерифа не волнуют?

Стол, покрытый бархатом. И на нем сам документ в кожаной папке, размером с хороший альбом. Подошли, подписали. Сигэмицу выглядел ну совершенно инородно, во фраке и цилиндре, как плакатный буржуй – среди военных мундиров. Затем японцев назад на берег отправили, а тут еще было продолжение – вручение наград победителям, из числа союзников. Вот никогда не думал, что стану американские ордена носить! «Легион почета», учрежден по образу и подобию французского в сорок втором, по статуту вручается военнослужащим армии США (генералам и старшим офицерам, в исключительных случаях чинам помладше), а также дружественных государств (разница в том, что своим лишь одна степень, «легионер», а иностранцам, в зависимости от ранга, аж четыре – еще сверху добавляются «главнокомандующий», «командор», «офицер»), за исключительные военные заслуги, а также достижения в чрезвычайной обстановке. Мне – «офицерская» степень, пятиконечный крест с

розеткой на ленте, вручал сам Честер Нимиц (еще адмирал, а не атомный авианосец, в сорок пятом году главком ВМС США, а в прошлом отец-основатель американского подплава). От англичан «Баню» – как маршалу Жукову, в обеих исторических реальностях. И от французов – «Почетный Легион». Жмоты – у них, оказывается, за собственно орденский знак, как и официальный диплом, что ты кавалер ордена, принято платить, так что простое награждение это лишь уведомление, что деньги принять готовы. Если только ты не военнослужащий Франции, тогда за тебя казна платит, как и должно быть по-людски. У нас, американцев и англичан честнее – раз наградили тебя, значит, наградили, получи все положенное. Ну и пес с вами – и без вашей висюльки похожу.

А это еще что? Китайский орден «Белое солнце на синем небе» из рук самого Чан Кай Ши? Ну разве что для коллекции – сколько еще гоминьдановскому Китаю существовать, у нас его еще на четыре года хватило. Вот интересно, чем слабее страна, тем роскошнее у нее награды. Слышал, что один из самых красивых орденов мира – персидский «Лев и Солнце», славный тем, что получить его мог любой, кто заплатит. И шах, не помню как его по имени, ввел этот закон после проигранной войны с Россией, когда Грибоедова убили, за что Персия лишилась прикаспийских земель (территория Азербайджана) и должна была заплатить огромную контрибуцию, после которой казна показала дно. Юмор же был в том, что большинство награжденных и пополнивших

персидский бюджет составили не просто иностранцы, а русские, причем часто даже не офицеры, не чиновники, не дворяне, а купцы – и щеголял какой-нибудь Тит Титыч из Саратова роскошной орденской звездой на красно-зеленой ленте.

Впрочем, персияне были не одиноки. В две тысячи десятом довелось мне встретиться с бывшим однокашником, подавшимся служить на флот независимой Украины. Так он всерьез говорил, что там у них ордена продаются – хочешь самолюбие потешить, плати и носи, хоть «Ярослава», хоть «Ольгу», хоть «за мужество» или «за услуги», хоть даже самый высший, «Свободу». Не знаю насколько это так, сам я все же на Самостийной не только не служил, но и не бывал. Но судя по тому факту, что самым первым кавалером «Свободы» (повторяю, высшей награды Украины!) стал король Швеции Карл Густав (интересно, за какие подвиги?), это очень похоже на правду³¹. Так что пусть и китайская цацка висит, после сниму.

От нас ордена вручал Василевский. Нимицу и Маунтбеттену «Победу» (заслужили!). Фрейзеру «Ушакова», а Макарту «Суворова» (что уже имело тонкий оттенок издевательства – с учетом реального боевого пути этого «величайшего американского полководца»). Обстановка была, как на светском рауте, англичане это умеют – как в нашей истории они

³¹ Соответствует истине. Орден Свободы за № 1 вручен в 2008 году королю Швеции. Это примерно как бы у нас, учредив в 1934 году звание Героя Советского Союза, первую Золотую Звезду вручили бы Фр. Д. Рузвельту или королю Георгу.

свой последний линкор «Вэнгард», после войны уже в строй вошедший, оборудовали как королевскую яхту. И ходил он с королевской семьей на борту, в сорок седьмом вокруг Африки, в следующем году в Австралию и Новую Зеландию (у Сан Саныча на компе фотки сохранились из журналов, а Елизавета тогда вполне ничего была, еще не королева, а наследная принцесса). Так и сейчас – погода хорошая, места на палубе много, столы вынесли, вестовые с подносами бегают, как официанты – не застолье, а раут, когда публика свободно перемещается и беседует. Лично я чувствовал себя неловко, из-за плохого владения языком – и в прошлой жизни в веке двадцать первом я в английском не силен был, ну а тут у меня по определению встреч с иностранцами не было. Хорошо, лейтенант Стругацкий, будущее светило фантастики, а пока всего лишь щегол-переводчик, рядом. Не знаю, каким он будет японистом, но английским владеет вполне на уровне, причем с военной спецификой.

А после награждения удостоился я разговора с еще одной знаменитостью. Спроси любого американца, кто самый лучший подводник в мире – ответ будет – конечно же вице-адмирал Чарльз Локвуд, командующий подводными силами США. Пока еще не написавший свою книгу «Топи их всех» (в нашем переводе – «Морские дьяволы»), и из-за затягивания войны на Тихом океане не присутствовавший на Штутгартском процессе, как в Нюрнберге нашей истории, где он Деница от петли спас. Там британцы имели искрен-

нее желание отправить gross-адмирала на эшафот, и СССР вроде ничего против не имел, но встал тогда Локвуд и заявил, что потопление невооруженных гражданских судов и расстрел спасающихся в шлюпках экипажей это норма морской войны, и что его, Локвуда, подчиненные на Тихом океане поступали с японцами точно так же, имея на то им собственноручно подписанный приказ, который можно в архиве найти, так что, выходит, «я тоже военный преступник»? И там Дениц отделался тюрьмой – ну а в нашей истории, скорее всего, получит виселицу, наравне с прочими! Любопытно, что если немецкие подводники своего gross-адмирала неофициально звали «папой», то американские своего командующего – «дядей», оба пользовались у своих людей огромным уважением и авторитетом. В иной истории Локвуд ушел в отставку в сорок седьмом, как и Нимиц, и умер, кажется, в один с ним год, в середине шестидесятых. Вроде бы в ярой антисоветчине ни тот ни другой не отметились, но оба убежденные консерваторы, американские патриоты.

– Давно искал ответ, кто же вы, мистер Лазарев? Командир корабля, словно вынырнувшего из ниоткуда среди Норвежского моря, летом сорок второго. Корабля, который, по авторитетному утверждению наших экспертов, не мог быть построен ни на одной верфи мира, – рядом с которым любая субмарина все равно что паровой фрегат Семмса перед линкором «Нью Джерси». Что важнее всего для подводника – свежий воздух и скорость! И мне чисто профессионально

было бы интересно узнать, как вы решили эту проблему.

– Обратитесь к советскому правительству, – отвечаю я таким же полушутливым тоном, – если оно разрешит, я с удовольствием покажу вам мою К-25.

– Было бы неплохо, – замечает Локвуд, – надеюсь, вы и ваше правительство понимают, что любое техническое усовершенствование перенимается очень быстро. Да, в эту войну ваша «Моржиха» не имела конкурентов. Как в нашу войну за свободу негров, «Монитор» сделал устаревшим весь прежний военный флот – и что же, очень быстро броненосцы стали основой военно-морской мощи всех держав. И согласитесь, что в ближайшем будущем вряд ли возможна война между нашими странами, тем более морская. Мы, американцы, пока еще ни разу не воевали с Россией – и помним, как вы поддержали нас в той давней войне, прислав свои крейсерские эскадры.

– К сожалению, воевали, – отвечаю я, – север России, девятнадцатый год. Американские войска в Архангельске – и концлагерь на острове Мудьюг для русских, охраняемый вашими и британскими солдатами.

– Мне искренне жаль, что тот инцидент имел место, – говорит Локвуд, – но вы должны понимать, что мы, солдаты, лишь исполняем приказы политиков. В этой войне мы сражались вместе против общего врага. И мне очень не хотелось бы представлять, как лет через двадцать-тридцать – вы не находите, что мировые войны случаются именно с таким ин-

тервалом, достаточным, чтобы выросло поколение, не испытавшее ужасов прошлой войны? – теперь уже Россия и Америка сходятся в битве. Хотя не скрою, мне было бы любопытно, как изменится военно-морская тактика? До прошлой Великой войны сражения на море были «двумерными», в привязке исключительно к поверхности, развитие авиации добавило к плоскости верхнюю полусферу, теперь полноценно добавится и полусфера нижняя. Хотя думаю, что надводный флот не исчезнет, подобно парусным фрегатам – ведь даже такие сверхсубмарины не могут нести авиацию в значимых количествах, максимум – звено разведчиков. Не могут высаживать десант, да и защитник собственных морских перевозок из них плохой, без обеспечения ПВО. Но резкое изменение дальности действия торпедного орудия, ставшего равным, а то и превосходящим дальность артиллерии, это действительно прорыв, что ваша «Моржиха» блестяще показала в бою у Тулона: стрелять торпедами из-под прикрытия своих артиллерийских кораблей, не дающих работать вражеским противолодочникам! Пожалуй, вам удалось создать первую по-настоящему эскадренную подлодку – могу поздравить русских конструкторов.

– Мистер Локвуд, а с чего вы взяли, что через двадцать лет будет еще одна война? – спрашиваю я. – По поводу войны этой можно вспомнить слова маршала Фоша, сказанные при подписании Версальского договора в девятнадцатом, «это не мир, а перемирие на двадцать лет», и ведь даже срок угадал!

Слишком унижена и обижена была Германия, так что не стоило и гадать, предполагая – немцы с этим не смирятся. А где вы видите сейчас подобные обиды?

– Я солдат, а не политик, – говорит Локвуд, – но слышал разговоры в кулуарах власти. Что кое-кто у нас считает, что вы, русские, получили кусок не по праву, в результате этой войны. Забрали себе больше половины Европы, о том больше болит голова у наших британских «кузенов» – даже смешно, всегда Англия получала выгоду от войны, даже когда сама непосредственно не участвовала, и вдруг такая катастрофа, два раза подряд! Однако думаю, что не раскрою секрета, что в Вашингтоне крайне негативно отнеслись к вашим успехам здесь, на Тихом океане! Простите, но мы считали эту войну своей, кровь Перл-Харбора взывала к мщению. И вдруг нам приходится обойтись с Японией недопустимо мягко – лишь затем, чтобы не допускать распространения в ней коммунизма. А Китай, который традиционно был нашей сферой влияния и крупнейшим рынком сбыта? Что вы ответите маршалу Чан Кай Ши, если он сейчас подойдет и спросит, когда русские уберут свои войска из Пекина, если военной необходимости в том уже нет? Или вы собираетесь коммунистических инсургентов поддержать? Простите, но это будет принято всеми державами крайне негативно! Мы, американцы, любим честную игру – по правилам, подобным тем, что были установлены на Вашингтонской конференции двадцать второго года!

Вспоминаю историю – у нас, военных моряков, слова «Вашингтон 1922» прежде всего ассоциируются с ограничением на военные флоты. А вообще-то это была конференция, созванная на предмет, «что будем делать с Китаем, и вообще с дальневосточным регионом». Поскольку прежде Китай окучивали на пару англичане и японцы, а всем прочим это жутко не нравилось. И ведь договорились же – англо-японский союз расторгается, а на территории Китая все девять стран-участников – США, Англия, Франция, Италия, Бельгия, Голландия, Португалия, Япония и сам Китай – «имеют равные права касаясь торговли и предпринимательства», без раздела на сферы влияния, а полная политика «открытых дверей» по всей китайской территории, на которой, если кто не понял, сам Китай имел равные права со всеми прочими заезжими, ну а Советской России там не было вообще! Учитывая же размер свободного капитала и товарной массы – ясно, на что рассчитывают американцы, предлагая сейчас, как и тогда, «честную и равную игру». Вот только хрен вам, а не рынок – тогда обломилось, что Китай влез в затяжную смуту, где в каждом уезде свой диктатор, какая уж тут экономика! – и сейчас тоже гражданская война будет, уж мы-то историю знаем. Ведь очевидно же, что любое соглашение между Чан Кай Ши и Мао это не мир, а временное перемирие – не договорятся они никогда! Также крайне сомнительно, что даже если Мао захочет лечь под США (к чему он и в нашей истории склонялся), то в Вашингтоне никогда не сде-

лают на него единственную ставку, отбросив Чан Кай Ши! И что именно будущий тайваньский правитель сейчас упрощает СССР не уходить из Пекина, Маньчжурии, Внутренней Монголии – не желая, чтобы эти территории с построенной японцами промышленностью достались коммунистам. Вот только какой предлог мы после придумаем, чтобы и гоминьдановцев туда не пускать? Так что предвижу, что в Китае еще грядет «эпоха перемен», надеюсь, не как у Льва Гумилева, когда вымирало и вырезалось от половины до трех четвертей китайского населения? Но тут, я надеюсь, товарищ Сталин, информацией обладая, все правильно решит?

– ...но это в компетенции политиков, – продолжает Локвуд, – я бы хотел поговорить о другом. Можете считать это «полуофициальным» предложением американских деловых кругов. Вы не находите, что русская мечта и американская деловая хватка очень хорошо могли бы дополнить друг друга? С учетом ущерба, нанесенного войной русским центрам кораблестроения, и необходимости больших затрат на восстановление прочего разрушенного войной – как бы ваше правительство отнеслось к строительству подводных линкоров типа «Моржиха» на американских верфях?

– Примерно так же, как если бы вы заказали ваши «монтаны» и «эссексы» строить нам, в Ленинграде, – отвечаю я, – простите, вы это серьезно?

Локвуд вдруг ухмыляется, очень неприятно.

– Мистер Лазарев, вы не читаете фантастику? Я вот раз-

влекаюсь иногда – например, последний роман Дока Смита, про лорда Тедрика и кровавый Сарпедион. Как там пытаются изменить историю, вмешиваясь в прошлое. И кое-кто у нас всерьез считает, что раз ваш корабль никак не мог быть построен в СССР, то возможно, он был прислан из иного времени.

И смотрит внимательно – ждет, что я отвечу.

– Вы считаете, что мы изобрели машину времени? – говорю я. – Или имеет место некий природный феномен? Второе, правда, следует однозначно отнести к области фантазии: если бы такое было возможно, то за историческое время были бы отмечены и задокументированы иные подобные случаи, чего в реальности нет. А фантастикой я не увлекаюсь – нахожу, что жизнь бывает куда интереснее. Хотя Беляева и Адамова почитываю изредка.

Только не переигрывать! Как бы отнесся выходец из этого времени, если бы его огорошили столь идиотским, на его взгляд, предположением? Наверное, мысленно покрутил бы пальцем у виска – про себя посмеявшись над собеседником, если протокол не позволял сделать это открыто. И в любом случае не воспринял бы это всерьез. Нет у них ничего конкретного, они на мою реакцию хотят взглянуть? Так получите!

– Если это всего лишь открытие советских ученых, то при общем научно-техническом прогрессе оно неизбежно будет сделано и в других странах, в том числе и у нас. Но воз-

можен вариант, что «машина времени» на той стороне, не здесь. Предположим – подчеркиваю, предположим! – что перемещение во времени существует. Очевидно, что каждый такой случай должен быть весьма дорогостоящим – имея некоторый опыт общения с нашими умниками, я представляю, сколько стоит подобная программа, это намного больше возможностей даже крупной корпорации, не говоря уже о частном лице, под силу лишь государству. Но тогда и целью должно быть не простое любопытство яйцеголовых умников, а конкретный национальный интерес. Посланцы в прошлое должны идти с четко поставленным заданием, рассчитанным планом действий – изменить историю в угоду своей стране. А теперь главный вопрос, мистер Лазарев, – как, по-вашему, должно отнестись мировое сообщество даже к одному подозрению, что Советский Союз ведет такую игру, не пригласив за стол прочие заинтересованные стороны? Вы желаете новой большой войны, на этот раз между СССР и всем остальным цивилизованным миром? Даже если научная и технологическая помощь из будущего существует – вы окажетесь в положении «янки из Коннектикута», Марка Твена, чем там все завершилось, помните? Потому, чтобы развеять подозрения, вам лучше предоставить нам самые подробные и убедительные доказательства земного и современного происхождения вашего корабля, объяснив все противоречия. Вам смешно?!

– Я просто представил, как бы это выглядело, – отвечаю

я, — едва завершив эту войну, Соединенные Штаты жаждут напасть на вчерашнего союзника, потому что вашу верхушку, банкиров с Уолл-Стрита, заела жаба по поводу дележа плодов победы. Вы же не думаете, что ваш собственный электорат, уставший от всемирной войны, поверит сказкам про машину времени? У нас, русских, говорят, «какая работа, такая и награда». Вы сами не захотели открыть Второй фронт, когда мы вас просили — высадились во Франции, когда мы уже штурмовали Берлин, а теперь нам предъявляете претензии, что вам в Европе мало досталось? А здесь, на Тихом океане, прыгали от пальмы к пальме, целым флотом штурмуя островки, какие и не на всякой карте найдешь — и возмущаетесь, когда нам хватило месяца, чтобы поставить японцев на колени, ну как же так, вы-то с ними воевали три года? Теперь же Китай хотите поделить, как в двадцать втором, снова нас забыв пригласить? Так простите, нам разрушенное восстанавливать надо — и миллионы голов дешевой рабочей силы будут очень кстати. Вам не нравится мифическая машина времени, якобы находящаяся у нас в кармане? А нам еще больше не нравится, что кто-то хочет установить свои порядки в сопредельном с нами Китае, даже не интересуясь, чего хотим мы.

— Если не секрет, мистер Лазарев, за что вы так не любите Америку? Если вы или ваши родные действительно пострадали от американских или британских войск во время вашей смуты двадцать лет назад, то правительство США го-

тово предоставить вам компенсацию. А также и убежище на тот случай, если ваш Сталин решит, что сбросить вас со счетов выйдет дешевле, чем ссориться со всем миром.

– Помните, что сказал Чкалов, прилетев в Америку восемь лет назад, когда его спросили, богат ли он? – отвечаю я. – Он сказал: я очень богат, у меня двести миллионов. Не долларов, а советских людей, которые служат ему, так же как он сам служит им. И если мы отвечаем за все свои поступки перед товарищем Сталиным, партией и советским народом, то никогда своих на чужой суд не выдаем. Чего бы нам это ни стоило. Вам, американцам, как нации эмигрантов, сложно понять принцип, что Отечество не выбирают. У вас есть еще что-то мне сказать?

О, тяжелая артиллерия подтягивается – Нимиц подошел. Как раз ко времени, чтоб дослушать мой ответ. И произнес внушительно:

– Мистер Лазарев, прошу передать это вашему правительству – можете считать это официальной позицией США. Мы категорически настаиваем, что любые «иновременные» контакты должны быть достоянием не отдельной страны, а всего мирового сообщества, которому должна быть предоставлена полностью информация, если подобные контакты уже имели место. При всей фантастичности этого предположения, поверьте – мы не намерены шутить. До войны, может быть, и не дойдет, но мы, я имею в виду тех, кто правит Соединенными Штатами, этого никогда не забудем и не простим. Через ка-

кое-то время к вам поступит от нас очередной запрос на допуск людей из военной миссии США к вашей сверхсубмарине. От вашего ответа станет ясно, приняли вы наше предложение или нет. Да, мы не настаиваем на вынесении данного вопроса в ООН – достаточно двухстороннего соглашения.

Сказал – и как вынес приговор. И ведь бесполезно даже спрашивать, а как же «мировое сообщество», после того как сам только что предложил меж собой договориться, а всех прочих за скобки? Ответит – Америка призвана Богом править миром, а вы будьте благодарны, что вас всего лишь просят поделиться, а не все отдать – во времена Борьки-козла был бы просто ультиматум – все ваше будет наше, и вы еще заплатите за то, что незаконно пользовались прежде. Вот только разница большая – что сталинский СССР, а не ельцинская Федерация. Да, беднее мы были в сорок пятом, в сравнении с двухтысячными, – но думаю, что с импортозамещением было куда лучше? А друзьями нам заокеанская элита не была и не будет никогда, как бы перед ней ни расстилались. Сейчас угрожать они будут, но воевать против нас реально – расклад совершенно не тот!

– И последнее, мистер Лазарев, – снова вступает Локвуд, – англичане считают, что это были вы.

На фотографии – некто в немецкой морской форме, на мостике субмарины. Физиономия – при очень большом желании можно найти со мной некоторое сходство. На обороте подпись – фрегаттен-капитан Харалд Гроссе, командир

U-53. Числится погибшим в Атлантике в 1940 году.

– Шесть потопленных судов. Англичане по отношению к этому очень щепетильны. И все же не было английско-го разведчика-нелегала, который в личине немца убивал ваших людей. Я не буду спрашивать, вы это или нет, а лишь предупреждаю, что в британском Адмиралтействе намерены предъявить вашей стране и этот счет. Может быть, и не докажут, но и вашей стране, и вам персонально нужен еще один скандал? Тем более, я слышал, эту деталь вашей «полуофициальной» биографии даже в СССР не опровергают?

– У вас, американцев, да и у англичан тоже, есть правило: существует лишь то, что юридически доказано, – отвечаю я, – и кто-то сможет безупречно доказать, что этот и я одно лицо? Касаясь же моей биографии – вас не обидит, если я скажу, что разгласить ее я могу лишь по особому дозволению, в чем подписанные обязательства давал?

– А вам не говорили, что есть еще одно правило: то, что известно большим заинтересованным людям, не нуждается в обосновании законников? – усмехнулся Нимиц. – В общем, вам все сказано. Больше не смею отнимать вашего времени, мистер Лазарев. Честь имею!

Уходят. Два адмирала и переводчик, почти не участвовавший в процессе – Стругацкий хорошо справлялся. А переводчик-то был непростой – во-первых, взгляд цепкий, как у спецур, и больше не на своего шефа смотрел, а на меня. Во-вторых, даже кэптен (по-нашему – кап-1) в присутствии са-

мого главкома должен держаться иначе, американцы, конечно, не немцы, мне Зозуля рассказывал, как их Хэллси с чинами своего штаба общался совершенно по-простому, – но не настолько же у них демократизм, чтобы этот «адъютант», как мне показалось, с адмиралами себя чувствовал наравне?

– Тащ контр-адмирал, а переводчик у них переодетый, – тихо говорит мне Стругацкий, – мундир и погоны флотские, но явно сухопутный. Когда говорил, то жаргон у него был армейский, а не морской, – я во Владивостоке с ними, из американской военной миссии, разговаривал, знаю.

Чин из их разведки? Флотских разведчиков не учитываем, любое лицо оттуда главкому подчинено по определению, армейцев тоже – США, конечно, не Япония, но нечего было бы делать сухопутному в такой компании, да еще во флотском мундире. А вот человек из Вашингтона, из центрального аппарата УСС, предтечи ЦРУ – вполне может быть! Помню, как наш персональный опекун, «жандарм» Кириллов, старший майор ГБ, на Северном флоте с самим Головко держался на равных, имея в кармане мандат с подписью «И. Ст.». Так и этот – вот будет мне забота после в разведотделе эту личность описывать, фотки смотреть (кто там уже на карандаше), а если не найдут, художник по моим словам портрет нарисует, что за тип засветился в серьезных делах?

А впрочем, можно и проще! Вижу Темина, подхожу и ставлю ему задачу. Найти этого типа, описание прилагается, где-нибудь рядом с Нимицем ищи – и делай что хошь, чтобы

его морду на пленке увековечить! Может, и повезет.

Когда мы на «Диксон» вернулись, беру в оборот Стругацкого. Вопрос первый, отчего он решил, что тот мутный тип не моряк?

– Так по мелочи, тащ контр-адмирал! Про речь его сказал – а еще видел его еще прежде, перед подписанием. Он по трапу задом спускался, а я уже заметил, что моряки так не делают никогда. И на корабле явно был не в своей тарелке – оглядывался, у людей из команды спрашивал что-то, дважды только у меня на виду.

Наблюдательный, однако. Второй вопрос – что по самому разговору необычного заметил? Промолчу, что этому меня мой мурманский приятель научил, с которым когда-то в одной каюте обитали, а после я на командирство, он в бизнес, однако связи не теряли, в гости я заходил, как в Мурманске оказывался. Так он говорил, что на важные переговоры с собой особого человека берет с задачей со стороны смотреть и о всяких замеченных странностях после доложить. Был у него на этой должности дипломированный психолог, – ну а у меня лишь будущий гений литературы, так, может, и он что увидел?

– Мне вообще показалось, что тот, третий, главным был. По крайней мере, не ниже их адмирала. Уж больно уверенно себя вел, совершенно не боясь ничего.

А ведь верно! Как бы у нас чувствовал себя даже полкан в компании Жукова и Рокоссовского? Но ведь Нимиц в аме-

риканской пирамиде власти тоже лицо не последнее, это кто же ему мог быть ему равен по чину – директор ЦРУ, вернее УСС – как называется пока эта контора? Или, что более вероятно, чье-то доверенное лицо, «контролер»? Ладно, передам информацию в разведотдел, пусть там разбираются!

Стругацкий наконец решился:

– Тащ контр-адмирал, разрешите обратиться? А что, К-25 и в самом деле из будущего? Я от приятеля, на СФ служившего, такое слышал!

– Вы в Бога верите, лейтенант Стругацкий? – отвечаю я. – А также в перпетуум мобиле и прочие машины времени? Когда и если станешь фантастику писать, подумай: вот провалишься ты в прошлое, что-то там изменишь, и в итоге будущее станет другим, и ты сам, возможно, не родишься. Как вот не помню, какой мудрец сказал, «в одну реку нельзя войти дважды» – истина, я тебе скажу, над этим подумай. Вот представь, плывешь ты по течению, из прошлого в будущее. И удалось тебе как-то из лодки выскочить и назад переместиться. И что будет, если ты что-то там поменяешь, это же выйдет, что река отворот сделает, и тебя самого там, в будущем, уже не станет. Парадокс выходит, по логике? Из чего следует, что машина времени невозможна.

Слышу тонкий смешок на грани подсознания. Рогатый, пшел вон! В Москву вернусь, так точно в госпиталь схожу, чтобы тебя изгнать, – ты мое воображение, не существуешь!

18 июня 1945 года, вечером.

Линкор «Миссури», Токийский залив

Рекламу изобрели не в США? Зато там она достигла художественного совершенства!

Как, например, показать всему миру сильнейший боевой корабль, равного которому нет (и долго еще не будет) ни в одном флоте мира. И что с того, что «Монтана» (в иной реальности так и оставшаяся в проекте) на момент подписания японской капитуляции была еще не готова идти в бой? Сражений уже не предполагалось – зато выглядел линкор чрезвычайно грозно, как раз чтобы впечатлить всех, что отныне в мире вовсе не Британия владычица морей!

Оборотной же стороной поспешного выхода корабля в море была неготовность не только системы управления огнем и радаров, но и отделки адмиральских помещений. Потому командование и штаб эскадры ВМС США расположились не на ней, а на «Миссури». И никого не удивляло, что после столь важной процедуры высшее начальство поспешило уединиться, без сомнения, обсуждая государственные дела.

– Джек, я хотел бы получить объяснения, – сказал Ни-
миц, – это было обязательно, чтобы я и Чарльз играли роль статистов в вашем спектакле? Честное слово – повторяя ваш текст, я чувствовал себя шутом в ваших шпионских играх!

– Честер, вы думаете, этот русский стал бы разговаривать с кем-то ниже рангом? – ответил тот, кто на процессе изображал «адъютанта». – Что до «игр», так работа наша при-

личная, мирная, аналитическая, никакого отношения к героям плаща и кинжала не имеет, разве что добытое ими в общую картину укладывает – так если честно сказать, девяносто процентов того, с чем мы работаем из открытых источников добыто.

– Вы и впрямь верите в русскую «машину времени»? Я думал, такие как вы – эталон здравосмыслия и холодного ума. Где все сверхъестественное исключается из рассмотрения изначально.

– Это так. Но когда все – подчеркиваю, абсолютно все «здравые» версии исчерпались, вдруг оказывается, что безумная идея тоже в дело годна. Сначала прикинуть, «а вдруг», а затем оказывается, что как раз она все очень даже логично объясняет. Остается малое – убедить в этом тех, перед кем мне отчитываться о результате. Хотя если наш президент поверил, не постеснявшись русского Вождя наедине о том спросить...

– Вы и на той встрече наедине были, и тоже «переводчиком»?

– Нет. Хотя в состав нашей делегации входил. Работа у нас такая – все знать. Ведь это будет проблемой – если что-то возникнет, а мы не готовы дать ответ. Если вы, Честер, проиграте сражение – вас не разжалуют и не выпрут в отставку. Особенно если найдутся объективные причины – враг был сильнее, или «у меня пороха не было», как сказал Наполеону кто-то из его генералов. А у меня таких «объективных при-

чин» нет по определению, мне ошибаться нельзя.

– А если все же ошибетесь? У нас за это не расстреливают, как Сталин – тех, кто не оправдал его доверия и ожиданий.

– Честер, как вы думаете, сколько сейчас стоит мое слово – того, кто прежде не ошибся ни разу? Когда Акела промахивается, его рвут всей стаей. Это я к тому, что в «шутковском спектакле» моя ставка гораздо выше вашей – в банке на столе весь мой капитал. И игра еще не кончена – мне еще доклад делать.

– Боюсь даже предположить, перед кем. Хотя если наш Фрэнки верит... Но все равно – я бы не решился сказать такое серьезным людям.

– Что ж, Честер, даже ваше неверие может мне помочь. Вас не затруднит побыть для меня «адвокатом дьявола»?

– «Этого не может быть, просто потому что не может». Какие еще аргументы вы приведете?

– Начну с личности этого русского, Лазарева, ради которого и был затеян спектакль, в котором участвовали вы и Чарльз. При том, что я собирал информацию об Объекте, прочтя все, что прислали из наших военных миссий во Владивостоке и Петропавловске, а также все, что нам прежде было известно из иных источников. Скажите, Честер, что вам бросилось в глаза в этом человеке?

– Его поведение. Здесь собрался цвет морской мощи великих держав – и даже «кузены» смотрели с завистью и восхищением на нашу «Монтану», шестьдесят тысяч тонн, две-

надцать 16-дюймовых пушек, в Королевском Флоте нет и не предвидится ничего подобного! А Лазарев – он должен быть профессионалом, раз очень хорошо справился с командованием русской Тихоокеанской эскадрой, но мне показалось, для него не было разницы, «Монтана» или туземная пирога. Как доктор Ливингстон в Африке, на смотре флотилии туземного царька, которую любой европейский фрегат размещает одним бортовым залпом. Даже обидно.

– Что еще больше усугубляется фактом, что Лазарев не парадный, а боевой адмирал. Военные мирного времени, как и чиновники, всегда в своих поступках руководствуются, «а как это будет выглядеть», «а чем оправдаться при возможном провале», «а нельзя ли обосновать, как этого не делать». А Лазарев, насколько нам известно, всегда действовал, нацеливаясь лишь на конечный конкретный результат – так ведут себя лишь деловые люди, имеющие собственный бизнес (случай явно не наш), и фронтовики, с реальным боевым опытом, постоянно ходящие под смертью и привыкшие, что «победителя не судят». Он не думает даже об идеологической чистоте – вам это незнакомо, Честер, но у советских военных (и не только у них) славить не к месту своих вождей и коммунистическую идею является столь же привычным и обязательным, как упоминание Бога для доброго пуританина. Но не для Лазарева – больше того, есть информация, что он до совсем недавнего времени даже не состоял в большевистской партии! Американцу этого не понять, но я прошу

поверить, что беспартийный адмирал в СССР это столь же невероятно, как если бы римским папой избрали атеиста!

– Простите, Джек, в русском флоте есть те, кто были офицерами еще при царе. И даже принадлежали к классу дворянства. Например, Галлер, который сейчас занимает должность заместителя русского морского министра³² – если верить биографическому справочнику, в 1917-м был капитан первого ранга фон Галлер, награжденный царскими орденами. Или тот, вот забыл фамилию, кого сам Ленин произвел в адмиралы, и кто после в ГПУ служил?

– Фамилия у него была самая русская: Иванов³³. Однако замечу, что это как раз те исключения, которые подтверждают правило. «Бывшие» у Советов сейчас это исключительно те, кто своими особыми заслугами доказали свою лояльность большевикам – фигуры на виду и под строгим контролем. Очень редко им дозволено командовать единолично – гораздо чаще они лишь советники, специалисты при коммунисте-начальнике. И ведут себя чрезвычайно осторожно, зная, что за возможную ошибку отвечать придется в первую очередь им, и по всей строгости закона.

– Ну, если Лазарев, как я слышал, в фаворе у русского

³² Л. М. Галлер, заместитель наркома ВМФ по кораблестроению и вооружению.

³³ Капитан 1-го ранга Модест Васильевич Иванов-седьмой, командир 2-й бригады крейсеров Балтфлота, был произведен в контр-адмиралы приказом Ленина, 21 ноября 1917 года, еще до упразднения старых воинских званий, став первым советским адмиралом. После был одним из организаторов морской пограничной охраны СССР. Умер в 1942 году, в блокадном Ленинграде.

Вождя? И получил от него карт-бланш на любые действия? Тогда ему и нечего бояться!

– Честер, вы привыкли к нашей демократии. В тоталитарном обществе благосклонность диктатора это вещь очень переменная! Сколько фаворитов Сталина закончили свою жизнь на Лубянке? Но Лазарев совершенно не похож на глупца, не понимающего этого, – значит, он либо твердо уверен в своей необходимости мистеру Сталину на долгие, очень долгие годы... либо за ним стоит еще и некая сила, спорить с которой не смеет даже красный Вождь.

– Например, «командование флотом коммунистического Марса»? Припоминаю, что ходили и такие бредни...

– Все, с кем общался Лазарев, однозначно характеризовали его как русского. Подчеркиваю, не как «землянина вообще», а именно русского, отличая от иных наций. Причем не единожды отмечали некую «странность», но не могли четко сформулировать, какую. Его русский язык безупречно правильный, без малейшего акцента, но что любопытно, отдельные слова могут иметь иной смысл или оттенок, чем общепринятый. Или, что чрезвычайно интересно, распознаются как «американизмы», при том что Лазарев английским языком владеет очень слабо. А немецким, и это установлено точно, не владеет совсем, что категорически исключает как полуофициальную советскую версию о «агенте ГПУ в кriegсмарине», так и вообще длительное проживание вне пределов СССР. Вы верите, что профессиональный моряк не говорил

бы по-английски?³⁴

– Притворяется, играет. Плох тот разведчик, кто не может быть актером.

– А «американизмы» в своей речи пропустил? Не буду утомлять вас подробностями, но один из моих помощников, оценивая речь Лазарева, с высокой вероятностью определил как «язык человека из некоей замкнутой общности, безусловно русскоязычной, но испытавшей заметное американское культурное влияние».

– Прямо роман Жюль Верна – про пятьсот миллионов чего-то? Вот только слабо верится, что такое возможно в Америке.

– Однако, Честер, и эта версия была отработана со всем тщанием. В американской глубинке встречаются, знаете, самые разные оригиналы, иные из них так сектами и живут. Вот только уклад у них обычно самый патриархальный, стремления к научному прогрессу не замечено – и обитают, как правило, от моря вдаль. А Лазарев на парня из деревни ну совершенно не похож! Скорее уж не просто на моряка, но на такого, для кого и «Монтана» с «Нью Джерси» это вчерашний день. А его даже не только ненависть, но и презрение к нам чем объясняются?

– Положим, вел себя он в рамках приличия, никаких враждебных выпадов не позволял. Или вы умеете мысли читать?

³⁴ Тогда, как и сейчас, английский был «международным морским языком».

– Мимика, жесты, поза. Вот вы, Честер, сейчас сцепили руки перед собой, что говорит о вашем недоверии. Ну а когда ваш собеседник как бы случайно трогает свой нос или подбородок после сказанного слова (жест сродни тому, как дети, соврав, поспешно закрывают ладошкой рот), это свидетельствует о сказанной лжи. А поза с руками, заложенными назад (грудь открыта), может встречаться у хозяев территории – как, например, у директора, инспектирующего свою фирму, или полисмена, обходящего свой участок. Поверьте, что существует множество таких вот мелочей – если интересно, книжку могу посоветовать³⁵. И я очень внимательно наблюдал за Лазаревым – как до того сотни раз за своими собеседниками, в самых разных обстоятельствах. И формулировка «презрение», применительно к его отношению к нам, это еще очень мягко звучит.

– А как же – жестко?

– Что мы все – покойники, которых уже списали. Я не шушу, Честер, именно такой взгляд, как у Лазарева, я видел однажды у парня, который точно знал, что его оппонент скоро будет мертв – позвольте мне не уточнять, где, когда и при каких обстоятельствах это было. Он не испытывает перед нами и нашими нациями никакого пиетета – потому что считает уже проигравшими. А раз мы пока еще не проиграли, то какие выводы? И повторю вопрос, за что он ненавидит нас больше, чем немцев, – и это после того, что нацисты делали

³⁵ Из современных Алан Пиз «Язык жестов».

в России? Ну какие у него к нам могут быть личные счета – не к отдельным личным врагам, а к американской нации в целом?

– Я слышал, что это тянется еще с событий на севере России в их Гражданскую. Лагерь на острове Мудьюг, где с заподозренными в большевизме обращались примерно как нацисты в Дахау?

– Правдоподобно, на первый взгляд. Лазарев говорил, что родился в Ленинграде (не в Петербурге, не в Петрограде, что любопытно). Это позволяет предположить, что его возраст моложе, чем значится в документах, – да и на вид ему вполне может быть меньше сорока, даже тридцать пять. Тогда он покинул город своего рождения еще малолетним, и прежнее название еще не врезалось в память. Также существенно, что он прежде никогда не был и не служил на Дальнем Востоке – природные условия здесь не были ему знакомы, в этом также сходятся несколько свидетельств. Но тогда он мог пересечься в те годы с американцами только на севере, ведь наши войска тогда высаживались лишь в Архангельске и Владивостоке. Показательно также, что нет никакой информации о его родителях, а сам он никогда о них не упоминает. Сын большевистского функционера (неважно, офицера или пролетария), погибшего в Мудьюге, сам чудом оставшийся в живых?

– Джек, окажись я на месте Лазарева, я бы тоже люто, на всю жизнь ненавидел нас и британцев. И очень хотел бы ото-

мстить.

— Но вот дальше начинаются нестыковки. Чтобы получить свой теперешний чин, наш герой должен был начать морскую карьеру примерно в то же время. И как раз тогда большевики объявили: «комсомол — на флот» — из тех парней, первых наборов, вышли многие из тех, кто командуют сейчас. Но никто из них не узнал Лазарева — все сходится, что его личность абсолютно неизвестна в Красном Флоте, не нашлось ни единого человека, кто бы тогда с ним учился или служил, и никто даже не слышал про таких!

— Допустим, он сразу получил «предложение, от которого невозможно отказаться» — служить в ГПУ, затем в заграничной разведке, там и получил квалификацию подводника? А вы просто плохо искали.

— Допустим, — кивнул «адъютант», — но тогда непонятно незнание языков. Или вы поверите в возможность стать выдающимся подводником, служа во флоте какой-нибудь Аргентины или даже Испании? Зато эта безъязыкость легко находит объяснение, если предположить... Скажите, Честер, многие ли из офицеров ВМС США, включая даже лучших, самых умелых, говорят по-японски?

— Что вы хотите этим сказать?

— Пока — всего лишь отметить. И перейти к его кораблю. Который мог быть построен или в самом СССР, или вне его. Установлено достоверно, что русские никак, ни сами, ни с помощью немцев, не могли построить подводный линкор

водоизмещением, как теперь оказалось, не меньше двадцати тысяч тонн. Не было у них перед войной ни технологий, ни судостроительных мощностей – и что еще важнее, самого проекта. Машины линкорной мощности, не нуждающиеся в воздухе, вроде пока гипотетического «атомного котла» – при том, что сам факт распада атомного ядра открыт в декабре 1938 года, а за три оставшихся года на русской верфи строили обычную подлодку тип К, в десять раз меньшую, – а ведь речь идет о принципиально новом корабле, с машинной установкой, до того не применяемой нигде и никогда, опыт отсутствовал полностью! Допустим, что Гамов прав, и русские сделали открытие раньше и засекретили. Но даже тогда это не могло случиться прежде 1934 года, все равно слишком мало времени, чтобы все отработать! Сколько мы сами бьемся с «фтор-пентаборановым котлом», без результата, уже больше двух лет? А русские сумели пройти путь от идеи вчерне до удовлетворительно работающей машины за шесть-семь, и это в лучшем случае? Знаю, что на К-25 были аварии, возможно даже с жертвами, но ничего серьезного, судя по сохранению боеспособности корабля. Что также нереально для принципиально новой конструкции – сколько немцы мучились со своими высоконапорными котлами на эсминцах?

– Логично. Но где же тогда «вне СССР» могла быть построена «Моржиха»? Уж точно не на американских верфях! И не на немецких – я тоже читал протоколы допроса Дени-

ца. Как бы ни была засекречена программа советско-германского сотрудничества, которое могло быть весьма кратковременным, с периодом конец тридцать девятого по сороковой, но гросс-адмирал по своей должности обязан был что-то знать! Не на английских, это тоже проверено. А уж про итальянцев, французов, японцев – не смешите! Судя по техническому уровню и качеству постройки их обычных субмарин.

– Именно до этого дошел и я в своих рассуждениях. Когда «разумные» версии сжались в вероятности до размеров безумных, это значит, что последние обрели право на рассмотрение? Так разберем их все.

Первое. Магические действие, или помощь Высших сил, попросту Божественное вмешательство. Не зная психологии Господа, все же рискну предположить, что он следует принципу эффективности. Зачем Всемогущему, коль уж он решил вмешаться в земные дела, делать это столь странным способом, когда ему вполне возможно полностью уничтожить одну из воюющих сторон, наслав на нее хоть потоп, хоть землетрясение, хоть мор – да мало ли какие из казней египетских тут можно придумать? А если имела место магия – тогда непонятно, что же русские жрецы, из ничего сотворив объект в двадцать тысяч тонн, не сумели в дальнейшем слать на фронт тысячами столь же совершенные танки, самолеты?

Второе. Помощь от некой иной цивилизации, сосуществующей на Земле рядом с известными нам – наподобие ми-

фической страны Шангри-Ла, намного опередившей наши в развитии и от всех скрытой. Остается тогда вопрос, с чего бы они, никогда прежде не вмешивающиеся в наши войны, вдруг решились – и почему на стороне русских? И откуда тогда взялся экипаж – из русских, но «других»?

– Предположим, в Шангри-Ла образовалась русская колония, – сказал Нимиц, – припоминаю, что в России и раньше ходили легенды о мифической счастливой стране «Беловодье». После 1917 года число иммигрантов превысило критический предел – возможно даже, что вся эта акция всего лишь частная инициатива тех, кто не забыл еще о прежнем Отечестве?

– Предположим. Сходится даже время, когда в Беловодье или Шангри-Ла образовался русский анклав – не менее одного, но не более двух-трех поколений, так как в противных случаях языковое сходство было бы, соответственно, или более или менее заметным. Но тогда непонятно, а американцы там откуда взялись, в значимом количестве, раз сумели на язык повлиять? Второе – это никак не объясняет глубокого уважения вернувшихся «русских» к Сталину и Советскому Союзу – напомню, что они бежали туда в революцию, как раз от красного большевистского террора! Или ушли прежде, еще из царской России, и никак не могли проникнуться советскими идеями. А ненависть и презрение к американцам откуда – даже если Беловодье не было раем, и там между переселенцами была самая жесткая борьба, с чего бы Лазареву

распространять свои чувства к небольшой группе отщепенцев на всю американскую нацию в целом? И третье – анализ развития советских технологий до и после появления «Моржихи» указывает на отсутствие совершенно новых и неожиданных технологических решений, но в то же время после ее появления явно ускорились разработка и внедрение технологий советского же изобретения. Словно русские научились из всего разнообразия разработок сразу же находить самое удачное. Что больше похоже не на влияние иной развитой цивилизации, а на использование уже изученного своего же опыта. Но это уже другая версия, о которой скажу дальше.

Третий вариант – «инопланетный». По сути, практически ничем не отличается от второго, только иная цивилизация находится не на Земле, а вне ее. Однако все остальные противоречия остаются, и речь все равно должна идти о русских и американских анклавах на иной планете. Раз уже пришельцы – биологически однозначно земляне, с земными женщинами совместимы, дети рождаются самый обычные. Все возражения – аналогично предыдущему.

Четвертый вариант – «параллельный мир». Версия для меня самого малопонятная – родилась из объяснений одного знакомого мне «безумного гения», что в нашем пространстве может быть не три, а четыре, пять и даже больше измерений, и каждое «сечение» это свой мир, похожий на наш... даже если это так, то все подобно двум предыдущим вариантам.

И наконец пятый – наиболее интересный и логичный. Если иной мир лежит не в «нигде», а в «никогда».

– Простите, а в чем особенность этого варианта в сравнении с уже сказанным?

– Да в том, что Шангри-Ла или коммунистический Марс никак не связаны ни с русскими, ни с нами! А вот тут оказывается, что это – наше будущее. То, к которому мы придем. Скажите, Честер, что бы было, если бы в ту войну с испанцами в составе эскадры Серверы оказался «Нью Джерси»? И главный вопрос – отчего Лазарев (и по некоторым сведениям, не он один, но и многие из его команды) ненавидит нас больше, чем немцев?

– То есть, хотите сказать... В том будущем мы и русские воевали? Тогда «Моржиха» это серийный корабль уже Третьей мировой...

– Договаривайте, Честер, – судя по тому, что сюда пришла русская, а не американская подлодка, ту войну мы проиграли. Причем у тех русских счет к нам больше, чем у живущих сейчас, к немцам, и это после того, что творили наци в СССР! Могу представить, что сделали там, в будущем, наши потомки... причем это было еще и чем-то глубоко презираемым, совершенно не заслуживающим даже уважения. Русские, бесспорно, умеют воевать, но их мышление в чем-то еще остается в устарелых традициях прошлого века. Когда я в сорок четвертом был в Москве, то один их генерал сказал мне, что наши стратегические бомбардировки это военное

преступление, «истреблять мирное население, в том нет ни чести, ни воинского искусства».

– Может быть, мы все же выиграли ту войну? Или хотя бы остались при своих?

– Спросите о том у Лазарева. Его поведение хорошо объяснимо лишь при условии, что там мы проиграли даже без правки истории, без пришедшей сюда «Моржихи». Он не сомневается, что теперь мы проиграем с еще более разгромным счетом. Его личное к нам – а если у него семья погибла там, в будущем, при нашей бомбежке Москвы или Ленинграда? А сам он воевал не хуже, чем здесь какой-нибудь герой кригсмарине, топя в Атлантике наши корабли. Представили теперь, что за персону наш мир получил в гости? И этот человек, в совершенстве знакомый с военно-морским искусством уже следующей Великой войны (другого бы не прислали), по заверениям нашего атташе, имеет все шансы в будущем стать командующим всем флотом СССР. Я, конечно, боюсь ошибиться, как истинный патриот Америки, но если я прав, то... Честер, вы по-прежнему уверены в незыблемом превосходстве морской мощи США, и что оно останется таковым лет через десять?

– Хотите сказать, что вся Тихоокеанская кампания была для Лазарева всего лишь «командирской практикой» перед показательной поркой нас – лет через пятнадцать-двадцать? Или раньше?

– Пожалуй, что нет. Все-таки для новой мировой вой-

ны желательно, чтобы выросло поколение, не знавшее тягот войны этой. И в мире пока еще достаточно бесхозных территорий, французского, голландского, а очень скоро, я думаю, и английского наследства – есть куда расширять сферы влияния и рынки сбыта. А вот через двадцать лет... Если Лазареву сейчас около сорока, или даже меньше, то там он будет в самом возрасте и с опытом, для командующего флотом.

– Позволю все же возразить, Джек. А если нет никакой «машины времени»? А какой-то неизвестный природный феномен, в который попала подлодка, выйдя в обычный поход? Отсутствие зафиксированных прецедентов не доказывает ничего! Во-первых, мы ничего не знаем о частоте этого явления – возможно, века или даже тысячелетия. Во-вторых, место явления – что если по каким-то причинам оно возможно лишь в глубинах моря, и кто тогда мог отметить межвременную миграцию косяков сельди? С другой стороны, этот факт как раз косвенно подтверждается пойманной в 1938 году ископаемой рыбой целакантом, и единичными случаями встречи с неопознанными морскими чудовищами (динозаврами?), о которых имеются записи в вахтенных журналах кораблей. В-третьих, если ситуации, описанные пером Марка Твена, все-таки происходили даже в человеческом обществе, нет никаких гарантий, что факт получал огласку и был записан в заслуживающих доверия документах. Не говоря уже о том, что случайные путешественники во времени легко могли быть приняты за сумасшедших или колдунов, и даже, в

недавних европейских реалиях, закончить жизнь на костре.

– Честер, вы возражаете, значит, уже мне поверили? Что ж, отвечу по порядку. Вы согласны, что в таком случае феномен «окна во времени» не может быть слишком большим пространственно, и сколько-то длительно существовать в активном состоянии? Тогда какая вероятность, что подлодка окажется случайно строго в нужном месте в нужное время? Да, шансы ненулевые, но на порядки меньше, чем если это искусственный пробой. О случаях с «морскими змеями» знаю – вот только, к сожалению, достоверно о том можно будет сказать, лишь когда к нам попадет экземпляр. А поиск в архивах всяких непонятных случаев, связанных с появлением странных людей, уже ведется – пока ничего по нашей ситуации не обнаружено. И замечу, что если Советы волею случая нашли и используют природный межвременной канал, то это ничем для нас не отличается от варианта «машины времени». Ирония судьбы, что Сталин не лгал. Нашему Фрэнки надо было лишь по-иному поставить вопрос. У русских действительно нет здесь машины времени – она, скорее всего, на том конце канала. Просто потому, что существует общий научно-технический уровень – и мне слабо верится, что умники нашего века в состоянии раскрыть тайну времени. А вот умники века двадцать первого или двадцать второго – отчего бы нет?

– Дьявол. Джек, а ведь я даже могу сказать, как начнет-ся Третья мировая война. Вам не приходилось общаться с

Макартуром? Это ведь его идея «чистой и стремительной» войны – по крайней мере, он ее страстный адепт. Когда на страну, вызвавшую наше неудовольствие, посылается тысяча «сверхкрепостей», возможно даже без такой мелочи, как формальное объявление войны, – и вражеские города в первые же часы превращаются в сплошные Дрездены и Хиросимы. После чего, по идее, противник должен зам запросить капитуляции, и желательно в тот же день. Если Макартур, или такой, как он, там, в будущем, так поступил с русскими, – а они ведь не сдадутся, в эту войну показав, что умеют драться насмерть, вырывая победу из, казалось бы, безнадежного положения! И если с Японией, уступающей нам многократно, мы воевали почти четыре года, победив с помощью того же СССР, то что будет, если объявить войну, по сути, всей Евразии?

– Причем ситуация, возможно, еще хуже, – заметил «адъютант», – мы ничего не знаем ни о виде межвременной связи, ни о природе времени. Что если Док Смит угадал – и там, в будущем, отслеживают текущие изменения истории и непрерывно вносят коррективы? Это значит, что любые наши действия, даже записанные решения и планы, прочтенные там, через сколько-то лет, подвергаются анализу, на основании замеченных изменений окружающего мира – и рекомендации, как поступать, передаются уже сюда. И этот наш разговор уже виден потомкам – если вы, Честер, будете иметь неосторожность описать его в мемуарах. Мне страш-

но, если это действительно так.

– Позволю возразить! – ответил Нимиц. – А как же 22 июня? Это ведь было для Сталина как Перл-Харбор для нас – отчего же потомки не предупредили?

– Объяснений как минимум два. Во-первых, возможно, что межвременной канал заработал лишь в сорок втором, с появлением «Моржихи» или незадолго перед ней. Хотя Фрэнки думает, что эти связи завязались давно – но широко-масштабной помощи точно не было, мы бы заметили. Однако передача информации была возможна – о противниках мистера Сталина внутри страны, о существующих раскладах в мире были бы ценным вкладом в формирующееся сотрудничество между Сталиным и СССР из будущего, но тут нельзя ничего точно сказать. Во-вторых, что изменения временного потока имеют дискретность. Решение Гитлера напасть ведь тоже было спонтанным, авантюрой. На которую могли просто не успеть отреагировать, тогда. Зато, если я прав, то в русском морском штабе сейчас самым внимательным образом изучают уставы из будущего и опыт тех, еще не состоявшихся здесь сражений – конечно, для всех не посвященных это будет подано как «обобщение опыта этой войны». Будут избавляться от ненадежных – как летом прошлого года, когда Лазарев появился в Москве, в советском военно-морском командовании началась чистка: дело «группы Абанькина», которых обвинили во вредительстве и шпионаже! Абанькин, Алферов – те, кто были замечены в друже-

ских связях с нами и англичанами. И наконец, если я прав, то карьера Лазарева очень круто пойдет наверх.

– Дьявол! – сказал Нимиц. – Хорошенькую картину будущего вы нарисовали: американцы там разбиты или низведены до положения какого-нибудь Китая, и при том являются военными преступниками, подлецами и презираемыми неудачниками, что хуже всего! Отчего у нас не нашлось своего «инэдзиро»? Если бы те японские неумехи, в мае, были порасторопнее. Надо было устроить «несчастный случай» прямо там, на подписании – ведь не объявили бы Советы нам войну? Если, конечно, вы правы... Сегодня не день шуток – вы отвечаете за все сказанное здесь?

– Да, отвечаю, – кивнул «адъютант», – и повторяю, готов поставить весь свой авторитет. Причем мне хотелось бы ошибиться, чтобы все оказалось лишь моей паранойей. Но, как патриот Америки, я не могу позволить ей оказаться неготовой. Может быть, еще можно что-то изменить. Это будет война не за добычу, а за само выживание США, понимаете ли вы это? Если я прав, то мы не можем дать русским времени собраться с силами и переварить полученный опыт.

– Это будет трудно, – ответил Нимиц, – сейчас объявлять войну СССР? В Комитете Начальников Штабов прямо сказали, что в случае войны вопрос не в том, сумеют ли русские выйти к Гибралтару, а как быстро им это удастся, за две недели, или месяц максимум, судя по темпам, что они показали в Маньчжурии? Германия и Италия на этот раз однозначно вы-

ступят на стороне СССР, во Франции наличествует коммунистическая «пятая колонна», Испания явно склоняется туда же, Данию и Норвегию Советы захватят так же быстро, как немцы в сороковом, да и Англия вряд ли продержится долго. Конечно, океан остается нашим, но Россия, в отличие от Японии, не имеет жизненно важных для себя морских коммуникаций. А недавняя «Цусима наоборот» показала, что и на море русские очень опасные противники, по крайней мере, возле своих берегов. Промолчу уже о том, что после только что завершившейся войны наши финансы нуждаются в восстановлении, и что у нас будут очень большие проблемы с электоратом, если мы не сумеем внятно объяснить, отчего это американские парни должны снова идти умирать, сражаясь против бывшего союзника, – а ведь в новой войне гробов будет куда больше! Может быть, можно договориться с русскими по-хорошему?

– Как? – с усмешкой спросил «адъютант». – Вот вы бы поделились, на месте Сталина, не будучи окончательно припертыми к стенке. Но если нам удастся поставить Советы в такое положение, мы возьмем все и так. А пока нам будут отвечать лишь, что такое невозможно – причем общественность и пресса скорее поверят Москве, а не нам! Да и что мы можем предложить настолько ценного, что стоило бы такой золотой жилы? Представьте, что к острову, на котором живут несколько туземных племен, приплывает европейский корабль – и вступает в отношения с одним из вождей, меняя

на копру и жемчуг товары нашей цивилизации. Полагаю, что этот вождь ни на каких условиях не подпустил бы других вождей к своему бизнесу – вы считаете Сталина глупее?

– А кому вы собираетесь объявлять войну, – спросил Ни-
миц, – если есть вероятность, что и потомки вмешаются. И
пришлют еще что-то вроде «Моржихи», и с командой из лю-
дей, прошедших Третью мировую, с тем опытом и выучкой.
И один черт знает, что они сбросят нам на головы, уж Бом-
ба у них точно есть! Есть вероятность, что мы против них
будем, как Германия 1914 года против современных США.
Или вы можете гарантировать, что это невозможно?

– Гарантировать не могу. Но могу точно – что если мы
завтра не рискнем, то послезавтра получим сами. И как раз
то, чего вы боитесь.

– То есть вы предлагаете всей Америке сыграть в русскую
рулетку? При том, что есть вероятность, что все это ваша
паранойя? А если, к несчастью, вы окажетесь правы, то мо-
жет стать, что противник намного нас сильнее и опережает в
развитии? Вам опыта берлинского неудачника мало?

– А у вас есть другое предложение?

– Для начала – добыть более достоверную информацию.
И если подтвердится, от лица всего мирового сообщества
требовать, чтобы все межвременные контакты контролиро-
вались исключительно всем этим сообществом, а не одним
СССР.

– И как мы это потребуем? Ультиматум, за неисполнение

которого нельзя покарать, будет просто смешон! А чтобы обвинить Советы в присвоении того, что должно по праву принадлежать всему цивилизованному человечеству – для того нужны весомые доказательства, факты, а не голословные утверждения, над которыми кремлевский диктатор просто посмеется в усы!

– Может, похитить кого-то из экипажа К-25?

– И что дальше? – спросил «адъютант». – Как мы сумеем доказать подлинность такого свидетеля, даже если добьемся искреннего сотрудничества и притащим его хоть на трибуну ООН? Русские заявят, что это или нанятый актер, или сумасшедший. И будут правы – если понадобится, я сам берусь вам организовать хоть сотню лиц, которые завтра под любой присягой покажут, что прилетели с коммунистического Марса. А еще проблема в том, что у нас нет для того возможностей. До совсем недавнего времени СССР не входил в сферу наших интересов и приоритетного сбора разведывательной информации – и на севере России у нас нет ни агентурной сети, ни налаженных каналов связи. Что-то есть у «кузенов», но разве мы собираемся делиться с ними такой информацией?

– Дьявол! – сказал Нимиц. – И что выходит в итоге?

– Пока что – мне надо как можно быстрее попасть в Штаты. Где я сделаю этот доклад тем, кто действительно будет решать. Вижу, что вы мне поверили – это обнадеживает. Знаете – как это, стоять на краю бездны и пытаться в нее загля-

нужно?

Анна Лазарева, комиссар госбезопасности 3-го ранга, начальник департамента внутренней разведки (именуемой в просторечии инквизицией). Москва, 1961. (альт-ист)

Мы не волшебники, а лишь учимся пока. Но наказать кого-то все равно придется!

Кто допустил, что объект из «белого» Особого списка несанкционированно пересекся с таковым из «черного», значит, мог попасть под его антисоветское влияние? Понятно, что у богемы уровень связей отследить крайне сложно, знакомы, в общем, все со всеми – вопрос лишь, насколько? Но уж между такими фигурантами ребята (и девчата) моего отдела должны были контакт заметить?

Интересно, можно было все перевернуть тогда, в сорок девятом, когда наш гений торпедно-правозащитный предложил «Дачника», а попросту гражданина Солженицына, к своей «группе реабилитации» привлечь? И ведь грамотно обосновал, в докладной на имя Пономаренко, что получив прямое дозволение от ГБ на поиск брака в ее работе, нашему «Льву Толстому двадцатого века» будет просто неудобно заниматься антисоветчиной, да и времени на нее не шибко найдется, так что пусть хоть так человек пользу принесет? Но Пантелеймон Кондратьевич встал на дыбы, «козла в огород пустить», и я его тогда поддержала. Поскольку видела Солженицына на тот момент уже сложившимся мерзавцем,

врагом, под влиянием его позднейшей биографии, мне известной. А был ли он таким на тот момент – вот сейчас не знаю. Я тогда по молодости предпочитала по-простому – да так да, а нет так нет, и если человек после ссучился, значит, изначально в нем гниль была. Наверное, с какой-то категорией людей так и есть, а с какой-то – гораздо сложнее. Вальку «Скунса» забыть не могу, но что с ним случилось – история отдельная.

И, наверное, это дьявольски трудно, быть Рудольфом Сикорски, который с приговором Абалкину до последнего тянул, потому что для него жизнь одного человека и благополучие всего человечества были равны на чашах весов? А я не такая – и не знаю, стану ли такой когда-нибудь. Я вообще уникум – в тридцатых – истинная комсомолка, на собраниях поднимавшая руку за казнь «врагов народа» и сохранившая до сих пор что-то из тогдашнего максимализма (и в чем не раскаиваюсь), а теперь ну не совсем человек из века двадцать первого, но понять уже те мышление и психологию могу отлично. Смоленцев вообще меня назвал «зависшей между мирами». Ой, не разорваться бы!

По существу: гражданин Солженицын вчера сдал в издательство рукопись с названием «Нельзя стать Богом». Фантастический роман, сюжетом похожий на тот, известный в иной истории и пока не написанный в этой. Но расследование показало, что братцы Стругацкие (здесь уже известные молодые писатели, выпустившие первые книги на модную

«космическую» тему) новую линию про «институт экспериментальной истории» уже обкатывали, в разговорах с писательской публикой, может, подскажут чего? Что ж, Пушкин Гоголю тоже сюжет для «Ревизора» бесплатно дал. Но все же надо будет установить, здесь авторы были согласны, или интеллектуальная кража имела место? Хотя и тут Солженицына не прижать – по докладам, у Стругацких намечалось что-то в средневековом антураже, как и в той реальности. А в солженицынском «шедевре» по-другому!

Некая «межвременная» Контора наличествует. Но забрасывает своих агентов в прошлое вовсе не с научными целями. А ради спасения наилучших его представителей – ну конечно же, творческой интеллигенции, которые должны погибнуть. Причем со строжайшим запретом вмешиваться в «политические распри», ну кто мы такие, чтобы давать преимущество даже той стороне, кто нам кажется правой, а вдруг Равновесие поколеблется, и в итоге вырастет объем зла в мировом масштабе? Оттого, например, не рекомендуется спасать политиков и героев, ясно отчего. Нежелательны и «технари», а вдруг они что-то особо убойное изобретут? Зато высшую ценность имеют гуманитарии: чтоб сумел всю общечеловеческую культуру осчастливить, написать еще какую-нибудь симфонию или роман.

И вот, влетает такой засланец, нет, не на феодальную планету Арнакар, а в год сорок второй, на оккупированную территорию! Чтобы вытащить из гетто гениального Пиани-

ста, за день до того, как фашистские каратели расстреляют там всех, несколько тысяч советских людей. Но спасен будет лишь один человек — хотя технически возможность вывести всех есть, но как тогда с Равновесием? При этом нельзя убить ни единого фашиста, а как это отразится на Равновесии? Нельзя даже предупредить подпольщиков об угрозе, случайно ставшей известной герою. Нельзя вмешаться, лишь смотреть, как у тебя на глазах фашисты сжигают деревню со всеми жителями — «это ужасно, бесчеловечно, но ради спасения бесценного Гения можно пожертвовать жизнями тех, о ком завтра и не вспомнят». И так далее.

Ладно, спасли. Герой доставляет Пианиста в партизанский отряд (как и задумано, ни один немец при этом не пострадал). Самолет на Большую Землю... и вот в Москве музыкант пишет не просто симфонию, а что-то вроде «Вставай, страна огромная», или Ленинградской симфонии Шостаковича! Что, на взгляд межвременной Конторы, тоже является нарушением Равновесия, могущим дать преимущество в войне одной стороне (СССР)!

Дальше целая глава терзаний, «твари мы дрожащие или право имеем», в конце все же решают, что интересы всего человечества больше чем одной страны, даже своей (забыла сказать, у героев из будущего — русские имена). Сначала хотят ради все того же пресловутого Равновесия полностью откатить назад, пусть будет как прежде, погибнет музыкант со всеми расстрелянными в гетто. Но затем находят «идеаль-

ный, гуманный способ, устраивающий всех». Главный герой снова прыгает в прошлое, как раз на партизанский аэродром перед отлетом, и лишает Пианиста памяти, вместе с рассудком. И в Москву прилетает помешанный, пускающий слюни, ничего не помнящий из своей прежней жизни, но, посаженный за рояль, по-прежнему способный творить!

Ни один фашист, повторяю, от рук героя не пострадал. Зато его действия стали причиной гибели (я не поленилась, посчитала) тридцати семи партизан и подпольщиков, шести летчиков, двадцати двух бойцов РККА и полутысячи (точно не названо) мирных жителей. Такая цена спасения Гения, которую и те, кто в светлом будущем, и сам герой, и музыкант (пока помнил) принимают как должное. Да, и патриотизм в романе назван «национальной узостью, пережитком», а Великая Отечественная война – чудовищным недоразумением, в которой обе стороны неправы и виноваты!

И что теперь нам с этим делать? В принципе, поскольку там в тексте есть высказывания про советский строй и даже про товарища Сталина (все еще здравствующего и пребывающего на посту Верховного Вождя партии!), можно подвести под статью, тем более что гражданин Солженицын уже сидел за то же самое с пятьдесят первого по пятьдесят пятый, так что сейчас рецидивистом пойдет, а это уже автоматически увеличение срока, даже по той же самой статье, и гораздо худшие условия отбывания. Или же, а что если напечатать, как просит, мы же не звери... вот только с соответству-

ющим предисловием и «рекламной» кампанией в прессе, да после майских, вслед за чем-то патриотическим, что там в планах издательств числится, чтобы вещь была посильнее? Он так не мучеником, а юродивым станет, посмешищем, полоумным, в глазах подавляющего большинства наших советских людей! Да, мне лично так больше нравится, но последнее слово будет за Пономаренко. Если уж Пантелеймон Кондратьевич – бессменный глава нашей «инквизиции», с самого начала.

И обязательно разобраться, насколько Аркадий и Борис Стругацкие разделяют взгляды этого... Их жалко будет потерять, в отличие от твари!

Аркадий Стругацкий. «Обитаемый архипелаг».

Статья в журнале «Знание – сила», 1968

Нас часто спрашивают, отчего мы выбрали такую странную модель Вселенной? Жители планет, удаленных от Солнечной системы на «многие сотни и тысячи световых лет» абсолютно схожи с землянами в биологическом плане, вплоть до возможности браков и рождения детей. В то же время по-настоящему Иных в мире наших романов на удивление мало, пока. Что совершенно непохоже не только на космическую фантастику Запада, но и на картину мира, более правдоподобную с точки зрения современной науки. Доходило до того, что некоторые ответственные товарищи попрекали нас даже не тем, что обитатели Саракша и Гиган-

ды подобны землянам, а тем, что они, исключительно белые европеоиды, «а где показана борьба угнетенных народов и рас»?

Если западная фантастика это исключительно товар для развлекательного чтения, описывающий приключения отважных героев в иных мирах, с обязательным хэппи-эндом, то есть по сути вестерн с «инопланетным» антуражем, то советская фантастика, как и вся советская литература, должна служить прежде всего задаче воспитания советского человека. Воспитания не навязчивым менторством (так скорее будет достигнут обратный результат), а показом жизненной ситуации под неожиданным углом, над которым стоит поразмыслить. И фантастика, в отличие от реалистичной советской литературы, отличается лишь еще одной «степенью свободы», позволяющей моделировать мир, которого нет. Сюжет, действие, держащее читателя в напряжении, тоже может (и должен) быть полезен. Можно сравнить действие, «экшн», с «ракетоносителем», обеспечивающим вывод на орбиту читательского внимания «полезной нагрузки», идеи, что мы собственно хотим своим произведением сказать, что показать. Равновесие должно соблюдаться – перегруз в сторону «идеи» даст скучный (хотя и правильный) трактат вместо художественного произведения. А перегруз в сторону «экшна» даст западную фантастику, где хорошие парни всегда побеждают, просто потому что у них метче кольт или бластер, тяжелее кулак, а в остальном же их отличие от плохих мини-

мально.

Этот образ (правда, там говорилось о самолете и его полезной нагрузке, а не о ракете), и многие другие, мне дал тот, кого я считаю своим наставником, несмотря на то что он не имел никакого отношения к литературе. Адмирал Лазарев Михаил Петрович, самая загадочная и легендарная фигура советского флота – под началом которого мне выпала честь служить в течение всей войны 1945 года на Дальнем Востоке и не раз встречаться в дальнейшем.

Я был тогда совсем «зеленым» лейтенантом из училища, даже не закончившим школу военных переводчиков, интеллигентным мальчиком из Ленинграда. Он – просоленным морским волком, командующим флотом, трижды Героем, а до того лучшим из советских подводников, имея на счету около сотни потопленных вражеских кораблей. Я не мог понять, отчего он старательно выделял меня из всех – нет, не создавал никаких тепличных условий, но всегда делал так, чтобы я был свидетелем каких-то важных и интересных событий. Причем после еще и спрашивал, что я видел необычного и интересного, под каким новым углом? Прямо сказав мне, как в шутку, «а вдруг после писателем станешь, пригодится».

Это было сказано тогда, когда я и сам не помышлял, что литература станет моей профессией. Неужели он знал?

Трудовой подвиг советского народа, сумевшего создать такой корабль, как прославленная подводная лодка К-25,

намного опередившая свое время, казался тогда настолько невероятным и врагу, и нашим союзникам, и даже нам самим, что на Северном флоте еще до Победы ходили разговоры о «подводных силах коммунистического Марса», или наших потомках из будущего, приславших корабль с экипажем на помощь Советскому Союзу в этой самой страшной и тяжелой войне. Я сам был свидетелем того, как в Токийском заливе, после подписания капитуляции Японии, где я присутствовал в качестве переводчика, американский адмирал Нимиц абсолютно всерьез просил поделиться тайной «межвременных контактов», которые, по убеждению американцев, не могут быть достоянием одной страны, а лишь всего человечества. Ответ Лазарева, со смехом давшего союзникам совет лечить своих экспертов от шизофрении, тогда показался мне абсолютно истинным. Но уже после он сказал слова, смысл которых я сумел понять лишь много позже.

Он сравнил время с рекой, в которую нельзя войти дважды – ведь она течет, меняется! И если вы сумеете переместиться назад и что-то изменить, то само течение станет другим. Но тогда не будет существовать и того будущего, из которого вы пришли, а значит, и вас самих. Но тогда и изменения истории не будет – некому его произвести! Нарушается причинно-следственная связь, возникает парадокс.

Которого можно избежать – представив, что «ваше» будущее продолжит существовать в прежнем русле. А измененное образует новый поток реки времени, как бы не ваш, но

«параллельный» мир!

И нет никакого Критического Парадокса, могущего разрушить мир при изменении. Чего не понял Солженицын, когда украл идею одного из наших будущих романов. Настолько боящийся что-то изменить, что это выглядело просто подлостью, а также отсутствием логики: ну от чего он решил, что запретны лишь собственные прямые действия прищельца из будущего, а не косвенные последствия его действий, и даже самого его появления?

Но если Парадокса нет, и историю можно менять, то где тогда предел моральной ответственности за это?

– Ответ простой, – сказал Адмирал, – мы отвечаем за все то, что в силах изменить. Даже в том случае, когда не видели возможности – отвечаем за то, что оказались недостаточно зорки и умны. И конечно, в том, если «хотели как лучше, а вышло, как всегда», – за то, что ошиблись.

Отчего миры, возникающие из-под пера моего и брата, так похожи на наше земное человечество? А это наша «лаборатория алхимика», наши колбы и пробирки, стоящие на рабочем столе. Нам интересны прежде всего закономерности развития земных людей – ведь подлинно инопланетные создания будут иметь принципиально иную этику, психологию, мораль, возможно, весьма отдаленные от наших. Нам интересна и эта проблема, каким будет иной, нечеловеческий разум, ведь когда-нибудь, в далеком космосе, мы обязательно с ним встретимся? – Но это вопрос не на сегодня, и даже не на

завтра. А вот представить человечество, подобное нашему, но где-то свернувшее на другой путь?

Мне приходилось участвовать в допросе Мацумото. И я запомнил, как он сказал, «если бы в Японии все пошло вот так, – а может, мы и живем в отраженном мире». И наши миры первоначально были не инопланетными, а «параллельными», теперь об этом можно рассказать. Мир Мацумото все же родился первым – Япония, где не было революции Мейдзи. После – я был переводчиком «Семи разбросанных камней» на русский. Причем так случилось, что русская версия, с согласия автора, вышла из печати даже раньше японской. Что породило совершенно ложное, но встречающееся в западной критике мнение, будто подлинными авторами были я и брат.

Что если они существуют – «альтернативные миры»? Как, например, битва при Садовой, 1866 год. При победе австрийцев Бисмарк вошел бы в историю не как объединитель Германии «железом и кровью», а как один из мелких неудачливых политиков с чрезмерными амбициями; не было бы разгрома империи Луи-Наполеона, не было бы Парижской коммуны. Но мощь Пруссии росла – и где-нибудь к 1914 году ей все равно предстояла бы разборка с Францией, на этот раз, возможно, более успешная. Возникла бы Германская империя – и законы империалистической конкуренции за рынки сбыта вынудили бы ее к общеевропейской, а может быть, и мировой войне, **Первой мировой**, где-то в 1939-м

или 1941-м. Ленин и Гитлер остались бы не востребованы, но гнилость дома Романовых и их режима неизбежно привела бы в итоге проигранной войны к коммунистической революции, пусть с другим вождем; за ней последовали бы революции еще в нескольких странах. Энгельс считал, что у австрийцев шансы – предпочтительнее! Но история сыграла по-своему – и пруссаки победили³⁶. Насколько этот мир отличался бы от нашего, и что писали бы историки там?

К нашему удивлению и недоумению, Адмирал (и еще некоторые фигуры) настоятельно советовали нам не касаться «параллельных миров». Не давая никаких объяснений – сказав лишь, «пока не время». Это были годы советского триумфа в космосе, год пятьдесят пятый, запуск первого спутника, пятьдесят девятый – полет человека. «Лучше, товарищи писатели, перенесите действие на другие планеты». Так появились Саракш, Гиганда, Тагора и остальные миры.

И – нельзя не только дважды войти в одну реку. Но и самим остаться прежними – чего абсолютно не понял Солженицын. В наших мирах земляне-прогрессоры это коммунары, боевой авангард человечества, готовые командиры, офицеры, на случай возникновения любой критической ситуации, вроде реального инопланетного вторжения, умеющие при необходимости и убивать и умирать – ставшие такими из мирных жителей коммунистической Земли. У Солженицына же «охранители истории», это циники и предатели –

³⁶ Мир моей «Страны Гонгури».

тоже, по сюжету, ставшие таковыми из землян счастливого будущего; машина времени у него – это машина развращения людей. Но можно ли ждать иного от писателя, который сам никогда не был коммунарком?

Странники изначально были задуманы как Разрушители. Творцы посредством хаоса – они ломают отсталые, закостеневшие структуры, ну а после здоровые законы естественного развития приведут все в должный порядок; ну а если не приведут, то о нежизнеспособном не стоит и жалеть! Откуда у нас родилась сама идея Странников – разговор долгий. Скажу лишь, что Рудольф Сикорски во многом был списан нами с реальной личности германской национальности. Впрочем, многие другие персонажи также имели реальные прототипы. А вот Прогрессоры (не прогрессоры – сотрудники земного департамента, а именно фигуры, равнозначные Странникам) появились позже и были задуманы именно как антипод последних. Они не ломают, а помогают строить, перестраивать, преодолевать препятствия глобального масштаба. Они враги Странников, или противовес, идущий от того же корня? А мы с братом еще и сами не решили!

Вашингтон, Белый дом.

30 июля 1945 года.

– Значит, Джо мне солгал, – сказал президент, – по форме – безусловно, если у него действительно этого нет. Но вот по существу... С таким талантом – ему бы в нашем Верховном

суде выступать.

Его собеседник промолчал. Сейчас он был в безупречном штатском костюме, а не в мундире кэптана. Согласно неофициальному статусу, «особо доверенного лица, привлеченного в качестве советника или эксперта»³⁷. Он лишь пытался угадать, доволен ли президент его докладом, или совсем наоборот.

– Вероятность того, что все это правда, – спросил Рузвельт, – если бы это был тотализатор, то сколько бы вы поставили за и против?

– Восемьдесят процентов, – ответил советник, – и это при максимально критической оценке. Такой корабль, как «Моржиха», в принципе не мог быть построен на верфях СССР. Была еще какая-то вероятность, что русские блефуют, что все это грандиозная игра. Но блеф не может топить целые эскадры. Добавлю, что, по достовернейшим данным, К-25 не покидала Молотовска, выходя лишь на короткое время. Следовательно, на Тихом океане... делайте выводы, мистер президент.

– Насколько мне известно, как раз там русские пытались в Петропавловске изобразить имитацию присутствия «Моржихи»? При чем эта попытка была довольно неумелой.

– Или же истинной целью было скрыть приход второй «Моржихи». Натолкнуть и нас, и японцев на «естественное»

³⁷ Должность советника по национальной безопасности учредят лишь в 1953 году.

объяснение, что речь идет все о той же К-25, прошедшей под полярными льдами. А раз эту вторую суперлодку никто не видел, кроме Лазарева, специально прилетавшего в Петропавловск, бросив все дела, что разумно, надо же было четко договориться о взаимодействии, не доверяя радиосвязи, – то повторю еще раз, делайте выводы, куда вторая «Моржиха» после делась, выполнив свою работу, на бумаге расписанную между обычными подлодками русской Тихоокеанской эскадры. И остается лишь гадать, что она еще привезла, если японцы устроили целое воздушное сражение, лишь бы не позволить Лазареву вернуться во Владивосток.

– То есть, по-вашему, и они что-то знали?

– Допрос всех причастных, кто остался жив, показал, что точных сведений не было. Но меры по обеспечению безопасности были совершенно беспрецедентные – русские явно были озабочены чем-то помимо сохранности жизни даже своего комфлота. Бомбардировщик Ер-2, переделанный в пассажирский, поднимает десять человек с багажом, а назад Лазарев летел лишь в сопровождении адъютанта. К сожалению, офицер нашей миссии не мог видеть, что до вылета грузили в самолет.

– Ваши соображения – что бы это могло быть?

– С вашего позволения, мистер президент, я бы сначала хотел изложить свои соображения. Кажется, я понял, отчего именно подводная лодка в качестве транспортного средства.

– Внимательно вас слушаю.

– Во-первых, межвременной пробой, без всякого сомнения, требует больших затрат энергии. И если с той стороны его можно открыть, используя стационарную установку, то как попасть обратно? Значит, на «транспортном средстве» должен быть собственный источник энергии, на роль которого больше всего подходит гипотетический «атомный котел».

– Минутку, Джек. Тогда замечу, что Джо все-таки мне нагло солгал в глаза, утверждая, что у него машины времени нет. Грубо сыграл.

– Не совсем там, мистер президент. А что если не были ложью слова, что у *него* нет? Если распоряжаться межвременным проходом имеет право не он, а лишь те, кто оттуда?

– Ну, может быть...

– Второе. Существует такое явление, как пространственно-временная неопределенность. Иными словами, чем точнее мы можем предсказать положение объекта в пространстве, тем неопределеннее – во времени. И наоборот. Мы не знаем, насколько точно этот принцип работает по отношению не к протонам-электронам, а к макрообъектам, но с высокой вероятностью будет так же: чем точнее мы задаем координаты выхода, тем больше будет временная погрешность. Можно, наверное, найти компромисс, но скажите, что делать, если допустимое отклонение на выходе будет порядка десятков, даже сотен метров? Что исключает наземный объект – могущий возникнуть здесь над или под поверхностью. Исключает корабль – по тем же принципам. Исключает са-

молет, на котором просто нельзя поставить атомный котел. Что остается?

– Уже легче, Джек, что вторжение танковой армии из будущего нам не грозит. Как и появление армады сверхбомбовозов.

– Боюсь, что все не так просто. Что мешает агрессору там послать нам в один конец атомный заряд, для которого будет без разницы, возникнет он на поверхности, или в километре над землей, или в ста метрах под ней? К сожалению, мы не знаем, надо ли для того находиться на том самом месте, во времени отправки, но пока не установлено обратное, приходится иметь в виду худший вариант. Так что если тех, в будущем, сильно разозлить...

– Ну, раз не послали, даже когда Гитлер подходил к Москве...

– Потому что знали, что Москва выстоит и так. И очень возможно, не хотели афишировать свое присутствие не перед немцами, а перед нами. Теперь же им стесняться некого. И если мы проиграем, даже без их вмешательства...

– Короче, Джек, все остается в пределах «вероятно», «может быть»?

– Простите, мистер президент, а как можно сказать что-то точно, не имея прямых улики?

– Так добудьте эти улики!

– С уровнем доказательности для публики? Или для нас.

– А это как получится. Хорошо, конечно, если удастся

прижать СССР и потребовать доступа к иновременному каналу от лица всей мировой общественности. Но если мы сами будем точно представлять, с чем имеем дело, то это также будет отлично!

– Тогда – организовать похищение кого-то из экипажа К-25? Или из тех, кто в СССР здесь что-то знает?

– С обязательным условием. Вы не забыли правила, что «русские своей крови никому не прощают»? Отчего вы думаете, что их потомки считают иначе? А потому виноватыми должны быть не мы, не США! Заодно оценим возможности потомков, по силе затрещин, которыми они угостят исполнителей.

– Британцы, французы? Не капитулировавшие немцы, да хоть украинцы или китайцы?

– А это уже детали, Джек. Кто окажется под рукой. Мы должны быть исключительно хорошими парнями. Кстати, вариант, что со Сталиным все же удастся договориться? Вижу совпадение интересов – если там, в будущем, действительно была война между нами и СССР. То нам обоим выгодно ее избежать – нам, потому что мы знаем ее результат, им, чтобы избежать жертв и разрушений. Торговать, а не воевать, – ну а что в торговой войне разгром может быть не менее результативным, это уже вопрос технический.

– Попробовать можно, сэр. Кто конкретно будет договариваться?

– А ты еще не догадался, мой мальчик? Кто посвящен в

суть вопроса, и кому я могу абсолютно доверять? Ты и отправишься в Москву, с верительными грамотами специального посланника США. Изложишь Сталину наши условия – и сделаешь ему предложение, от которого он не может отказаться. А если все же откажется, то это тоже будет нам сигнал: значит, во-первых, ты оказался прав, а во-вторых, русские твердо взяли курс на войну, убежденные, что договориться по-хорошему не выйдет.

– Готов выполнить ваше приказание. Во славу Америки, мистер президент!

– И никаких записей, никаких документов! Если ты прав, и там, в будущем, действительно читают наши архивы и мемуары. Но у тебя ведь идеальная память, Джек, – и ты не упустишь ничего. Так слушай же, что ты должен будешь передать Сталину при личной встрече. И о чем поговорить с Лазаревым, если это тебе удастся.

Выслушав инструкции, посланник ушел. Франклин Делано Рузвельт удовлетворенно откинулся в кресле. Как он ненавидел сейчас свое старое, изношенное тело, в любой миг готовое подвести! Он не боялся смерти, привыкнув к мысли, что ему уже немного осталось на этой земле. Но чтобы уйти спокойно, надо было завершить не только жизненный этап своей биографии, но и политическую эпоху для Соединенных Штатов, поставить все точки над «i», оставить своему преемнику положение на мировой игровой доске, которым стоило бы гордиться. Но этого не было – да, война бы-

ла завершена, и месть за Перл-Харбор свершилась, однако то, как это случилось, совершенно не вызывало удовлетворения! Как и положение в Европе, где Америке пришлось довольствоваться крохами, оставшимися после русских. План сделать доллар мировой валютой, что само по себе приносило бы американскому бизнесу и казне десятки, сотни миллиардов финансовой ренты в год, следовало считать если не окончательно проваленным, то отложенным на неопределенный срок, с совершенно неясной перспективой. В отличие от Англии, США из этой войны вышли все же с прибылью, но с меньшей, чем ожидалось, и совершенно не соответствующей затратам. А капитал не может без экспансии, без расширения сфер влияния и завоевания новых рынков сбыта!

Так что – ничего личного, «кузены», но придется делиться. После того, как оприходуем Китай. Сначала придется навести там порядок – начиная с собственного командования! Макартур, главнокомандующий вооруженными силами США в Азии, спит и видит развязать войну с коммунизмом... если гипотеза о пришельцах из будущего и Третьей мировой войне там верна, то этого честолюбивого психопата нельзя подпускать к президентскому креслу даже на сто миль! Пусть лучше воюет с «красными» где-то там, за океаном. Сейчас же важно, что он готов двумя руками поддержать любую идею Чан Кай Ши, если она во вред «комми», совершенно не просчитывая последствия. И на ножах со Стилуэллом, командующим войсками США в Китае – катего-

рически считаем, что мы должны ставить не на Чан Кай Ши, а на Мао, подобно тому, как в Испании сумели приручить тамошних коммунистов! Стилуэлл пишет, что коррупция у гоминьдановцев превысила все допустимые пределы, что *девяносто восемь процентов* американской помощи исчезло неизвестно куда, что Чан Кай Ши не может распоряжаться даже своими войсками и не имеет авторитета даже у собственных генералов – вынужден не приказывать, а уговаривать, обещать, подкупать. Что «китайский солдат ничуть не хуже солдата любой другой нации, если о нём нормально заботиться и дать ему достойного командира», вот только ни того, ни другого, как правило, нет – китайский генералитет и офицерство в массе слишком хорошо помнят недавнюю эпоху милитаристов, «в каждой провинции свой диктатор», и смотрят на собственных подчиненных исключительно как на расходный материал. А потому всерьез ставить на гоминьдановцев это все равно, что «на скачках пытаться поднять на спину сдохшую лошадь и продолжить с ней забег на своих двоих». Все логично – с точки зрения командующего армией, вот отчего Джозеф Стилуэлл никогда не станет политиком. Верно, что Мао, раздосадованный, что Советы медлят уходить из Маньчжурии, поглядывает в нашу сторону и прощупывает почву для переговоров. Но если Чан Кай Ши, равно как и любой из его окружения, находится у нас в руках со всеми потрохами и банковскими счетами, и физически не может предать, даже если бы хотел – то, что мы бу-

дем делать, если Мао передумает? Или вдруг умрет, а у его преемника окажется иное мнение, кого считать союзником? Нет, переговоры поддерживать можно... как стимул для Чан Кай Ши, хехе, может, снизит аппетит воровства, процентов до восьмидесяти? Ну а если у гоминьдановцев не получится, то придется браться за дело самим... но не сейчас! Электорат не поймет, если сразу после завершения такой войны, в Штаты снова пойдут гробы. И пока не слишком многие разделяют идею Макартура о «сдерживании мирового коммунизма», ради которой надо снова идти умирать. Хотя для стратегической авиации, при отсутствии у коммунистических повстанцев ПВО, работа может найтись и сегодня.

Что же до Гипотезы, то придется подождать возвращения Джека. Он не был другом президента – Франклин Д. Рузвельт был дружен с его отцом, и мальчик рос буквально на его глазах. И он действительно, никогда не ошибался прежде. Если же он окажется прав и сейчас – то помоги господь Америке!

30 июля 194 года, Москва, Кремль

– Что знают двое, знает и свинья! – изрек Вождь, отложив доклад Лазарева. – Ну вот, догадались союзнички!

– Не факт, что знают, товарищ Сталин, – заметил Берия, – весьма вероятно, что подозревают и хотят на нашу реакцию взглянуть. Не могут же они всерьез думать, что даже если такое у нас есть, – то поделимся?

– А мы поделемся, – сказал Сталин, – но нэ с ними. Хоть какая-то польза и от этого инцидента. Вот список лиц – что скажешь?

Берия прочел. К его удивлению, там было не одно, не два (как бывало прежде, с тем же авиаконструктором Лавочкиным), а больше двадцати имен.

– Товарищ Сталин, вы их всех хотите допустить к «Рассвету»?!

– Лаврентий, шэни дада, ты совсем баран?! – вспыхнул император. – Сын барана и внук барана! Ты и здесь дождешься, что военные сделают из тебя шашлык? Подумай головой, осел, почему армейцы тогда рисковали своими жизнями, чтобы прикончить тебя?

– Они хотели поделить власть с партийцами, и им надоел контроль со стороны органов, – ответил Берия, до которого наконец начало доходить, что он еще не «ухватил Бога за бороду».

– Что ты запомнил информацию из будущего, это хорошо; что ты не захотел немного подумать, очень плохо, – констатировал Сталин, – после твоего убийства военные перестали быть исполнителями воли партии, или в армии ликвидировали особые отделы?

– Нет, – ответил Берия.

– В таком случае, повторяю вопрос – почему? – тихо сказал Сталин.

– Они боялись повторения «большой чистки» – и поэтому

посмели? – предположил Берия, привыкший, что армейцы его, мягко говоря, недолюбливают и весьма опасаются.

– Хоть ты и баран, но даже у тебя случаются проблески, – выдал сомнительный комплимент ближайшему сподвижнику Красный Император, – а теперь попробуй объяснить мне, почему стал возможен двадцатый съезд. Всяких там Бушковых можешь не цитировать, я и сам читать умею.

До Лаврентия Павловича, пусть и с заметным опозданием, дошло, что Хозяин, во-первых, не просто решал германский, испанский и католический вопросы, и собирался решить японскую проблему, но создавал задел на будущее, рассчитанный на решение внутренних вопросов; во-вторых, Сам не на шутку разъярен его бестолковостью – хоть Сталин часто и с полным на то основанием говорил о себе «Я грубый», так с ближайшими сподвижниками он говорил редко. Так что следовало собраться – и очень постараться не разочаровать Сталина еще больше, поскольку ему почетная отставка, с последующей скукой на даче, явно не угрожала.

– Они устали бояться, за себя и за свои семьи, – начал излагать суть дела Берия, – им надоело, что их судьбы решает один человек, поэтому генеральный секретарь стал выразителем воли коллективного руководства. Если в нашей системе, существующей сейчас, партийное руководство имеет большую власть, но головами отвечало за результат перед Вождем, имеющим поддержку не только внутри системы, но и напрямую опиравшегося на народ, то в их системе

партийное руководство имело власть, но куда меньше ответственности. В итоге система начала постепенно гнить, пока не сгнила окончательно при Горбачеве.

– Уже лучше, – буркнул Сталин, – а народ?

– А народ они вообще выкинули из этого уравнения, постепенно приучив его к тому, что от него ничего не зависит, – отчасти и поэтому люди повелись на лозунги «демократов», что наиболее активной части народа надоело находиться на положении стада, вот и повелись на иллюзию американской демократии, когда делается вид, что от простых людей что-то зависит, – четко доложил Берия.

– Почему мы проиграли «холодную войну»? – холодно спросил Сталин, пристально глядя на Берию.

– Это зависело от многих причин, – обстоятельно начал отвечать Берия, понимавший, что начались главные вопросы. – Во-первых, мы понесли тяжелейшие потери в войне, во-вторых, приобретения не окупили понесенных потерь, в то время как янки оказались в огромном выигрыше, так что в «холодную войну» мы вступили, имея заведомо слабейшие позиции; в-третьих, Хрущев и Брежнев подорвали внутреннее производство уравниловкой и милитаризацией экономики, дополненные фактическим отказом от материальной заинтересованности и запретом артельного сектора; в-четвертых, страшный удар был нанесен возвратом к старой практике субсидирования республик за счет РСФСР, что закономерно привело к расцвету инфантилизма и иждивенчества,

в-пятых, наше руководство искренне не понимало того, что главными видами Вооруженных Сил в «холодной войне» являются финансы, высокие технологии и мировой рынок, – а ВВС, ВМФ, СВ являются вспомогательными средствами, обеспечивающими успех главных сил; в-шестых, вместо того, чтобы оказывать помощь развивающимся странам на возвратной основе, разбрасывались средствами, играя в «братскую помощь». Были и другие факторы, но эти я считаю ключевыми.

– Начинаешь говорить дельные вещи, – кивнул Сталин, – а что надо сделать, чтобы этого всего не было?

– Для начала – усилить руководство страны, слой управленцев, постепенно переводя партию на роль идеологической силы, занимающейся воспитанием и контролем, – доложил Берия.

– Бушкова начитался, начал за здравие, закончил за упокой, – тихо сказал Сталин, – слушай внимательно, дурак, что надо будет делать сейчас и, самое главное, продолжить после моей смерти. Дальше держать все на одном человеке нельзя – это рано или поздно закончится Горбачевым и Ельциным, пусть они и будут называться иначе; оптимальный вариант – это китайская система коллективного руководства, введенная после смерти Мао, там ведь были сходные с нами процессы. Напоминаю, что там высшие руководители страны меняются каждые десять лет, постепенно передавая дела молодому преемнику, именно молодому, это очень важ-

но, иначе будет «второе издание» брежневской эпохи, когда судьбу страны определяли больные старики, постепенно впадающие в маразм. Список прочти – фамилии сверху!

Берия еще раз взглянул на листок. Мазуров. Машеров. И... Эрих Хонеккер?

– Еще надо будет раз и навсегда определить правила для верхушки, – продолжил Сталин, – четко определить, какое наказание полагается за те или иные провинности. Да, элита устала жить под моим топором, поэтому придется несколько смягчить меру ответственности, иначе переворот по хрущевскому образцу неизбежен – твои орлы могут раскрыть десять заговоров, но одиннадцатый увенчается успехом. Но это должно стать не системой коллективной безответственности, а жесткими правилами игры, пусть не настолько жестокие, как при мне.

Руководство должно быть коллективным, чтобы никто не мог быть новым Сталиным, единоличным властелином над их жизнью и смертью, но это должно быть не только партийное руководство, это должно быть, прежде всего, государственное руководство, делящиеся на управленческо-экономическую элиту, военную элиту, элиты госбезопасности и МВД и партийную элиту. Такое разделение придаст системе устойчивость – и эту устойчивость можно будет поддерживать без «Большого террора».

Далее, надо чтобы система не коснела, замыкаясь в себе, как это было в мире «Рассвета», – и чтобы это обеспечи-

валось самой системой, без моего топора – для этого надо, чтобы система ориентировалась на экспансию, но не исключительно военно-политическую, как у потомков, а на экономическую, дополненную военно-политической. В конце концов, этот англичанин, Лиддел-Гарт, был прав, когда написал: «Сегодняшний противник завтра будет вашим покупателем, а послезавтра – союзником». Все верно – от экономического союза один шаг до политического союза, и еще один шаг – до военного союза. Именно так действовали американцы и китайцы в мире «Рассвета» – и это обеспечило им успех.

Что касается системы сдержек и противовесов в системе спецслужб – понадобится гибрид поздней советской и китайской систем, когда ГРУ уравнивало ПГУ КГБ во внешней разведке, а МВД уравнивало КГБ внутри страны; у китайцев эта система удачно дополнена спецслужбами партии и Комитетом по борьбе с коррупцией, беспощадно пресекающими загнивание руководства на всех уровнях, от последнего уезда до высшего руководства страны, чего не было у нас, когда Комитет партийного контроля под руководством Пельше заигрался во внутрипартийные интриги, а Международный отдел (де-факто разведка КПСС) по уши увяз в играх с «национально-освободительными движениями».

Сейчас надо будет выстраивать систему взаимодействия и взаимных сдержек наших спецслужб применительно к новым условиям – например, твои подчиненные будут на паях с флотскими контролировать нефтяные дела, а армейцы зай-

мутся золотом и взаимодействием с Ватиканом. Черт побери, Лаврентий, тебе понятна разница между умным и дураком – что первый учится на чужих ошибках, а второй лишь на собственных? Тот же, кто и на своих промахах учиться не умеет, это даже не дурак, а конченный дебил. Отчего твои умники лишь сокрушаются и головы ломают, «отчего японцы не выбрали нас, а предпочли американцев»? Отчего я должен вот такое – от своих собственных аналитиков получать? Читай!

Берия знал, что по приказу Хозяина еще в сорок четвертом, а может даже и раньше, был создан то ли особый отдел, то ли департамент неких гениев, дающих аналитические оценки событий совершенных и прогнозы на будущее – на основании всей полученной информации, и разведки, и открытых источников, и статистики... и наверное, знаний от потомков? Кто входил в этот «орден посвященных», законспирированный еще лучше, чем «Рассвет», знал только сам Красный Император (Берия ловил себя на том, что прочтя Бушкова, мысленно называет Вождя именно так). Когда-то, еще в самом начале, госбезопасность попыталась осторожно выяснить личности этих, бесспорно, самых высших секретоносителей СССР, «для отработки лучшего взаимодействия». После чего Лаврентий Палыч был вызван «на ковер» к Сталину – и взгляд Вождя был таким, что описался бы от страха даже уссурийский тигр, доведись зверюшке оказаться тогда в кабинете. А Хозяин лишь сказал: ничего выяснять не надо.

И добавил: надеюсь, ты понимаешь, если с кем-то из товарищей случится что-то плохое, я буду очень огорчен.

Так что сейчас, читая документ с уже знакомой подписью Н. Ш., даже всемогущий контролер всех спецслужб Советского Союза не знал, это «позывной» одного человека или группы? И ведь вполне возможно, что «в миру» этот Н. Ш. хорошо известен Берии под другим именем, может даже они и лично встречались, например, в одном из наркоматов, или в Совете Обороны, или в ЦК. Но ведь не спросишь? Главное – мнение этого человека (или коллектива) для Сталина чрезвычайно авторитетно.

...важнейшим элементом японского нацизма – хотя этот термин, наиболее отражающий суть, исторически неточен, так как описанная ниже картина сложилась намного раньше зарождения германского нацизма – стали «новые дзайбацу», представлявшие не слишком организованные, но весьма жадные военно-административные группы уже напрямую связанные с «военщиной» как явлением, в то время как сама военщина стремилась получить через них необходимый вес в состязании за власть.

В итоге в японском обществе, ставшем на путь ускоренной модернизации, вместо прежней четкой (пусть и архаичной) системы, основу которой составляли два клана аристократии, чьи кулаки – это армия и флот, сытые пузики – это дзайбацу, поделенные между кланами, а интеллект, общая

на всех голова, это Двор Императора – возник клубок неразрешимых противоречий и проблем на экономическом, социальном и политическом уровнях. Систему взорвал (при отсутствии иных социальных лифтов) наплыв в вооруженные силы массовой комплектации огромного числа лиц не самурайского сословия. Существенно, что эти военные «среднего и нижнего слоя», объединенные двумя мощными иерархическими системами (армия и флот) в противостоящие группы, чье противостояние само по себе основано только на бедности государственных ресурсов, анахронизмах в фундаменте социального мышления и поведения – очень скоро осознали свою силу и явно не были удовлетворены полученным. Причем связь (и психологическая, и экономическая) высших военных (в подавляющем большинстве представителей древних самурайских родов) и офицерской/унтер-офицерской массы была утрачена. И в Японии не было ресурсов, чтобы эту массу, обученную только войне, ориентированную на спасение и бессмертие через войну, и категорически не желающую возвращаться к мирным занятиям – как-то «накормить», в широком смысле.

Отсюда противоречие между «старыми» генералами и адмиралами, давно сросшимися со старыми Дзайбацу, с гражданскими элементами Власти с одной стороны – и «молодыми офицерами» (без различия, армейскими или флотскими) с другой. Бесконечные офицерские бунты тридцатых – наглядное выражение этого тезиса. Вот это и есть борьба за

власть в тогдашней Японии, в самом первичном смысле.

В итоге военные были многочисленны, сохраняли власть, но существовали буквально в социальном вакууме.

Снизу привычно подчинялись – своеобразные «ментальные крепостные», иногда волей штабов и религиозными установками становящиеся такими солдатами-рабами – даже вопреки экономическим задачам корпораций. Способными эффективно воевать не в последнюю очередь, оттого, что «счастлив лишь мертвый». Заодно военные таким способом охраняли от корпораций свою власть.

Наверху боялись повторения тридцатых и уступали в течение всех тридцатых, пытаясь как-то использовать такую активность, но совершенно не хотели идти ко всеобщей катастрофе (в 1944–1945 годах, тенденция уже заметна в высшей степени). Наиболее разумные из высших военных Японии вместе с кругом «высших управляющих» искали выход из тупика – собственно, Коноэ именно для того и создал свое «Общество любителей чайных церемоний».

Но в том-то и дело, что системный выход им, как и всей Японии, могли предложить лишь США со своим «сетевым» мироустройством! (ага, подумал Берия, – писал явно или выходец из 2012 года, или тот, кто хорошо знаком с их идеями и лексиконом). Именно потому за контакты с СССР уже в бессмысленной форме выступили немногочисленные военные, желающие сохранить систему мироустройства, но избежать катастрофы – и как раз они-то остались в полной политиче-

ской изоляции. Потому что брать за основу советское общество – наиболее мыслящим группам представлялось принципиально бессмысленным. Зачем надстраивать свою пирамиду еще одной «малоустойчивой вершинкой», создающей только дополнительный гнет?

Именно поэтому американцам в конечном итоге подчинились не только интеллектуалы, но и подавляющее большинство населения, которое в целом без эксцессов приняло «демократический» порядок, приспособив его под свою специфику. (ну точно, писал тот, кто знал историю мира «Рассвета»).

Послевоенной Японии невероятно повезло с массовой гибелью офицеров среднего и старшего (но гораздо реже высшего) звена в самоубийственных атаках. Были в массе выбиты носители национальной шизофрении на почве глубокого социального невроза, отраженного в синтоизме, больные «отключением действительности» и загонявшие нацию в непроходимый цивилизационный тупик, буквально выжженный в социальном интеллекте, «счастлив лишь мертвый» из марша скорби.

– Прочел? – спросил Сталин. – И чтоб было ясно: это не личное мнение Н. Ш.! В основе – опрос самих японцев, что они думают – опрашиваемые были как из числа пленных, так и в естественной среде. Так какого... такой обзор не лежал на столе у меня и прочих ответственных товарищей еще до

начала войны? Мы бы все равно свое забрали, но скорректировали бы и политику и пропаганду. А что ты можешь сказать о «русские часто выигрывают войны, но у них куда реже выходит выигрывать мир»?

– У европейцев степень допустимой подлости больше, – ответил Берия, – как какой-то француз назвал нас «варварской нацией», потому что мы «соблюдаем международные договоры». В то время как у них «джентльмен всегда хозяин своего слова – когда выгодно, даю, когда надо, беру назад».

– И этот дурак еще отвечает у меня за разведку и контрразведку?! – взорвался Сталин. – Да кто и когда видел честность на войне? Да, ты верно сказал – ну не приходилось нашему народу вариться в том змеюшнике, каким была Европа. Потому у нас в уме лишь два состояния: или вы нам смертельный враг, или «приходите на землю русскую с миром и торгов», как в фильме Александр Невский битым немцам говорит! А у них – не два, а три. Как товарищи из будущего рассказывали – у них для масс было, «мы в осажденной крепости, кругом враги, завтра на нас нападут». А люди видели, что не нападают, а очень даже торгуют, улыбаются, слова о мире-дружбе говорят, всякие там «Союз-Аполлоны» запускают. Но очень немногие, самые умные, замечали, что в основе всего – глубокая позиционная игра, чтобы на будущее, они стали сильнее, богаче, а мы – слабее. Причем заметно это было лишь по большой политике – внизу, простые люди даже и с их стороны могли ничего не замечать! И не надо ис-

кать тут всеобщий заговор, некое тайное общество, которое столетиями проводит свой зловещий план по захвату мира. Истина же в том, что такого масонского ордена нет – и в то же время он есть. Так же как фюрер у японцев – «виртуально», как бы наши потомки сказали. Ну вот так.

Берия прочел еще одну бумажку, из той же папки. Относящейся, казалось, совсем к иному. Из пояснения следовало, что где-то в Красноярске ломали старый купеческий дом, мешавший постройке заводских корпусов. И нашли замурованную железную коробку, а в ней записку, написанную еще в конце прошлого века. Где купец такой-то извещает, что «фундамент под строением сделан из расчета на стену в четыре кирпича, а клали в два, так что если когда надумают перекладывать дом, то фундамент переделывать не надо, выдержит». О потомках, выходит, думал, – да нет, о наследниках своих, считая что тем домом детки его будут владеть вечно!³⁸

– Так и Запад, – усмехнулся Сталин, – у них правило, что игра всегда со вторым, с третьим, с четвертым дном. Не просчитано детально – тут подлинно всеведущим надо быть, но чтобы тенденции сложились в нужную сторону. В уверенности, что те, кто придут после, этим воспользуются, подхватят, разовьют. А мы думаем – Тайный орден: все видит, всем руководит. Как они в свое время со своими индейцами: ведь

³⁸ Случай подлинный, описан у Бушкова в одном из выпусков «Сибирской жути».

не давили до упора, а – войнушка, затем мир на таких условиях, чтобы противник слабел. А как ослабнет – все повторить. Это – Европа, где войны на полное истребление все же были не так часты, а вот такой крысиной возни выше крыши. У нас такой практики не было. Ты понимаешь, как нам сейчас повезло, что мы расклад на будущее, по крайней мере, на наиболее вероятной его линии, знаем? И не имеем права проиграть! Конкретно и сейчас, что там во Вьетнаме творится?

– Провозглашена Демократическая Республика Вьетнам, где задают тон коммунисты, – ответил Берия, – и товарищ Хо Ши Мин во главе. В руках новой власти все крупные города Севера, как Ханой и Хайфон, разоружение японских войск в целом завершилось. На юге сложнее – но в общем события развиваются в русле мира «Рассвета». К сожалению, коммуникация от нас туда сильно затруднена. Но и у французов, в отличие от той реальности, нет войск, чтобы привести свою бывшую колонию к покорности. А США и Британия воевать и укладывать в гробы своих солдат за французский интерес явно не хотят.

– Все перечислил и ничего не заметил, – буркнул Сталин, – ладно, вопрос первый, на понимание. Отчего и там было, ДРВ на севере, всякая сволочь на юге?

– Католики, – ответил Берия, вспоминая аналитическую записку по Индокитаю, – так было исторически, что на юге, Кохинхина, управляемая непосредственно французским гу-

бернатором. А на севере, Аннам, где сохранялась хотя бы для вывески императорская власть. Следствие – гораздо больший процент католиков вообще и образованных в частности, среди местного населения. Которые были самой лояльной общиной сначала к французам, затем к Европе вообще. В дальнейшем на расклад «север-юг» еще и соседство с коммунистическим Китаем повлияет, но это будет в пятидесятые-шестидесятые. Сейчас же пока и в Китае коммунисты на юге слабы.

– Правильно, – заметил Сталин, – а теперь вопрос второй. Если Франция не может найти достаточное число своих солдат... То кто там стоит на границе, кого британский союзник щедро готов уступить?

– Банда Достлера, сорок тысяч голов, по которым плачет веревка. Бывшие эсэсманы и прочая сволочь со всей Европы, «герои» еще Варшавы. После того, как они отличились в Африке, умирняя британскую Кению так, что там вообще населения не оставалось, где они прошли, их перебросили в Индию. Где, однако, у англичан хватило ума не спускать с поводка – войска, которые британцы послали в Бирму и Малайю, в большинстве индийские, ну как бы они отреагировали, если бы у них дома устроили резню? Вся затея с попыткой создать в Британии свой Иностранный Легион это очередное «озарение» Черчилля – теперь же правительство Эттли всерьез думает над продажей всей банды оптом французам, у которых соответствующий опыт больше.

– А теперь представим, что договорятся, – сказал Сталин, – и что в результате? Черта с два умирят, конечно – Вьетнам, это куда похлеще Брянских лесов, и с партизанскими традициями у товарищей все в порядке. Но к каким политическим последствиям это приведет – если учесть, что Вьетнам не Италия, нет нам ни «красных бригад», нами обученных, ни Советской Армии на территории? А «дядя Хо» прежде всего националист, а уже после коммунист?

– Ну, учитывая одну репутацию Достлера, не говоря уже о том, когда начнутся зверства – против поднимутся все, как в Италии. И католики тоже – здесь будут вместе с коммунистами, а не против них.

– Теперь понял? – спросил Сталин. – Вот только наших там не будет, как в Италии, чтобы скомпенсировать размыв коммунистов всякими там... Я даже в идейной чистоте товарища Хо при таком раскладе далеко не уверен! «Народный фронт» вместо руководящей и направляющей компартии, которая и сама-то при этом вполне может пойти по пути Хейса в Испании³⁹. Американцы с британцами тогда придут не врагами, а все в белом, еще и совместные предприятия организуют, а красный цвет вьетнамской революции уйдет в забвение. Годам к шестидесятым у нас вполне можно ждать становление Вьетнама как «Азиатского Тигра», вроде Гонконга и Сингапура – вместо твердого коммунистического союзника. И будет в Камрани база не наша, а англичан или аме-

³⁹ «Проамериканские» коммунисты, было и такое!

риканцев, или вообще французов. И не будет никакой вьетнамской войны, которая там здорово подкосила США. Как думаешь, это в интересах СССР?

– Так и в той истории французы воевали там в основном руками немецких «легионеров», – заметил Берия, – хотя они там были раскассированы по отдельным батальонам и даже ротам, в провинции. Значит...

– Вижу, ты все понял, – усмехнулся Сталин, – приятно, когда есть умные соратники. Пока британцы с Де Голлем не договорились – поднять шум, и побольше! Вряд ли французам понравится, что Достлер и те, кто еще недавно Францию кровью заливал, – теперь будут на французской службе? А уж Святой Престол подключить это вообще святое дело! В США пусть тоже напечатают, куда делся тот, кто два года назад в Лиссабоне американских пленных танками давил. И англичане – они, конечно, нация небрежливая, но для них очень важно, чтобы все выглядело пристойно, а тут уж очень грязная история выходит, заведомых висельников от международного правосудия укрывать? Неофициально же Де Голлю сообщить, что СССР очень не нравится, что бывших фашистских карателей используют против вьетнамских коммунистов, наших братьев по идее! Если ему так хочется показать, что Франция все еще великая держава – пусть или воюет своими войсками, или принимает достлеровских бандитов в свой Иностранный Легион в частном порядке, но никак не оптом! При несогласии – французы ведь не могут знать,

что мы *не пошлем* во Вьетнам несколько дивизий наших добровольцев и в изобилии не снабдим повстанцев советским оружием? В то же время мы обязуемся не мешать «войне по правилам»... вот что бывает, когда нет настоящего океанского флота, «длинной руки СССР»!

– Задача ясна, – сказал Берия, – завтра я подам вам план всех мероприятий.

– Не позже, – ответил Сталин, – слишком много у нас задач. Вот, следующая лежит. Взгляни.

Берия взял документ. А подпись внизу другая – В. Т.!

...сохранения Маньчжурии и Кореи под нашим непосредственным контролем резко улучшит экономические и военные позиции Советского Союза на Дальнем Востоке.

В настоящее время в Маньчжурии существует черная металлургия проектной мощностью от 3,5 до 4 млн т чугуна в год и от 2 до 2,5 млн т стали в год; применительно к Корее – соответственно, до 1,5 и 0,75 млн т; к Китаю – 1,5 млн т чугуна и 0,25 млн т стали. Существующие в Маньчжурии мощности обеспечиваются железной рудой с давно разведанных и освоенных месторождений в Бэньсиху и Аньшане, и высококачественным коксующимся углем с угольных копей Фушуня, Бэньсиху и Аньтаня. Кроме того, японцы интенсивно развивали район Дунбяндао, с его богатыми залежами железной руды и угля.

Также Маньчжурия являлась важным поставщиком про-

довольствия на главные острова Японии, удовлетворяя 2/3 потребности Метрополии в соевых бобах – 1 млн т, до 10 % в зерновых культурах, поставляя свыше 1 млн т пшеницы и риса. В прибрежных водах Маньчжурии осуществляется значительное рыболовство. Северная Маньчжурия, являясь крупным районом пастбищного животноводства, дает значительные количества мяса, кож, шерсти.

В течение последних 12 лет японцы осуществили в Маньчжурии крупномасштабное промышленное строительство – созданы автосборочный и авиастроительный завод, крупные электростанции, химическое производство и производство алюминия, развитую пищевую промышленность. Есть хорошая промышленность строительных материалов. Развита транспортная система – КВЖД и ЮМЖД соединены с железными дорогами Кореи в единую транспортную систему. Построено значительное количество шоссейных дорог, развивается речное судоходство.

В целом можно сказать, что Маньчжурия являлась угольно-металлургической и продовольственной базой Японии – машиностроение там развито слабо, но созданы условия для его ускоренного развития.

Сходная ситуация с Кореей – есть неплохо развитая металлургия на севере страны, система электростанций, хорошая транспортная система, но машиностроение ограничивается ремонтными мощностями небольших верфей в портах, на которых собирались пароходы среднего тоннажа, машины

и механизмы к которым завозились из собственно Японии. На юге страны развито рисоводство и выращивание овощей – существенная часть продукции поставлялась в Метрополию.

Исходя из вышеперечисленных данных, реализация данного варианта даст СССР продовольственную, металлургическую и, частично, топливную базу на Дальнем Востоке. Это позволит нам развивать эту часть СССР многократно ускоренными темпами – будут возможности для промышленного, транспортного, жилищного строительства, будет дешевая ресурсная база по ряду позиций.

Недостатки этого варианта имеют политические и военные свойства – нам гарантированы сложности во взаимоотношениях со всеми значимыми политическими силами Китая, поскольку все они считают Маньчжурию неотъемлемой частью Китая...

– Что интересно: Чан Кай Ши, пока формально законный правитель единого Китая, выступает категорически против вывода советских войск из Маньчжурии, – усмехнулся Сталин, – потому что у него самого есть промышленный район Шанхая, а вот у Мао своей «кузницы и мастерской» нет, пока мы не уйдем. Так что по данному вопросу, есть такое мнение, СССР следует подчиниться международному праву, то есть мнению законной власти названной страны. Хотя товарищ Мао очень недоволен – впрочем, в его понимании и Монголия это неотъемлемая часть Китая! Раз он даже решил-

ся выразить протест против занятия территории Внутренней Монголии войсками товарища Чойбалсана. Спрашивает, является ли МНР уже Монгольской ССР или пока еще независимым государством? И совершенно не видит, что у данной территории есть пока еще международно признанный законный правитель Пу И, который уже подписал с СССР договор о содружестве и границах. По поводу которого никаких возражений не последовало не только от США и Британии, но даже от Чан Кай Ши!

– И какая же будет наша политическая линия? – спросил Берия.

– Будет тебе линия, – ответил Сталин, – пока же выполняй поставленную задачу.

Как прибрать к рукам Маньчжурию, жизненно необходимую для развития нашего Дальнего Востока? На правах союзной, или условно независимым государством, или как МНР сейчас, как бы «ассоциированная» с СССР – это вопрос технический. Ведь формально Маньчжоу-го никогда не была Китаем в «послециньский» период! Прибрать-то несложно, но реально ли сделать это, не разругавшись по крупному с Китаем?

Но будем ждать по этому вопросу мнения от уважаемого Н. Ш. – такое решение вообще существует в природе?

Ну а после, как положено Вождю, «мы посовещались, и я решил».

Да, а требование союзников про К-25 и доступ к «иновре-

менному» контакту? Так ленд-лиз уже завершен. А в уже заключенных торговых сделках весьма заинтересован их собственный бизнес, который очень не поймет, если их собственное правительство вдруг резко отыграет назад. Конечно, какие-то проблемы последуют, но на порядки меньшие, чем раскрытие тайны «Рассвета». Так что – все отрицать!

Джон Р. Толкиен. Записано в 1965 году (альт-ист). Никогда не было опубликовано

Мне страшно заглядывать в бездну, которая вдруг открылась. Но невыносимо будет, если я окажусь прав, унести эту тайну с собой. Я уже стар, и скоро уже настанет день, когда я предстану перед Всевышним. А тем, кто останется на земле – придется рядом с этим жить!

В эту Великую войну я был привлечен в качестве эксперта, аналитика и лингвиста к работе одного из правительственных учреждений. Не буду уточнять, какого – назову его просто Конторой. Я видел в этом служении свой долг солдата и джентльмена – что делать, если годы и здоровье не позволяли мне быть в рядах нашей армии, сражающейся за свободу Британии! Это вовсе не было пустыми словами для нашего поколения, еще помнившего славные времена той Империи, над которой никогда не заходило солнце!

Я не имел никакого отношения к «рыцарям плаща и кинжала», подобных героям сказок про суперагента «два ноля», выходивших в последнее время из-под щедрого пера

мистера Бонда. Равно как и к подвигам британских воинов на фронте. Наш отдел Конторы всего лишь давал рекомендации, на основе самой разнообразной информации, оставляя за скобками, как эти сведения были добыты и как наши советы использовались. Мы просиживали, бывало, с утра до позднего вечера, за горами бумаг, пытаясь из кучи словесного мусора добыть зерна истины, а после сложить из них цельную картину. И нередко это нам удавалось – по крайней мере, начальство Конторы было довольным.

Осенью сорок третьего нам было поручено разобраться с загадкой русской подводной лодки К-25, также известной как «Моржиха». Конкретно наша группа больше занималась не техническими вопросами, для того было смежное подразделение, куда входили лучшие моряки, кораблестроители, инженеры Британии, но и нам что-то доставалось. Мы же плотно занимались анализом биографий людей с того корабля. Даже в самых закрытых, тоталитарных обществах, любой человек оставляет вокруг себя массу свидетельств, свидетелей – родственников, друзей, сослуживцев, а также документов и деяний, ставших известными. А капитан «Моржихи» Лазарев, при ближайшем рассмотрении, казался не менее загадочной фигурой, чем его корабль!

Начнем с того, что у него фактически нет полной официальной биографии. И это у русских, с их культом героев той войны! Впрочем, во всей человеческой истории вряд ли можно найти фигуру, столь известную в настоящем, и храня-

щую воистину непроницаемую завесу тайны на своем прошлом. Если не считать Иисуса Христа, про которого Библия также умалчивает, где Спаситель пребывал от своего отрочества до тридцати трех лет. Но такого просто не должно быть – в любом флоте любой страны, чтобы стать командиром корабля, тем более такого, человек должен окончить соответствующее учебное заведение, послужить на более низших должностях, и при этом суметь там отличиться, заработать доверие. При том, что офицеры-подводники любого флота это корпорация, куда стороннему человеку, не варившемуся с ними в одном котле, попасть просто невозможно! Однако же, при всей советской закрытости, мы можем достоверно восстановить послужной список Лазарева, начиная с лета сорок второго года, но ничего не известно о более раннем периоде! А ведь, если по возрасту, он родился в России где-то на рубеже веков, то должен был застать многие события, как русская революция и Гражданская война, и чем он занимался в это время? Комсомолец, чекист, красный командир – будьте уверены, это бы обязательно превозносилось пропагандой! Белогвардеец, эмигрант? С этим согласуется тот уникальный для СССР факт, что по нашей информации, он вступил в большевистскую партию уже в 1945-м, после Победы – хотя беспартийный адмирал в правление Сталина это столь же невозможная вещь, как убежденный католик-роялист среди «железнобоких» Кромвеля! Но как тогда объяснить невероятное доверие к нему со стороны коммунисти-

ческих властей, что, не могли найти более политически благонадежного для командования таким кораблем?

И тогда выходит, что квалификацию подводника он получил не в советском флоте? Да, есть версия, которую в СССР распространяли «среди своих», что Лазарев – разведчик-нелегал, вернувшийся домой в 1942 году. Что он родился в Петербурге в семье морского офицера, не принявшей революцию и бежавшей на Север, где его родители погибли от рук англичан, в концлагере на острове Мудьюг, после чего наш герой приобрел патологическую ненависть к англосаксонской расе. Он все же не остался в России – с вариантами, уже был послан в эмиграцию как агент ЧеКа и Коминтерна, или был завербован после. А дальше – судьба «русского капитана Немо», он стал подводником, служил в кригсмарине (конечно, под другим именем), был одним из лучших в «битве за Атлантику», а затем «погиб», чтобы возродиться уже самим собой. Этого было достаточно в СССР, где не принято задавать лишних вопросов, встретив «те, кому надо, знают, а прочим не положено». Но отчего тогда эта версия так и не стала официальной, вошедшей в книги? Уж не оттого ли, что тогда пришлось бы прописывать подробности, вместо общих фраз?

И эта версия была основной для расследования уже тогда! Однако Дениц, допрошенный на этот предмет почти сразу после пленения, еще тогда, в 1944 году, Лазарева категорически не опознал! А ведь гросс-адмирал и шеф подвод-

ного флота Рейха лично знал всех командиров своих U-ботов. Также не мог узнать нашего фигуранта никто из немецких подводников, оказавшихся у нас в плену после войны, и поиски в архивах, нам доступных, включая документацию сдавшихся нам флотилий подплава кригсмарине, ничего не прояснили. И еще немецкая разведка искала нашего героя среди бывших подводников всех стран Европы – особенно испанского, ведь казалось логичным, что русский главком флота Кузнецов, бывший советником у республиканцев, познакомился с нашим героем именно тогда! Что подтверждала и наша информация, о каких-то «особых отношениях», большем доверии между Лазаревым и Кузнецовым – такое бывает у тех, кто вместе воевали, а Кузнецов, кроме Испании, не покидал СССР никогда. Но мы проверили всех офицеров испанского флота, а также ВМС всех стран мира, включая Японию и Латинскую Америку – искали подводника, подходящего по возрасту и внешним данным, ярко себя проявившего, и исчезнувшего или погибшего в конце тридцатых – начале сороковых, все безрезультатно! Искали, с учетом возможных уловок, как, например, человек не «погибает», а подменяется двойником. Это был воистину адский труд, с учетом объема и времени – завершившийся ничем!

Тем более закончились неудачей попытки решить загадку, проследив биографии кого-то из экипажа. Потому что офицер низшего ранга, а тем более нижний чин «Моржихи» вообще не обязательно должен быть гением подводной войны,

вполне достаточно какого-нибудь «Иванова из Рязани». Достоверно установлено, что еще в 1943-м на К-25 было прислано пополнение из моряков Северного флота, надо думать, что это проделывалось и в дальнейшем – вполне логично было со стороны большевиков как можно скорее заменить на корабле хотя бы матросский состав, именно мелкими группами, постепенно, чтобы не снижать боеспособность. Русские же источники, вроде известной книги «На борту К-25» и снятого по ней фильма, такой «боевой версии» еще довоенной «Тайны двух океанов», запутывают дело еще больше. Ведь странно, что автором книги о самом успешном корабле советского флота выступает не его командир, и даже не старший офицер, а судовой врач? Объяснение, что товарищи по экипажу уступили ему эту честь «потому что у тебя литературный слог», выглядит явно надуманно.

Про техническую же загадку К-25 написано много. И весьма правдоподобной выглядит версия, что русские лгали про «химический реактор-регенератор», тактические возможности «Моржихи» однозначно показывают именно атомарину! Но в сороковые годы про то еще никто не мог знать. Потому что не существовало технологий, позволивших создать атомный корабельный «котел», и сам факт деления атомного ядра был открыт в декабре 1938-го, то есть физически не было возможности за столь короткое время пройти путь до надежно работающей машины! Самые авторитетные кораблестроительные умы у нас и в США вынесли вердикт,

постройка атомной подлодки в СССР тридцатых годов абсолютно невозможна. Но никто не дал ответа на вопрос, где же тогда был построен этот корабль?

Ответ пришел мне совсем с иной стороны. Вы знаете, что как русские сумели удивить мир «Индианой Джонсом», так в шестидесятом они выпустили на экраны «Властелина Колец»! Шестидесятый! Но саму Книгу, главный труд моей жизни, они издали ограниченным тиражом «для Академии Наук» еще в сорок пятом, когда мой вариант существовал лишь в виде рыхлой кучи материала! И мне пришлось, добыв экземпляр, переводить с русского – и я даже в таком виде, с удивлением узнавал свой неповторимый стиль, не только то, что мог бы написать, но и как бы мог написать, но я точно знал, что еще не писал такого никогда! В то же время они пытались дополнить текст своими вставками – откровенно противоречащими всему духу эпопеи, но о том знал лишь я один!

Отличие было в том, что русские писали историческую хронику. А я – миф, легенду! Где подробности являются лишь штрихами к картине, иногда подобной полотнам Босха. Там, где материализм сковывал полет моей фантазии, я отбрасывал его без колебаний. Зачем нужна магия в мире Средьземелья? Чтобы исключить индустрию, разрушающую любимый мной мир доброй старой сельской Англии! Оставаясь в рамках реальности, такого не сумел сделать даже певец этой идиллии «под деревом зеленым» Гарди, ведь

его герои при этом пользуются фабричными инструментами, одеждой, утварью – проклятый мир пара и электричества неявно существует и там, где-то позади. Вот почему в моем мире техникой могут пользоваться лишь порождения Тьмы, ну еще гномы, не видящие света, – но никак не люди, не эльфы, не хоббиты! И эта техника имеет сильную «магическую» составляющую, без которой не может работать – вот отчего, с развоплощением Саурана, все его царство, все его кузницы и мастерские сразу стали прахом, лишь стены крепостей остались стоять! А то, что русские вписали в книгу о «высшей расе орков»? Когда у меня орки, а также тролли, гоблины и все прочие это не более чем полуживотные, говоря по-современному, биороботы, с вживленной в них программой, той же волей Саурана, – без которой все его войско утратило не только волю к борьбе, но и разум. Черный Властелин не фюрер – он желает возвышения не своего народа или расы, а исключительно собственного! И на иллюстрациях к русскому изданию он выглядит человеком – высоким, бледнокожим, черноволосым, в черных доспехах – подобно вампиру Дракуле. Когда у меня прямо дан намек, в его имени: Saur (Завр), ящер, дракон!

Меня обокрали. Украли труд всей моей жизни – и я не мог заявить претензий, ведь формально я не писал то, что было у них! И еще имели наглость предложить мне «соавторство», поделившись долей от продаж Книги (о фильме, собравшем миллионы, и речь не шла!). Я отказался, посчи-

тав это унизительным – и не в состоянии требовать от них не доли, а всего! Еще и ради мести – чтобы выпустить свой доработанный вариант.

Что лежит на востоке Средьземелья? К восходу от Мглистых Гор, Эсгарота, Лихолесья и Мордорских земель?

Никто из людей Запада не знает этого, ибо, двигаясь на восход, не доходил до края. Там тоже есть горы на севере, леса посреди и степи на юге. Населяют их многочисленные племена, не подчиняющихся никому. Они столь вольнолюбивы, что покорить их никогда не могли ни кто-либо из королей Запада, ни даже Мелькор.

Рассказывают, что когда самый великий из людских завоевателей, король Ангмара, повел на восток огромное войско, варвары отступали, не принимая сражения. Удивился и разгневался Ангмарец и спросил у варваров: отчего вы не бьетесь за свою землю? И ответили тогда варварские вожди: а разве можете вы взять и унести нашу землю и наше небо? Все наше мы носим с собой, в земле остаются лишь могилы наших предков. Посмей их тронуть – и ты увидишь, как мы умеем сражаться, никто из вас не уйдет живым!

Рассмеялся король Ангмара и приказал сравнивать с землей могильные курганы. Но настала тут зима, лютая и холодная, какой не бывает на Западе, и замерзли реки, и не стало ни еды, ни питья. И едва десятая часть ангмарского войска вернулась домой, на закат – прочие же так и остались лежать

в чужих снегах. И никогда больше не ходил Ангмарец воевать на восток.

Лицом и статью были варвары близки к оркам, хотя вожди их больше походили на людей. Впрочем, говорили, что варвары охотно принимают у себя беглых принцев из западных королевств, научивших их какой-то цивилизации и культуре. А Саурон, когда воссел в Мордоре, снова послал свою великую армию на восток – прокатилось его войско Тьмы по тем землям, убивая все живое, не щадя ни детей, ни женщин, ни стариков. Но храбро дрались варвары, не прося пощады. И заключили союз с людьми Запада. И получали от них оружие – хотя и Гондору не хватало его в той страшной войне.

...

Тьма готова была поглотить всю землю. Полчища Мордора наступали, солнце покраснело, и крылья назгулов отбрасывали черную тень смерти. Войско Запада отчаянно сражалось, в надежде удержать последний рубеж.

Вдруг земля содрогнулась у всех под ногами. Далеко за черными воротами высоко в небо рванулся исполинский смерч, пронизанный молниями.

– Царство Саурона погибло! – воскликнул Гэндальф. – Хранитель выполнил свою миссию!

И дрогнули враги, и обратились в бегство. Орки, тролли, звери – почуяв утрату ведущей их воли, думали лишь о том, как спастись.

Но дорогой ценой досталась людям Запада их победа. Десять дней стояло войско на том смертном поле, хороня своих убитых и излечивая раненых. Мощь Тьмы была сломлена, но не было уже сил воспользоваться победой.

И поднялись тогда от восхода солнца и лес, и степь, неудержимой стальной волной варварской конницы, и содрогнулась земля от поступи неисчислимых орд варварской пехоты. Жители Востока не забыли своих сожженных городов и деревень и убитых соплеменников. Ничего не забыли, не простили – и теперь отомстили Мордору за все! Ничто не могло остановить их, не боящихся своей пролитой крови, а лишь становящимися от нее злее! И теперь пришла пора царству Саурана испытать, что такое беспощадные орды завоевателей, когда убивают всех мужчин, а женщин берут насилием в рабство. И погибли последние полки Черного Властелина, – а сам он, потерявший с утратой Кольца большую часть своей силы, был схвачен варварами, посажен в клетку и привезен на суд. И возгордились варвары, веря, что в этой войне победу добыли они!

...

– Вот твое королевство! – сказал Гэндальф Арагорну. – Оно станет сердцем Западного мира. Третья эпоха кончается, на смену ей идет новая. У меня был враг – Саурон, теперь пришел конец моим трудам. Твой труд будет иным – твой меч еще послужит тебе, но не он будет твоим главным

оружием. Те, чьи земли теперь граничат с нами – они похожи на нас, людей Запада, но другие, совсем другие. Сейчас они нам союзники, и даже сами в это верят, но завтра могут стать нам злейшим врагом! Они не под нашей властью, властью Света, а значит, могут завтра предаться и Тьме! И люди ли они вообще – Мудрые, и я в их числе, не могут дать ответа, не родственны ли варвары оркам, не течет ли в них малая доля и поганой орочьей крови? Они не хотят уходить с взятых ими земель, причем подобно проклятому Мордору, строят кузницы вместо ферм! Они сильны, слишком сильны, – что будет, если им придет на ум идти на нас войной? Можем ли мы терпеть рядом с собой существование тех, кто, возможно, завтра станет нам угрозой? Нет – истинная мудрость это побеждать врага раньше, чем даже он сам поймет, что он нам враг. Сейчас они играют в благородство, но что будет, если завтра их Вождь поставит вопрос, кому дальше жить в Средьземелье, им или нам?

Но мы не хотим еще одной страшной войны. Потому что нет уверенности, что мы в ней победим! И есть еще надежда, покорить варваров не мечом, но словом, заставить склонить голову перед Западом, признать наше превосходство, стать нашими младшими братьями, во всем покорными нашей воле. Вот твоя миссия, о король Запада, и твоих наследников – до тех пор, пока варвары не склонят голову, и не будут знать свое место. И лишь тогда тобой будет доволен пресветлый Валинор!

Но откуда все-таки взялась «русская версия»? Невнятное объяснение о некоем офицере Северного флота, лежащем в госпитале и вдруг что-то увидевшем во сне, дала мне исходный пункт информации. Я был знаком с Исайей Берлиным, тоже профессором Оксфорда, в военные годы служившим вторым секретарем нашего посольства в СССР, – и разговаривал с ним после его возвращения из России. Где он имел широкий круг общения с творческой интеллигенцией, которая у русских занимает место «совести нации» и властительницы умов.

Представьте ситуацию в стиле «янки при дворе короля Артура», когда в иной мир, иное время, попадает целая группа людей. Что будет привнесено ими в первую очередь – наверное, даже быстрее, чем технические новшества, для которых может не оказаться материальных ресурсов? При условии, что язык не изменился. Конечно же – песни и стихи! Именно осенью сорок второго в России произошел буквально вброс большого количества песен, в основном на патристическую тему, авторы которых были фактически неизвестны – подавались как некие «морьяки Северного флота». Особенность советской бюрократии – признание конкретного авторства означало бы выплату каких-то премий или гонораров, но зачем платить за то, что было не сочинено, а привнесено? И если техническая информация, которая, несомненно, наличествовала, была тщательно засекречена, то о музы-

ке и песнях никто не подумал. Впрочем, и у нас, два года, до миссии Берлина, никто не обратил внимания на сочинительство каких-то русских матросов. Это заметила лишь московская богема, весьма ревниво относящаяся к чужому успеху. Причем у советских есть такая особенность: если техническая интеллигенция, запуганная секретностью и «допусками», очень неохотно идет на откровенный разговор, то в среде богемы слухи и сплетни распространяются стремительно, даже когда невыгодны для говорящего – поскольку осведомленность там служит подтверждением статуса. А еще характерно, что целый ряд свидетелей воспринимали людей, откуда-то появившихся в СССР в 1942-м, как «иных». Но, что так же важно – «не белогвардейцев»! И без уточнения, в чем конкретно эта «инаковость» выражалась. Это легко могу понять лишь я, видевший смену поколений. Мышление, психология, вкусы меняются со временем, – но если интервал не слишком велик, то отличие будет уже чувствоваться в общении, но еще не осознаваться в четкой формулировке. Протяженность двух поколений, то есть лет сорок-пятьдесят, дальше различие становится слишком очевидным.

Есть еще одна подсказка. Отчего цикл Мацумото «Семь разбросанных камней», пробудивший интерес к так называемой «альтернативной» фантастике, был впервые издан не в Японии, а в СССР? Сам Мацумото написал мне, что сюжет не более чем художественный образ, навеянный тем, что, будучи в плену в России, несколько раз общался с теми, кто,

как он был убежден, знали будущее, по крайней мере, вели себя именно так, словно боялись не успеть чего-то. Обладая чисто художественным вкусом, он решил написать «что было бы если», опираясь на тот факт, что Японии в нашей истории действительно невероятно везло, на протяжении семидесяти лет, от революции Мэйдзи до 1941 года – страна, бывшая почти что средневековым анахронизмом, почти сумела войти в клуб мировых держав! А после боги отвернулись, и все вернулось на круги своя. Но если время действительно подобно реке, а ученые не могут сейчас уверенно сказать, что это не так, то «параллельный» мир (или время) Мацумото, возможно, существует реально! Мир, где не было Тихоокеанской войны, зато были и битва за Англию, и Сталинград, – а Япония же, подвергшись колониальному завоеванию в тот же период опиумных войн прошлого века, что и Китай, пребывала в статусе «индии», нищая колония и поставщик пушечного мяса. Патриотичный самурай, не смилившийся с этим, уходит в горы и в медитации (это лишь европеец Уэллс видел машину времени непременно механическим агрегатом) проваливается в прошлое, перед эпохой Мейдзи. Ему удастся стать очень влиятельной фигурой при императоре – и река времени разветвляется, возникает новая реальность, как бы потомок первичной – кстати, тогда выходит, что и мы плывем не по главному фарватеру, а по боковому рукаву, ведь у нас были и Порт-Артур, и Циндао, и Перл-Харбор. Но время снова встает на пути, сроком че-

ловеческой жизни – и как только герой, отклонивший историю, умирает, все идет под откос, ведь излишняя уверенность тоже опасна, нельзя думать, что удача будет всегда спасать от ошибок, и мы, несмотря на преимущество послезнания, сильнее мира всего! В итоге вступление Японии в Тихоокеанскую войну стало катастрофой, превратившей все прошлые достижения в пыль, – как говорят русские, «к разбитому корыту». А отчего первая публикация в России – так вспомните притчу, «у царя Мидаса ослиные уши», ведь тут нет явного разглашения Тайны, лишь очень косвенно и намеком?

Да, теперь я абсолютно убежден – тогда, в 1942 году, в России имел место межвременной контакт! Из того, что эта версия уже тогда подверглась осмеянию, наряду с множеством таких же бредовых, как о «коммунистических пришельцах с Марса» – вовсе не следует ее ложность! Где умный человек прячет лист – в лесу! Прием, когда информация не засекречивается наглухо – это трудно сделать, когда причастных слишком много, – а забивается информационным шумом множества ложных версий, известен давно. Здесь же русские правильно рассчитали, что политики и разведка подобны полицейским, мыслят сугубо материально, то есть версии божественного вмешательства, нечистой силы, инопланетян и пришельцев из иных времен отвергаются с порога, «преступники это существа материальные», как сказал Шерлок Холмс, надо лишь разгадать загадку. Вот

только что делать, если решения нет? Хотя над ним бились самые лучшие умы, и даже целые отделы соответствующих Контор?

Это значит, что русские в 1942 году получили мало того что уникальную боевую единицу флота, по мощи сопоставимую с парой эскадр, но и огромный объем инсайдерской информации, самого разного характера – техническую, политическую, военную, коммерческую. И самым наглым образом утаили ее от всего человечества, предпочтя распоряжаться ею исключительно для блага своей нации – насколько удачно, видно по достижениям СССР. Но еще и сумели избежать ошибки японцев у Мацумото – головокружения от успехов, когда кажется, что весь мир готов упасть к твоим ногам. Они вели свою партию, трезво рассчитывая каждый ход, очень часто оказывающийся удачным и непредсказуемым для всех. СССР после войны производит впечатление совершенно другой страны, в сравнении с тем, что было до 1941 года – при том, что во главе стояли те же самые люди, Сталин и его команда. И лишь им известно, что узнали они о мире будущего, что хотели изменить, от чего уйти.

Я доложил о своей догадке руководству Конторы. Получил вежливую благодарность – и всё. Я не знаю, занимаются ли сейчас другие умы этой проблемой – или мой доклад, посчитав бредовым, просто положили в сейф. В первом случае, я отлично понимаю необходимость секретности, страшно представить, какое смущение в умах началось бы в ми-

ре, стань эта новость всеобщей! Но если истинно второе, то человечество катится к пропасти всеобщего коммунизма, и никто не осознает угрозы! Интересный вопрос, что из русской «альтернативной» фантастики является не игрой воображения, а рассказом о реально сбывшемся в ином времени, чтобы дать читателям «вакцину», предупреждение о возможных ошибках? Любопытно, что главной опасностью там признаются не ядерная война, не нападение марсиан, не планетный катаклизм, а прежде всего, социальные проблемы. Получается, что и мы живем в боковой ветви истории? Хотя полагаю, что и в той, «главной» по отношению к нашей реальности русские не проиграли войну, раз имели возможность строить такие корабли.

Я никогда не был усердным сыном нашей Церкви. Но сейчас, когда мне осталось не так много времени до встречи с Всевышним, я искренне молюсь – если правы индусы, и переселение душ существует, то сделай со мной, как у Мацумото, перенеси меня в 1945 год! Когда история, начав поворот, еще не легла на устойчивый новый курс. И был шанс схватить русских за руку, хотя бы на Стокгольмской конференции, где Сталин и Рузвельт, нагло отпихнув в сторону нашего бедного Уинни, делили мир. Когда еще не была упущена возможность создать против СССР новый «Восточный фронт». Нет, я не сторонник всеобщего самоубийства, но ведь можно и должно состязаться в политике, промышленности, торговле, даже в плане духовно-культурного превосходства.

ходства, чтобы защитить наши ценности «свободного мира» от русской экспансии? Если уж бог создал нации, – то соперничество между ними будет всегда! Судя по тому, что произошло в сорок втором в Баренцевом море – знает ли история сослагательное наклонение? Могло ли все быть иначе?

И если бы мне в той жизни довелось встретиться с Лазаревым. Я бы задал ему один вопрос – меняя историю, он думал хоть немного о последствиях для других наций? Или ему был важен лишь успех СССР?

Из кн. А. Сухорукова «В небе Маньчжурии и Китая». Из интервью с летчиком 776-го ИАП 32-й истребительной Краснознаменной авиационной дивизии 9-й ВА 1-го Дальневосточного фронта полковником И. Ф. Гайдаем. (Альт-история, 2002)

А.С. После Мукдена где продолжил воевать ваш полк?

И.Г. Потом был Порт-Артур. Вначале мы поддерживали наступление наших войск, но там боевых вылетов было относительно немного, японцы отступали и не получалось у них закрепиться. После взятия города мы перебазировались на один из аэродромов в его окрестностях. В Порт-Артуре мы и встретили окончание войны.

А.С. Город посещали?

И.Г. Конечно. Роман Степанова «Порт-Артур» мне понравился, и очень хотелось поглядеть на те места, что в нём описаны.

А.С. Ну, а после окончания войны что было?

И.Г. Сначала нас, совсем ненадолго, перебросили на юг Кореи, на аэродром возле города Ульсан. Для того, чтобы наш полк принял участие в знаменитой «Токийской демонстрации».

А.С. Из Порт-Артура летели напрямую?

И.Г. Практически да. Вначале по компасу над морем, потом в 150 километрах от Пусана «поймали» радиомаяк, а Ульсан с Пусаном совсем рядом.

А.С. Над морем лететь было не страшно?

И.Г. Страшновато... Никогда до этого над морем так долго не летали. Вот станет двигатель, и что делать? Обошлось, все перелетели нормально.

А.С. Теперь вот какой вопрос – понимаете, согласно справочникам, не может Як-9УД летать на 2000 км, а от Ульсана до Токио и обратно примерно столько и есть. Как же вы долетели? Или в Ульсане ваш полк перевооружили на Як-9П?

И.Г. Нет, матчасть нам не меняли, но история действительно была интересной. И началась она ещё под Мукденом, когда на наш аэродром приземлилась пара Як-9П. Ведущий у них был подбит над целью. Они штурмовали отступающих японцев, те начали отстреливаться из винтовок и попали в самолёт ведущего одной-единственной пулей, но зато в радиатор. Антифриз начал вытекать, двигатель стал перегреваться, и лётчик принял решение садиться на наш аэродром, который оказался ближайшим. Ведомый, понятное дело, со-

проводил и приземлился вместе с ведущим.

А.С. Из какого полка были Як-9П?

И.Г. Уже не помню. Да это и не важно. Существенным было, что внимательно осмотрев эти самолёты, мы выяснили, что по планеру они ничем не отличаются от наших УД. Вообще ничем. Вся разница только в двигателе и вооружении. У нас двигатель карбюраторный, у них – с непосредственным впрыском. У нас пушка и два пулемёта, у них – две пушки. Во всём остальном полная идентичность. Даже по кабине никакой разницы. В столовой разговорились с этими лётчиками – их полк, так же как и наш, был «заточен» под ударные действия. Спрашиваем: «Двух пушек хватает?» – «Хватает». – «С бомбами летаете». – «А то!..» Тут они и проговорились, что несколько раз летали на цель с 250-кг бомбами. Причем без всякого бахвальства, так, между делом, а у нас то максимум сто. Я, помню, ведущего подробно расспросил, нет ли проблем на взлете с таким весом? Выяснилось, что нет. Не то чтобы совсем просто, но и ничего особо сложного. Ну, поговорили и поговорили. Починили наши мотористы им двигатель, и на следующий день они улетели.

А.С. Сами на «П» подлетнуть не попробовали?

И.Г. Нет, а чего там пробовать? «Як» он и есть «як». Ну, вот... Через неделю после этого случая случилось у нас в полку партийно-комсомольское собрание с повесткой «Как усилить удары по врагу?». Я возьми и брякни, что можно летать и с 250-кг бомбами. Не то чтобы каждый раз, но вдруг

какая важная цель, то можно и нужно. И не на тяжёлом, конечно, а на «удалом». Мне говорят «нельзя, у нас 100 кг уже перегруз», я – «можно, раз шасси и крылья позволяют». В общем, «зацепились». Я встаю и заявляю: «Забиваюсь на ящик водки, что взлечу в двоумя “250” при полной заправке и половинном БК к пушкам-пулемётам!.. Кто готов “ответить”?!..» Ну, нашлась у нас пара смельчаков – «ответили».

А.С. А почему «половинном БК»?

И.Г. Ну, всё-таки двигатель у нас послабее, чем на Як-9П. Я и объяснял, что если полетим с «250-тикиллограммовками», то это будет задание типа «ударил и смывайся!», там надобности в стрельбе не будет, а значит, и в полном БК не будет никакой необходимости. Да и половина боекомплекта это так, «для спокойствия духа», для реальной подстраховки хватит и трети (а по большому счёту и трети много).

А.С. А что комполка сказал на ваше предложение?

И.Г. Новоселов сказал: «Лётчик ты хороший, взлетишь. Но знай, что, не дай бог, движок “запорешь”, то я с тебя живого потом не слезу!..» Ну всё, через пару дней привезли на аэродром пару 250-кг авиабомб. Самолёт мне снарядили с полной заправкой, половинным запасом патронов к пулемётам и пушкам и двигателем выработавшем часов десять, не совсем новый, но и не «при смерти». Бомбы мне подвесили без взрывателей. Я на старте прогрел двигатель, разогнался и взлетел. Тот лётчик с Як-9П был прав – не то чтобы совсем просто, но ничего и особо сложного. Правда, темпе-

ратура охлаждающей жидкости и масла на взлёте подошла практически к «красной риске», но с перегревом вроде обошлось. Сделал я несколько кругов вокруг аэродрома, восстановил нормальную температуру головок цилиндров, потом сбросил бомбы на полигоне. Как приземлился, Новоселов тут же командует инженеру полка: «Проверь масло!..» Тот прибегает через полчаса: «Стружки нет!..» – «Точно?» – «Точно!..» Потом у нас еще несколько лётчиков так слетало. И тоже нормально. «Тянет» наш самолёт «двухсотпятидесятки»!.. Собственная правота приятна, опять же – ящик водки «как с куста»!.. Потом по итогам этих вылетов инженер полка подал донесение в инженерную службу нашей Воздушной армии. Ну, написал и написал. Правда, у нас так до конца войны необходимости слетать с «двухсотпятидесятками» так и не появилось. Зато вот после войны... Прилетаем мы в Корею, а там нам и говорят, что принято решение ваш полк назначить в сопровождение тяжёлых бомбардировщиков в полёте до Токио. И хоть это и не боевой, но политически очень важный вылет. В общем, оказано вашему полку в этом деле особое доверие. Тут-то и выяснилось, что донесение нашего инженера не пропало и «под сукно» не легло. Тот, кто надо, его прочитал. И не забыл. Когда комполка нам этот приказ довёл, то вижу, стали на меня некоторые ребята так нехорошо смотреть – лететь нам к Токио с подвесными баками, но не нашими обычными 150 л, а 300-литровыми, а это примерно 220 кг на плоскость. Отсюда недовольство

понятно – война окончилась, и «накрыться» на взлёте с двумя 300-литровыми «бочками» под плоскостями никому не хочется. Я им: «Ребята, спокойно! Ничего сложного...» Тем более что лететь нам без боекомплекта.

А.С. То есть боекомплекта не было?

И.Г. А он-то зачем?

А.С. Ну, вдруг какая провокация?..

И.Г. Ну, мы так думали, что если какая вероятность провокации была бы, то и никакую бы «демонстрацию» устраивать не стали. Стали думать, что делать с «тяжелыми» истребителями, у нас их половина полка! Их-то на 250 кг никто не рассчитывал. Понятно, что пушку надо снять, но как это повлияет на центровку? Да и особист влез: «Случись что с самолётом над Японией, лётчик выпрыгнет, самолёт упадет. Осмотрят японцы обломки, а пушки-то нет!.. И расскажут япошки всем, что с советских истребителей пушки сняты, а это явный политический ущерб для Советского Союза!..» Вот представляешь, это какие надо мозги иметь, чтобы в этом направлении даже думать?! Но с другой стороны, а ведь он прав! Получается, что надо 37-мм пушки заменить. Новоселов на телефон. Через день-два привозят нам новые пушки, часть 23-мм НС-23, часть 20-мм ШВАК. Их вместо «37-миллиметровок» и поставили.

А.С. Проблем с этой заменой не было?

И.Г. Нет, на «яке» конструктивно возможность такой замены предусматривалась. Другое дело, что тогда их просто

поставили. Не стали к ним ни тяги подводить, ни провода электроспуска. И патронные коробки тоже не меняли. За время подготовки к «демонстрации» у нас все лётчики сделали по несколько тренировочных вылетов по «проверенной методе» – взлёт с 250-килограммовыми бомбами. Всё нормально. Никто не разбился, правда, пару движков всё-таки перегрели. Ну, так в процессе подготовки всё равно заменили двигатели на всех самолётах на новые. А.С. Как согласовывали взаимодействие?

И.Г. В Пусане, в Штабе ВВС, командиры и комэски участвовавших полков собирались и «пешим по лётному» ходили по двору. Благо основной сложностью была только численность самолётов. В остальном ничего особо сложного – взлететь, собраться, пройти над морем, встретить другую группу, взлетевшую из Приморья, пару раз кругами пройти над Токио и вернуться обратно. Нет тебе ни зениток, ни вражеских истребителей. Красота!.. Так и случилось. Взлетели, собрались, прошли, вернулись.

А.С. Какие типы бомбардировщиков сопровождал ваш полк?

И.Г. Ил-4, До-217 и Ту-2. Там было несколько полков и нас истребителей тоже несколько полков в эскорте. Правда, на Як-9УД только наш полк, все остальные на Як-9П и Ла-11.

А.С. То есть это правда, что для визуального «увеличения численности» наши самолёты делали несколько кругов?

И.Г. Да, пару кругов сделали, но я не уверен, что это для «увеличения численности». На мой взгляд, это было для закрепления психологического эффекта. Каждый раз «коробки» проходили над разными районами города.

А.С. Горючего для возвращения вам хватило «впритык»?

И.Г. Нет, ещё и запас остался. Практически весь полёт на крейсерской скорости. Запас оставался хороший.

А.С. Чем больше всего этот вылет запомнился?

И.Г. Вот длительностью и численностью и запомнился. Всё-таки в «коробке» больше чем сто бомбардировщиков, это очень внушительно. А когда таких «коробок» несколько!.. И конечно корабли!.. Вся гавань в кораблях!.. Такие громады!..

А.С. На какой высоте шли?

И.Г. Нижний край бомбардировочной формации где-то на 1000 м, а истребители, случалось, опускались и ниже.

А.С. После «Токийской демонстрации» ваш сразу вернули домой, в Союз? В прошлый раз вы говорили...

И.Г. Не совсем – из Кореи нас сначала вернули в Китай. Под Пекин. Там много наших аэродромов было. Мы попали на аэродром Тунчжоу. Там уже стоял полк на Ла-7 (номера этого полка уже не помню).

А.С. Не знал, что с японцами воевали полки и на Ла-7.

И.Г. Этот воевал. У них были Ла-7 последних серий, с возможностью подвески ПТБ, а часть и с тремя 20-мм пушками. Правда, после и их перевооружили на Ла-9, но уже по-

сле окончания войны.

А.С. Ну, и как вам показался Ла-7?

И.Г. Отличный истребитель.

А.С. А по сравнению с Як-9УД?

И.Г. Знаешь, мы, когда с соседями перезнакомились (столовая у нас была общая), решили провести соревнование – по жребию три лётчика от каждого полка, бой «один на один» на 1500 м. Взлетают, занимают высоту, сходятся на лобовой – и дальше уж кому повезет зайти в хвост. На бой пять минут. Если за пять минут в хвост противнику зайти не получилось, значит, ничья. Итог – из трёх боёв один выиграли мы, два других – ничья. Да и то наш выигрыш был не за счёт превосходства самолёта, а за счёт явного более высокого класса лётчика. Повезло ему с противником.

А.С. На Ла-7 полетать не пробовали?

И.Г. Нет, не рискнул. Взлёту и посадке на «лавочкине» надо специально учиться. Это не «як». У нас лётчик был, так он в авиаучилище учился на «ла», а распределили его почему-то в наш полк, на «яки». Так он нам рассказывал, что после первого вылета на «яке», уже после посадки, поднял глаза к небу и про себя сказал: «Спасибо, Господи, спас!...»

А.С. И чем же Он его «спас»?

И.Г. Вот тем, что дал возможность не убится на взлёте или посадке. Запомни, все молодые лётчики боялись взлетать и садиться на «ла». Все, исключений не было. Впрочем, боялись и многие немолодые. Знаешь, сколько лётчиков на

«ла» на взлёте-посадке побилось?! О-о!.. Взлётно-посадочные характеристики «лавочкиных» и «яков» несопоставимы – «як» по сравнению с «ла» можно было сажать «с закрытыми глазами». «Як» сам садился. Конечно, как воздушные бойцы «ла» отличные истребители (а на больших высотах даже получше, чем «яки»), но воздушный бой он далеко не в каждом вылете, а вот взлёт и посадка в каждом.

А.С. Вернемся к вашим «якам». 37-мм пушки вы обратно поставили?

И.Г. Нет, не стали. Война закончилась, на штурмовки летать перестали, а на воздушном патрулировании (самая вероятная задача) малокалиберные пушки более «к месту». Опять же мирное время – и лишняя аварийность тут ни к чему, а чем истребитель легче, тем пилотировать его проще. Отсюда и вероятность аварии ниже. И если снижение аварийности можно обеспечить законным облегчением вооружения, то, будь спокоен, вооружение облегчат. Это уже законы военной бюрократии. Тем более что стали в воздухе встречаться с американскими истребителями, так там, случись что, самолёт лучше иметь поманевреннее, особенно на вертикали, а вот супермощная пушка не очень и нужна.

А.С. Советский 20-мм снаряд считается слабым. Ваши лётчики так не думали?

И.Г. Нет. Много ли истребителю с поршневым бензиновым двигателем надо? Один-два 20-мм снаряда, да десяток крупнокалиберных пуль – и любой заполыхает как милень-

кий!.. У нас наоборот, некоторые лётчики постарше просили, чтобы им ставили обязательно ШВАК, а не НС-23, потому как у ШВАК скорострельность выше и запас патронов больше. Я любил крупнокалиберные пушки, поэтому попросил, чтобы на мой самолёт поставили именно НС-23.

А.С. Когда вы в воздухе впервые встретили американцев?

И.Г. Да где-то недели через две после возвращения в Китай – значит, начало августа. Я своей парой летел вдоль линии разграничения на 3000 метров. Смотрю, на одной с нами высоте к нам приближается пара, примерно в одном направлении, но с пересечением курса. Я внутренне напрягся, но ничего, вижу, они не атакуют, а именно сближаются. Сблизились, уравнили скорости. Летим. Мы, ведущие – в 50 метрах друг от друга. Ведомые чуть подальше, в разных пеленгах (мой – в правом, его – в левом). «Мустанги».

А.С. И как вам «мустанг»?

И.Г. Большой и блестящий. Всей окраски только «звёзды», номера, у ведущего «шахматка» вдоль борта да «девица в купальнике» на капоте, а в остальном лак по белому металлу. И даже лётчики в белых шлемах и светлых куртках. Молодые парни. Улыбались. Ах, да!.. У ведущего на борту было ещё нарисовано пять маленьких японских флажков.

Им тоже, похоже, было интересно. Наверно, смотрелось очень контрастно – «яки» в черно-зеленом камуфляже, мы в темно-коричневых кожаных куртках и темно-коричневых шлемах.

А.С. А вы им улыбались?

И.Г. Нет. Смешного там ничего не было. Вот так летим, ведущий ещё ближе подошел. Потом смотрю, он прибавляет. И так головой вперед показывает, вроде как «погоняемся?..» Ну, давай! Мы тоже потихоньку прибавляем. Я кидаю глаз на указатель... ого!.. уже 570, а останавливаться он не думает. Проходит ещё какое-то время, уже за 600, а мы прём!.. Потом смотрю, а я вроде бы его обхожу!.. И тут их пара уходит резкой косой полупетлёй вверх, я тут же за ними такой же косой полупетлёй!.. В итоге – мы выше них метров на двести и на метров сто пятьдесят сзади. В общем, они перед нами как «на блюде», бери их и убивай. Смотрю, американцы закрутились, крыльями закачали – ага!.. пытаются нас под собой рассмотреть. Я потихоньку сближаюсь с ведомым, и когда мне до него оставалось метров пятьдесят, парень наконец догадался посмотреть вверх. За секунду его лицо из красного стало белым, как его шлем. Я так плавно снова сблизился с ведущим, стал почти «крылом к крылу» и так пальчиком ему погрозил – «не шали!». Смотрю, он уже не улыбается, зато уже я скалюсь во все зубы. Теперь мне смешно. Тут американцы сваливают в пике на свою территорию, и только мы их и видели.

Прилетел, докладываю – так, мол, и так, имел встречу с парой американских «мустангов». Сложилось у меня мнение – быстрые, маневренные, но на вертикали против «яка» слабоват будет. Так что, случись что, «вертикаль» всегда будет

наша.

В следующие несколько дней мы ещё раз встречали «мустангов» в воздухе, когда пару, а когда четверку. И каждый раз всё было по одному сценарию: американцы довели скорость до максимума, а потом резко уходили вверх каким-нибудь вертикальным маневром – от «горки» до «иммельмана». И каждый раз всё заканчивалось одним и тем же, мы всякий раз оказывались метров на 150–200 выше них. Кстати, с Ла-7 была та же история – разгон, уход на вертикаль, «ла» сзади и выше.

Безусловно, случись нам повстречаться тысячах так на шести и выше, скорее всего, всё было бы наоборот, но ниже пяти преимущество на вертикальном маневре однозначно было за нами. Похоже, что американцы поначалу сами не верили тому, что видели, но после нескольких таких «проколов» они перестали уходить от нас вверх, а наоборот, стали уходить пикированием. Ну, в этом мы с ними не соревновались – во-первых, самолёты наши легче (а у Ла-7 ещё и обшивка деревянная); а во-вторых, зачем?..

А.С. Другие типы американских истребителей вам встречались.

И.Г. Лично мне нет, но другим летчикам пару раз встретились «тандерболты». Но те в пилотаже с нами не соревновались, сразу уходили пикированием. Но недолго наша служба в Китае в тот раз продолжалась, уже где-то в конце августа 1945-го мы перелетели в Харбин, где передали свои ис-

требители маньчжурским лётчикам, а оттуда транспортными самолётами вернулись в Союз. И сразу на перевооружение, на Як-9П – на них мы и летали, до самого перехода на реактивные.

Юрий Смоленцев.

Москва. 2 сентября 1945 года

День, когда в той истории закончилась эта война. Я про японскую кампанию говорю. Это надо же – сюда попав, Отечественную прошел без единой царапины, а тут в первый день совершенно дурной осколок словил! Не иначе – знак свыше – что поистратил я свое везение?

Правда, заштопали меня качественно. И обещали, что в дальнейшем никаких ограничений по здоровью не будет – при условии правильной реабилитации, как сказали бы в более позднее время. Сам маршал Василевский намекнул, что пора бы мне переходить с оперативной работы на штабную и аналитическую, – может, и подумаю, теперь, когда Лючия сразу двоих родила, хочется мне их выросшими увидеть. Не каждого раненого майора в госпитале сам главком Дальнего Востока навещает, но тут случай особый: Василевский тоже член «ордена Рассвета», то есть в нашу Тайну посвящен, кто мы и откуда. И, как ни крути, но операцию мы все же завершили успешно – не только «управление водоснабжения» разгромили, лишив японцев бактериологического оружия, но и генерала Исии живым притащили, вместе с докумен-

тацией, вешдоками и свидетелями (кого из тюрьмы успели освободить). Ребят жалко, и Андрюху «Чечена», родившегося в иной истории в 1980-м, в год Московской Олимпиады, и местных ребят – Пашу Коробова, Гошу Мартынова, Володю Барсукова, Равиля Зелимханова – а впрочем, после всего, что мы вместе прошли, нет для меня разницы между теми, кто со мной из 2012 года сюда провалился, и кто здесь вытянул на себе Отечественную войну. Но не бывает войны без потерь – и если мне как-то везло, то не ко всем судьба благосклонна.

А мне достались катана и вакидаси, взятые у самого генерала Исии. В этой войне обычай пошел, о котором не слышал я в нашей истории – может, пропагандисты виноваты, выпустив в обращение кое-какую литературу из иных времен? – но если осталось в Уставе Положение о наградном оружии, то отчего это обязательно должны быть кортики и шашки златоустовской работы, а не раритетные японские мечи? Если театр дальневосточный, и трофеи по праву? Кто первым додумался, не знаю, – но приказом Василевского это было узаконено, с конца июня. Для того отбирались подлинно дорогие клинки, а не новодел, и вручали перед строем, обычно вместе с орденом, не ниже «Красного Знамени», как на моем мече, – даже эфес и гарду (по-японски – цубу) успели позолотить. Так что буду при полном параде, как маршал Буденный, у которого наградная шашка еще с Гражданской – носить придется именно как шашку, а не по-самурай-

ски, за поясом, но нам это рост позволяет, средний русский заметно выше среднего японца. Хотя, вот интересно, та же самая катана в японской армии называется син-гунто, а во флоте кай-гунто, различаются лишь ножами (деревянные у армейцев, металлические у моряков), и рукоять отделана по-иному, носят эти мечи, в отличие от катаны, не за поясом, а на портупее. Но как мне ни разъясняли (и на целой куче экземпляров показывали), вот не нашел я отличия от катаны в собственно клинке. Меня больше заботит – если я хочу меч не только для украшения использовать, мало ли что, то придется приемы иай-дзюцу (мгновенного выхватывания с ударом) изучать? А где я в СССР наставника по японскому фехтованию найду?

Еще я получил в награду подполковничьи погоны. Командующий сказал – война закончится, на мирные сроки выслуги перейдем, так что прими по чести. При том, что я в майорах едва год отходил. Это надо понимать в связи с предложением, сменить «поле» на штаб? Бумажки, согласования, – а ведь ошибешься, спросят с тебя так, что пуля на фронте будет гуманнее? Этого боюсь – хотя слышал, наш кэп из 2012-го, Андрей свет Витальевич, большим начальством стал, между Москвой и Европами болтается. А его зам, старлей Васька Гаврилов (в одном звании были, как сюда попали, три года назад), сейчас уже полковник, и тоже больше в штабе сидит. Может, и не так все плохо? Ладно, три месяца до принятия решения у меня точно есть! Столько дано мне

на отпуск по ранению – а после – в кадры, где решать будут, что со мной делать дальше.

День Победы (над Японией) я в госпитале встретил, лишь в начале августа меня выписали. До Омска повезло самолетом добраться – ну а дальше, паровозной тягой, «я ехал по самой прекрасной земле», эту песню сейчас чаще, чем даже Высоцкого тут можно услышать, эшелоном через всю Сибирь. Доехал, в общем, без приключений, если не считать того, что у меня пытались стянуть наградную катану, дело кончилось битыми мордами двух тыловых ухарей, сданных в комендатуру. Прибыл на Ярославский вокзал – в этом времени он Северным назывался, но мне так привычнее. На площадь Трех Вокзалов вышел – и почувствовал себя дома! Москва сороковых, как из фильма «Место встречи» – старые дома, кривые улочки на окраинах, древние автомобили, девушки в непривычно длинных платьях, а не в джинсах и мини-юбках – для меня это все уже больше «свое», чем лужковская Москва-Сити, а тем более «москвабад» (кто здесь нашу столицу так назвать посмеет – убью!). Наверное, оттого, что ждут меня здесь. Ведь дом – это и есть то единственное место, где тебя любят и ждут.

На асфальте лужи, летний дождь недавно прошел, воздух как на даче (хотя своей никогда не имел). Ныряю в метро, до станции «Сокол», конечной по Замоскворецкой линии, на сорок пятый год – и вот я на Ленинградском шоссе. Прямо напротив выхода знаменитый в будущем «генеральский»

дом, где сейчас наша квартира, обставленная в стиле, который в 2012 году назвали бы «ретро пятидесятых», все такое основательное, дубовое, даже радиола, приемник с проигрывателем, с отделкой под цвет – наверное, тут в конце века уже мои внуки и правнуки жить будут? Проспект перебегаю, хочу к парадной повернуть, но как толкнуло что-то взглянуть налево, там церковь Всех Святых (постройки аж петровского времени), за ней парк. И увидел я две женские фигурки в косыночках и плащах парусами, с колясками перед собой. К ним бегу, они тоже меня увидели – и одна сразу хотела броситься навстречу, но коляску не решилась оставить, а лишь когда я рядом был, с визгом у меня на шее повисла. Обнимаю я Лючию, Галчонка своего, какая же она у меня красивая, ну просто расцвела, а рядом Аня Лазарева улыбается.

– Детям свежий воздух нужен. Вот и гуляем, в любую погоду, если только не проливной дождь.

Смотрю на своих двойняшек, январские они, значит, семь месяцев уже. Укутаны плотно – а все равно на руки взять их боюсь, вдруг уроню или что-нибудь сломаю, если слишком крепко сожму? Как только женщины наши с ними так ловко обращаются? Хотя и не на руках тащить – детские коляски в этом времени еще редкость, но слышал я еще перед отъездом, что в Москве их какая-то артель делает (частники!), по образцу из Германии привезенных, но немецкий оригинал больше похож на то, что в конце века было, а наше изделие словно с того же завода, который раньше танки выпускал, у

немцев рама из тонких трубок, а местами даже из чего-то похожего на пластмассу, у нас же плоский стальной профиль, довольно толстый (зато хрен сломаешь или погнешь). И еще нет колясок для двойни – так что мои Петр с Анечкой должны были тесниться вместе, уже едва помещаясь. А укрыты-то как, ну словно на Северный полюс, будто январь, а не август сейчас!

– А если простудятся и заболеют? – серьезно говорит Лючия. – Мы их дома, когда моем, то под конец холодной водой обливаем из ковша, чтоб закаливались. И сразу в тепло. Вдруг продует?

И зонтики сложенные у них с собой, на всякий случай. Погуляли мы тогда еще немного и пошли домой. Женушка моя бурную деятельность развила – оказывается, пока меня не было, она и Аня вместе жили, в квартире Лазаревых, чтоб удобнее было присматривать за «детсадом», а наше жилье этажом выше пустовало, лишь домработница тетя Даша туда убираться приходила. Теперь же пришлось обратно перебазироваться – дав Анне Петровне обещание, что будем часто в гости приходить. О дальнейшем, чем мы занимались, умолчу. Скажу лишь, что когда Лючия обнаружила свежий шрам у меня на спине и выслушала мой рассказ, то сначала разразилась экспансивными проклятиями в адрес самураев на родном итальянском, а затем спокойно так спросила, много ли их я убил?

– Мой кабальеро, Аня учила, что когда хочется плакать,

то это должна делать не я, а те, кто были в том виноваты!

Такая вот пантерочка мне в жены досталась. И ведь сам ее выучил, а Лазарева только добавила!

А на следующий вечер приехал Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко. Оказавшийся тут, в Москве, моим прямым начальником.

– Служба партийной безопасности, товарищ Смоленцев, стоит выше НКГБ и армии. Хотя вы, при исполнении, можете иметь документы от них. Вы очень хорошо показали себя на японском фронте – теперь же нам надлежит основное внимание направить на фронт внутренний. Который, впрочем, вполне может быть связан с фронтом внешним. Детали вам товарищ Лазарева разъяснит, или даже ваша супруга, которая Анне Петровне помогала. Но вы поправляйтесь пока, а следующую задачу вам завтра поставят.

Назавтра с утра пришли рабочие, готовить место под сейф: вам, товарищ Смоленцев, положено, для работы с документацией. Стахановскими темпами намертво заделали в пол и в стену стальные рамы, и еще через день на особой тележке с домкратами шестеро солдат под командой лейтенанта с погонами ГБ привезли тяжеленный ящик – выверили на месте и опустили, крюки зацепили за гнезда на стене, ножки намертво застопорились в раме, теперь вывезти сейф отсюда можно, лишь разломав пол. И сразу после инструктажа появился фельдъегерь с бумагами – всего лишь с грифом ДСП. Пока – информационный обзор событий для своего узкого

круга Тех Кому Надо. Гриф секретности – чтобы на той стороне не знали, что именно мы знаем. Или о том, о чем нашей широкой публике не обязательно знать.

– Чтобы вы были в курсе текущих дел, товарищ Смоленцев. Конечно, если у вас будут какие-то замечания или предложения, то пишите.

Так что я ежедневно по паре часов в день уединяюсь в кабинете, с документами работать. Слышал я от Ани Лазаревой, что наш отец-адмирал еще в сорок третьем такую обязанность имел, – ну а меня, значит, сейчас нагрузили, расту, «от ухорезов до умных», как товарищ Сталин сказал. Еще физнагрузки с тренировкой, по мере возможности – после надо будет вопрос поставить, чтоб можно было в зале с группой, а не кустарно, одну из комнат освободил, «бой с тенью» тренирую. Или с моим Галчонком – не дай бог, конечно, ей придется одной и против кого-то серьезного, а не гопников в подворотне, за это я спокоен, с одним-двумя, если без стволов, моя пантерочка справится, ловкость, скорость и резкость у нее вполне на уровне, чтобы по болевым точкам отработать, против ножа приемы я ей сам ставил: но главное запомни, тебе рукопашка нужна лишь на те секунды, чтобы достать пистолет. Ну а дальше – не знаю, были ли американские ганфайтеры так хороши, как в вестернах, но судя по тому, что я в «доме ужасов» видел, как ты там с пистолетами танцевала, причем с двух рук, подготовка у тебя к скоротечным огневым контактам намного лучше, чем у каких-нибудь

«черных кошек» (история в фильме придуманная, но такая банда в Москве сорок пятого реально существовала). А главное, если кто опознан как враг, и у него оружие – стреляй первой, и сразу на поражение, без всяких сомнений. Тем более что в этом времени к праву на самооборону относятся с полным пониманием.

Раз в три дня – мне в госпиталь, на осмотр. Раз в неделю – Пономаренко приезжает. И конечно, ежедневные прогулки с подрастающим поколением. При этом Лючия как в театр наряжается – платье с тонкой талией и юбкой-клеш (по мне, куда лучше джинсов и футболок, опостылевшего стиля «уни-секс» следующего века), шляпка, перчатки, а поверх плащ ставшего тут очень модным фасона «летучая мышь» (он же «парус», «шаль», «разлетайка», а по сути накидка-пончо «Алла Пугачева»). Тоже удобно – если с боков не застегивать, то на прогулке я могу свою жену ненаглядную за талию обнять незаметно – мораль тут еще не 2012 года, не принято на виду обниматься и целоваться, если случай не особый, как любимый муж с войны вернулся. Идем так по улице, всей семьей – было бы кино, так финальная сцена, хэппи-энд, «и жили они долго и счастливо».

Вот только, документы читая, другая совсем картина рисуется. И во всем мире, и внутри СССР.

Главная задача сейчас – восстановление мощи СССР. Помню, что в той истории была особая медаль «За восстановление шахт Донбасса», но вот только сейчас, читая крат-

кую сводку, понял, отчего это считалось особым трудовым подвигом. Кузнецкий бассейн был еще недостаточно разработан, и основной объем угля стране должен был дать именно Донбасс. Причем восстановление шахт шло одновременно с их механизацией, в сравнении с довоенным уровнем, по наиболее трудоемким работам уже в первом полугодии 1945-го замена ручного труда машинами достигла 90 процентов, а в целом же, по завершению программы, донецкие шахты должны были по производительности намного превзойти англичан! И триста тысяч рабочих со всего Союза не только восстанавливали шахты, но и строили жилье и объекты соцкультбыта, транспорт, дороги – уже второй раз Донецкий край обретал свое новое лицо (первый раз было во время первых пятилеток). Трудами и усилиями всего СССР – все это в нашем времени прибрали к рукам самостийники; хорошо, что в этой реальности Донецк, Ворошиловград, Днепрпетровск, Херсон, Николаев, Одесса – российские города, области переданы состав РСФСР после прошлогоднего кириченковского мятежа. Есть еще Украинская АССР (оставшиеся области Украины в границах до 1939 года) и Галицко-Волынская ССР (с границами ясно), где я еще прошлым летом бандеровскую сволочь давил⁴⁰.

Аналогично – и с металлургией Юга. Пономаренко сказал, что фильм «Высота», где все в общем показано верно, еще летом принято решение выпустить на экраны – толь-

⁴⁰ Смотри «Союз Нерушимый» и «Страна мечты».

ко не в нашей копии, а отснять здесь, по тому же сценарию и с другими актерами. Строились новые заводы, причем с активной помощью из ГДР – в этой реальности СССР взимал свою долю репараций большей частью не демонтированным, а вновь изготовленным промышленным оборудованием. Причем самое поганое, что хотя что-то могли уж дать немецкие «камрады», без американских поставок было никак не обойтись – например, машины для Днепрогэса были американской «Дженерал электрик» заказаны. Хотя поворот в отношениях с союзниками уже наметился явно, – но трудно ведь их бизнесменам, уже привыкшим к прибыли от советских заказов, разом все свернуть? Помнится мне, в той истории довоенный уровень по промышленности был достигнут СССР то ли в сорок седьмом, то ли в сорок восьмом? А в этой реальности положение все же полегче, потери меньше, поставки из-за бугра побольше, да и Германию мы не трясем бездумно, а доим медленно и старательно, с большей пользой. Только приходится для того пленных уже возвращать домой, ну, кроме тех, кто с квалификацией, и на срок к нам завербовался, видел я такое на Севмаше. И армия демобилизуется, возвращаются мужики по домам – так что отменяется пока «наш Советский Союз покоряет», не нужна нам сейчас еще одна серьезная война.

С повышением жизненного уровня населения хуже. Но что-то поступает уже из «нашей» Европы – в Москве (слышал, что и в Питере тоже) есть обувные магазины от чеш-

ского «Бати». И открылся на Арбате Дом итальянской моды, причем Лючия в этом мероприятии участие принимала – конечно, одеваться там прежде всего будут жены большого начальства, но, во-первых, ничто не мешает нашим производителям перенимать опыт, а во-вторых, снижение цен грянет. Ну а такие полезные вещи, как детские коляски и складные зонтики (еще один привет из будущего – их тут артели делают), свободно продаются в магазинах. И ведь мы еще в самом начале пути – 1 апреля каждого года и здесь будут снижать цены на товары народного потребления, ну а ВВП (валовой внутренний продукт) и в иной реальности, где война кончилась в 1945 году, показал темп роста, как в Китае в двухтысячных, здесь же, по всей видимости, будет еще больше. Летит Советский Союз вперед, как ракета со старта – и ничто не сумеет нас остановить, если только мы сами дров не наломаем.

А вот с этим пока вопрос. Киевский мятеж подавили, Кириченко расстреляли, прочие же первые на местах клянутся в верности делу Ленина – Сталина. И под борьбу с «кириченковщиной», то есть политикой «я делаю вид, что лоялен Центру, а он не лезет в мои дела», провели национально-территориальную реформу и в Прибалтике, аналогично украинской. Черт побери, какой потерей для нашего дела было, что эстонский и латышский рабочий класс, бывший нашим верным союзником еще с дореволюционных времен, в массе полег на фронте этой войны – и заменить его в иной ре-

альности так и не сумели?! В итоге, для работы на заводах пришлось привлекать русских, которые так и остались для местных «чужими», отдельной прослойкой, пусть и составляющей в Риге большинство населения. Как выйдет здесь, неизвестно, но хоть с территорией ошибок не повторим! По реформе 1944 года Нарва с прилегающим районом отошла к Ленобласти, Двинск (Даугавпилс) и Резекне (Ракобор) к Псковщине, Вильно (Вильнюс) к Белоруссии, ну а Мемель (Клайпеда) исторически к Калининградской области! И «по волеизлиянию народа» три отдельные союзные республики заменяются на одну Прибалтийскую ССР с тремя автономными внутри.

Тут, как следует из прочитанных мной документов «ДСП» была проблема. Нам надо, чтобы впредь новые республики, желающие войти в СССР, опасались, что их вот так же упразднят? Потому важно было, чтобы это решение выглядело не произволом из Москвы, а справедливой реакцией в ответ на «сепаратизм». Как это – нет кириченковского заговора в Риге, Таллине, Вильнюсе? А разговоры были, а смотрел кто-то на Запад, заигрывал с «лесными», имел какие-то подозрительные пятна в биографии? Если очень постараться, то всегда можно найти – и перетрясли местные верхи, и отправился кто-то в места не столь отдаленные, возможно даже, что и не совсем по вине.

– На товарища Сталина большое впечатление произвело, как прибалты предали Союз в восьмидесятых, – сказал По-

номаренко, – предали, хотя мы им многое позволяли. А от того, закрутив гайки, мы немного теряем – в их лояльности. Если теряем вообще – как волка ни корми...

В Польше творится локальный ад на земле – нет здесь бывшего у нас обмена населением, им с Галиции-Волыни этнических поляков, потомков «осадников», нам украинцев, оказавшихся в большинстве боевиками УПА с богатым опытом. Потому Львов остается русско-немецко-еврейским, но никак не рагульским городом, там на суржике заговоришь – не поймут! Про новую экономическую политику («товарищества по совместной обработке земли»), когда «лесным» оказался должен платить не «колхоз» в виде общины, а каждое конкретное куркульское хозяйство, я уже рассказывал⁴¹, только польские товарищи мудрости и гибкости ума Иосифа Виссарионовича оказались лишены, и на практике стали проводить политику «понаехали тут», а поскольку принудительно высылать щирых-свидомых на нашу территорию против нашей воли они никак не могли, и своей Сибири не имели, то стали прессовать щеневмерлых на месте, кто тут равны, а кто равнее прочих, вводя, например, ограничения на владение собственностью и уровень налогов, что пану дозволено, то щирому или низзя, или семь шкур сдерут в уплату. Сторонники дела Бандеры отреагировали, как им привычно, поляки в долгу не остались, так еще и бывшие АКовцы спрятанное оружие достали – короче, в южных воеводствах

⁴¹ Смотри «Страна мечты».

Польша идет сейчас что-то похожее на первую арабо-израильскую войну, эти деревни против тех, и от новой «волинской резни» спасает лишь, что нет там мирных деревень, все боеспособное население вооружено и организовано в банды (простите, в отряды самообороны). «А что, если в Италии в “красном поясе” было можно, то отчего нам нельзя?»

В Германии, на удивление, спокойно. Возможно, немцы пока присматриваются и оценивают, – но нет у них пока причин быть недовольными. Мужиков у них повыбило, это да (и у нас в Союзе пока еще сколько-то их пленных на восстановлении пашут как папы Карло). Так что в качестве дополнительной рабсилы, особенно в сельском хозяйстве, у них привлекаются туркоарабы (подарок Исет-паши), причем есть сведения, что иные бауэры-хозяева к ним относятся примерно как прежде к «восточным рабочим» (кстати, слово «остарбайтеры» в Германии сейчас обозначает именно турок, а ни в коем случае не русских, боже упаси). А так, фольксармее под командой фельдмаршала Роммеля повышает боеспособность, а полиция безопасности, где заправляет другой наш знакомый, герр Рудински, бдит, вылавливая затаившихся фанатиков из «Гроссдойчланда» и «Тотенкопфа». И так же идет восстановление всего, разрушенного войной.

С границами интересно. Похоже, Сталин решил подсластить пилюлю – Восточную Пруссию мы забрали, а вот в Австрии, Судетах, Силезии объявлено о предстоящем плебис-

ците (неудобно же напрямую признать гитлеровские захваты территории?). Вот только весьма вероятно, что раз немцы там составляют большинство, то захотят нах фатерланд, ну так воля народа, это святое, особенно когда наших интересов не задевает. Есть проблемы с Пфальцем, откуда союзники наконец убрались – и оставили своей агентуры, как блох на барбосе. Ожидается решение ООН по Эльзасу и Лотарингии, наши предлагают плебисцит, французы категорически против, янки их поддерживают, англичане же, как дерьмо в проруби, намекают нам, что могли бы поддержать, в обмен на помощь во взыскании французских долгов. Также плебисцитом будет определяться, чья Трансильвания – венгерская или румынская? Из Франции нам все же уйти пришлось, Де Голль сволочь – надеюсь, что бог его накажет. Правда, коммунисты в Национальное Собрание и даже в правительство все же пролезли. Причем на юге, в бывшей нашей зоне, им удалось сохранить гораздо большее влияние, и даже какие-то вооруженные структуры (местные «роты республиканской безопасности»). Туда ультраправые не суются, а в Париже случается, что «левых» и убивают, и похищают, и просто бьют.

В народной Италии беспокойно – американцы с Юга и из Сицилии ушли. Оставив нам богатое мафиозное наследство – так что будет еще в этой реальности свой «Спрут» и комиссар Каттани. Но все же надеюсь, что мафия не будет настолько бессмертна – поскольку нет у нее поддержки от крупного

бизнеса (зато от среднего и мелкого в изобилии). Утешает лишь, что даже в нашей истории о мафии на итальянском Севере не было слышно до семидесятых, – а тут ей тем более хвост прижмут. И довеском ко всему – в ООН будет решаться судьба Ливии, бывшей итальянской колонии – поскольку никто из держав особого интереса к этой бесполезной территории не проявил (нефть там лишь в пятидесятые найдут), то велика вероятность, что Ливию вернут на баланс бывшему владельцу. При том, что СССР решительно «за» и Рим тоже.

В Иране нездоровое шевеление. Британцы в ООН поставили вопрос о наведении порядка на территории, контролируемой «этим бандитом Барзани», их поддержали США, французы и турки (и эти туда же!). Это при том, что советские войска с Ближнего Востока постепенно выводятся (в рамках общего сокращения армии по демобилизации). Так что курдская (а заодно и иранская) проблема еще ждет своего решения, но в документах подробностей нет. По моему же убеждению, Восток это тот еще гадючник, там понятия друг и враг весьма относительны, и рубить этот клубок сплеча не советую никому. Чего стоят афганские события 1941–1942-х, когда там во власти победила «прогерманская» партия, и премьер-министр Мухаммад Хашим-Хан отдал приказ организовать банды басмачей, обеспечить их оружием и провизией, и ждать приказа напасть на советскую территорию? И уже собиралась Лоя Джирга (всеафганский совет старейшин племен), где должен был быть объявлен джихад против

СССР, и сто тысяч моджахедов, при поддержке инструкторов из Абвера, готовы были начать вторжение? Предотвратить это тогда удалось лишь в тесном союзе советских дипломатов и разведки с британскими коллегами. Англичанам тогда совсем не был нужен еще один немецкий успех, и они банально подкупили Хашим-Хана, а также большинство делегатов – в итоге выступление против нас не состоялось, зато было принято решение выдворить из Афганистана немецкую колонию, кроме германского посольства. Это было в ноябре сорок первого, – но и через год, во время битвы под Сталинградом, Хашим-Хан официально обещал Рейху начать вторжение в СССР, как только немцы захватят Кавказ и решат идти в Индию⁴². И снова тогда англичане были на нашей стороне, защищая сугубо свои интересы. Спасибо им за это, но ведь сейчас они реально могут устроить нам нападение ста тысяч басмачей, которые из Афганистана никуда не делись, а сами останутся в стороне?

Ну и наконец, Китай и Япония. В Китае пока затишье, обе стороны (Мао и Чан Кай Ши) смотрят друг на друга с подозрением и копят силы. Наши войска из Маньчжурии пока не уходят, отчего Мао уже показывает недовольство (и есть опасения, что может переметнуться к американцам, что совсем не айс). В собственно же Китае даже процесс разоружения японской армии не завершен – самураи не самоубийцы, сдавать оружие в окружении толп китайцев, готовых их рас-

⁴² Все события реальные.

терзать, а наших или союзных войск, достаточно сильных, чтобы обеспечить порядок, там пока нет. Мы на юг не пошли, заняв Пекин – смотрю на фотографию танка Т-54 и советских солдат на фоне Запретного Города (китайского императорского дворца). Опять же, процедура – все же Маньчжоу-го формально является суверенным государством, отличным от Китая – это как белый «остров Крым», огрызок прежней Империи Цинь, сметенной революцией Сунь-Ят-Сена в 1911 году. И в качестве суверенного было признано многими государствами, как СССР, Германия, Италия, Испания, Ватикан, Венгрия, Румыния, Болгария, Финляндия, Словакия (еще Дания, Таиланд, Сальвадор и, конечно, Япония). Все перечисленные вначале входят в советскую сферу влияния, или дружественны нам, – а потому есть все основания считать, что в ООН поддержат то, что решит Москва. И император Пу И у нас, как и в той истории – попался, сбежать не успел, так что подпишет все что угодно! Пока что позиция СССР уклончивая, ни да, ни нет, что ООН решит? И вообще, вы там сначала между собой разберитесь сначала, кто из вас, Мао или Чан, может от лица всего Китая что-то требовать, да еще от нас?

И Япония. Акт о капитуляции подписан. За главного от союзников выступал Маунтбеттен, не Макартур, и процесс проходил на английском, а не на американском корабле. Зато Макартур все же получил пост «главного советника» при микадо! Правда, на территории японской Метрополии нет

американских баз и войск — янкесы заполучили в полную собственность лишь остров Окинава. А в самой Японии есть лишь персонал Контрольных комиссий (куда входят и наши, большей частью на острове Хоккайдо), без административных, оккупационных функций, а лишь надзирающие за сдачей оружия японской армией и флотом. Нет и оккупационной гражданской администрации как таковой — все чиновники остались на местах, японская полиция продолжает нести службу. Разрешена деятельность всех политических партий, включая коммунистов, из тюрем освобождены политзаключенные, но продолжает действовать закон «о нарушителях спокойствия», по которому за один лишь призыв к беспорядкам и мятежу, не говоря уже об участии в таковых, полагается смертная казнь. В целом внешне все выглядит как «нейтралитет», — но я-то помню, что будет после, согласно Договору 1951 года, который и закрепит американо-японский военный союз (а штатовские войска в товарном количестве появятся в Японии лишь в шестидесятые, во время даже не Кореи, а Вьетнама).

Ну и подробно описан инцидент во время подписания. Нет, у нас агентов в американских ВВС не было. И журналисты, там присутствующие в большом числе, сами все раскопали, а кто-то даже голос узнал. Надо бы помочь восходящей звезде американского джаза, ведь не будет лишним получить в перспективе еще одного друга СССР? Тем более что формально ему шьют «по вновь открывшимся» якобы

попытку убийства своего командира над французским Брестом! Стоп, помнится мне, по тому эпизоду что-то у нас было? Показания Хартмана, который тогда же был сбит – вряд ли в том бою было два негра на американских самолетах с советской раскраской! А Хартман у нас сидит, и вполне может дать показания – поверят ли ему, не факт, но, по крайней мере, хуже точно не будет! Достая чистый листок, пишу свои соображения для Пономаренко.

Стук в дверь, и в кабинет заглядывает Лючия.

– Мой кабальеро, к тебе можно? Все секретные государственные дела? Разве меня еще не посвятили в ваш «Рассвет», тогда, на даче у вашего Вождя?

А-а, к чертям! Чувствую, что как окончательно поправлюсь, скучать не придется – опять ушлют в какую-нибудь тмутаракань, искоренять всякую сволочь! Когда еще представится вот так, пройти с женой по московской улице – вижу, она уже одета «на выход», ну точно – время прогулки! Убираю бумаги в сейф – вечером отдам курьеру. А собраться мне быстро – в отличие от Люции, которая, входя в роль «дамы», может перед зеркалом в своей комнате крутиться полчаса. Конечно, если выход не по-боевому.

Ну вот, сглазил. Смотрю, как моя благоверная, плащ уже накинув, шляпку надевает перед зеркалом. Петя и Аня уже в коляске, готовы – пока вмещаются, но скоро перестанут, где транспорт сразу для двоих взять?

– Буду вывозить по очереди, а тетя Даша дома за вторым

присмотрит. А дальше, Анна говорила, можно сделать такую коляску, чтобы ребенок сидел. И она знает, кому заказать.

Шляпа с широкими полями и еще вуалью – вот не помню я таких по фильмам из иного времени про эту эпоху, а здесь они как-то легко в моду вошли, среди жен высокого начальства, интеллигенции и богемы. Лючия ее поправит на голове, в зеркало взглянет – и по новой. Зачем женщины это делают – лично я разницы не замечаю, как было и как стало? Ты очень красивая, мой Галчонок, и эта шляпка тебе очень идет.

– Только я видел, раньше ты в платочке на прогулку ходила, наверное, его повязать проще и быстрее?

– Мой кабальеро, а перед кем мне было наряжаться, если тебя рядом нет? А еще шляпку сдувает, с коляской это очень неудобно.

Наконец шляпка надета «как надо», и мы выходим. Куда сегодня – на север, к поселку «Сокол» (едва ли не первый в СССР кооператив, в двадцатые хотели «город-сад» тут построить)? Или в другую сторону, мимо церкви, которую старожилы «пизанской башней» называют, из-за наклоненной колокольни. Тут раньше село Всесвятское стояло, в летописях упоминаемое аж в 1398 году – районом Москвы стало уже в советское время. Окраина, воздух свежий, народу не слишком много – красота! Лючия чинно коляску везет, я рядом иду. Как обычно на улице, говорим не о деле, а о разных пустяках. Хотя вижу, что очень хочется моему Галчонку

узнать, чем я в кабинете занимаюсь – даже не из праздного любопытства, а чтобы узнать, не грозит ли нам новое долгое расставание?

– После этих бумаг, в голове все набекрень, – переводя в шутку, говорю я, – вот читаешься, и после всякие сны видишь. Как я вчера ночью. Вот представь, круглый стол, как в ООН, и сидят за ним договаривающиеся стороны. От нас, конечно, товарищ Сталин, от США Рузвельт, от Британии отчего-то Черчилль, хотя он уже давно в отставке, от Франции Де Голль, ну и прочие. И обсуждают:

США: – Так что мы решили с Японией?

Великобритания: – Прежде всего, пусть платят сполна, за наш Сингапур, Гонконг, Малайю, Бирму и Индию. За все, что там поломали – в десятикратном размере. А может, они нам и за Европу тоже заплатят, – а то мы потратились, в казне уже дно видно, а в Германии русские все себе забрали, и Францию нам тоже трогать не дают.

Германия (толстый колбасник Михель): – Ми организованно сдалис русский зольдат.

Великобритания: – А мы что, с вами не воевали? С тридцать девятого, на два года дольше!

Германия: – Фоевали. Но на территория Германия ви никогда не пыли.

Великобритания: – Мало на вас бомб сбросили. Надо было вас – в каменный век.

Германия: – Кто пы гофорилл. Если бы не русские с американцами, вас бы давно не было бы...

США: – Прекратить! С Европой мы еще разберемся, кто тут кому и сколько должен...

СССР: – Разбирайтесь. Но взятые нами – платят сначала нам. И пока мы не сочтем, что довольно – ни копейки кому-то еще! А как вы с остальными решите – нас не интересует.

Великобритания: – Ну вы учтите, что проценты набегают. Чем дольше будете тянуть, тем больше платить.

СССР: – Мечтать не вредно.

США: – Я сказал, прекратите! Так мы до утра спорить будем и ничего не решим. Поскольку русские не уступят. Вы ведь не уступите?

СССР: – Не-а. Что с бою взято, то свято. Где ступила нога нашего солдата, то наше – и в этом не может быть обсуждений. А прочее делите сами как хотите.

США: – Ну вот. А с прочими мы в рабочем порядке решим. Сейчас же вернемся к нашим баранам.

Япония (гейша): – Не поняла? Я сейчас забуду, что обещала!

США: – Я образно выражаюсь...

Япония: – Не надо таких образов. Грабьте, но чтобы без потери лица! Моего. Тогда я подчинюсь неодолимой силе. Иначе буду сопротивляться насилию до последнего японца!

США: – Хорошо. Итак, вариантов два – поделить терри-

торию на зоны и раздать под контроль всем победителям: СССР, США, Великобритания, Китай.

Китай (толстый мандарин): – Я согласен.

США: – Ты пока сиди, с тобой самим еще неясно.

Великобритания: – А кому сколько?

Италия (улыбающийся официант): – Кому пиццу?

США: – Я не договорил. Второй вариант: ничего не делим, отбираем весь флот, авиацию, танки, артиллерию – вообще армию распускаем, оставляем только полицию для поддержания порядка. Императора тоже оставим – только для помощи дадим ему нашего американского генерала-советника, с правами «генерального резидента» в каком-нибудь Индокитае. Который, чтобы избавить правителя от хлопот, сам будет решать все вопросы, вплоть до того, сколько денег выделять на расходы императорского двора. Ну и конечно, чтобы бедную Японию никто не обидел, там будут размещены американские войска. Вариант выберем, когда капитуляцию подписывать будем, на борту нашего линкора, а от каждой из прочих сторон по одному представителю.

СССР: – Тогда я туда представителем свой Полярный Ужас пришлю. Против вашего линкора.

Германия: – А я что, я ничего, я же за вас.

СССР: – Да не тебе это.

Германия: – Уфффф.

США и Великобритания (одновременно): – Дак он у тебя из ремонта не выйдет уже.

СССР: – Ну значит, его младший брат.

США и Великобритания (одновременно): – Но ведь Ужас один?!

СССР: – Может, один, а может, и нет. Узнаете.

США: – А какие ваши предложения? Забирайте тогда Корею, мы согласны.

СССР: – Корея с Маньчжурией и так уже наши. А вот в Китае устанавливаем власть компартии под предводительством товарища Мао.

Китай: – Это русский полярный лис...

СССР: – Не перебивай, а то передумаю. И Япония нам передает в аренду на 99 лет Хоккайдо. А Курильские острова на вечные времена – зря, что ли, воевали за них.

Япония: – У меня и так мало места, где жить людям!

СССР: – У тебя, если разобраться, половине населения сеппуку делать надо, сами решите, кому и за что.

США: – Не много ли хотите? Курилы ладно (ясно ведь, что не отдадите). Но Красный Китай? Мы там хотим построить демократию.

Китай: – Дайте денег, мы вам все что хотите построим.

Япония: – Тогда и мне. Раз на содержание берете. На что еще мне, бедной, жить?

Франция: – Мне дайте! Я ваши доллары и фунты с большей пользой в оборот пушу – опыт есть.

Великобритания: – Заткнись, до тебя еще дело дойдет.

СССР: – Вот в своем Китае и стройте. А мы так сильно

любим Китай, что хотим, чтобы его было больше: два... или три.

Китай: – Не понял... я на три не делится.

СССР: – Делится, делится. Для Мао один, для Чана другой, для товарища Пу И третий. Вас там, китайцев, полмиллиарда, хватит на всех.

Великобритания: – Так я не понял, а кто мне заплатит?

США: – Если у вас денег нет, могу дать кредит. Под разумный процент – договоримся.

Франция: – А кто мое законное имущество вернет?

Великобритания: – А у тебя там что-то есть?

Франция: – Да, незаконно отобранное Японией, и я требую, чтобы мне его вернули, как пострадавшей стороне. И тоже возместили убыток, с процентами!

Голландия (бюргер с трубкой): – И мне тоже верните.

Великобритания: – Так, отчего это мы одни должны Индию терять? Возвращаем, всем возвращаем. А после у тех, кто плохо себя вел – отбираем и делим. Кто тут был Еврорейх?

Сиам, Бирма, Вьетнам (мелкие, восточного типа): – Мы не хотим делиться!

Корея (тоже мелкая восточная): – А мне пофиг, я русская уже.

США: – Никаких колоний, мы против колониальной системы и рабства. Мы самая демократическая страна и не потерпим, чтобы кто-то без нас что-то решал.

СССР: – Решайте, кто вам мешает. Но только на вашей территории.

Сиам и Бирма: – Нам бы королевство вернуть... у нас так все привыкли.

США: – Да ради бога! Сиам, Бирма, Япония, Вьетнам – возвращаем королевство.

Япония: – Так у меня император.

США: – Если я захочу, у всех вас будет президент. Мне так удобнее, чтобы не путаться.

СССР: – Генеральный секретарь – звучит лучше...

Китай: – А это не больно?

Корея: – Дурак, это даже приятно!

Голландия (выпуская дым): – Хорошая шмаль, меня так прет...

США (морщась): – Уберите этого...

Италия: – Раз пиццу никто не хочет – папе отнесу.

США: – Этого гоните тоже!

СССР: – Товарищ со мной.

США: – Тогда уберите лягушатника.

Франция: – А меня за что!?

США: – Ладно, оставайтесь, – но чтоб молчали, когда старшие говорят! Так что решаем с Японией?

Япония: – Понять и простить...

Великобритания: – Все оружие отобрать и отдать мне, так всем спокойнее будет (про себя: Потом им обратно продам – хотя бы тут наварюсь).

США (смотрит в сторону СССР): – А если их, безоружных, кто-то обидеть захочет? Я войска все же размещу, чтобы охраняли!

СССР: – Ну тогда мы поможем всем им идеологией, правильной и народной.

США: – Черт с вами, согласны на три Китая. И Япония сама по себе, но без оружия.

СССР: – И без ваших баз там, по рукам? По аренде мы уж сами.

США: – Но и без ваших, ну кроме Хоккайдо. Окей?

Япония: – Банзай!!!

Великобритания: – Франция, ты мне все равно должна. И много! Так что Вьетнам по-всякому отдашь.

Голландия (выпуская дым): – Хорошо-то как. Слышь, Китай, у тебя осталось? Продашь мне еще курнуть?

– Брависсимо! – восклицает Лючия. – А что было дальше?

– Дальше ты меня разбудила, – отвечаю я, не успев придумать продолжение, – может, этой ночью еще увижу.

– Мой кабальеро, но ты так ворочался и стонал – серьезно говорит моя жена. – Я уж подумала, что тебе плохо?

Я пожимаю плечами. Не рассказывать же, что я на самом деле видел во сне ребят, погибших на «семьсот тридцать первом». Там они все были живые, сидели рядом со мной в вертолете – не только «Чечен», но и остальные, из СССР сороковых, чего в той жизни быть не могло. И местность вни-

зу был незнакомая ни по одному из прежних выходов – не джунгли, а хорошо населенная местность: много домов, дороги, промышленные сооружения. Мы высаживались на высоту, по которой только что отработали «крокодилы». Там был ротный опорный пункт, все перемешано с землей, разбитые блиндажи, сгоревший танк «леопард» в окопе, наша БМП со свернутой башней. И много трупов, в форме похожей на нашу, но с желто-синей нашивкой на рукаве. Оружие – «калаши» старых моделей, хотя у кого-то вижу М-16. Вот один еще живой поднимает голову и, увидев нас, хрипит – еще не вмерла Украина! Нас не убить, кацапы! И я узнаю того бандеровца, которого допрашивал в Киеве год назад, и стреляю ему прямо в перекошенную от злобы и боли харю.

Неужели отец-адмирал прав – и это не сон, а замыкание сознания на иную реальность? Где СССР не только развалился на всякие там СНГ, но в нем еще и идет гражданская война?

И мы, попав в эту ветвь истории, надеюсь, что отдалили эту вероятность. И сделаем все, чтобы такого никогда не случилось. Чтобы СССР здесь существовал и в двадцать первом веке! И в нем жили мои дети, что сейчас лежат в коляске, и уже их дети и внуки.

А что мне сказать тебе, Галчонок, – ведь ты веришь, что Советский Союз будет дальше расти и развиваться безоблачно и неудержимо. И станет первой державой мира, лет через двадцать-тридцать. Что будет, если ты узнаешь правду, от-

куда мы пришли?

Лазарев Михаил Петрович. Москва, 8 сентября 1945 года
– Главное, учиться! Учиться – коммунизму. Тогда – не проиграем. Верно ведь Ильич это сказал!

Пономаренко помешивал чай в стакане. Аня сидела на диване рядом со мной, иногда оглядываясь на дверь – не проснулся ли Владик, не плачет ли? Хотя Марья Степановна обещала присмотреть, пока мы решаем свои государственные дела. В Москву наконец пришла осень, за окном шел дождь, мелкий, больше похожий на питерский, чем на муссонные ливни Дальнего Востока, откуда я вылетел всего неделю назад.

Я вернулся не предупреждая. С аэродрома заехал на пару минут домой, оставить вещи, не ехать же с чемоданом в наркомат? Звонок в дверь, легкие шаги за ней, щелчок замка. Вас никогда не встречала на пороге любимая женщина после долгой разлуки, вам не приходилось видеть, как меняется ее лицо, становясь ну просто восхитительно красивым? Тогда вы многое потеряли в жизни!

– Ты надолго? – первые слова после поцелуя.

– Еще не знаю. Приказ, прибыть с докладом – сейчас в наркомат, отметить и получить указания. Машина внизу ждет.

Я рассчитывал освободиться быстро – забыв про обычный режим работы учреждений в сталинские времена. Поскольку

сам Иосиф Виссарионович любил засиживаться допоздна, то и наркомы, и начальники управлений, и чины рангом ниже, все пребывали на своих местах до полуночи. Так что мне повезло попасть «на ковер» к самому Кузнецову. Сначала мы обсуждали военные события на Тихом океане – отрадно было отметить, что наш предварительный план разгрома превосходящих сил японского флота, опирающийся на авиацию берегового базирования и подводные лодки, в целом удался. Но было заметно, что эта тема лишь прелюдия к чему-то иному. И вот Николай Герасимович выдал:

– А все же, товарищ Лазарев, вы больше вольным корсаром остались, а не адмиралом советского ВМФ. Ваш приказ о захвате аэродромов на Хоккайдо, еще до подписания Акта капитуляции, он ведь всем полученным инструкциям противоречил! Вы понимаете, чем рисковали? Что реально могли сорвать всю процедуру, затянуть войну, да еще выставить нас в неприглядном положении перед союзниками? Если бы японцы оказали серьезное сопротивление, и уже на территории Метрополии начались бы бои.

Ну да, было такое. А как иначе, если по всем расчетам, для нашего «воздушного парада» над Токио, у бомберов дальности с нашей территории хватало, а Ла-11 долететь и вернуться не могли никак? Но была уже «репетиция» на островах Цусима (по образу и подобию посадочных маньчжурских десантов 1945 года иной истории), показавшая, что большого желания сражаться у самураев уже не было, оружие кла-

ли безоговорочно, тысячный гарнизон перед ротой нашей десантуры. И над Хоккайдо – высадке предшествовали полеты нашей авиации над островом, причем не стреляли и не бомбили, ну если только японцы не поднимали истребителей и не пытались вести зенитный огонь, тогда расправа следовала быстрая и беспощадная. Так что никто не стрелял, когда транспортники с десантом шли над японской территорией, в сопровождении истребителей – как правило, на японских аэродромах Метрополии не было сильного гарнизона сухопутных войск, ну а тыловики, даже при численном превосходстве, нашей гвардейской десантуре не противники. Ну а если какая-то японская часть попытается вмешаться, совершив марш к месту высадки, то бомбардировщики тоже были готовы нанести удар и этого безобразия не допустить. Так что любое сопротивление было бы подавлено с предельной решительностью, – а в портах Южного Сахалина уже был собран десантный тоннаж, и войска 16-й армии были готовы поддержать. Да, на Хоккайдо, по уточненным разведданным, находилось целых 23 дивизии японской армии, – но это в массе были резервисты, плохо обученные и вооруженные, не имеющие боевого опыта. Реальную опасность представляла 5-я танковая дивизия, куда помимо устаревшего металлолома входил батальон «тигров» и какое-то количество «кошкоподобных» местного производства «Чи-Ри», «Чи-Ну» – так место ее дислокации было установлено, и Раков выделил специально на нее дивизию штурмовиков

и два бомбардировочных полка, но самураи вели себя смиренно и вмешаться даже не пытались. Проблемы были лишь с обеспечением горючим – японский бензин не подходил из-за низкого октанового числа – пришлось ТБ-3 задействовать как танкеры. И никакой оккупации, товарищ нарком, лишь разоружение японских войск, согласно процедуре – ну а что чуть раньше начали, так это частности. Американцы тоже ведь аэродромы в Токио захватили еще до подписания? Ну а после мы честно собирались уйти, но с эвакуацией японского военного имущества, теперь наших трофеев, задержались. В большинстве барахло, конечно, – но кое-что из наземного и берегового оборудования нам точно лишним не будет! Также тридцать танков «тигр» сдались без единого выстрела, может, после китайским товарищам пригодятся – или же по пятьдесят пять тонн высококачественного металлолома каждый. Новые истребители Ки-84 и Ки-100 тоже вполне на уровне – в общем, в настоящий момент должна уже завершиться эвакуация всего этого барахла из порта Хакодате.

– У вас в предках хохлов не было? – усмехнулся Кузнецов. – Знаете, как товарищ Сталин вашу хоккайдскую эпопею назвал? Великий поход хомяка и жабы! А отдельные американские писаки уже сравнивают с деяниями своего генерала Хаули – с восхищением притом! Вспоминая, что онный генерал во Франции верховной власти все же не имел. Знаю, что «исключительно имущество японской армии и флота, а также предприятий, работающих на войну» –

вот только у японцев сейчас мобилизовано было практически все! И что имущество сдавалось на баланс Тихоокеанского флота – кстати, а станки токарные и прочие нам зачем? Помнится мне, было в докладе о чрезвычайно низком качестве японского станкостроения?

– Дареному коню в зубы не смотрят, – отвечаю я, – и лучше такие станки, чем никаких. А не нужны будут, в металлолом сдадим. Черт побери, должны же мы, СССР, в этой истории хоть что-то с Японии поиметь, кроме славы?

– Японцы уже заявили протест.

– Хоть два, – говорю, – их мнение сейчас кого-то интересует? Если не вышло Народной Японии – так пусть и не пишат! Все равно ведь лет через пять под америкосов лягут. Эх, надеюсь, что с их флота нам еще что-то перепадет при разделе – там у них еще один линкор остался, пара крейсеров и что-то по мелочи.

– Михаил Петрович, вы понимаете, что все на волоске висело? – резко спрашивает Кузнецов. – И что товарищ Сталин сказал, подумав, «товарищ Лазарев у нас корсар, привык самостоятельно все решать – может, когда флот будет где-нибудь у берегов Индии выполнять боевую задачу, такие люди во главе нам будут очень нужны. Значит, вы, товарищ Кузнецов, ему не до конца условия разъяснили, нарушать которые нельзя». И выходит, оказался я виноватым, перед товарищем Сталиным, за ваши хоккайдские подвиги. Я понимаю, что вы привыкли, в автономном плавании – и в этом конкретном

деле оказались, «победителя не судят». Но впредь настоятельно вас прошу о своей самостоятельности как минимум уведомлять вышестоящие штабы, чтобы мы были наготове!

– Слово даю, – отвечаю я, – но чтоб точнее понять. Ради интересов СССР – что не запрещено, то разрешено. Против этого возражений нет?

– Пусть будет так, – сказал Николай Герасимович. И буркнул под нос: – Буду впредь иметь в виду, как подводников на адмиральство ставить. С летчиками как-то легче, в плане согласования.

– Если уж про авиацию, то заслуга генерал-майора Ракова в нашей Победе нисколько не меньше, чем моя, – напоминаю я, пользуясь случаем, – ну а Хоккайдскую операцию он разрабатывал по моему прямому приказу. Так что будет несправедливо, если он окажется обойденным. По справедливости на второго Героя заслужил.

– Товарищ Сталин из ваших списков никого не вычеркивал, – ответил Кузнецов, – кстати, вам там значится орден «Победа». Да, а отчего вы не по форме одеты, без катаны? Верховный с пониманием отнесся, пусть наградное оружие будет таким, чтоб сразу видно было, кому за победу именно над самураями. Так же как вы – танкисту – морскую награду.

Ну да, было – подписал я командиру танко-самоходного полка (или бригады?) представление на орден Нахимова 2-й степени. Во-первых, поскольку участвовал в морском сражении, как ни крути, во-вторых, ради содружества между флот-

скими и сухопутными, не хватало еще нам как японцам меж собой собачиться. Что до катаны, так она по уставу, при полном параде будет положена, а не при повседневном мундире.

– На вручение наград не забудьте, Михаил Петрович. А то другие товарищи с Дальнего Востока, и сухопутные тоже, будут с саблями – меня тут просветили, что катана это скорее сабля, чем меч? – Ну а вам без оружия будет просто неудобно! Правда, тогда на будущее, придется вам и строевой Устав выучить, в каких случаях полагается «сабли наголо», и как при этом надлежит ее держать.

В общем, домой я вернулся далеко за полночь – хорошо, что мне по чину служебная машина положена. Завтра снова в наркомат – трудов там хватит и в мирное время. Но это будет завтра, а пока до утра можно о них забыть! Анюта, наверное, спит уже? С декабря прошлого года не виделись – девять месяцев уже прошло!

Аня не ложилась, все меня ждала! У накрытого по-праздничному стола, в нарядном платье – в том самом, что в Северодвинске была на Новый год, когда мы танцевали, сначала одни в пустом зале, а затем пошли ко всем нашим, собравшимся у елки. Волосы убраны в прическу – ну зачем, мне больше нравится, когда ты их просто распускаешь по плечам? А глаза сияют такой радостью!

– Ну, здравствуй, мой Адмирал! Сто часов вдвоем?

Песня из будущего, которую Валька «Скунс» спел нам когда-то под гитару. Жалко, что еще нет ее на пластинке. Сто

часов (надеюсь, и больше) после десяти месяцев разлуки. Я ведь отбыл сразу, как наш сын родился, который сейчас в кровати спит. Мой сын, мое продолжение в этом мире – в отличие от мира того, начала двадцать первого века. Так хорошо все, что вполне понимаю сейчас толстовского героя, которому от счастья застрелиться хотелось – нет, гость из моего сна, не дожدهшься, я еще до девяносто первого тут доживу, как мы с мужиками поклялись, чтоб жил Советский Союз! Единственное, чего я боюсь – если окажется, что все вокруг игра воображения, и развеется сейчас как дым, тьфу ты, это уже субъективный идеализм получается, насколько я курс марксистско-ленинской философии помню, сдавал я его еще в училище, как раз девяносто первый был год, весна! Нету тебя, рогатый, ты всего лишь сон, это ты – игра моего воображения! А этот мир – самый что ни на есть реальный, если я в нем!

– Сон? – переспрашивает Аня. – О чем ты? Или я нереальна – дай руку, обними меня, вот так. Или наш сын – и ты погоди, рожу тебе еще! Кто тебе покоя не дает, во снах является? Разве кто-то может перечеркнуть то, что мы уже сделали здесь? Мы уже изменили историю, так, что назад уже не повернуть! И будем менять дальше. Я не философ, но знаю, сердцем чувствую, то, что справедливо устроено, обязано существовать. А мы сумели сделать этот мир лучше. Тебе надо с Пономаренко поговорить, он как-то умеет все объяснить, по порядку расставить, с шуточками, но серьезно! А я – про-

сто знаю, как должно быть, а как не должно!

И осталось недопитым шампанское, не съедены фрукты на столе. Только мы двое в этом мире, и никто и ничто не может нам помешать. А ты, рогатый, если есть – лесом иди!

Назавтра – снова дела. Пришел пораньше, застал в гостях Юрку с Лючией. Смоленцев похудел, после ранения поправляется, а римлянка рядом с ним похожа на кошку, съевшую горшок сметаны, только не мурлычет.

– А ведь исторический момент, – говорит Юрка, – война кончилась, та самая, о которой будущие поколения у нас говорить станут, «только бы не было войны». Будут, наверное, еще всякие мелкие войнушки, вне территории СССР, – но когда безопасный тыл есть, и там твое самое дорогое, это совсем иное дело!

Прекрасную итальянку свою за плечи обнял, а она слушает, улыбается и нисколько не сомневается, что все у нас будет хорошо! Несмотря на отдельные частные трудности, решаемые в рабочем порядке. Но мы победим, как же еще по-другому может быть? Счастливый человечек, не знает ничего про «перестройку» и проклятые девяностые!

А на следующий день приехал Пантелеймон Кондратьевич – «на огонек заглянул, ненадолго, простите, уж очень я человек занятой». Вот подгадал же – как раз я дома, в наркомате неожиданно «окно» образовалось. Сидим в кабинете втроем, чай гоняем. А ведь неспроста он приехал – и говорит с прибауточками, а смотрит оценивающе. И ведь по

положению он сейчас как бы не наравне с Берией будет, но Лаврентий Палыч, как я слышал, сейчас очень плотно занят делами техническими, вроде атомной программы. А Пономаренко отвечает за идеологию и пропаганду, для широкой публики, а также за «благочиние» как населения, так и высших партийных и государственных кругов, о чем лишь этим узким кругам известно. То есть ранг у него повыше, чем у любого наркома? И не он ли мне сегодня однодневный «отпуск» устроил для доверительной беседы, вне чужих ушей? Поскольку наша тайна, именуемая кодовым словом «Рассвет» настолько высока, что под нее даже особый уровень секретности сделали, «ОГВ», Особой Государственной Важности, еще выше, чем «сов. секретно».

– Японцам бы современную технику, страшный вышел бы противник, – сказал Пономаренко, – не повезло самураям чисто исторически, меньше чем за век попытаться пройти путь от феодалов с мечами до империалистов с авианосцами. Однако внимание к духовному началу их чрезвычайно сильная сторона. И опыт, который нельзя потерять. Ведь вы, товарищ Лазарев, согласны, что с материально-техническим фундаментом социализма в вашем времени в целом было приемлемо – человеческий фактор слабым местом оказался, про который решили, что само все образуется, раз материальное первично. А вот знаем теперь, что нельзя категорически процесс пускать на самотек!

– Идеи не хватило! – отвечаю я. – Народ понять не мог,

раз учение Маркса истинно, то отчего по всей планете коммунизма не только нет, но и близко не видно. Ну и Хрущев очень сильно подгадил, обещав коммунизм через двадцать лет, к 1980 году. И вышло, что когда общий курс неясен и все в тумане – то делать вид, что куда-то идем, и по мелочи гайки закручивать, что очень всех доставало.

– Простите, кого доставало? – спросил Пономаренко. – Вы ведь, Михаил Петрович, тоже в августе девяносто первого на площадь выходили в Питере, «долой бюрократов, долой ГК-ЧП»? Нет, к вам никаких претензий – поставим вопрос иначе. Если уж речь зашла о сознательных внутренних врагах советского народа, то откуда они берутся в нашем социалистическом обществе? Если их по идеям классифицировать, чего они хотят? Трусливую сволочь как таковую, вроде того, кто у вас во Владивостоке свою подлодку взорвал, чтобы только в бой не идти, в расчет не берем – или пишем по разряду безыдейной мрази.

– Предатели! – сказала Анята. – Как Пирожкова⁴³. Те, кто к немцам на службу пошли. Или всякие там белогвардейцы, которые советскую власть не приняли.

Положим, Пирожкова не из «бывших», уже после 1917 года родилась, и не в эмиграции, а у нас? Хотя по существу – да, ничем она от своего братца, у Юденича воевавшего, не отличалась, в идейном смысле. Советскую власть ненавидела, успешно притворяясь советским человеком – и ведь ес-

⁴³ Смотри «Страна мечты».

ли бы не война, так бы свое гнилое нутро не показала! Но вот что касается белогвардейцев, то тут сложнее. В той же Маньчжурии сколько бывших белоэмигрантов оказались на нашей стороне?

– Или просто решили примкнуть к победителю? – заявил Пономаренко. – Согласитесь, что сложно ждать искренней лояльности от членов «русской нацистской партии»? Или от прочих, кто воевали против нас в Гражданскую, у кого руки по локоть в нашей крови? Я понимаю, что для вас, Михаил Петрович, это давняя история, – но мы-то еще помним, как они нас в двадцатом зверски замучивали, и деревни сжигали не хуже эсэсовцев. Представьте, что вам бы в будущем предложили карателей из зондеркоманд амнистировать? Вот и у нас такое отношение к этим – понятно, что до окончания войны даже с этой швали хоть какая-то польза, но мы ничего не забыли и не простили, после разбираться и вешать будем всех виноватых! Ну если только «сын за отца не отвечает» – и то, вы поверите в лояльность тех, у кого родители будут казнены?

– А стоит ли так с теми, кто искренне раскаялся, и врагом советской ласти себя не считает? – спрашиваю я. – Простили же когда-то генерала Слащева? У нас и так сколько людей погибло – и если кто-то желает работать на благо СССР, зачем ему мешать?

– Зачем мешать? – прищурился Пономаренко. – На лесоповале и отработают. Не ваш ли замполит говорил, что слиш-

ком добры мы были после этой войны к фашистской своло-
чи: всяким там бандеровцам, «лесным», полицаям и бурго-
мистрам? И что после десяти лет курорта на Колыме, кото-
рый многие отбывали не с кайлом в руках, а в канцелярии
на должностях «придурков» — возвращались они, тоже ни-
чего не забыв и не простив? На товарища Сталина это боль-
шое впечатление произвело — теперь такой доброты не будет.
Немцам служил, или в лесах бегал и в наших стрелял? Зна-
чит, высшая мера, если доказано, что на руках наша кровь
— или двадцать пять лет, с пожизненным лишением избира-
тельных прав и запретом занимать руководящие должности
на госслужбе, а также любой работы в правоохранительных
органах. Дети их — станут полноправными гражданами, ес-
ли не будут замечены в чем-то предосудительном. Это все
не мое личное мнение, а новый Кодекс 1944 года. Вы что-то
хотите возразить?

— Тех, кто виновен в преступлениях, согласен, — говорю
я, — да и то... Давай тогда в ГДР всех в лагеря, кто в их ар-
мии на Восточном фронте воевал? А также тех, кто на войну
работал, ну а кто служил в РСХА, в полиции, в госаппарате,
этих само собой. Отчего так не сделали? Здраво решили, что
нам выгоднее, если те, кто капитулировал и «разоружился
перед социализмом» будут на общее дело работать. А отчего
у нас внутри страны должно быть иначе? Палачей и карате-
лей к стенке, виновных в менее тяжких (но виновных!) кон-
кретных преступлениях на двадцать пять лет. А как быть с

теми, кого мы в Маньчжурии к работе привлекли – на заводах, в городском хозяйстве, на железной дороге? Или вообще в охранных отрядах, хунгузов ловить? И в этом качестве весьма полезны – местные условия знают лучше. А боевые качества, против плохо вооруженных и обученных разбойников, вполне достаточны.

– И ловят? – спросил Пономаренко. – Или при первой возможности – на сторону бандитов?

– Это у товарищей, кто в Маньчжурии воевал, спросите, – отвечаю, – я же слышал, что да, отдельные случаи были. Но гораздо чаще – что хунгузы этих охранцов в плен не берут, а убивают самым зверским способом. Те им отвечают полной взаимностью – пойманных нередко и до нашей комендатуры не доводят. Кстати, наши военнослужащие обычно к китайским разбойникам более милосердны – всегда сначала в СМЕРШ сдают, а уже там разбираются, кого к стенке. Решать, конечно, вам, – но я, будь моя воля, как раз такие «охранные отряды» и прочие учреждения, где бы наши советские работали и служили вместе с местными, всячески поощрял. Для того чтобы эти новоприобретенные граждане СССР привыкали к советскому образу жизни, а то даже без умысла, по собственной дури, просто потому, что «так привыкли», попадут под 58-ю статью. Знаю, поскольку мы сами, с «Воронежа», через такое прошли, но к нам особое внимание было, и надзор с самого верха, потому на доносы от слишком бдительных граждан внимания не обращали. А с

русскими с КВЖД что делать?

– Добрый вы человек, – усмехнулся Пономаренко, – впрочем, за вами наблюдая, все вы в том времени такие. Там, где у нас принято через колено гнуть под свой стандарт, – вы стараетесь договориться.

– Потому что «перестройку» хорошо помним, – отвечаю я, – когда партия воспринималась именно как «те, кто говорят низзя», причем это их главная функция. Зато понимаем – люди разные, уж так нас природа создала, и всех под одну гребенку причесать в принципе невозможно. Можно и должно требовать, чтобы люди поступали так, как обществу необходимо, работали на результат. И если результат есть – остальное менее важно. Даже идеологическая чистота – надеюсь, это вас не шокирует?

– Нет, поскольку я с людьми из вашего времени достаточно наобщался, – ответил Пантелеймон Кондратьевич, – что же до «результат это все»? Вот не писатель я, а то мог бы придумать ситуацию, когда выгода здесь и сейчас противоречит долговременному интересу общества и государства? Наподобие «Второго пришествия марсиан» ваших Стругацких. Так что насчет идеологии – я бы осторожнее в суждениях был. Хотя в вопросе о новообращенных гражданах – пожалуй, вы правы. Просто потому, что эта категория, даже если станет нам врагами, наименее опасна – назовем ее «бывшие», или «обиженные», или «предатели», ну вы поняли. Малоопасна она оттого, что хорошо заметна – по пунктам в

анкете «не был, не участвовал, не состоял», как раз против этой, первой категории потенциально враждебного элемента, подобные анкеты и направлены – и первые отделы, которые за этим следят, в любой серьезной организации есть. А главное, знаем мы, что немного «бывших» осталось в ваше перестроечное время, вымирали они как динозавры. И что с того, что та же Пирожкова в вашей истории в девяностые приезжала и торжествовала, тварь, что дожила? Какую реальную роль в тех событиях она сыграла? Одну категорию мы нашли – какие еще есть?

– Такие как Василь Кук, – ответила Аня, – и ведь не поймали его еще, бегают, вражина? Ну и Кириченко, конечно, – хорошо, что к стенке поставили гада.

– Вторая категория: националисты, – согласился Пантелеймон Кондратьич, – эти, да, и у вас руку приложили. Читая про «хлопковое дело» и «адыловщину», это же чистый феодализм был, под советскими лозунгами, жуть! Но все же это была опасность периферийная. И ничего бы они не смогли, если бы в Москве был порядок и закон, уж прижали бы сволочь не хуже, чем Кириченко. Ну и лечится легко – территориальной реформой и здоровой национальной политикой. Отделением от нацреспублик земель с русским населением и признанием того факта, что безудержное национальное развитие это совсем не хорошо, ограничить бы надо. Мы, «инквизиция», будем, конечно, и это отслеживать, и реагировать, – но все же угроза не из главных. Еще?

– Низкопоклонство перед Западом, – вставляю я, – когда Голливуда насмотрятся и верят, что «у них там у каждого собственная машина, а в магазине сто сортов колбасы». А при Борьке-козле, да и при Путине – когда Вашингтон воспринимали как «Рим», ну а мы вроде как варварская периферия. Или как при царе, баре из своего имения стремились в Петербург, карьеру делать и к культуре приобщаться – так и эти, заграница им свет в окошке. «Квасным патриотизмом» не страдаю, и даже хотел бы когда-нибудь сам туда съездить, посмотреть, что-то полезное перенять, но не считать за образец. Понимаю, что не отпустите. Но думаю, что для настоящего времени не слишком актуально – многие ли у нас вообще про заграничную жизнь знают? Однако скоро будет – да ведь и фарцовщиков, и стилиг тоже можно сюда причислить!

– Третья категория: низкопоклонцы, назовем их так, – кивает Пономаренко, – и недооцениваете вы их, Михаил Петрович. Это ведь классический метод белых колонизаторов, многократно отработанный и проверенный ими! Воздям счета в банке и европейские костюмы, их деткам учебу в Оксфорде или Сен-Сире, ну а электорату «белые люди такие богатые, у них пустые консервные банки на улицах валяются, а бусы и зеркальца стоят гроши». Про эту технологию Лазарь Лагин великолепный рассказ «Съеденный архипелаг» написал... напишет еще через одиннадцать лет, хотя думаю, мы его раньше издадим, уж больно вещь показат-

тельная. Умеют ведь, сволочи, товар лицом показать, сильны в искусстве рекламы! Вы ведь знаете, что авиашоу в Токио Макартур все же организовал, перед комиссией ООН и, конечно, журналистами – несколько десятков реактивных пролетело, даже воздушный бой разыгрывали? А парад в Париже, по случаю завершения войны – это ведь с таким размахом поставили, чтобы вся Европа запомнила, кто ее на самом деле от фашизма освободил, ну конечно же англо-американцы, а не какие-то русские? И уже сейчас в США и Англии раздаются голоса, что «мы бы и сами с Гитлером справились, просто развернуться не успели, русские нас опередили» – и не бульварная пресса это пишет, а иные из генералов и политиков говорят, пока неофициально, а что завтра будет? Их фильм «Алые маки Нормандии» рекомендую посмотреть, только что в СССР привезли – как там подвиги на Западном фронте показаны, что «мы тоже пахали»? Именно на эту категорию наш вероятный противник и рассчитывает, именно ей он свою пропаганду адресует. И знаете, уже находятся. Та сволочь из нашего посольства в Канаде, про которого вы смогли вспомнить лишь, что шифровальщик, и фамилия на «ко» заканчивается, кто в той истории всю нашу сеть в Штатах сдал – здесь успели мы его в Москву вытянуть, читал я его протокол допроса. Ведь чистая анкета у мерзавца – так отчего предать замыслил? А у нас Отечеству служить надо, у них же в свое удовольствие можно жить, ни за что не отвечая, если деньги есть, конечно, – так он и надеялся, что

ему за предательство хорошо заплатят! Фамилии Пеньковский, Резун, Калугин – тоже на контроле, вот хрен им на стоящую должность пролезть удастся. Так ведь другие появиться могут, но это уже оперативная работа, без нее никак. Ну и лечится, в массе – повышением жизненного уровня советских людей. Кстати, где-то до годов шестидесятых и на Западе жизнь трудящихся масс была далеко не голливудской – белый хлеб лишь по воскресеньям, вода в колонке на улице, а удобства во дворе. Или вот детективы, что вы с собой притащили, вроде развлекательное чтиво, – а если внимательно глянуть, как герой, не эксплуатируемый пролетарий, а полицейский инспектор или частный сыщик, в дешевой съемной квартирке живет и размышляет, где пятьдесят долларов перехватить, а то пообедать сегодня не на что? Но это к слову – я же скажу, что если большинство народа мечтает лишь, как у Маяковского, «мы обыватели – нас обувайте вы, и мы уже за вашу власть», то такой народ и страну ни от какой «перестройки» и спасти не хочется: чего желали, то и получили, а что на всех не хватило, так надо было мозги иметь? Но я надеюсь, что вы о наших советских людях лучшего мнения?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.